

A vibrant, magical winter scene. In the center, a young woman with long blonde hair, wearing a white fur-trimmed coat over a red dress, stands hand-in-hand with a young man with red hair, wearing a blue coat over a brown vest. To their left, a white cat with a glowing blue aura and a long, bushy tail stands on a ledge. To their right, a wizard with red hair and a blue coat holds a glowing orb of light. The background features a snowy city with a large, ornate building and a church with golden domes. The scene is filled with falling snow and magical light effects.

Кира
Калинина

КОШКА
БЕЛОГО ГРАФА

Annotation

У портнихи Карин есть маленький секрет: она умеет обращаться в кошку. Днем шьет свадебные платья, ночью гуляет по карнизам. Но однажды любопытство сыграло с ней недобрую шутку... Чужое окно, обрывки подозрительного разговора, всплеск темной магии – и Карин никому не расскажет о том, что слышала, потому что лишилась способности принимать человеческий облик. Единственная возможность избавиться от злых чар – особый ритуал в столичном Храме Всех Богов.

Но как добраться туда по заснеженным дорогам, когда на дворе такая стужа, что птицы коченеют на лету?

Опальный маг зимы, тот, кого называют Белым Графом, вновь призван ко двору, чтобы усмирить стихию.

Но у повелителя вьюг и морозов свои планы, и не последнее место в них отведено девушке-кошке, которая видит лето в его глазах...

- [Кира Калинина](#)

-
- [Глава 1,](#)
- [Глава 2,](#)
- [Глава 3,](#)
- [Глава 4,](#)
- [Глава 5,](#)
- [Глава 6,](#)
- [Глава 7,](#)
- [Глава 8,](#)
- [Глава 9,](#)
- [Глава 10,](#)
- [Глава 11,](#)
- [Глава 12,](#)
- [Глава 13,](#)
- [Глава 14,](#)
- [Глава 15,](#)

- [Глава 16,](#)
  - [Глава 17,](#)
  - [Глава 18,](#)
  - [Глава 19,](#)
  - [Глава 20,](#)
  - [Глава 21,](#)
  - [Глава 22,](#)
  - [Глава 23,](#)
  - [Глава 24,](#)
  - [Глава 25,](#)
  - [Глава 26,](#)
  - [Глава 27,](#)
  - [Глава 28,](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Кира Калинина

Кошка Белого Графа

© Кира Калинина, 2023

© Юлия Пасынкова, иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1, ***в которой я наряжаюсь невестой и*** ***странствую по карнизам***

У-у, не могу больше! Лапы коченеют, нос ледышкой стал, ушей не чую. Ветер сечет розгами, от шубы толку нет. Вот тебе и дар богини... Снежа, где ты? Мы же договорились! Неужели дашь мне сгинуть, не исполнив обета?..

В ночи выло и мело, мелькали белые тени, раздавались голоса. Но я старалась не видеть, не слушать. Думать о чем угодно, только не о том, что путь мой далек, а кругом ни жилья, ни дороги, одна снежная пустошь, и в этой пустоши глухой замерзает кошка...

Нельзя сдаваться. Боги помогают тем, кто не теряет веры.

Если выживу, напишу роман о своих злоключениях.

И начну, пожалуй, так...

Алое платье, фата, венчальные браслеты, лепестки роз на ступенях храма... Ненавижу!

Ненавижу свадьбы.

У нас в Свеянске они случаются каждый день. По улицам мчат счастливые кортежи, ликует толпа, звенят бокалы, летят в воздух букеты, невесты плачут от радости... И ни сбежать от этого безобразия, ни спрятаться. Ведь моя мама – главная законодательница свадебных мод в нашем городке!

То есть как – законодательница? Фасоны она берет из столичных журналов. Но переиначивает на свой лад таким образом, что никто и толики сходства не заподозрит.

У нас полгорода на свадьбы работает. Повара жарят в меду молочных поросят, запекают гусей с яблоками и томят в горшках рыбное филе с молоком. Кондитеры возводят сладкие замки высотой в человеческий рост. Каретных дел мастера украшают экипажи так затейливо, что, кажется, по улицам плывут каравеллы на колесах и едут сказочные дворцы. У цветочников на прилавках круглый год красуются лилии и фиалки из магических теплиц. Музыканты день и

ночь играют свадебные танцы, художники пишут портреты молодоженов, граверы множат копии на подарки родне и друзьям. Недавно из Альготы прикатили два искусника с новомодной диковиной – фотографическим аппаратом, который рисует светом на магически обработанной бумаге. Какая же у них с граверами война началась!..

А все потому, что в нашем городе случился второй по величине храм Свена и Свяны – божественной четы, ведающей делами любви и брака. Первый, само собой, в Альготе, но наш слывет древнейшим. Будто бы в незапамятные времена боги отметили Свеянск особой милостью – и теперь все кому не лень стремятся к этой милости припасть.

Едут даже из соседних стран: кто о сокровенном просить, кто свадьбу играть, а кто и посмеяться. В Вайноре за любовь отвечает богиня Мага, в Эйлане – бог Виш, и чужеземцам странно, что у нас, ригонцев, не нашлось божества, способного управиться с сердечными делами в одиночку. Как будто сами не знают, что для любви нужны двое!

Свен и Свяна велят, чтобы девушка шла к алтарю в красном, и чем богаче наряд, чем длиннее шлейф венчального платья, тем счастливее будет ее супружеская жизнь. Мы с Майрой, это моя сестра, помогаем маме радовать невест и вводить в расходы их родителей или женихов – смотря кто платит. Майра сама мечтает однажды надеть алое. А я... Я все равно никогда замуж не выйду. «Почему?» – спросите вы. А потому что!

И невестам не завидую ни капельки, особенно богатым. Среди них, по-моему, несчастных больше всего. Бедные входят в храмовый Лабиринт по любви или ради лучшей жизни. У богатых жизнь без того хороша, но выбора им все равно не дают – иди, за кого велено, и не спорь!

Вот из-за такой несчастной невесты и начались все мои беды.

За окном стояла темень, мороз заплетал стекла белым кружевом, ветер гудел в дымоходе. Свет масляных ламп переливался на красных шелках. Магический лучезар у нас один, и в мастерскую мы его переносим только после закрытия. А пока стоит в приемном зале – вдруг кто заглянет на огонек?

Зима нынче выдалась на редкость студеная и вьюжная, будто за что-то прогневалась на людей. Санные пути и те заносит, по железной дороге полтора месяца движения нет. Оттого гостей в Свеянске поубавилось. Тем вечером к нам в ателье вовсе никто не заходил, и мы занялись заказом вдовы Кнот втроем.

Майра грохотала ножной машинкой братьев Меррит, подшивая шлейф – бесконечный, как зимние ночи. Мама возилась с фатой. Я прикрепляла к лифу розочки из шелка эксельсиора – в сердцевине каждой сшиты в пучок по пять крохотных золотых бусин.

Мне нравилось мастерить мелкие украшения. Но сейчас я на эти розочки смотреть не могла. Шутка ли – сто шестьдесят пять одинаковых цветков за три дня!

Госпожа Кнот, перенявшая у покойного мужа хлебную торговлю, и дело вела с размахом, и, выдавая замуж единственную дочь, скупиться не стала. На платье, заказанное нам, одного шелкового крепа пламенно-алого тона сорок аршин пошло. Это не считая самого дорогого бархата, багряно-золотой камки, парчи, воздушной дымки-кристалла, четырех видов кружева, красного танталского жемчуга и ста аршин золотой нити.

– Еще пара таких заказов, – сказала мама, нашивая на кайму фаты одно жемчужное зернышко за другим, – глядишь, и убытки покроем.

– Да уж, зима в этом году! – Грохот стих. Майра убрала ногу с педали, радуясь возможности передохнуть. – Сплошное разорение, а не зима. И куда Белый Граф смотрит? Совсем разленился!

– Он один, страна большая, везде не поспеть, – мама не поднимала глаз от шитья.

– Раньше-то поспевал.

– Раньше и зимы мягче были. А с этой, видно, не совладать. – Жемчужины в маминых пальцах мерцали, как угольки, невесомая дымка струилась утренней зарей. – Стихия сильнее человека, что ни говори.

Они с Майрой похожи, как и подобает матери и дочери. Не то что я – будто кукушонок в чужом гнезде. Обе невысокие, белокожие, темноволосые, с глазами серыми, как море в шторм. Истинные ригонки. Но мама красивее, хотя ей пятьдесят, а Майре двадцать. Когда улыбается, и вовсе глаз не отведешь. Жаль, улыбается мама только заказчикам.

Но иногда ее можно рассмешить.

– Белый Граф, – сказала я, – королевской невесте пути расчищает. Не до прочего ему!

У Майры заблестели глаза:

– Вот бы она к нам завернула! А что? Будущая королева Ригонии обязана чтить наших богов. Свену и Свяне перед свадьбой поклониться – святое дело. Подумаешь, крюк! Она же, небось, через Лейр поедет? Оттуда до Свеянска всего-то пятьдесят миль.

– Сущая мелочь! – подхватила я. – А из храма – напрямиком в ателье госпожи Эльс. Где еще королеве платье шить?

Мы дружно засмеялись.

В этот момент в приемном зале брякнул колокольчик.

– Карин, – сказала мама.

Будто я не помню, что сегодня моя очередь встречать заказчиков!

Скинула рабочий халат и поспешила в зал, на ходу обирая с себя нитки. Если занимаешься шитьем, нитки будут повсюду и всегда – сколько ни осторожничай. Маме с Майрой проще, у них наготове длинные расшитые жилеты на удобной застежке. Если понадобится, вмиг набросят и выйдут. Моя же доля нынче иная.

В зале у нас все устроено, как в столичных салонах: манекены из воска в самых роскошных платьях, на полках лучшие ткани, под окном мягкие диваны. Не стыдно перед клиентами, даже самыми богатыми и требовательными.

А именно такие к нам и пожаловали.

Барышня, румяная с мороза, в белом горностае, господин – в соболях, шуба до пят крыта черным кастором, в меховых рукавицах трость, сам грузный, солидный, лицо тяжелое.

Она – сразу к платьям. Он смахнул с бородки иней, потопал сапогами, оббивая снег – для кого скребок у крыльца поставлен да веник положен? – и приготовился скучать. А тут я. Господин сейчас же ожил и прилип ко мне взглядом. В дежурные дни я тоже манекеном служу. Вернее, куклой.

В Альготе куклы в большой моде. Газеты пишут, у королевы-бабушки целая комната под коллекцию отдана.

Особо славятся куклы-невесты из мастерской госпожи Свон – Королевна, Купчиха и Крестьянка. Вот мама и придумала одеть меня в свадебный крестьянский наряд, чтобы стала точь-в-точь как та кукла:

пшеничные локоны, синие глаза и стати здоровой сельской девки, подчеркнутые тугой шнуровкой и пышными юбками. Такой я, по воле богов и отцовской крови, уродилась на свет – хоть сейчас в вит- рину!

Заказчицы видят и ахают. Отцы и братья, увязавшиеся с ними, пускают слюни – и платят не скупясь.

Вот и нынешний господин смотрит, будто лис на цыпленка, только не облизывается.

На благородного не похож, скорее купец или мануфактурщик. Насчет барышни с лёту не поймешь. Наряжена, как принцесса, но при деньгах это не диво. В движениях изящна, спину держит прямо, ступает, будто плывет, а прехорошенькая – не помню, когда еще таких видела.

В ней чувствовалась ланнская кровь. И не капелька, как у иных, а полведра, не меньше. Кожа словно умыта солнцем, белки огромных бархатно-чайных глаз отливают синевой. Из-под шапочки выбился локон. Шоколадный, а не дегтярно-черный, как у чистокровных ланнов, но упругий, блестящий – и это в разгар зимы.

Повезло борову отхватить этакую красавицу. И с какой нужды на меня заглядывается?

Делать нечего. Пожелала доброго вечера, улыбнулась, присела заученным движением.

– Почтенные господа желают наряд к свадьбе? У нас в ателье шьются лучшие туалеты для самых разборчивых невест!

– Для самых, говоришь? – ухмыльнулся жених, сдвигая на затылок высокоую шапку. – А для самых-самых?

– Особенно для самых-самых, почтенный господин.

– Зови меня кавалером, милочка.

Все-таки дворянин!

– Какое необычное платье, – голосок у барышни оказался, как хрустальный звоночек. – Панбархат поверх атласа? А это ирлунское кружево?

Она неделикатно помяла в пальчиках отделку подола.

– Не просто ирлунское, благородная госпожа. Такое сложное и тонкое плетение умеют создавать только в двух деревнях у озера Кальгер. Но должна предупредить, кальгерское кружево заметно дороже простого ирлунского.

– И что с того? – барышня, надув губки, обернулась к своему спутнику. – Батюшка, вы же купите мне это кальгерское кружево?

Вот те на. Обычно я отцов с женихами не путаю! Но – батюшка? Дворянки так не говорят. В крайнем случае – папенька, и то если барышня росла в глуши. В Альготе нынче церемонии не в ходу.

– Конечно, деточка. Купим все, что пожелаешь.

Господин улыбнулся, однако в его глазах, бледных, как зимнее небо, не было тепла.

Он швырнул на диван меховые рукавицы – на пальцах сверкнули перстни – и прошелся по залу, будто хозяин, оглядывая фикусы в ведрах, обернутых золотой тканью, и фигурки Свена и Свяны, развешанные в разных местах. Остановился перед грушевидной колбой лучезара на левом краю прилавка, заложил руки за спину. Колба из магически закаленного стекла сияла неярко, но в зале было светло как днем.

Барышня продолжала теревить и вертеть платье. Так и хотелось дать ей по рукам. Но я держала улыбку:

– Если вам нравится, благородная госпожа, мы можем сшить такое же по вашим меркам.

Платье и правда было из ряда вон. Пару идей мама подглядела у одной дамы из Эйлана – мода там более экстравагантная. Остальное додумала сама. Получился наряд, который привлекал внимание, демонстрируя фантазию модистки и мастерство швей.

Барышня задумчиво кивнула, разглядывая струящийся подол со сложными драпировками и разрезами, в которых виднелись слои других тканей.

Но господин хлопнул по ладони тростью:

– Платье для моей дочери должно быть единственным в своем роде!

С набалдашника трости скалилась звериная морда, не то волчья, не то собачья. Ей, видно, тоже платье по вкусу не пришлось.

И барышня сморщила носик:

– Вы правы, батюшка. Будет глупо, если у кого-то окажется такое же.

Я кожей ощутила, как она теряет интерес...

– Это новинка! Мы выставили его три дня назад. Если вы решите сделать заказ, сегодня же уберем. Заверяю, второго такого нет и не

будет!

На самом деле платье стояло уже полгода. Все изумлялись, восхищались, но покупать не спешили. Слишком необычно, и фигура нужна идеальная, иначе будешь посмешищем.

Эта красавица не будет. Надо только ее удержать.

– Если заменить атлас на шармез, – я метнулась к прилавку, – получится еще лучше. Нам завезли изумительный шармез, позвольте, я покажу!

Только не умолкать. Говорить, говорить, что в голову взбредет...

Позади прилавка был стеллаж с тканями, на его боковой стенке – витой шнур, на шнуре – деревянная подвеска с фигурками Свена и Свяны.

Выручайте, родимые!..

Будто невзначай, я зацепила подвеску локтем – динь-динь, важные клиенты. Сдернула с полки штуку ткани и кинулась обратно к барышне.

Хвала Свяне, мама не стала медлить. И Майра вышла следом.

Не то чтобы я совсем не умела морочить головы заказчикам, но у сестры к этому талант. Она белому медведю зимой снег продаст.

– Благородную госпожу заинтересовало платье, которое мы закончили три дня назад, – отчиталась я.

Ни мама, ни Майра бровью не повели.

– Рада вас приветствовать, благородные господа, – пропела мама мелодичным грудным голосом. – Я хозяйка ателье, Гудрун Эльс.

– Кавалер Льет, – представился обладатель трости с собачьей головой. – Моей дочери Агде нужен первоклассный свадебный туалет. И чтоб ни у кого больше такого не водилось!

Его глаза с одобрением пробежались по маминой фигуре. Майру он едва удостоил взгляда. Как же – личико пресное, сама доска доской.

Но именно Майра решила дело. Как разлилась соловьем...

– Посмотрите, благородная госпожа, это редчайшая тибрийская парча, вдвое тоньше и легче обычной, но не менее прочная и прекрасная. Кроме нас, никто в Свеянске ее не закупает, даже госпожа Принн, а у нее лучшие ткани в городе! Из-за метелей доставка задержалась, наши клиентки еще не знают, что ее привезли. Завтра набегут и завалят нас заказами до самого лета. Вы же понимаете,

просто так мы ткани не продаем, у нас ателье, а не лавка красных товаров.

Никогда не могла понять, как ей это удастся. Я чуточку приврала и уже чувствую себя мошенницей, а Майра сочиняет небылицы как дышит. И ей верят!

Барышня Агда Льет расстегнула шубку, не сводя с моей сестры горящих глаз.

– Вы уже видели наш новый шармез? Взгляните! – Майра встряхнула край винно-красного полотнища, которое я успела раскинуть на диване, и по гладкой поверхности прокатилась волна блеска. – Все наши ткани освещены в храме Свена и Свяны, как и нитки, которыми мы шьем. А все, чего касаются божественные супруги, приносит любовь и счастье!

Сестра определенно была в ударе. Ох, не слышат ее храмовые служители.

– Уверяю, вы станете самой прекрасной невестой, самой любимой и счастливой на свете женой!

При последних словах барышня Льет вдруг сникла, потупилась, и с ее губ сорвался тяжкий вздох.

Эгей, а свадьба-то похоже не по любви! Или жених – гулена, которого обручальный браслет не исправит?

Майра тотчас зашла с другой стороны:

– Это платье предвосхищает самые модные веяния будущего сезона. Скоро все в столице будут носить такое. А вы станете первой! В этом наряде вы затмите саму принцессу Вайнора.

Улыбка Агды, не успев расцвести, увяла вновь, уголки рта горестно опустились, пушистые ресницы задрожали.

Да что опять не так? Видно же, что барышня падка на лесть!

Не по нраву, что ее, красавицу из красавиц, сравнили с другой, пусть эта другая – настоящая принцесса? Досадно, что сама родилась лишь дочерью простого кавалера?

Я бы растерялась, а Майра продолжала напирать:

– Северянкам алый не к лицу, они слишком блеклые. Надень на девушку из Вайнора такое платье, и все увидят платье, а не девушку. А у вас красота южная, огненная, ее свадебный наряд только подчеркнет. Это платье просто создано для вас!

Я тихо отошла в сторонку, чтобы своим видом не опровергать доводы Майры.

Барышня посмотрела на нее, на манекен в свадебном уборе и вздернула нос:

– Беру!

В такие моменты я думаю, что ателье должна наследовать Майра. Правда, шить она не любит. Но летом приедет мамина троюродная племянница из Дункаля – учиться у нас полезному ремеслу. Вдруг из нее толк выйдет?

Мама позвала барышню в заднюю комнату, чтобы снять мерки, я двинулась следом – помогать. А Майра собралась подать кавалеру чай и занимать его разговорами, покуда мы не освободимся.

Так у нас было заведено.

Однако кавалер повелительно указал пальцем на меня:

– Пусть она подаст.

Что ж, кто платит, тот и чай заказывает.

Водовар в примерочной мы держали для клиентов, да и сами за работой любили угоститься чайком. Угли в жаровне были горячие, так что управилась я споро. Составила на поднос все, что полагается, не забыв колотый сахар, мед и пастилу, и вернулась в зал.

Кавалер Льет расселся на диване, положив рядом с собой шапку и расстегнув шубу. Под мехами он оказался совсем не толст, видимость полноты создавало обрюзгшее лицо, казавшееся еще шире из-за светлой вайнской бородки.

Мед пах липой и летом, над чашкой вился парок. Я придвинула чайный столик к дивану и хотела отойти, но кавалер схватил меня за запястье:

– Сядь-ка, красавица.

– Что вы, нам не велено!

Пусть считает меня работницей, боящейся хозяйского гнева.

– Сядь, я сказал.

В тепле Льет успел вспотеть, его рука была горячей и влажной, но держала, будто тисками, так просто не вырвешься. А бить заказчика сахарницей по лбу – дело неблагое.

Он стянул с пальца перстень с кровавым камнем. Неужели рубин? Какой большой!

– Нравится? Подарю, если поедешь со мной в Альготу.

Кавалер попытался вложить перстень мне в руку. Я вырвалась и вскочила, но от крепкого, до боли, щипка увернуться не смогла.

– Ишь, коза! Грех такое богатство в глуши хоронить, – глаза Лъета плотоядно блеснули. – Поехали. Настоящей дамой тебя сделаю. В шелках будешь ходить, во дворцах танцевать, прислугу гонять в хвост и в гриву. А?

– Что вы такое говорите, кавалер! – напоказ ужаснулась я. Руки чесались плеснуть кипятка в гнусную рожу. – Как можно!

– Брось ломаться.

Он привстал с места, и я попятилась.

– Не хочешь? Ладно, неволить не буду. Но подумай хорошенько. Мы в доме Снульва остановились, знаешь такой? Пробудем до послезавтра. Надумаешь, приходи.

Остаток вечера мы спешно кроили и сшивали муляж из дешевого муслина. Завтра на барышне все подгоним; если надо, подправим фасон. Получим задаток, и пусть катятся в свою Альготу – гладкой им дороги, попутного ветра. А мы по муляжу будем платье шить. Свадьба через месяц, успеем.

Майра чуть не плакала от зависти:

– Какая фигурка! А личико!.. Почему одним все, а другим ничего? И у папаши денег что воды в море!

– Папаша – скотина, – не удержалась я.

– Но богатая скотина! Глаз на тебя положил, – Майра закончила пришивать оборку к подолу и уперла руки в боки. – А ты? Сбежала как маленькая. Распустила бы завязки, – она похлопала себя по плоской груди, – так он бы не то что свадебное платье, целый гардероб у нас заказал!

– Майра! – возмутилась мама. – Ты в своем уме?

– А что? Дано богами – пользуйся!

– Карин надо думать о репутации. Что скажет господин Стир?

Я бросила расправлять складки на платье.

– Моя репутация господина Стира не касается. Я не выйду за него, сколько раз повторять.

Нотариус Арнульф Стир, вдовец сорока четырех лет от роду, был не единственным, кто сватался ко мне, но из всех женихов он один превосходил нас достатком. Прочие имели виды не столько на меня,

сколько на ателье, хотя каждый при случае норовил зажать в темном углу, как бы скромно я ни одевалась и как бы строго себя ни держала. Каждый, кроме господина Стира. Этот только ел глазами, потихоньку багровел и покрывался испариной – весь, от тугого крахмального воротничка до залысин на лбу. Будь я обычной девушкой, все равно бы за такого не пошла. Страшно.

Мама в сердцах отшвырнула непришитый бант.

– Лучшей партии тебе не найти! Карин, хватит тянуть. Тебе уже двадцать три. Сходи к Дакху, пока не поздно. Хочешь, вместе пойдем?

– Не хочу! Говорю тебе, я не откажусь от своей природы.

– Карин, посмотри на меня...

– Я и смотрю!..

– Прекратите! – выкрикнула Майра. – Давайте закончим, и я спать пойду, а вы ругайтесь потом, хоть лопните.

Все верно. Наши споры о храме Дакха и о секаче, который при нем служит, часто оканчивались жестокими ссорами, после которых мы дулись друг на друга по нескольку дней.

В Свеянске лишь один настоящий храм – Свена и Свяны. Есть еще десяток святилищ других исконных ригонских богов. А неумолимого Дакха, бога суда, кары и воздаяния, завезли в наши края захватчики ланны. Храмов его на всю страну три штуки. Один как раз в деревушке Снее, в двух часах пути от Свеянска.

Мама считает, нам повезло. А я скажу: охрани Свен от такого счастья!

Все мы связаны душой с незримыми мирами. С миром снов и миром богов, Небылью и Зыбью – со всем их великим множеством. Некоторым эта связь дает больше, чем другим: вещие сны, способность к магии, второе, звериное, тело. А секачи Дакха обучены наши узы с незримыми мирами разрывать. По заказу, приказу или своим произволом. Служители Дакха именуют секачей по-ланнски «кхальпуна кхелтари», что значит «восстанавливающие справедливость». Но разве это справедливо – отнимать то, что не ими дано?..

Следующий час прошел в тяжелом молчании. Говорили сухо и по делу, не глядя друг на друга.

Когда муляж был готов, я вздохнула с облегчением. Можно наконец избавиться от тугого корсажа, сбросить громоздкие юбки,

потянуться от души и упасть в постель... Но есть лучший способ расслабиться.

Должно быть, я кинулась к двери слишком бойко.

– Не вздумай оборачиваться! – крикнула мама мне в спину.

– На улице вон какой колотун, – поддержала ее Майра. – Лапы отморозишь!

Знаю, о чем вы подумали.

На самом деле все не так. Я не обрастаю шерстью и не выворачиваю суставы, разрывая на себе одежду, чтобы в корчах стать зверем. Сказки это. Как человек может перекроить себя в кошку? Это же совершенно разные объемы телесного вещества!

Я захлопнула за собой дверь, щелкнула запором и запалила от свечи лампу в круглом стеклянном колпаке. Уютные желто-оранжевые мазки легли на стены, крытые тесом и крашенные в белый цвет, на подушки в кружевных наволочках, на этажерки с фарфоровыми котами и книжками в дешевых переплетах.

Домик у нас с мезонином – папа в свое время надстроил. Думал, семья у него будет большая, и им с мамой понадобится местечко, где можно спрятаться от детей. Потом комната с широкими окнами и резным балкончиком досталась мне. Вернее, я ее отвоевала. Мама хотела заколотить вход на лестницу, чтобы не топить вторую печь. А на самом деле – чтобы поменьше вспоминать папу.

Но как можно не вспоминать, если я всем пошла в него?

Иногда мне кажется, мама меня за это ненавидит. И любит тоже за это. И ателье оставляет... Королева Клотильда еще сто лет назад дала ригонцам право завещать свое имущество, кому они сами пожелают. Но по старым вайнским законам наследует всегда старший ребенок. И мамино желание передать ателье мне одной – тоже дань отцовской памяти...

От печи шло тепло, кровать манила пуховой периной, но в крови уже играло предвкушение, гоня прочь дневную усталость. Я распустила волосы, открыла задвижки на балконной двери и как была в туфельках на тонкой подошве, в батистовой рубашке, корсаже и юбке шагнула в снежок, который намело за день.

Ума не приложу, откуда там знают, когда я готова, но передо мной тотчас завихрилась поволока черного дыма. Дыхание Небыли.

Я нырнула в нее, и на долю мгновения меня не стало.

Затем подушечки лап обожгло холодом. Студеный ветер взъерошил шерсть на боку, швырнул в нос пригоршню снежинок. Пол балкона сделался ближе, перила выше, но все казалось правильным и естественным, словно я никогда не носила иного тела, кроме кошачьего.

Дальше – просто. Проскользнуть между столбиками перил на скат крыши, пройти по слежавшемуся снегу до угла. Мои лапы так легки, что не оставляют следов! Перескочить на сук осины, вонзив когти в окаменевшее на морозе дерево, с ветки на ветку перебраться на соседский забор, потом на крышу сарая...

Своего человеческого тела я не ощущала, но между нами сохранялась неосязаемая связь. Я просто знала, что оно где-то там, в Небыли – ждет меня и вернется таким, каким ушло, с корсажем, туфлями и всем остальным, стоит только захотеть.

Под лапами скользили то лед, то мерзлая черепица, то кровельное железо, стылое, как чертоги самой богини зимы, но я без труда держала равновесие.

Звезды прятались за облачной дымкой, город глядел в ночь глазами окон, и белое мерцание снегов озаряло мне путь.

Прыжок на крышу собачьей будки. Старик Буян сонно брехнул, звякнул цепью и затих. Бедняга. Даже в такую стужу его оставили на улице.

Потерпи, Буян, скоро Ночь Всех Богов, после нее день станет прибывать и солнце повернет на весну.

Заглянуть, что ли, в окошко к Фрине, подружке Майры?

Фрина вертелась перед зеркалом в одних панталонах. То распускала по спине длинные волосы, то поднимала кверху, изображая замысловатую прическу. Принимала зазывные позы, виляя бедрами и покачивая на ладонях маленькие груди.

Вдруг сказала своему отражению:

– А посватался-то к Грете.

Отражение отозвалось горестным «эх».

Вот и Майра все вздыхает. Мол, отнять бы у меня да ей прибавить...

Девушки завидуют грудастым и задастым – простите за грубый слог, – потому что на таких смотрят мужчины. Так вот, девушки, не

завидуйте! Смотрят пошлецы и нахалы. Проходу не дают, а по городу потом сплетни. Приличные господа с тонким вкусом выбирают барышень, которых можно сравнить с тростинкой, лозой, ивовым прутиком или лучом света.

Когда я кошка, я именно такая! Изящная, грациозная, лапы у меня длинные, шерстка короткая, гладкая, чернее ночи, а блестит, как самый дорогой атлас.

И чувства разом обостряются. Нос чует свечной чад в комнате Фрины, запах мясных пирогов с кухни вдовы Тат-сон и вонь застывших помоев через три двора. Уши слышат, как в доме напротив шепчутся молодожены Бранд и Труда Ринтор – кровать у них стоит близко к окну. Как ворчат во сне Фин и Фан, карликовые мамонты господина Лердсона. Мамки, если по-простому.

В Свеянске мало кто держит мамонтов: едят без меры, летний зной переносят плохо. Но для нынешней зимы лучшей тягловой силы и вообразить нельзя. Лошади замерзают, тонут в снегу, а мамкам хоть бы что.

Ой, Бранд и Труда бросили шептаться!.. Все, пойду, не буду подглядывать. Да там и не видно ничего – стекло замерзло до самой рамы...

Мне было весело. И мама хочет, чтобы я променяла все это на сомнительную честь называться госпожой Стир?!

Женщину уважают, когда у нее есть муж или когда у нее есть капитал. Перед лаковыми санками Брюны Торнеке весь город шапки ломает, а госпожа Торнеке никогда не была замужем. Зато отец оставил ей серебряный рудник, и заводики, и лавки, и суда.

Ателье Гудрун Эльс миллионов не приносит, но кормит нас, поит, одевает и какой-никакой вес в обществе дает. А мы с Майрой позаботимся, чтобы так было и дальше – половину я ей, само собой, уступлю.

Так кто там к Грете посватался?..

Это ведь Грета Фроссен? Та, что училась с Майрой и Фриной в гимназии. Помню, они еще спорили, кто раньше замуж выйдет.

У Фроссенов не спали. Окно маленькой гостиной выходило на подветренную сторону, мороз почти не тронул стекло, и вся комната

была как на ладони. А голоса я различила еще до того, как взобралась на занесенную снегом бочку у бревенчатой стены.

Отец Греты, которого все звали папашей Фроссеном, сидел боком к камину; огонь озарял рубленый профиль и всклокоченную бороду. Мамаша Фроссен, женщина полная, с густыми черными бровями, вязала полосатый носок. Сама Грета, одетая в домашний капот^[1], металась из угла в угол.

– Ах, я не знаю! – ее глаза, темные, как у матери, лихорадочно блестели. – Ходил вроде, ходил, и ничего такого. А тут вдруг... Страшно мне. Нет, я счастлива! Но замуж – это же как в колодец...

– И-и, – отозвалась мамаша Фроссен. – Страшно в девках остаться.

– Нет, погоди, – папаша Фроссен ухмыльнулся в рыжую бороду. – Если дочь сомневается, может, откажем ему, счетоводу этому? Кого лучше подождем. А то у парня ни марки за душой, одна смазливая мордашка...

– А обхождение! – возмутилась Грета. – Обхождение дорогого стоит!

Все ясно. Ларс Кальвер, счетовод из магазина мужского платья «Кале и сыновья». Весь последний год вилял вокруг Фрины, Майры и их подруг. А выбор остановил на Грете, единственной наследнице скобяной лавки папаши Фроссена.

Разговор между тем перетек на вопросы практические. Где свадьбу гулять, кого звать, что надеть...

Я мерзла под окном Фроссенов, пока они не разошлись по спальням, хотя заказ был, считай, у нас в кармане. Утречком моя сестрица забежит невзначай проведать старую подругу, Грета не вытерпит, похвалится, и Майра в два счета добьется от старших Фроссенов задатка.

Мама потому и терпит мои прогулки в кошачьем обличье, что я не просто развлекаюсь, а разведку веду. Отчего, спрósите, мы преуспеваем? Нет, платья у нас хороши, но в других ателье тоже не мух считают...

Ох, не могу больше, коченею!

Соскок с переворотом, три прыжка, пробежка по расчищенной дорожке во всю прыть – вот и согрелась.

Села на столбе у ворот.

Кругом стояла темень, только снег мягко серебрился под луной. Дома утопали в сугробах по ставни, а где и по стрехи. Под звон бубенцов и свист полозьев по улице промчались сани, запряженные парой гнедых, их морды были в инее, дыхание туманом клубилось в воздухе. Извозчик сидел на передке, укутавшись в косматую шубу, будто медведь. Лаяли собаки. Хрустел снег под ногами поздних прохожих.

Мужчина в мохнатой шапке свернул к ресторации Вардхуза. Ее окна сияли ярче всех, а дым над трубами был таким плотным, что хоть на куски режь. Там сейчас самый разгул. Песни, гам, румяные пироги, а главное – жарко натопленные печи.

Все, хочу домой, в тепло! Дворами-крышами петлять не стану. Сверну к усадьбе Снульва, а потом...

Тут-то до меня и дошло.

Чайный король Снульв уже год как перебрался в столицу, и с тех пор его каменный особняк пустовал. А теперь там остановился мерзкий кавалер Льет с дочкой Агдой.

Надо взглянуть, какова эта семейка дома, когда рядом нет чужих глаз. Надеюсь, они еще не легли.

Я ощутила прилив азарта, даже мороз перестал казаться таким жгучим.

Глава 2, *в которой любопытство сгубило кошку*

Эй! Нас, часом, не надули?

Ставни со стороны улицы были наглухо закрыты, крыльцо утопало в сугробах, ни одна из восьми труб на крыше не дымила.

Потом я заметила, что к калитке и дальше, к парадному входу, протоптана тропинка, снег со ступеней сметен.

Жаль, двор почистить никто не удосужился. Пришлось передвигаться прыжками, каждый раз проваливаясь с головой. В ушах снег, в глазах снег, все лицо в снегу!.. Снаружи я кошка, но внутри человек, так что прошу извинить – у меня лицо, а не морда.

Вон и свет в окне.

Деревьев близко к дому не нашлось, зато у летней веранды вырос высоченный сугроб, снег хорошо слежался и без труда выдержал мой кошачий вес.

Второй этаж дома опоясывал каменный карниз, украшенный фигурками крылатых человечков – духов природы. Карниз был достаточно широк для моих лап, но весь облеплен снегом и льдом. Чуть когти не сорвала, пока подобралась к окну.

А еще назад идти. Не представляю, как я тут развернусь.

И с окном не повезло: иней на стекле вырос плотный, с наледью. Только у самой рамы оставалась неровная щелка. К ней я и приникла глазом.

Видно было немногое.

Просторная, ярко освещенная комната, богатая обстановка. Веерообразная стойка магического телогрея. Край дивана с полосатой обивкой. На диване – ножки в пуховых носках, прикрытые бархатным подолом...

Я встала передними лапами на нижнюю перекладину оконной рамы и придвинулась ближе.

Барышня Агда в бардовом капоте полулежала, опершись локтем о валик.

На грудь ей падала полураспущенная коса, являя всю роскошь волос, тонкие пушистые завитки обрамляли нежный овал лица с

изящным носиком и пухлыми малиновыми губами.

Майра права, тут есть чему позавидовать. Даже любопытно стало, какому счастливцу Льет отдает всю эту красоту и куда торопится. Ей же не больше восемнадцати.

На столике у дивана стояла перламутровая коробочка. Агда напевала мотив какой-нибудь модной песенки, и коробочка повторяла его на разные птичьи голоса. То соловьем залетится, то канарейкой, то дроздом...

Нет, не только птичьи!

В ответ на хрустальное «ла-ла-ла» Агды коробочка сперва бодро затявкала, потом размяукалась, как голодный кот.

– Хватит играть, – просипел Льет.

Он восседал в глубине комнаты, закинув ногу на ногу. Под черным, с серебром, шлафроком – свободные штаны и рубаха с распахнутым воротом.

Что же вы так далеко от окна расположились, благородный кавалер? Вас еле слышно.

– Пускай играет, – прозвучал низкий скрипучий голос, мужской или женский, непонятно. – Когда... гра... а... не... мо...

«Когда играть, как не в молодости?»

Выше щелка расширялась. Я приподнялась на задних лапах и уткнулась носом в ледяное стекло, силясь рассмотреть: кто там такой?..

Надо же, старуха – и престранная!

Она сидела в дальнем кресле, полускрытая боковиной высокой изогнутой спинки. Строгое темное платье, как у нашей классной дамы, на плечах толстый пуховый платок, какие носят крестьянки в деревнях, на голове узорчатая шапочка-колпак с коротеньким шпилем – точь-в-точь ланнский рыцарский шлем. По ободу шапочки пришиты кругляшки, не иначе старые монеты. В таких колпаках с монетками красуются на ярмарках дазские шаманки.

– Так сколько, говоришь, за платье просят?

Она подалась вперед, повернула к Льету голову, и стало видно, что и лицо у нее дазское – плоское, цвета темной бронзы, с маленькими глазками и мелкими угловатыми чертами.

Говорят, дазы в родстве с нашими гобрами. Только гобры сидят в своих снежных домах на далеком севере в обнимку с тюленями и в

чужие дела не лезут.

– Тысячу восемьсот, – ответил Льет.

Верно, так мама ему и сказала. Пятьсот – задаток будет.

– Недешево, – старуха пожевала сухим ртом.

– У Кольдихи бы меньше пяти не стало! – барышня Агда оторвалась от своей забавы.

Я не сразу сообразила, что Кольдиха – это Вендела Кольд, самая знаменитая модистка Альготы. И самая дорогая. У нее одевались первые аристократки Ригонии и сама королева-бабушка.

– Может, и больше, – кивнула старуха. – А все равно шить надо у нее.

– Чего это? – буркнул Льет. – Мне деньги не лишние.

– А того! – старуха хлопнула ладонью по деревянному подлокотнику. Хлопок вышел со стуком – все ее пальцы, включая большой и указательный, были унизаны кольцами. Непохоже, что золотыми или серебряными, а какими, рассмотреть не удалось. – Тут не в деньгах дело, а в престиже. Чтоб все знали: Эмкино платье сшито у королевской портнихи!

«Не портнихи, а модистки», – мысленно возмутилась я, ежась под ледящим ветром. Портнихи просто шьют, а модистки придумывают и украшают. И только в следующий миг сообразила: «Эмкино платье»? Может, я ослышалась?..

– Но мне это нравится, матушка Гиннаш! – надулась Агда. – Другое не хочу!

– Молчи, Эмка, – одернул ее отец. – Матушка дело говорит.

И столько уважения прозвучало в этом «матушка», что я своим кошачьим ушам не поверила: чтобы самодовольный кавалер чтит кого-то, кроме себя, да не просто кого-то, а дазку, похожую на ведьму из страшных сказок!..

Когда ланны пришли в Ригонию, вслед за ними пришли дазы, как шакалы приходят за волками. Ланнов прогнали, а дазы живут себе не тужат. Торгуют, воруют, практикуют темную волшбу. Раньше дазов даже в города не пускали, они селились в слободках за воротами. А правили у них женщины-шаманки – когда через вожаков-мужчин, а когда и напрямую.

И это единственное, что мне в дазах нравилось.

При королеве Клотильде Ригония расцвела – сколько мудрых законов было принято, сколько нужных реформ проведено! Магию стихий поставили на службу стране. Ни один король столько не сделал. Молодой Альрик прославился пока лишь тем, что принял силу дождя, чтобы не угасла вместе с родом Регенскур, присовокупив ее к собственной силе. И неизвестно, хорошо это или плохо. Говорят, таких морозов, как нынче, не бывало уже полвека. Вдруг одно с другим связано?

А я, между прочим, сейчас превращусь в ледяную кошку...

Но от следующих слов загадочной матушки Гиннаш меня кинуло в жар.

– Нравится, так и славно, – старуха улыбнулась. – Фасон зарисуй, Кольдихе покажешь, она такое же сделает.

– Но я не запомнила! Там сложно...

– Тю! Пойдешь завтра на примерку, все рассмотришь как следует, пощупаешь, а потом скажешь, что тебе разонравилось. А ты, – обратилась старуха к Льету, – дашь им сотню за труды, пусть радуются. С таким женихом негоже у всякой деревенщины свадебный убор шить...

Я чуть с карниза не свалилась от возмущения. У деревенщины?! Да у нас баронессы платья заказывали! Два раза. И маркиза один раз... чуть не заказала.

– С таким женихом разориться недолго, – насупился Льет.

– Это верно, – согласилась старуха. – Мог бы раскошелиться на платье-то, сделать невесте подарок. Хоть бы в гости пригласил приличия ради. Ты ж ему весточку послал?

– А как же! Загодя, – кавалер фыркнул. – Едем, мол. Везем будущую супружницу вашу к Свену и Свяне за благословением... Эмка, ты чего?

Барышня, как бы ее ни звали на самом деле, села столбиком и слушала их разговор, бледнее снега за окном, а потом вдруг заревела в полный голос. Коробочка-игрушка отозвалась поросычьим визгом.

За этим переполохом было не слышно, что говорят кавалер (если он кавалер, конечно) и таинственная матушка. Вернее, не говорят, а кричат. Когда старуха несильно шлепнула барышню по щеке и та умолкла от неожиданности, голос Льета прогремел, как пушечный залп:

– Не реви, дура! Все к лучшему!

Барышня всхлипнула:

– Куда же к лучшему? Он меня больше не любит!

– С чего ты взяла?

– Любил бы, не отдал этому...

Она опять заплакала. Коробочка, как видно, откликнулась только на ее голос, и сейчас разразилась громким кудахтаньем.

Старуха пересела на диван, обняла барышню и, склонившись к самому ее уху, принялась уговаривать. До меня долетали обрывки слов и фраз:

– Кто ты сейчас? Никто! А будешь...

– ...он должен жениться, сама знаешь...

– ...ничего не значит...

– Но он будет с другой! – барышня заливалась слезами, коробочка квакала лягушкой.

– ...одну ночь... ничего, переживешь...

– ...снадобье... сразу понесет...

– ...а будешь замужем...

– Но я не хочу, чтобы меня касался другой! Я этого не вынесу! – под совиное уханье барышня заломила руки.

– ...и не надо... сварю такое... лишит мужской силы...

Ого, да тут целый разговор!

– Правда? Так можно? – опухшее от слез личико просветлело, но сейчас же опять сморщилось. – Она родит ему сына, и он полюбит ее...

– Не родит! – старуха повысила голос. – А если родит, то девочку, уж я позабочусь. Нашла о чем печалиться.

– Я отдала ему все, – пискнула барышня, шмыгая носом. – Он обещал любить меня вечно...

Зловредная коробочка закричала болотной выпью. Так громко и жутко, что я невольно подпрыгнула и заскользила на карнизе, цепляясь за что придется. Сквозь стекло долетел старухин ответ:

– Он и будет любить тебя вечно, не будь я лучшая в Кайлане ворожея и травница!

– Цыц, вы обе! – гаркнул мужской голос.

Я прильнула к щелке.

Свяна, защити!..

Льет, грозный, как палач, шел к окну с ножом в руке и смотрел, казалось, прямо на меня. Неужели услышал, как я тут барахтаюсь и скрежещу когтями? Или глаз в щелке заметил?

Все, не гляжу! Нет меня. Вам почудилось, благородный кавалер.

Шаги приблизились и замерли.

– Кошка! – прогремело над головой.

Верно, благородный кавалер. Просто бродячая кошка, которая жметя к человеческому жилью. Вы же не станете вскрывать тройную раму, чтобы подпортить шкурку безобидному животному?

И как он умудрился разглядеть черную кошку в черной ночи сквозь толстый слой изморози...

Мгновение томительной тишины, и шаги стали удаляться.

Я отважилась снова заглянуть в комнату.

Льет стоял спиной. А старуха...

Она сложила пальцы щепотью, поднесла ко рту и дунула. Клянусь, в руке у нее ничего не было! Но в воздух сорвалась черная взвесь и тончайшей струйкой потекла к окну.

Я невольно пригнула голову.

Тяжелая рама содрогнулась, сверху посыпалось крошево мерзлого снега.

Не помня себя, я сиганула прямо со второго этажа в самый большой сугроб. Меня завалило, но я подпрыгнула – кузнечик, а не кошка! – и понеслась вскачь, не жалея лап.

Не помню, когда в последний раз так быстро бегала и с такой скоростью взбиралась на балкон своего мезонина.

Тут бы выдохнуть и расслабиться. Однако все пошло наперекосяк.

Я оборачивалась с шести лет, и у меня всегда – всегда! – получалось. С первого раза. Без заминок и осечек.

А сейчас – нет.

Небыль отказалась явить себя. Не приняла, не впустила, не откликнулась на зов. Не отдала мне меня – рослую белокурую девушку в свадебном костюме крестьянки из северных областей Ригонии.

Я даже в дом попасть не могла. Не лапой же за ручку братьяся!

Спасло то, что дверь открывалась вовнутрь. Я налегла изо всех сил – уперлась передними лапами, лбом и ввалилась в хорошо протопленную комнату.

Уже потом, прильнув к изразцовой стенке и впитывая, впитывая всем существом восхитительное тепло, я вдруг подумала, что черная пыль, слетевшая с пальцев старухи, была подозрительно похожа на Дыхание Небыли, в которой осталось заперто мое человеческое тело.

Полночи я силилась добраться до нее, движимая то страхом, то злостью, то отчаянием, снова и снова – пока не выдохлась. Свернувшись под одеялом и даже заплакать не смогла. У кошек не бывает слез.

Разбудил меня громкий стук и голос Майры:

– Карин, ты спишь? – дверь дернули. – Ты чего заперлась? Вставай! У нас работы полно!

В глубине души я надеялась, что усну кошкой, а проснусь человеком и окажется, что вчерашнее мне пригрезилось. Но нет. Хвост, усы и шерсть никуда не делись. Или меня слишком рано вырвали из мира снов? Не зря же голова пуд весит, а глаза не открываются. Может, стоит вернуться в уютное забытье и подождать?..

– Карин! – Майра продолжала колотить в дверь. – Что за шутки?

Ох, вдруг ей надоест, и она уйдет?!

Я вылетела из-под одеяла, как укушенная, и во все горло завопила:

– Мия-а-а-а-у-у!

– С ума сошла! – взвилась Майра.

За окном светало, а у нас давно условлено, что обращаюсь я только в темное время. Соседи думают, у Эльсов живет кошка Ночка, которая гуляет под луной, а днем отсыпается за печью.

– Прекращай балаган! Мама с тебя шкуру спустит!

Я кричала и скреблась в дверь изо всех сил, наплевав на саднящие когти и ободранные подушечки лап, и Майра наконец сообразила:

– Ты что, не можешь стать человеком? Свяна милостивая!.. Подожди, сейчас маму позову!

Мама сперва долго бранила меня срывающимся голосом, потом хотела ломать дверь – заперто-то изнутри на задвижку. Но Майра спросила, не смогу ли я выйти, как вошла, через балкон («Мяукни, если да!»), и побежала отпирать заднюю дверь.

Дальше – каменный пол кухни вместо листа бумаги, печная зола вместо карандаша... Я давно забыла, как в детстве училась писать и как трудно рука привыкала выводить верные палочки и закорючки.

Кошачья лапа для этого приспособлена еще хуже. Но с восьмой, кажется, попытки мне удалось изобразить что-то похожее на «Льет».

– Кавалер Льет?! – у мамы кровь отлила от щек. – Он знает, что ты оборотень?

Он, может, и нет. А вот старуха...

«Ведьма при нем» – кое-как накалякала я.

– Что за ведьма? Агда? Нет, не Агда! Конечно, нет... – мама никак не могла справиться с паникой. – Она... знает, кто ты?

Я покачала головой. Хотя поди ее разбери, эту дазскую ворожею. Вдруг она умеет заглядывать в Небыль и видела там мое человеческое тело?

Хотелось верить, что мама сообразит, как его вернуть. Она была оборотнем на десять лет дольше меня. Может, бабушка ей что-нибудь рассказывала.

Но мама понуро опустилась на табурет у печи. Трещали дрова, за решеткой заслонки жарко краснели угли, по полутемной кухне, не успевшей толком прогреться, плыл запах сосновой смолы. А мама сжимала руки и шепотом перебирала имена богов, словно не могла решить, к кому воззвать.

– Льеты скоро придут, – напомнила Майра.

Мама вскочила с явным облегчением.

– Карин! Жди здесь. Нам надо подготовиться. Платье из зала вчера так и не убрали!

Я кинулась ей под ноги, вынуждая остановиться. Потом сунула лапу в совок с золой и торопливо написала слово «Обман».

Объяснять, что задумали наши несостоявшиеся заказчики, пришлось долго.

Майра задохнулась от негодования, у мамы гневно засверкали глаза. Куда подевались вялость и безволие!

– Так! Давай-ка спрячем платье. Скажем, вчера после них приходили, купили готовое за пять... нет, шесть тысяч марок! Не обессудьте, благородные господа, задатка вы не оставили, мы вам ничем не обязаны.

– Мама, – Майра нерешительно тронула ее за рукав. – Может, лучше сторгуемся? Отдадим им платье, пусть расколдуют Карин.

Мама повернула к ней голову – резко, как хищная птица:

– Только не вздумай первой предлагать! Если это их рук дело, если они знают, то сами заведут разговор. А если нет... Ты представляешь, что будет, если станет известно, что мы укрываем оборотня?

Меня сдадут жандармам, вызовут секача... или станут использовать в грязных делишках. Говорят, такое бывает: оборотней принуждают шпионить для короны, если раньше не приберут к рукам богатые интриганы или бандитские главари.

Ателье госпожи Эльс в любом случае рискует потерять клиентов.

И все же...

– Карин, из кухни ни ногой, – мама послала мне испепеляющий взгляд. – Услышишь, что идет чужой – прячься! Майра, покорми ее и быстро в зал. Посмотрим, что скажут Льеты.

Мы с Майрой попили чаю – она из чашки, я из блюдца – и съели по куску вчерашнего пирога с рыбой; в куске Майры было больше теста, в моем – рыбы.

В печи мы не готовили: для этого у нас имелась чугунная плита фирмы «Гентер». Дров она ела мало, нагревалась быстро. А печь топили для тепла. Когда Майра убежала маме на помощь, я забралась в устье и устроилась лицом к двери. Кухню от приемного зала отделяли мастерская и два коридора, но, когда придут Льеты, я услышу. И если мама не заговорит с ними обо мне, сама явлюсь в зал!

За окном становилось все светлее, время шло, а наши коварные заказчики не спешили.

Может, старуха уговорила Агду-Эмку плюнуть на фасон и довериться вкусу госпожи Кольд? Может, они сейчас грузятся в сани, чтобы укатить в сторону столицы... Тревожные мысли так и роились в голове. Но камень подо мной прогрелся, глаза после тяжелой ночи закрывались, и пирог в животе нашептывал, что стоит немного вздремнуть. Я незаметно соскользнула в полусон и там, в белой мути, куда-то бежала, карабкалась, искала что-то...

Тренькнул еле слышно наддверный колокольчик, раздались голоса. Я соскочила на пол – и остановилась. Кухонная дверь, которую Майра оставила нараспашку, оказалась затворена. Открывалась она наружу, и я пару раз толкнулась – дверь вздрогнула, но не поддалась. Выход во двор был заперт на защелку. Ее и человеку не сдвинуть без усилия, куда там кошке.

Я не находила себе места, прислушиваясь к далеким голосам – слов было не разобрать.

Раз показалось, что разговор пошел на повышенных тонах, и меня пробрал озноб, как от лютого мороза. Мама же не знает, что с замужеством Агды-Эмки связана какая-то интрига. Я забыла рассказать. Обо всем забыла! Да и не приняла всерьез те обрывки фраз. Но Льетам неизвестно, много ли я слышала и сколько из услышанного поняла. Если старуха отрезала меня от Небыли, чтобы сохранить втайне их с кавалером козни... мама и Майра в опасности!

Голоса смолкли, стало тихо. Лишь изредка доносились – или чудились? – невнятные стуки, скрипы, шорохи.

В мастерской пробил час.

Почему никто не идет? Вдруг с мамой и Майрой что-то случилось?..

Я поймала себя на том, что рву когтями обивку старого кресла в углу. Да что кресло? Еще полчаса, и я хвост себе грызть начну!

Отчетливо хлопнула входная дверь, спустя некоторое время – еще раз. И опять ни звука.

Лишь когда скупое зимнее солнце добралось до кухонных окон, а случалось это хорошо за полдень, в коридоре раздались шаги.

Майра! Они с мамой ходят по-разному.

Сестра щелкнула запором и проскользнула внутрь. Ей очень шло клетчатое платье с белым воротничком. Небось, к Орму бегала – вон как покраснелась. А он ее булочками угостил. Я чуяла запах сдобы.

– Карин, ты здесь?

Куда же я денусь?!

Майра присела передо мной на корточки.

– Слушай, мама говорит, тебе все привиделось. Не бывает такого колдовства. Это дар твой подвел. И раз такое случилось, власть над ним уже не вернешь. В общем, она договорилась с Брунном, он повез ее в Снею, сама понимаешь зачем. За кем. Клянется, что другого способа нет. Надо уничтожить твою звериную половину, пока связь с телом еще крепка. Чем дольше, тем трудней будет его вытащить, сама знаешь.

Я знала. Первый урок, который преподала мне бабушка: нельзя слишком долго оставаться в зверином обличье, иначе человеческое тело сольется с Небылью и не сможет принять твой дух. Пара недель,

самое большое месяц – и Карин Эльс навсегда останется изящной красоткой с усами и хвостом.

Майра вдруг наклонилась и почесала меня за ухом.

Я стукнула ее по руке мягкой лапой.

– Брось, – фыркнула сестра. – Все кошки это любят.

Еле удержалась, чтобы не выпустить когти.

Я не кошка! То есть сейчас кошка, и люблю быть кошкой, но все равно я человек.

– Тебе, может, во двор надо? – осведомилась Майра, с беспокойством оглядывая кухню. – А то сидишь тут весь день...

Она боится, что я сделаю лужу под столом?!

Ладно, мне в самом деле надо в кустики. И глоток воздуха не повредит.

– Я ей говорю, не спеши, – продолжала Майра, отпирая защелки на двери. – Есть же другие храмы, другие боги. Поспрашивай. Вдруг их служители помогут. Даже Свен и Свяна не только любовью заправляют. Тайны сердца, выбор, предназначение, истинный путь и такое прочее. Может, это то, что надо? Или напишем Вере, пусть спросит этого своего...

Я подняла голову, пытаюсь заглянуть Майре в глаза, и она замолчала.

– Ну да, Керст далеко. Пока туда, пока обратно...

Морозный воздух бодрил, сугробы искрились на солнце. Утоптанная дорожка, бегущая от заднего крыльца, казалась такой чистой, такой манящей.

Знаю, мама желает мне добра – как его понимает. Но зачем спешить? Зачем вот так тишком, подло? Почему она хотя бы не зашла ко мне? Боялась, что после этого духу не хватит?

Майра стояла в дверях, кутаясь в темную шаль, и выжидательно глядела на меня.

Выбор, говоришь?..

В три прыжка я взвилась на забор и перескочила на крышу соседского сарая.

– Ночка! – летел мне вслед звенящий голос сестры. – Куда ты, дурочка? Уши отморозишь!

Даже перед статуей Дакха-правдовидца я не смогу сказать, что она нарочно дала мне улизнуть.

Выпустила по нужде – и только. По большой нужде. По делу жизни и смерти.

Глава 3, *в которой я достучалась до небес*

Рауд сбежал на мощеную площадку перед главным входом Даниш-хуза. На каменной поверхности не было ни снега, ни наледи, словно по ней с метлами и щетками прошелся отряд усердных дворников. Но дальше их рвение иссякло: в начале дорожек, исчезающих в глубине сада, уже виднелись снежные разводы.

Через десяток шагов разводы сменились наносами, которые росли, пока не сомкнулись в сплошное белое поле с протоптанными кое-где тропинками. В фонтане тоже лежал сугроб.

«Уеду, и совсем заметет», – подумал Рауд. Но досада исчезла, не успев лечь камнем на сердце. Уж больно хорош был день. Небо синело густой морозной синевой, сад искрился под солнцем. Казалось, каждая снежинка хвастает перед другими блеском ажурного платяца.

Из аллеи показался старый Фролли. Голые липы зябли в обносках последнего снегопада, и такой же сиротской, куцей была беличья шубейка управляющего, вытертая на боках и рукавах.

Фролли беззвучно шевелил губами, то и дело замирая на месте, будто в раздумье.

Увидел Рауда и заспешил.

– Ох, господин! – казалось, ноги в развалистых овечьих сапожках не успевают за хозяином. – Что же вы нараспашку? Замерзнете!

– Не замерзну, – Рауд криво усмехнулся.

Забавно. Кроме легкого полушубка из нерпы, который он накиннул, выходя на прогулку, и парадной волчьей дохи, зимней одежды у него не было. Даже шапки – ни одной.

– А ты что опять в рванье, как бродяга?

– Зря вы так, господин, – обиделся Фролли, поглаживая облезлую полу. – Хорошая шуба, удобная. А та, новая, больно велика, не повернуться в ней. И дышать тяжело...

Рауд помнил Фролли Фокеля седым, морщинистым, но с цепким умом, в котором умещались все хозяйственные цифры. «Не человек, а гроссбух», – любил шутить отец.

– Вы бы пожили еще, господин, – ворчал старик, болезненно щуря глаза и шмыгая носом. – А то наезжаете как в гости. Опять же, завтра снег, сами говорили.

– Снега я не боюсь.

– Не бойтесь... Понятно, что не бойтесь. А все равно – куда спешить? Кто вас там ждет?

– Ты знаешь кто, – проронил Рауд.

– Ох! Конечно... Тогда – конечно.

Старик закивал так истово, что шапка-треух съехала ему на лоб, и голова, видно, закружилась – бедняга чуть не упал. Пришлось поддержать.

– Раз зовет, надо ехать, – бормотал Фролли. – Понял, что не прав был, нужны вы ему, без вас никак. Теперь все образуется, все будет, как раньше. Глядишь, и госпожа вернется, и молодой господин...

Рауд промолчал.

Он бы с радостью остался в Даниш-хузе еще на неделю. Но выезжать следовало завтра – иначе он не успеет перехватить принцессу в Лейре.

– Папа!

Вильда, статная, красивая еще женщина, подошла скорым шагом и сунула Фролли трость.

– Простите, господин, – она коротко поклонилась Рауду. – Папа, идем.

Муж и старшие дети Вильды служили при усадьбе, сама она числилась в доме кастеляншей, но давно управляла всем поместьем вместо отца, и Рауд платил ей как должно. Даниш-хуз невелик, удален от столицы, дела здесь решались по-семейному.

Фролли не дал себя увести.

– На перекладных поедете, господин? – Старый управляющий искренне верил, что до сих пор распоряжается в Даниш-хузе. – Послать на станцию, чтобы вам придержали хороших лошадей?

– Не нужно. Поеду по зимнику, на своих. Иначе придется расчищать дорогу всем подряд.

Рауд поморщился, давая понять, что разговор ему неприятен.

Но старик не отставал:

– Так, может, мамок запрячь?

– Зачем? У меня один сундук.

– Негоже это, – Фролли сокрушенно вздохнул. – Отец ваш, бывало, по зимнему времени одних шуб с собой возил не меньше дюжины. Не от холода, само собой... для поддержания реноме!

Рауд взглянул на Вильду, и та твердо взяла отца под руку.

– Папа, ты не поможешь мне со счетами? Не могу разобраться...

Рауд отвернулся и зашагал по главной аллее. Перед ним вилась легкая поземка, разметая с дорожки заносы. Потом дорожка кончилась, и снег, сминаясь, утаптываясь сам собой, вкусно захрустел под подошвами. Студеный воздух был сладок, как ключевая вода.

Деревья подступили со всех сторон, и сад сделался похож на лес. Рауд улыбнулся двум нахохленным снегирям на ветке. Пух на розовых грудках затрепетал от теплого ветерка. Птицы вытянули шейки, глядя на человека черными бусинками глаз, и уселись вольготнее.

Когда однажды в детстве Рауд сказал приятелю из деревни, что снег теплый, тот посмотрел на него, будто на сумасшедшего.

Давние воспоминания вызвали улыбку, и Рауду захотелось – как тогда – упасть лицом в сугроб и вбирать в себя пушистую свежесть до тех пор, пока кровь не загудит от избытка силы и не почудится, что он летит над землей, оседлав вьюгу... При всей красоте и роскоши Белого замка, именно здесь, в Даниш-хузе, Рауд был по-настоящему дома.

Он выкарабкался из снежных перин, взмахом руки очистил одежду и рассмеялся. Казалось, во рту тает мятный леденец. Мороз пощипывал за нос, за кончики ушей, робко щекотал под распахнутым полушубком, словно не веря: можно? Правда?

«Давай», – мысленно подбодрил его Рауд.

Он затем и пришел сюда в последний день перед отъездом, чтобы почувствовать себя живым – а живые зимой мерзнут...

Но не только за этим.

Деревья расступились, открыв белое поле, по окружности которого торчали из сугробов верхушки увядших камышей. Раньше пруд всегда стоял расчищенным, а лед на нем, гладкий, как зеркало, служил катком.

В Даниш-хузе не было часовни. Но именно тут двадцать лет назад богиня впервые заговорила с Раудом. С тех пор это место стало его личным святилищем.

Он вышел на середину пруда и позвал ее по имени, а потом долго стоял, слушая звонкую морозную тишину.

Богиня не ответила.

Сколько на свете странных зданий, созданных древней магией – а более странного, чем наш храм Свена и Свяны, по-моему, нет. Ни колонн у него, ни куполов, ни барельефов, ни портиков с арками. Даже углов – и тех храму любви и брака не досталось.

Среди снегов и голых деревьев громоздилась исполинская розово-золотая жемчужина в форме боба. Поэты уверяли, что это форма сердца. Но как говорила моя гимназическая учительница ботаники: боб, он и есть боб.

Правда, боб этот был чудесным. Его перламутровая шкурка, в живописных наплывах и морщинах, не выцветала, на ней не оседала пыль, не задерживался снег, не оставалось царапин и сколов. Надписи и рисунки к ней не липли, как и то, что роняют птички с небес.

Окон и дверей у храма тоже не имелось. Вернее, они оставались невидимыми до тех пор, пока их не отворят.

Сейчас на внутреннем изгибе боба зиял проем, в который могли свободно проехать три кареты в ряд. У проема толпился народ, приплясывал от нетерпения жених в распахнутой собачьей шубе.

Звезя бубенцами, подкатила тройка – гривы и хвосты коней заплетены лентами, санный возок обтянут кумачом. Из возка вынули невесту и под руки повели к храму. Лицо ей закрывала вуаль с золотом шитьем, из-под лисьей шубы хвостом тянулся по снегу длинный багряный шлейф. Лепестки роз падали под сафьяновые сапожки, будто капли крови.

Поднялся радостный гвалт, народ повалил в храм. Я соскочила с березы и под прикрытием толпы шмыгнула внутрь, стараясь не попасть гостям под ноги, а служителям храма – на глаза.

За проемом начинался огромный зал, тоже перламутровый, но не розовый, а льдисто-бледный, в молочных переливах. Текучие очертания стен и потолка напоминали своды карстовой пещеры, откуда на нитях-паутинках свисали кусочки цветного стекла. Свет, наполняющий воздух, заставлял их вспыхивать и переливаться.

Я юркнула в нишу у входа и спряталась за статуей Свяны в алом уборе невесты. Подглядывать за церемонией охоты не было. Будто я свадеб не видела! С закрытыми глазами могу рассказать, что там происходит.

Слева стоят полукругом семь статуй Свяны, справа – семь статуй Свена. У дальней стены высится глыба хрусталя – алтарь, перед алтарем – Венчальный Лабиринт, намеченный дорожками из красного янтаря. Сейчас жених и невеста вступят в него с двух сторон, чтобы сойтись в центре и обменяться браслетами. Дорожки засияют, грянут песнопения...

Так и есть! Женский хор – небесные голоса.

Распорядительница поднимет жезл и коснется хрустальной подвески над алтарем. По залу разольется малиновый звон, и его подхватят, закачавшись, кусочки стекла на нитях. От них полетят разноцветные отсветы – и станут бабочками, которые закружатся над гостями.

Только ко мне не надо... Кыш!

Два года назад на Вериной свадьбе мне на плечо опустилась золотая бабочка. Служительница-ули сказала, что в моей судьбе грядут чудесные перемены. Если это они и есть, то благодарю покорно, больше не надо!

Бабочка пощекотала мне нос сияющим крылышком и порхнула прочь.

Вера – это моя подруга. Самая близкая. Она вышла замуж по большой любви и уехала на западное побережье, в Керст.

Вера знала, что я оборотень, и ни капли не боялась. В детстве мы проказничали на пару: я – кошкой, она – человеком.

Вера писала, что неподалеку от них тоже живет оборотень. Живет, не таясь, угощает соседей домашним вином и знает много занимательных историй. Возможно, ему известно и как вытащить из Небыли запертое там человеческое тело.

Но... могу ли я доверять незнакомцу, если меня предал самый родной человек?..

Мама поздно вышла замуж. Тогда ателье свадебной моды еще не было, а была обычная портняжная мастерская, которая принадлежала сестре бабушкиного покойного мужа. Родовой дом Эльсов в деревне сгорел, и бабушка с мамой перебрались к ней в Свеянск. Спустя некоторое время бабушка сошлась с дедом Полканом. А мама осталась. И десять лет работала за кров, еду и теткино обещание отписать ей мастерскую.

Тетка поставила условие: чтобы, пока она жива, мама думать не смела о замужестве и детях. И никаких мужчин!

А потом с севера пришел папа. Из холодной тайги, где потомки вайнов живут по старинному укладу и говорят на языке воинов, покоривших Ригонию пять сотен лет назад...

Легенды гласят, что в незапамятные времена наш полуостров принадлежал «народам моря, солнца и ветра». После них – и это уже не легенды, а история – его делили между собой племена ригов и гобров. Затем из дремучих лесов в центр материка хлынули светлородые гиганты с острыми топорами. Они быстро захватили окрестные страны и готовились напасть на Ригонию с двух сторон. С северо-востока, из только что провозглашенного королевства Вайнор – через узкий перешеек, соединяющий полуостров с остальной Оссиденой. И с юга, через Круглый залив, за которым вожди мелких вайнских племен все еще делили власть и рвали на части покоренные земли.

Власт, король Ригонии, знал, что нашествия не сдержать. А еще он знал, что у короля Вайнора есть младший брат, которого надо поскорее пристроить где-нибудь на царство, пока не вошел в силу и не покусился на место старшего. Власт предложил вайнорскому принцу свою дочь и свой трон, а сам уплыл на остров Сновидцев.

Так Ригония стала первой страной, которую вайны завоевали не мечом и топором, а силой брачных уз. Говорят, именно тогда цвет волос у статуй Свена в нашем храме изменился с черного на золотой, а бесполые лица облагородились мужественными бородами – как у Ваймара, первого вайнского короля Ригонии.

У мамы в спальне висит папин портрет. Непокорные льняные кудри, глаза цвета летнего моря, лицо, красивое суровой мужской красотой, плечи – не обхватишь и лихая курчавая борода. Настоящий древний воин.

Он пришел в Свеянск с артелью плотников. Увидел маму и остался.

- Ты за него не пойдешь! – кричала тетка на виду у всей улицы.
- Нет, пойду! – кричала мама в ответ.
- Не пойдешь!
- Пойду!

После очередного «Не пойдешь!» тетка вдруг побагровела и схватилась за сердце, а к вечеру умерла от удара. Так мама стала не то чтобы богатой наследницей, но невестой с приданым.

Ветхий теткин дом отец перебрал по бревнышку. Где надо, подновил, где надо, перестроил и достроил, украсил резьбой. Мебель тоже смастерил сам.

Из раннего детства в памяти осталось немного. Знаю точно: у нас была счастливая семья. Помню, как папа с мамой смеялись и дурачились, как мы втроем ходили на ярмарку и гуляли по лесу за городом. Или брали лодку и вместе с малышкой Майрой катались по реке, потом причаливали к берегу в тихом месте и купались вволю.

В одну из таких вылазок и случился мой первый оборот. Я даже не поняла, как стала кошкой, а потом опять человеком. И конечно, испугалась до смерти.

Я же ничего не знала про оборотней! Кроме страшных сказок о том, как они уносят в Небыль непослушных детей, да стишков вроде «Ляжешь спать и не проснешься – злобной тварью обернешься» или «Придет оборотень-кот, твою душу заберет».

Последний стишок – самый обидный. Верин новый знакомец оборачивается бобром, дед Полкан псом был, а похитителем детских душ объявили одного кота!

От деда Полкана я впервые услышала, что северяне суеверны.

Охотник-вайн может схватиться один на один с медведем, но на кладбище ночью не пойдет ни за какие ватрушки и кренделя. И оборотней вайны остерегаются.

А бабушка считала, что папа просто не простил маме обмана. Она же не рассказала до свадьбы, что сама оборотень и дети у них могут оборотнями родиться.

Надеясь вернуть расположение мужа, мама кинулась в храм Дакха и отсекала себя от Небыли. Меня тоже хотела, но бабушка не позволила. «Вырастет, – сказала, – сама решит». Я тогда у них с дедом Полканом три месяца жила.

Потом меня забрали домой. Но ничего уже не было как прежде. Папа не играл со мной, ни разу больше не взял на руки, не обнял ни меня, ни Майру. Они с мамой спали в разных комнатах и все чаще ссорились. Папа стал выпивать, не ночевал дома. Однажды он поехал на станцию – никто не смог сказать зачем – и попал под поезд.

После похорон мама и перестала улыбаться. Я не слышала от нее ни слова упрека, но долго казалось, что она не может меня простить – ведь это мое непреднамеренное превращение выдало папе ее тайну.

Возможно, она до сих пор меня не простила.

На Свеянск пала ночь. Шесть свадебных церемоний остались позади, вход в храм закрылся, свет в зале потускнел. В стенах отворились туннели, ведущие вглубь жемчужины-боба, и служители-ули разошлись по своим делам. Я наконец выбралась из-за статуи – истомившаяся, голодная и в самом тягостном расположении духа.

Люди не любят оборотней, с этим ничего не поделаешь, а ули Свена и Свяны те же люди, только в розовых сутанах. Возьмут и вышвырнут на мороз.

Не лучше ли обратиться напрямую к богам?..

Стеклышки над головой тихо мерцали, статуи Свена и Свяны стояли друг против друга безмолвным караулом. Фигуры богов были вырезаны и расписаны так искусно, что ничего не стоило принять их за живых – если бы не одинаково совершенные черты и одинаковое отрешенно-благостное выражение на лицах. Фигуры щеголяли богатыми нарядами из дорогих тканей. Помню, как мама сокрушалась, что храмовый заказ отдали в Альготу, а не своим, свеянским, мастерам.

Семь пар статуй – семь цветов, каждый обозначает фазу идеальной супружеской жизни. Красный – страсть, желтый – познание, зеленый – продолжение в детях, голубой – обретение, синий – единение, аметистовый – гармония, белый – смерть.

Я обошла все статуи Свяны, все статуи Свена, каждой заглянула в нарисованные глаза и каждую мысленно попросила о помощи, даже фигуры в белых саванах.

Глупо, знаю. Но когда прижмет, и булыжнику придорожному поклонисься, и коряге болотной.

Осмотрела ледяную глыбу алтаря. С обратной его стороны обнаружилась тонкая золотая надпись: «Бог один, но много их, свой лик для каждого дня. Ныне узрите вы лик любви, ныне узрите меня». Наверное, в этом был какой-то особый смысл, однако разгадывать философские загадки мне сейчас совсем не хотелось.

Зашелестели тихие шаги – справа, слева, со всех сторон. Это вышли в зал служки с метелками – прибрать за гостями. Талая вода и

грязь с сапог улетучились сами. Однако россыпи цветочных лепестков и прочий мелкий сор храм поглотить не мог. Я видела на полу пару конфетных фантиков, клочок газетного листа, раздавленный огрызок моченого яблока, сгустки жевательного табака и карамельной тянучки, а в одном месте под скамейкой – надкушенный обрезок копченой колбаски. До того ароматный, что голова закружилась.

Обычная кошка на моем месте слопала бы за милую душу и сказала: «Еще подайте!» Но я с пола не ем, из чужого рта – тем более. Не настолько еще оголодала...

За служками смотрела невысокая полноватая ули в розовой сутане. Погребальный саван седьмой статуи Свена, за которой мышью сидела я, с одного бока был задран – кто-то, видно, хотел узнать, что у бога под одеждами. Ули заметила непорядок и подошла. Маленькие натруженные руки заботливо оправили край подола из белого глазета с серебряными узорами.

Может, эти руки и кошку не обидят?

– Мр-рм, – я вышла из-за статуи.

– Киса! – ахнула служительница. – Ты как здесь? Погреться захотела? Шерстка-то коротенькая.

Лицо у нее было круглое, улыбка мягкая, ладони ласковые.

Пришлось дать себя погладить. В горле родилось урчание, и я не стала его сдерживать. Даже потерлась о розовую сутану. Спасибо, Майра не видела – потом бы от насмешек спасу не было. Но как еще кошка может показать свои добрые намерения?

– Голодная? – деловито осведомилась ули. – Мяса нет. Могу предложить только кашу.

Да! Да! Каша – это чудесно. Хочу каши!

– Ох, как разволновалась! – засмеялась служительница. – Как будто понимаешь по-человечески.

Низкие округлые туннели, по которым она меня вела, казались проточенными водой, а не созданными руками человека. Может, храм и правда построен мифическим народом моря?

От нас до Круглого залива на юге – семьдесят миль, до Долгого залива на северо-востоке – почти сто. Не так и много. Когда-то в районе Свеянска проходила граница приморского королевства ланнов, которое просуществовало двадцать лет, прежде чем вайны сбросили новых захватчиков в море.

Хорошо, что войны не разрушили чудесный боб. Он был, словно живой. Коридоры исчезали и появлялись, прорезаясь в теле храма прямо перед нами. «Свяна, Свен! – мысленно обратилась я к богам. – Вы ведь откроете мне проход, если я захочу уйти?»

Боги не ответили. А ули, оглянувшись на ходу, расплылась в улыбке:

– Какая умная киса! Как собачка.

Она привела меня в комнату с простыми диванами, обтянутыми темным штофом. На диванах болтали и хихикали другие служительницы – точно кумушки на лавке. Одна, остроносая, даже лузгала семечки, но на пол не плевала, собирала шелуху в кулачок.

– Что, Агнета, еще одну бродяжку подобрала?

Они добродушно засмеялись.

– Только пусть не гадит! А то Ида на твоего Мохнача жалуется. Метит, паршивец, где вздумает, а ей убирать.

– До покоев Доброчтимых добрался!

– Он больше не будет, – «моя» служительница вздохнула.

– Что, отрезали Мохначу лишний хвостик?

Ули опять засмеялись.

– И Чернушка не будет, – пообещала Агнета. – Она умная киса. Правда, Чернушка?

Я сказала: «Мр-рм», хотя имя Чернушка мне категорически не понравилось.

– Жди здесь, я сейчас приду.

Она скрылась в одном из проходов, а я прошлась по комнате, стараясь сделать так, чтобы каждая ули хоть раз на меня посмотрела.

– А красивая кошка, – заметила одна. – Чистая, ухоженная.

– Потерялась, наверно.

– Ничего, Агнета ей пропасть не даст. И к делу пристроит. Вон Лиса госпоже Браннас добрые сны навевает!

– Тощая какая-то.

– Ничего не тощая. Просто шерсти мало.

– Вот я и говорю – тощая. Мне пушистые нравятся.

И ни одна не сказала: «Смотрите, это же оборотень, потерявший связь со своим телом! Давайте ей поможем».

Потом они вовсе перестали обращать на меня внимание и завели речь о какой-то Дагмар, которой изменил муж, и теперь их обоих

выгоняют из храма.

– Думаешь, ей выплатят возмещение?

– Само собой, выплатят. Она же не виновата, что Ульф изменщиком оказался!

– Еще как виновата. От хорошей жены муж не гуляет.

– Смотри, Вивика! Пойдет твой Лотер на сторону, посмотрим, как запоешь.

– Мой Лотер? Да никогда!

Я слушала и дивилась. Нас учили, что к служению Свену и Свяне допускаются только благонравные супружеские пары, а боги заботятся, чтобы они и дальше таковыми оставались, любили друг друга, уважали и хранили взаимную верность до последнего дня. Если божественная чета за своими ули уследить не в силах, на что надеяться бедной кошке, которая забыла, когда молилась в последний раз?

Блиzkих отношений с богами у меня никогда не было. В детстве я, конечно, бегала в храм – и с просьбами, и с вопросами. Все бегают. Но не все получают ответ.

Помню, как обидно мне было. А дед Полкан, посмеиваясь, повторял изречение столичного памфлетиста, скрывающегося под псевдонимом Зан Носса: «Я не верю в богов, боги не верят в меня, мы живем в полном согласии и друг другу не мешаем». Еще этот Зан Носса утверждал, что люди сильнее богов, потому что боги не могут существовать без людей, а люди без богов вполне себе обходятся.

Может, он и прав. Все равно толку от богов никакого, хоть мы и праздники в их честь устраиваем, и подати на храмы платим, и в гимназии богознание проходим – а учебник по нему толстенный!

К счастью, раньше, чем мои мысли приняли совсем святотатственное направление, вернулась Агнета с миской овсяной каши. Миска была жестяная, гремучая, каша холодная, комковатая и не соленая, но с кусочками курятины. Р-рам! Я старалась есть аккуратно и на пол ошметков не ронять, а потом еще и доньшко вылизала.

– Какая воспитанная киса, – восхитилась Агнета. – Не грусти, милая. Мы обязательно разыщем твоих хозяев.

Лучше отыщите мне мага, сведущего в тонкостях незримых миров!

Только, боюсь, у нас в Свеянске такого нет. Местные маги приставлены к делам земным, для жизни полезным. Чистка печных

труб и городской канализации. Починка магических и полумагических аппаратов и приборов. Торговля мелкими дозволенными амулетами...

– Идем, Чернушка, – позвала Агнета. – Покажу, где ты будешь спать и службу свою исполнять.

– Понимаешь, – объясняла она, пока мы шагали по очередному коридору, – люди приходят к нам не только свадьбу играть или о ребеночке просить, но и за вещими снами.

Верно. И платят звонкой монетой. А чаще – шуршащими ассигнациями.

– Всякий храм – это ворота в незримые миры.

Перед нами возник проем в сумрачную комнату.

Ули понизила голос:

– Идем тихонько, не шумим! У господ, расположенных к исканиям в мире снов, чувствительная нервная организация. И тут ваша помощь просто незаменима.

Наша?

– Теплый кот-мурлыка под боком – наилучший проводник в мир снов.

Просторная комната, погруженная в таинственный полумрак, была разгорожена ширмами, из-за которых доносилось сонное сопение.

– Здесь у нас Мохнач с господином Легсоном, – еле слышный шепот и легкое движение руки в сторону одной из разгородок. – Там Лиса с госпожой Браннас.

Я чуяла кошку и кота – не оборотней, самых обычных. Кошка пахла кошкой, а кот – не совсем котом.

– Вот тут господин Шлафлос, – Агнета двигалась на цыпочках и говорила теперь одними губами. – Он у нас третью ночь проводит, все уснуть не может как следует, ворочается и ворочается.

За ширмой как раз послышалась возня, скрипы и шумный тоскливый вздох.

Агнета дождалась, когда все стихнет, и закончила:

– Видишь ли, чтобы воспринять волю богов, сон нужен глубокий, такой, что из пушки стреляй, не добудишься. А сонный порошок господину Шлафлосу нельзя – здоровье не позволяет. Прошу тебя, милая, помоги ему.

К чему она ведет, было ясно с самого начала. Так что я заранее села в сторонке и обернулась хвостом. Простите, ули, вы очень любезны, но в постель с чужим мужчиной я не лягу!

Разумеется, Агнета моего отказа не приняла. Когда это человек считался с кошкой?

Ули уговаривала меня, называла «кисонькой», «лапушкой» и тихонько подкрадывалась с явным намерением сцапать, а я переходила с места на место, не подпуская ее близко.

Надоест же ей когда-нибудь?

– Зр-ря упр-рямишься, – мурлыкнули из-за ширмы госпожи Браннас. – Смир-рись. Потом понр-равится.

Стало неловко. Да что я в самом деле? Трудно подыграть доброй женщине, которая взяла меня под крыло?

В руки не далась, сама вспрыгнула на высокое ложе и устроилась поверх стеганого одеяла в ногах у господина Шлафлоса. Он что-то проворчал в полусне и перевернулся на бок, не лягнув меня только потому, что я успела отпрянуть.

Агнета ласково поворковала у его изголовья, погладила меня и наконец удалилась.

– Добр-рая, – раздалось ей вслед непонятно откуда. – Но стр-ранная.

Я соскочила с постели и вышла осмотреться.

Комната вмещала дюжину миниатюрных спаленок, в каждой – кровать, тумбочка и напольная вешалка для одежды. Со стен сонно жмурились резные Свены и Свяны, под их полуприкрытыми веками тлели оранжевым крохотные лучезары. На лаковых ширмах были тонко выписаны сцены из жизни божественных супругов.

Из-за ширмы госпожи Браннас показалась рыжая кошка феранской породы – в меру пушистая, на ушах кисточки. Лиса, надо полагать.

– Чер-рная, – приветствовала она меня, взмахнув пышным, как у белки, хвостом. – Пойдем пр-роведаем.

И кошка нырнула за ширму господина Легсона.

Я не без опаски последовала за ней.

На кровати, точно такой, как у господина Шлафлоса, спал человек, а под боком у него возлежал здоровенный меховой шар с

ушками.

– Смотр-ри, Мор-рда, – неучтиво обратилась к нему Лиса. – Пр-ривела. Чер-рная. Кр-расивая, пр-равда?

Пониже ушек у шара прорезались золотистые щелки.

– Кр-расивая, не кр-расивая, – проворчал шар и зевнул, явив розовую пасть с клыками. – Какая тепер-рь р-разница?

– Не гор-рюй, Мор-рда, – Лиса вскочила к нему на постель. – Я р-рядом.

Она принялась вылизывать лохматый мех, и ушки, и щелки глаз. При этом оба мурлыкали, рокотали на два голоса, словно пели дуэтом.

Я тоже села с краю – послушать.

– Р-рыбки бы, – жаловался Мохнач-Морда. – Кур-рочки. Зачем р-разбудили?

Во сне-то ему, горемыке, есть не хотелось. И вообще там, во сне, лучше, чем наяву.

– Пр-присутствие, – объяснил кот. – Пр-приятно.

– Пр-правильно, – согласилась Лиса. – Говор-рят. Хор-рошо!

Пока я пыталась понять, что это может означать, кошка вдруг повернулась и лизнула меня в нос шершавым языком.

– Гр-рустная. Спи. Пр-росто спи.

И сама пристроила голову на необъятный пушистый бок Мохнача.

– Спасибо, – пробормотала я. – Я тут где-нибудь р-рядышком...

Тьфу ты, сама по-кошачьи урчать начала!

Стоило немного успокоиться и почувствовать себя в безопасности, как могильной плитой навалилась усталость. Я выбрала себе пустую спальню подальше от остальных, вскарабкалась на незастеленную кровать и утонула в перинах. Было тепло и уютно, каша с курочкой, о которой грезил бедный Мохнач, наполняла живот приятной тяжестью, но сон не шел. Мысли крутились вокруг вчерашней ночи и сегодняшнего утра, на душе становилось все чернее и горше.

Чтобы отвлечься, я стала вспоминать сказки Старой Хель о мире богов и мире снов.

Старая Хель жила в двух кварталах от нас и каждый вечер читала внуку сказки из книг с такими потертыми переплетами, что названий не разберешь. Сказки были известные, но рассказывались всегда не

так, как я привыкла. То ли книги у Хель были какие-то особенные, то ли она выдумывала на ходу.

– Наш мир для богов, что для нас садовый пруд, так же мал и мелок, а мы для них вроде рыбок в том пруду. Живем себе среди водорослей, ила и лягушат, ведать не ведаем, как снаружи все устроено, и о том, что там творится, судим лишь по ряби на воде.

Я закрыла глаза и увидела Хель сидящей в старом кресле у камелька: на носу круглые маленькие очки, на коленях раскрытый том. Говорят, в молодости Хель играла на сцене. Голос у нее и сейчас был звучный, читала она с выражением, и с ветки у окна я четко слышала каждое слово:

– Рыбы не могут жить на суше, а люди – в воде, хотя в их власти осушить пруд и пустить на уху всех, кто в нем обитает. Вот и богам при всем их могуществе, чтобы дотянуться до людей, нужны храмы, алтари и святилища, как рыбаку нужны удочки и сети. Но боги ловят нас не для того, чтобы сварить уху. Они испытывают души, меняют судьбы и раздают дары, а иной раз отнимают. Мир снов открыт и людям, и богам. Там возможно все, там происходят настоящие чудеса и исполняются самые немислимые желания. Как в Ночь Всех Богов...

– Чем плохо утратить связь с незримыми мирами? – Свен погладил свою золотую вайнскую бородку, и она пропала, открыв гладкий подбородок, а волосы на голове бога потемнели. – Не будет у тебя чутья, не будет удачи. Мы не услышим твоих молитв, не пошлем знаков, озарений и провидческих снов, не подскажем, не поможем.

– А вы можете помочь? – спросила я.

– Можем и поможем, – уверил Свен. – Если дашь обет службу нам сослужить.

Комната в доме Старой Хель исчезла, кругом расстилалось что-то мутное, синевато-бледное – то ли туман, то ли снега. На Свене были посконные штаны и рубаха, подвязанная вервием, на Свяне – простое платье из некрашеного льна.

– Какую службу?

– Поймешь в свое время, – богиня мелодично рассмеялась, отбросив за спину черную косу. – Так ведь уговор с богами заключают. Не знала?

Знала. Это во всех сказках говорится: надо наперед по-обещать, что исполнишь любой приказ, всего один, но что за приказ, не

узнаешь, покуда час не пробьет.

– То-то же, – усмехнулся Свен и посерьезнел: – Так даешь обет?

– Даю, – сказала я.

– Тогда скрепим уговор печатью.

Он очутился рядом и, взяв в руки мое лицо, коснулся губами лба, а потом то же самое сделала Свяна.

– Тело твое мы вернуть не можем, – сказала она.

– Не в нашей это власти, – уточнил Свен.

– Двудликие принадлежат Двудликому.

– Но не проси его. Не ответит.

Верно: у Двудликого нет храмов. Бог, давший начало всему сущему, смотрит на мир, но не вмешивается. Так нас учили.

– Как это нет храмов? – притворно нахмурилась Свяна, и лен на ней превратился в вишневый бархат, коса рассыпалась, длинные густые пряди собрались в модную прическу. – А Храм Всех Богов? В Альготе!

– Там в Ночь Всех Богов, – торжественно произнес Свен, одетый теперь в парадный сюртук, – Двудликий нисходит в мир, чтобы отворить дверь между старым годом и новым, между явью и неявию, между былью и небылью, между жизнью и смертью...

– Входит с одним ликом, выходит с другим.

– В самую долгую ночь все заслоны и преграды падают.

– Так же падет заклятие, что лежит на тебе.

– Но помни! Если не поспеешь к сроку...

– Если не будешь ночью в храме...

– Если не вступишь в Лабиринт Судеб...

– Ходить тебе в зверином обличье до конца дней!

Утром я выбралась из перин и увидела, что из комнаты есть выход. Значит, можно отправиться на разведку. Самое время – пока остальные еще спят.

Откуда я знаю, что настало утро, когда нет окон? Кошкой я всегда это чую.

Туннель оказался тесным, как барсучий лаз. Вероятно, он предназначался для кошек, несущих службу в комнате снов. Или для меня одной? Было жутковато. Так и чудилось, что перламутровые, мягко светящиеся стены вот-вот сожмутся и раздавят.

Потом я услышала звуки, ощутила запахи – и выбралась в сеть коридоров обычного человеческого размера. Эти коридоры не появлялись и не исчезали, а просто были. И двери в них – были. Вещественные, прочные, пусть и странной овальной формы.

Створки одной из дверей стояли открытыми. За ними в большой комнате, похожей на кабинет управляющего или королевского чиновника, раздавались взволнованные голоса, мужские и женские:

– Вы только подумайте, каков наглец!

– Да как у него бесстыдства хватило заявиться к нам и чего-то требовать!

– Мы же не впустим его, Доброчтимый?

– Ни в коем случае, – отозвался низкий властный голос. – Слуга Дакха не переступит порог нашего храма.

– Но, Доброчтимый, – возразил кто-то. – Если этот оборотень в самом деле опасный преступник, мы не можем покрывать его.

У меня лапы задрожали.

Бежать! Прятаться!

Но куда?..

Я юркнула за створку двери и не дыша прислушалась.

– С оборотнем мы решим сами, – объявил не менее твердый женский голос.

– А знаете, – вмешалась другая женщина, – вчера вечером ули Агнета нянчилась с новой кошкой. Черная такая.

– Вот и найдите эту кошку! Все свободны.

Собравшиеся в кабинете разом пришли в движение. Раздались вздохи, шелест одежд, зашуршали по полу подошвы мягких сапожек. Служители неторопливо расходились в разные стороны, обсуждая случившееся, а я сидела за дверью как в ловушке, не смея шелохнуться.

– Вы меня звали, Доброчтимые? – послышался тихий, смиренный голос.

Агнета! Должно быть, она пряталась в кабинете или, как тут водится, явилась из только что открывшегося проема.

– Ты знаешь волю божественной четы? – спросил мужчина.

– Знаю, Доброчтимые.

– Вот и выполняй. И не попадайся никому на глаза.

Агнета вышла в дверь, ступая тише мыши, но дыша так, будто только что обежала половину Свеянска.

Легкий шорох, почти беззвучное движение перламутровой створки...

– Чернушка, не убегай! Я выпущу тебя так, чтобы он не узнал.

В стене напротив сейчас же образовался ход.

– Идем... – Агнета запнулась и закончила: – Идемте, госпожа.

В нешироком туннеле, уводящем вглубь храма, кроме нас, никого не было, и ули говорила, не понижая голоса:

– Понимаете, я сновидица. Не такая сильная, как те, кто живет на острове, но во сне мне часто является Свяна, а иногда и Свен. Вчера они оба сказали, что надо ждать особого гостя. Я не думала, что это будешь ты... Вы. Будете. Я думала, вы просто кошка. А сегодня был еще один сон, и Свяна велела помочь вам убежать от секача. Он сидит в саях у главного входа, а вокруг храма понаставил меток, чтобы никто не выскочил незамеченным. Но я вас подземным ходом выпущу. Чужие о нем не знают. Госпожа Кошка...

Агнета помялась.

– Секач... он сказал, вы кого-то убили. Это ведь неправда?

Глава 4, *в которой кошка гуляет сама по себе*

Я все-таки решилась взглянуть на него – издали, с крыши склада москательных товаров госпожи Торнеке.

Утро было серым. С неба сыпал частый снег; за белесой завесой люди и сани, съехавшиеся на очередную свадьбу, казались мутными пятнами. Но я сразу поняла, какие из саней принадлежат секачу.

Он как раз откинул меховую полость, которой укрывался, вылез наружу и молодежато прошелся по утопанному снегу перед входом, разминая ноги. Короткий приталенный полушубок с поднятым воротом ладно сидел на его подтянутой фигуре, под черной шапочкой угадывалось по-ланнски смуглое лицо, и я заметила, как женщины из числа гостей поворачивают головы в его сторону.

Когда проем открылся и народ потек внутрь, секач не сделал попытки смешаться с толпой. По словам Агнеты, он уже пробовал. Храм его не впустил.

Секач помедлил, наблюдая за входящими, затем обвел взглядом окрестности. Я вжалась в снег за водосточным желобом, а едва посланец Дакха отвернулся, поспешила перебраться с крыши на забор по другую сторону здания. Не хватало еще, чтобы этот удалец меня почуял. Может, секачи на такое и не способны, но как-то же он узнал, что я в храме!

Доброхтимые не выдали меня на расправу. Однако и заступиться не пожелали, хотя храм обладает правом убежища.

Наверное, им было немного совестно, и прежде чем выставить на мороз, меня накормили как дорогую гостью. Гуляш из индейки с овощами и сырной подливой – только из печи, нежный, ароматный. Пища богов!

– Вам понадобятся силы, – объяснила Агнета.

Потайной ход вывел во двор заброшенной усадьбы неподалеку от храма. Прощаясь, ули сообщила, будто по секрету, что боги ждут от меня помощи:

– Совершается преступление против любви, и вы должны его предотвратить.

Ни больше ни меньше.

Лиса права: она и правда странная.

Встав с постели, я была уверена, что видела обычный сон, навеянный обстоятельствами. Смущало лишь то, что я помнила разговор с богами во всех подробностях, от первого до последнего слова. Даже самый конец, когда образы стали таять, голоса удаляться, а Свен и Свяна, словно забыв обо мне, перебрасывались фразами между собой:

– Ах, надо было предупредить, что печать не спадет, пока служба не будет исполнена. Как же я запамятовала! Давай вернемся?

– Брось. Она неглупая девочка, сама догадается. И в сказках об этом, небось, написано.

– Разве? Не припомню. Может, попросим Снежу присмотреть за ней? А то замерзнет в дороге.

– Снежу? Нет уж! Или ты хочешь, чтобы мы были ей должны?

Боги истаяли уже до смутных теней, и разобрать ответ Свяны я не смогла, только услышала, как оба рассмеялись.

Не знала, что у богини зимы есть имя. Обычно ее так и величали – Зима, Хозяюшка Зима или просто Богиня. Когда за окном стужа и сугробы, сразу ясно, о какой богине речь.

Или у богов, как у кошек: одно имя для людей, другое – для своих?

На улице было теплее, чем вчера, но время от времени налетал ветер, и чувствовалось в нем что-то настолько леденящее, что сердце стыло. Я укрылась за трубой над пекарней Верцелей, прижалась к теплому камню и мысленно позвала на пробу:

– Снежа!..

Ветер задул еще сильнее, над крышей поднялась метель, и в кружении снежинок мне почудился хоровод крохотных снежных фей, о которых пишут в сказках. Феи перемигивались глазками-искорками и тихо хихикали.

Я зажмурилась и тряхнула головой – привидится же!

Лапы принесли меня домой. Зайти во двор я не осмелилась – секач мог и там меток наставить. Влезла повыше на соседскую осину и долго приглядывалась к окнам, прислушивалась к звукам и запахам. Судя по всему, мамы дома не было. У калитки стояли Майра с Ормом и

шептались так тихо, что я не слышала о чем. Майра кокетливо улыбалась, а Орм трогал воротник ее беличьей шубки.

Да, у Майры был настоящий ухажер. Младший из пяти сыновей пекаря Верцеля. Сутуловатый парень, с красным лицом, белесыми ресницами и большими ладонями. Без надежд на приличное наследство, но работающий и себе на уме. Третий год за Майрой ходил, звал замуж.

Мама советовала не спешить, и Майра не спешила. Ей нравились наглые красавчики вроде Торана Хогмуда, сынка нашего бургомистра, и она не скрывала, что мечтает выйти за богатого. Это не мешало Майре держать Орма рядом и помыкать им в разумных пределах. Зато каждое утро у нас к завтраку были свежие булочки.

Может, Майра пристроит меня к Верцелям на денек-другой? В пекарне тепло, а от булочек я не откажусь и в кошачьем теле. Заодно попробую вызнать у нее подробности о визите Льетов – и откуда взялась выдумка, будто я убийца. Не мама же сказала такое служителям Дакха! Может, это ошибка и секач у храма вовсе не меня искал?

Много лет в Свеянске был один оборотень – дед Полкан. Потом пришли бабушка с мамой. А сейчас осталась только я. Если бы завелся кто-то еще, рано или поздно я бы его учуяла. Значит, это чужак. Опасный тип, бегущий от правосудия. А подозрение пало на меня!

В этот миг Майра рассмеялась, откинув голову назад, так звонко, что слышно было даже на моей осине.

В горле встал комок. Наверное, так чувствует себя дух, который пришел в мир людей, чтобы увидеть, как жизнь продолжается без него.

Я отвернулась и спрыгнула в снег, заваливший проулок. Булочки не сделают меня человеком, а потеря пары дней может дорого обойтись. Сколько по нынешней погоде займет дорога до Альготы – неделю?

Верин Керст от Свеянска вдвое дальше, и добираться туда трудней.

Казалось бы, выбор ясен...

Если поверить, что во сне, не давая себе отчета, я и правда заключила договор со Свеном и Свяной. А вдруг встреча с богами – просто ночное видение, что тогда?..

В Керсте у меня подруга, которая приютит, обогреет и поддержит. Но сумеет ли помочь?

В Альготе – Храм Всех Богов, где заправляют служители Дзуликого, которым, по слухам, дарованы особые силы. Там же две академии наук, обычных и магических, а еще мелкие колдуны и ведьмы всех мастей. Наверняка найдутся и оборотни. Но ни одного друга или хорошего знакомого.

Керст или Альгота? Запад или северо-восток?

Как бы то ни было, Свеянск придется покинуть. Идти пешком в моей шубейке и думать нечего. Доеду по Северному тракту до Лейра или Голянска, а там решу, куда дальше. Одна загвоздка: где взять транспорт? Сегодня, сейчас, не теряя времени, не тратя силы на поиски нового убежища.

Однажды я читала роман о юной девушке, чудом избежавшей гибели от рук злодеев. Ей надо было спрятаться, и девушка устроилась служанкой в дом злодейского главаря, рассудив, что у себя под носом он искать не будет.

Почему бы и мне не поступить схожим образом?

Тем более что «злодей» как раз собирается в нужном направлении...

Через четверть часа я была у дома Снульва.

Вовремя!

Через распахнутые двери черного хода слуги таскали во двор дорожные сундуки и кофры. Большую часть укладывали в простые крытые сани, пару штук закрепили на задке богатой кареты на полозьях. Немного в стороне стояли наготове третьи сани, открытые, с двумя рядами низких полулежачих сидений. Выбирай, что душе угодно.

Льеты меня погубили, они же и спасут! Доставят прямиком в столицу. Надо только не попасться на глаза кавалеру и его ведьме.

Правда, до Ночи Всех Богов еще без малого три недели. Что я буду делать в Альготе столько времени? Может, все-таки в Керст?..

Лоб кольнуло будто калёной иглой.

У меня, часом, не жар начинается? Не хватало еще простудиться!

Холод пробирал до костей, и я не стала больше ждать. Улучив момент, когда во дворе никого не было, выскользнула из-под садовой

скамьи, забралась в грузовые сани и втиснулась между кофрами. Их стенки, обитые толстой кожей, еще хранили остатки тепла. Снаружи задувал ветер, и все равно было так хорошо, что я зажмурилась от удовольствия.

Погрузили последний сундук. Дверцы захлопнулись, клацнул замок, внутри стало темно. Я сказала себе, что тревожиться не о чем. Спереди, за головой кучера есть окошко с раздвижной деревянной заслонкой. Если понадобится, я сумею открыть ее изнутри – на что кошке лапы с ког-тями?

Но когда во дворе послышался грубый, как наждак, голос матушки Гиннаш, стало жутко до дрожи в печенках. Вдруг она почует меня, как почуяла тогда, у окна? Я же тут как мышь в мышеловке!..

Наконец тронулись. Я сидела, будто на иголках, прислушиваясь к каждому шороху, а перед глазами снова и снова вставал момент, когда со старушечьих пальцев слетала, устремляясь ко мне, зловещая черная пыль.

Знала ли ведьма, что я оборотень или наложила свое заклятие просто на всякий случай?

Так или иначе, путешествовать в ее компании – отчаянный риск. Но другую оказию надо еще найти, а на дворе не лето.

Скоро я ощутила это сполна. Ветер в возок не задувал, снег не залетал, но мороз проникал сквозь все преграды, постепенно выстуживая багаж и пол под лапами, заползая ледяными щупальцами под мою тоненькую шубку.

До первой остановки было еще терпимо.

Судя по звукам и запахам снаружи, Льеты завернули в придорожный трактир. Движение за стенками возка не затихало ни на миг, и я не решилась выйти. Вдруг стану двигать заслонку, а кто-нибудь заметит?

Выехали часа через два. Льеты, небось, успели не только отобедать с толком, но и у камина посидеть, газеты почитать, кавалер еще и стопочку пропустил, а бедная кошка тут хоть околеет!..

К моменту второй остановки я уже клацала зубами, трясясь, как цуцик. Живот свело от голода, очень хотелось в отхожее место.

Как только кучер, проследив, чтобы коням задали корм, ушел в тепло вслед за господами, я вскарабкалась по сундукам и с пятой попытки сумела-таки сдвинуть заслонку.

Уже смерклось. Снег давно перестал идти, трактирный двор был неплохо укатан.

В дальней его части, в открытом загоне, окруженном бревенчатой изгородью, дремали полдюжины ломовых мамок – совсем не таких ухоженных, как Фин и Фан господина Лердсона. Их кудлатая шерсть давно потеряла белизну, на боках смерзлась в грязные сосульки. Животные лежали, подогнув под себя ноги и свернув мохнатые хоботы наподобие пожарных шлангов. Умаялись за день, бедняги. Бивни мамок упирались в землю, уши обвисли, будто ключья овчины на заборе, дыхание наполняло двор шумом и рокотом.

У трактира сновали люди, но до кошки, выбравшейся из оконца крытой повозки, никому дела не было. Длинное здание манило желтыми окнами и ароматами съестного. Я отыскала заднюю дверь и уселась у крыльца.

Думала, придется учиться красть еду. Но не понадобилось.

Кухонная девчонка, посланная выплеснуть помой, не осталась равнодушна к моему мурлыканью. Даже впустила в тепло.

Она и сама была как бездомный котенок. Одежонка вся штопаная, на грязных тощих ногах деревянные башмаки.

Интересно, штопала сама? Стежочки мелкие, ровные.

Девочка принесла похлебки, и я принялась за еду, стараясь не думать, что раскисшее месиво наверняка слито из чужих мисок.

– Подожди, – шепнула девочка. – Сейчас за косточкой сбегая...

– Я т-те дам косточку! – прогрохотало над головой. Грубо, сипло, да с бранными перекатами.

Мимо по коридорам все время кто-то топал, скрипел половицами, и сперва я не придавала значения тяжелым мужским шагам. Но услышала их, уловила вонь перегара и кислого пота, вовремя поняла, что все это приближается, и сумела увернуться от кованого сапога – только миска загрохотала, разметав по полу остатки похлебки.

А мою спасительницу застали врасплох. Косматый бугай с налитой кровью рожей влепил ей такую затрещину, что девочка упала, а он шагнул ближе, собираясь поддать ногой.

Не знаю, как бы я поступила в человеческом теле – этот вопрос пришел мне в голову уже после. А в тот миг было не до вопросов. В ушах зазвенело от ярости. Я прыгнула краснорожему на брюхо, проехала когтями по рубахе навывпуск и повисла на том самом месте,

которым особо дорожат мужчины, – ни секунды не думая о приличиях! Да еще задними лапами от души прошлась по толстым ляжкам.

Бьешь маленьких?

Вот тебе от маленькой кошки, негодяй! Получи!

Бугай заревел, как раненый медведь – такими словами, каких я и от извозчиков не слышала.

Было самое время рвать когти. Но проклятые застряли в грубой шерстяной ткани.

Бугай махнул ручищей – у меня звезды из глаз посыпались. Я поняла, что лечу кувырком и сейчас шмякнусь о стену!

В последний момент успела собраться в воздухе. Лапы отбила, приземляясь, но в остальном обошлось.

Медвежий рев прервался женским скандальным визгом. На шум явилась тетка в зеленой клетчатой юбке и кирпичного цвета кофте с оборками, туго натянутой на животе. Как можно такое носить? Ведь не бедная, видно!

Пока бугай объяснял, что «эта падаль переводит харч на эту падаль», девочка поднялась на ноги и, оттерев разбитые губы, отворила мне дверь:

– Беги!

– Вилька, куда!.. – взревели за спиной.

Я юркнула за угол, услышав напоследок:

– Я тебя по доброте своей приютила, чай, не чужая кровь, а ты, дрянь такая...

Тихо, вдоль стеночки, я пробралась обратно на главный двор. Там как раз высаживалась из санной кареты компания богатых ездоков. Над широким крыльцом трактира горели фонари в железных клетках, суля уют и тепло. В их сиянии переливались собольи меха вновь прибывших, оживленно звучали приятные мужские голоса, игривым колокольчиком звенел женский смех.

Фасад трактира, фасад жизни. А по другую сторону – грязь, брань, зуботычины, нищая сиротка в руках мерзавцев. И кошка, которую ничего не стоит размазать по стене одним ударом...

Помочь девочке Вильке я, увы, ничем не могла и лишь порадовалась, что Льеты не захотели тут ночевать – потому и лошадей

не выпрягли. Но меня подстерегал неприятный сюрприз.

Хозяйские кучера, все трое, собрались у грузовых саней. Жевали табак, сплевывали на снег и обсуждали, какой такой подлец вскрыл заслонку на возке. Небось, хотел господ обокрасть. Бывают такие воры – щуплые, тщедушные, гибкие, что твой уж. В любую маломальскую дыру пролезут не хуже кошки.

Я отступила в тень чьих-то саней.

Что дальше? Заслонка закрыта и подобраться к ней не удастся, кучер теперь настороже. Искать других попутчиков?

А от дверей трактира уже звенел голосок барышни Агды...

Я спряталась под господскую карету.

Рядом стояли сани, заваленные грудой грубо выделанных шкур. В этих санях, если я верно поняла, ехала прислуга.

Багаж, представьте себе, в крытом возке, а люди – на ветру и морозе. Зато под меховыми покрывалами.

Слуги, две женщины и двое мужчин, укутанные так, что только глаза видны, как раз приближались. И я решилась. Обежала сани, хоронясь за лошадьми, втиснулась под тяжеленную шкуру, забила в какую-то нишу, должно быть, под сиденье – жаль, места маловато.

– А на что ты ей такой сдался? – громко и насмешливо говорил женский голос. – К девушке подход надо иметь!

– Подход ей! Много чести, – сварливо отозвался мужчина. – Небось, не из господ.

Подошедшие расселись, препираясь и подначивая друг друга. Я оказалась в женской половине саней. Служанки Льетов долго возились, закапываясь под мех и суча ногами в валяных сапогах. Раз меня несильно ткнули в бок, но, видно, хозяйка сапога решила, что попала по перегородке.

Стенки саней были обиты войлоком, пол устлан лохматыми коврами. По ним щедро расстелился край бараньей полости, в которую укуталась одна из моих попутчиц. Но кому край, а мне – целая перина. Я аккуратно прилегла на нее грудью, погрузив нос в лохматое и пахучее, а когда дыхание женщины стало тихим и ровным, зарылась в кудлатый ворс всем телом и наконец согрелась достаточно, чтобы задремать.

Во сне было тепло. Во сне было лето. Я лежала на берегу моря, и в лицо мне било солнце, такое горячее, что лоб пекло, словно к нему

приставили дно раскаленного чугунка. Я отодвинулась в тень. Не знаю, что ее отбрасывало. Только что никакой тени не было, она появилась, едва стала нужна. Я пристроила голову на морской валун, гладкий на вид, а на ощупь почему-то шершавый и ворсистый, точно валяная шерсть...

– А-а-а! Крыса! А-а-а!

Меня дважды ударили в живот, рванули за лапу – с такой силой, что едва плечо из сустава не выдернули. А потом все завертелось, и я полетела, глотая колючий ледяной воздух, в черно-белую бездну...

Черной была ночь, белым – снег. Он принял меня в жесткие объятия, спеленал сыпучими простынями, не давая вздохнуть. Я забарахталась, будто неумелый пловец, и все-таки вынырнула под лунное небо – чтобы увидеть, как удаляется маленький обоз Льетов. Растаял в ночи огонек фонаря под задним козырьком на крыше повозки, стихло пение полозяев...

Кругом расстилалась пустыня, перечеркнутая свежим санным следом. Это не был накатанный тракт, вдоль которого, перетекая одно в другое, тянулись села, стояли трактиры и гостевые дома, где всегда можно найти пристанище. Куда ни кинь взгляд, серебрились бескрайние снега.

По бокам местность немного поднималась, на небе рисовались ломкие скелеты деревьев. Берега? А подо мной – замерзшая река, по которой проложен зимник, присыпанный последним снегопадом. Льет, должно быть, решил сократить дорогу.

Большая река в наших местах одна – Норран. Течет с северо-востока на юг, к морю. Двигаться по тракту удобнее и надежнее, но он делает изрядный крюк, а русло Норрана идет в сторону Альготы прямо, не петляя, почти до Искарьинска. Только с ночлегом на реке туго, постоянных дворов по берегам нет. Льетов это не пугало. Очевидно, они рассчитывали остановиться в поместье какого-нибудь знакомого богача вроде Снульва.

У меня было два пути. Догнать обоз и найти способ вновь незамеченной попасть в одну из повозок. Или по следу вернуться на тракт, перебиться ночь и пристроиться в попутчики к кому-нибудь еще.

Бежать за кавалером опасно. В три раза – нет, в десять раз! – опаснее, чем раньше. Вышвыривая меня вон, слуги Льетов наверняка поняли, что извлекли из-под шкур не крысу, а кошку. Черную кошку. И хозяевам доложат.

Нет, к кавалеру мне нельзя.

Но и поворачивать назад не хотелось, просто потому что это – назад. Мне вперед надо. В Альготу или к Вере, но вперед.

Ай! Опять кольнуло переносицу.

Странно... Ну-ка, проверим.

Эй, наверху! Я решила. Не хочу в Альготу. Туда едут Льет и его ведьма. Отправлюсь к Вере, на запад. Где тут запад?..

На сей раз последовал не короткий укол – показалось, будто между глаз мне положили кусок раскаленного железа и стукнули по нему молотком. Несильно так стукнули. Но думаю, мое «мяу» было слышно даже рыбам подо льдом.

Свяна! Свен! Мы так не договаривались. Вы сказали, печать не сойдет, пока я не исполню обет, но не сказали, что она будет жечь каленым железом, стоит подумать о... О том, чтобы его не исполнять.

Хорошо, убедили.

Скрючившись от холода и поджав хвост – в самом буквальном смысле, я потрусилась в сторону тракта. Печать кольнула опять, на этот раз деликатно. Пришлось развернуться и двинуться по следу кавалера Льета.

Свен, Свяна, вы хотите, чтобы он из моей шкурки воротник сделал? Меня же поймают сразу, как только близко подойду!

Печать молчала. Боги молчали. Только луна, яркая и голубая, как лед, следила за мной с черных небес, припорошенных крошечными снежинками звезд. Чистый сухой воздух обжигал горло. Чтобы не думать о плохом, я стала вспоминать свои злключения, воображая, что сочиняю роман. Снежную сказку, в которой все закончится счастливо.

Это отвлекло, но ненадолго. Я бежала по санному следу как по битому стеклу, чувствуя, что замерзаю, промерзаю насквозь, не до костей даже, а глубже, хотя, казалось бы, глубже некуда. И впереди по-прежнему ни малейших признаков жилья.

– Свяна! Свен! – позвала я. – Сделайте что-нибудь! Иначе к утру будет все равно, сошла печать или нет.

Вместо слов из горла вырвалось протяжное «Мия-а-а-у-у». Но боги должны понимать любой язык!

Я позвала еще.

И снова – тишина. Боги словно намекали, что укротить стужу, как и вернуть мне тело, не в их власти.

– Снежа!.. Ты сестра им. Помоги!

Все боги – дети Дзуликого, братья и сестры, что не мешает им вступать в брак между собой. Людям нельзя, а богам можно. Потому что они боги и потому что у них нет выбора – больше жениться все равно не на ком.

Свяна, о чем я думаю!

Нет, не Свяна... Снежа! Хозяйка Зима! Слышишь меня?

Поднялся ветер, по белой равнине пронеслась поземка, и я задохнулась колючей пылью. Из неплачущих кошачьих глаз брызнули слезы. Было так холодно, что хотелось умереть... но умирать не хотелось!

«Кош-шка, – шелестели снега. Будто сотни змей струились вокруг. – Кош-шка».

Наверно, я сошла с ума...

В снежном вихре соткалась расплывчатая фигура.

«Приди ко мне, Кошка, – прозвучал в голове ясный ледяной голос, – и никогда не будешь знать холода. Не будет боли, не будет мук...»

– Нет! – выкрикнула я. – Нет! Посмотри: на мне печать твоих сестры и брата. Они ждут от меня службы. Я им нужна...

– А мне? – спросила фигура. – Сослужишь службу мне? Тогда помогу.

– Чего ты хочешь?

– Узнаешь, когда придет время.

Так всегда – во всех сказках! Сперва обещай, а потом хоть в петлю лезь, когда потребуют такого, чего и врагу не пожелаешь, но отказываться уже поздно...

– Так сослужишь?

– Сослужу...

Кажется, я все-таки заплакала. Но слезы в глазах стали льдинками, и сквозь них полыхнуло видение: прекраснейшая женщина в белом уборе, искрящемся тысячью снежных звезд. Она склонилась

ко мне из черного поднебесья и запечатлела на темени долгий поцелуй, от которого меня пронзило лютым холодом, а потом отпустило.

– Вот мой дар. Он согреет тебя и защитит.

И все. Голос еще звучал в ушах, а женщина сгнула. Остались лишь ночь, звезды и снега.

И я.

А еще чувство, будто меня обернули в пуховое одеяло. Пух был густым и ослепительно белым. Вернее, не пух, а мех. Восхитительный пышный мех. На одной лапе, и на другой, и на хвосте, и на плече, и на груди, и на животе. Всюду, куда я смогла заглянуть...

У богов все, как у людей. Есть богатые, славные, почитаемые, с дворцами-храмами и толпами служителей-ули. Есть безвестные, незаметные, а то и забытые. И есть такие, как Зима... Снежа, которые не ждут почестей от людей.

«Храм мой из снега,
алтарь изо льда,
вьюга —
гимн мой священный,
мороз – мой слуга».

На крайнем севере Ригонии и Вайнора стоят Приюты Зимы, где вайны и гобры с особым даром разводят карликовых мамонтов, ездовых собак и снежных кошек.

Кажется, богиня только что превратила меня в одну из них.

Снова одолел голод. Но бежалось легко. Пучки шерсти между пальцами согревали лапы, смягчали шаги, я больше не проваливалась и не оступалась, снег будто сам нес меня.

А зима оказалась полна жизни.

В вышине парили снежные птицы, с их крыльев веером сыпалась алмазная пыльца, и в кружении блесок вились мотыльки, прозрачные, как морозный узор на окне. Скреблись под землей ледяные мыши. Вдалеке промчался заяц – живой, теплый, я это почуяла, а следом такой же – снежный. Далеко-далеко взвыл стылмым воем ледяной волк. А снега́ вокруг все пели, пели свою тихую неумолчную песнь... Мне

было удивительно и жутко. Но я верила, что отныне зима мой друг и союзник.

Я ошиблась.

К утру легкость ушла, мороз пробрался под толстую шубу и кусал все злее. Погода опять испортилась. По небосводу полетели тучи, повалила сплошным валом белая крупа. Ветер засвистал разбойником, подхватывая и крутя, вертя ее с молодецкой удалью.

Я не видела, куда иду, да и какое там иду! Резким порывом меня сбило с лап, протащило, бросило в снег. Перед носом вмиг намелся торос, и ничего не осталось на свете, ни неба, ни деревьев – везде сплошная муть и круговерть. Я закрылась лапами и легла, чуя, как растет надо мной снежный холм.

Вдруг грянул топот, конское ржание. Верхушку моей норы снесло, будто топором! И я увидела: скачут...

Снежные витязи. Как в сказке.

«В злую метель воины, замерзшие в снегах, восстают, готовые к битве. Горе тому, кто очутится на их пути...»

Витязи мчались сквозь пургу, и я не могла отвести глаз. Гривы их коней размазывались по ветру, вплетаясь в снежный буран, их смех вымораживал душу, а пики в руках отливали мертвенной синевой.

Я кинулась бежать. Но разве от них убежишь? Налетели, взяли в кольцо и понеслись кругом так быстро, что вой ветра перерос в свист.

В этом свисте чудился голос, нежный, как музыка: «Не пугайся, дитя, здесь тебя не обидят. Постой, не спеши...»

– Снежа, это ты?! – буря проглотила мой крик, как щука глотает пескарей.

А голос стал ближе, отчетливей:

«Слушай меня, дитя! Ты устала. Ляг, закрой глаза, согрейся под моими снежными перинами. Отдохни сегодня... А завтра встанешь и побежишь с моими детьми в мире и радости».

Их было множество: снежного зверья, лис, оленей, белок, мышей, даже кошек и неведомых тварей, невесть откуда пришедших. Они играли, веселились – там, за снежной завесой, радуясь стуже, как живые радуются весеннему солнышку.

«Они и есть живые. Я забрала их к себе, и они будут оживать каждую зиму. И ты будешь. Только не противься».

Песня вьюги вымывала из тела остатки тепла, отнимала последние силы.

– Снежа! – взмолилась я. – Снежа, ответь! Как же наш уговор?
С...

Наст под лапами просел, и я уткнулась носом в плотный сугроб.

– ...нежа!

– Наконец-то! – отозвался холодный голос. Тот, что пел мне колыбельную смерти, или другой? – Сколько можно коверкать мое имя?

– Снежа, прошу! Ты обещала...

– Опять! Что за бестолочь? Но так и быть, помогу. Вставай! Ты почти дошла. Видишь огонек?

В белой вихрящейся мгле мигнула синяя искра. Близко ли, далеко?

– Это твой проводник. Выведет к месту. И вот что, – богиня задумалась. – Можешь позвать меня еще раз. Но только один! И не сегодня. Да учти, зови правильно, а то не услышу.

Огонек был едва различим, маячил впереди, но ближе не делался. В лицо летел снег. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, синей искры не было.

Чувства разом притупились. Мороз больше не жалил, а баюкал, клоня к земле. Дети зимы бежали следом, и мне все сильнее хотелось последовать их зову.

Вот и конец моей книге. Короткая вышла сказка... Лапы подломились, снег расстелился постелью, и стужа сомкнулась надо мной, как волны океана над тонущим.

– Снежа!..

Глава 5, ***в которой меня принимают за мужчину*** ***и заключают в снежную ловушку***

Гудрун казалось, что она пробирается по белому болоту. Снег засасывал, как трясина, ноги проваливались по самые края высоченных войлочных сапожищ, путались в юбках и полах тяжелого тулупа. Лицо горело от мороза, по спине струился пот.

Она была в Веревее всего однажды – ребенком. Котенком... Обследовала все кусты, все коряги, сунула нос в каждое дупло и не сомневалась, что отыщет теткино логово, сколько бы ни прошло лет. Но под деревьями уже легли синие тени, меж стволов вспышками пробивался малиново-золотой зимний закат, а лесной домик все не показы- вался.

Гудрун потеряла рукавицей нос, щеки и оглянулась. Борозда следов позади нее тянулась, как рваный шрам на снежной шкуре. Как указатель. Значит, вернуться в деревню она сможет в любой момент. Если успеет дотемна. Если не начнется метель. Не разгуляется мороз. Не встретится на пути хищник...

А каково сейчас Карин? Где она?

Гудрун доковыляла до поваленного дерева и рукавами расчистила себе местечко на наклонно лежащем стволе. Ей надо сесть. Отдохнуть, подумать.

На пригоршню снега, упавшую сверху, внимания не обратила. В лесу постоянно что-то падало, потрескивало и поскрипывало. Может, птица сорвалась с ветки, белка проскакала или сучок не выдержал тяжести снежного груза.

Но следом прыгнуло большое, мохнатое...

Гудрун опрокинулась на спину и сквозь пелену ужаса увидела перед собой желтые глаза на рыжевато-серой морде, уши с кисточками и мощные лапы.

Рысь уселась на расчищенном стволе, ее верхняя губа дрогнула, обнажив кончики клыков. Скорее насмешка, чем угроза.

«Здорóво, племяшка. Решила навестить старуху? И полвека не прошло, – прозвучало в голове. – Никак случилось что?»

С минуту Гудрун лежала в снегу, не в силах издать хоть звук, потом заставила себя сесть.

– С Карин... дочерью моей, беда...

Полтора часа спустя они продолжали разговор уже во дворе дома. Гудрун устроилась на колоде для колки дров, накинув поверх тулупа медвежью полость, прогретую на печи, тетка Фрейя, так и не принявшая человеческого облика, – напротив нее, на поленнице.

Рысь даже в дом не вошла, предоставив гостье самой разогревать себе кашу с заячьим мясом и ставить водовар.

В доме было просто, как в крестьянской избе. Лавка, стол, сундук, лаз в подполье. Полы не метены, побелка с печи облезла. По всему видно, что хозяйка мало заботилась об удобстве своей человеческой половины. И следы вокруг дома были только звериные.

– Ты что же, совсем не оборачиваешься?

«Оборачиваюсь, – пришел ответ. – Печь натопить, кашу сварить. Дичи в лесу нынче мало».

Гудрун так вымоталась, что чужой голос в голове не пугал. Хотя в пору ее детства тетка Фрейя так не умела.

В тот единственный раз они с матерью гостили в лесном домике больше месяца. Тетка прибила мышонка специально для маленькой Гуни – угощайся, племяшка! Голенький, шерсть жевать не надо. Гудрун ударилась в рев. Чуть было не ушла пешком назад в Свеянск, не желая оставаться под кровом убийцы.

Всю жизнь она вот так рубила с плеча...

«В человечьем теле у меня руки-ноги болят, – толковала Фрейя между тем. – И поясница. С нутром нелады, в глазах мутит. А зверем я еще сильна. Придет день, насовсем в рысьем теле останусь. Да ты не бледней, Гунька, не бледней! Ничего плохого в звериной жизни нет. Это Урсулка, мать твоя, голову тебе задурила городом своим. Говорила я ей, нечего в этом городе делать, живите тут, со мной. Так нет: девочке учиться надо, ремесло осваивать. И сама она, помню, любила в шляпке по мостовой пройтись, каблучками постучать...»

Подул ветер, с крыши полетела снежная пыль – прямо в рысью морду. Тетка Фрейя чихнула.

«Трусиха ты, Гунька. И мужа себе нашла такого же, городского... труса и дурака! Или ты ему чем насолила? Может, на сторону поглядывала?»

В сумерках прищуренные глаза тетки отливали холодным лунным золотом.

Гудрун вскочила, неуклюже сбросив с себя медвежью шкуру. После такого нужно было вскочить и ответить, как она умела! Но все слова потерялись. Гудрун не чувствовала ни обиды, ни злости – только застарелую горечь и тянущий душу страх.

– Вернульф не из города был, – выговорила через силу.

«Все одно, – фыркнула рысь. – Я четыре раза замуж ходила, дважды через Лабиринт, дважды – так. Ни от кого себя не таила, и никто от моей рысей шубы не шарахался. Опасались, это да... Потому как и без когтей приложить могу, – она подняла тяжелую лапу в густом меху. – Но ни один хахаль из моей постели не сбежал. В деревне вон тоже побаиваются, но уважают. Чуть что, ко мне. Ой, бабка Фрейя, у нас ребеночек в лесу потерялся, не поищешь? Ой, бабка Фрейя, у нас лисица повадилась цыплят таскать, не проучишь? А ты сама живешь, дрожишь и девчонку свою запугала. Вот и удрала она от тебя... Ты покров-то накинь. Простынешь, кто дочь спасать будет?»

– Я ее к тебе привезти хотела, – сказала Гудрун. – Думала, ты знаешь, что делать. Ты же всегда говорила, что с самим богом зверей дружна...

«Надо же, запомнила, – рысь фыркнула снова, на этот раз сочувственно и даже, пожалуй, смущенно. – Зверям не нужен бог, они сами управляют. Это я тебе, маленькой, сказки рассказывала».

Гудрун тяжело осела на колоду.

– Я к соседу пошла, – заговорила она мертвым голосом. – Договориться, чтобы отвез в Веровею. Всего-то час меня не было. Майра, дурочка, ее во двор выпустила, а она скок через забор.

Гудрун помолчала, глядя перед собой.

– В храме клянута, что не видели никакой кошки...

«Что-то ты скрываешь, племяшка».

– Ты что же, и мысли читать выучилась?

«Не выучилась, – усмехнулась Фрейя. – В сны могу заглянуть, ежели очень надо. А мысли твои мне ни к чему. Виной и смятением от тебя и так за версту разит».

Гудрун не шелохнулась, холодно радуясь пустоте в сознании.

«Души в тебе не осталось, Гунька, вот что. Видно, вместе с даром вышла. Один расчет. А всех чувств – страх да зависть. Заедало тебя, что девчонка твоя вволю живет, а ты свою кошачью половину в отхожее место выкинула и ее к тому же понукала».

– Что за чушь ты несешь, – Гудрун прикрыла глаза. – Я хотела ей счастья. Чтобы не как у меня. Если бы я до свадьбы к Дакху ходила...

Рысь зарычала, оскалив клыки:

«Дур-ра ты, Гунька! Ох, дур-р-ра...»

Переступила, царапнув когтями по мерзлой коре, тряхнула головой – кисточки на ушах качнулись.

«Ладно, не горюй, придумаем что-нибудь. Ты ведьму-то эту хоть видела?»

– Когда бы? – Гудрун вздохнула. – Я даже не знаю, где Льеты остановились.

«И узнать нельзя?»

– Можно, но... Страшно мне стало, – призналась Гудрун. – Карин там что-то видела или слышала. Иначе – зачем, не забавы же ради? Я у нее не спросила, не до того было, и она не вспомнила. А потом, когда кавалер с дочкой явились... Я и так на риск пошла. Платье мы, говорю, упаковали, но заказчику пока не отправили. Если вы предложите нам нечто более ценное, чем шесть тысяч марок, это чудесное платье может стать вашим. А он не по-благородному так: «Ты чего, швейка, очумела?!» Я после этого уже и дух перевела. «Точно не они», – думаю. Но тут он в сердцах тростью по ладони себе – шлеп, шлеп! Насадка на трости серебряная – голова, вроде собачьей. Смотрю, а там по бокам – крылышки...

Рысь насторожила уши.

«Летучий шакал?»

– Таких совпадений не бывает! Я и пошла на попятный. Как вам угодно, кавалер, примите извинения, не смеем задерживать... А про себя молюсь: только бы не догадались, что это наша Карин была, только бы уехали поскорее вместе со всеми своими темными тайнами.

Гудрун судорожно плотнула острого ледяного воздуха, смахнула с ресниц капельки влаги.

– Она нашла, где укрыться, я уверена! Она каждый закоулок в Свеянске знает. Посидит, успокоится и вернется. Я тогда к ули ее сведу

или к магам...

«От магов толку не будет. Для них оборотни – твари чуждые, а Небыль – страна незнаемая. Чтобы Небыль понимать, чутье нужно. Или сила – такая, что кровью добывается. Или воля Двуликого. Прочие боги тут не помощники».

Гудрун подняла голову и посмотрела в огненные глаза рыси:

– А Дакх?

Тетка издала звук, средний между шипением и твяканьем.

«Этот может только отрезать твою дочь от Небыли. Если она человек, останется человеком. Если кошка – так кошкой и будет. Приведешь потом ко мне, научу ее, как зверем жить... Да не реви ты!»

Из глаз Гудрун бежали слезы. Горячие, живые, они вмиг остывали, обжигая щеки холодом.

«Иди в Храм Всех Богов, к Двуликому. Нас ведь тоже когда-то двуликими звали, да служители божьи сказали: кощунство это, ересь. Еще одно, из-за чего на нас когда-то ополчились... Сам Двуликий в дела людей не мешается, ули делают это от его имени. Служение богам дает власть. И деньги. Так что кошель потолще набей. Ули Двуликого – самые жадные. Или обратись к дазским шаманам, только настоящим, а не к балаганным шельмам! Но держи ухо востро. У дазов, в отличие от наших гобров, нет богов, одни духи. А духом после смерти может стать каждый. Иной – и при жизни. Вот они, духи, в Небыль ходят, как к себе домой».

– Откуда ты все это знаешь?

«Долго на свете живу, – губы рыси изогнулись в улыбке, приподняв мохнатые щеки, усы встали веером. – Думаешь, я всю жизнь на пеньке просидела? Нет, племяшка. Было время, тетка Фрейя по свету гуляла. До Южной Вайхи добиралась. Я и сейчас безлунной ночью прихожу иной раз на тебя поглядеть и на девчонок твоих. Ты-то им, небось, про родню неудобную не говорила?»

На дворе стало совсем темно. Гудрун подобрала медвежью полость и завернулась в нее с головой. Но шкура успела выстыть, и Гудрун тоже прокоченела насквозь. Ей казалось, каждая косточка в ней каменеет и трескается от мороза.

Рысь поглядела на племянницу с жалостью.

«Иди уже, грейся. А девочку я для тебя поищу. По-своему...»

Мне снилось, что я куда-то еду. Сани летели легко – ни кочек, ни ухабов. Внутри еще гнезвился озноб, но норка, в которой я лежала, была восхитительно теплой. Правда, тесноватой.

– Тише, киса, тише, – сказала норка. – Никто тебя не обидит. Обморожения не будет, кое-что я еще могу, – голос тоже был теплым, как солнечный свет.

Мр-р-р. Приятная волна прошла по спине – от головы до основания хвоста. И еще раз. И снова.

Обычно я не позволяю себя гладить, но сейчас мне было так хорошо, так уютно – и совершенно неважно, что за человек держит меня в объятиях, как в колыбели, прижимая к теплой груди.

Теплой голой мужской груди...

– Э, подруга! Давай без когтей! Я понял, что ты пришла в себя и хочешь на волю. Все, отпускаю, – меня подхватили, высвобождая из слоев ткани, в которых я запуталась. – Смотри, какая шуба. Устраивайся.

Мех! Серебристый, густой. Шуба пахла не только зверем, но и мужчиной, который только что держал меня на руках. И чего ради я вырвалась? Он же не знает, что я не настоящая кошка. Пусть бы гладил. Он живой и теплый. Живое тепло приятнее неживого и согревает лучше.

– Под шубой телогрей, не замерзнешь.

Мех и правда был, как печь – только мягкая. Незнакомец уложил его круговыми складками, заключив меня в пушистое гнездышко, а сам сел напротив и стал неторопливо застегиваться. Движения пальцев, перебирающих пуговицы, одну за другой, действовали усыпляюще. От слабости мутнело в глазах, разум уплывал в манящую тьму, и я позволила себе поддаться, услышав напоследок:

– Спи, кошка. Не бойся. Теперь все будет хорошо.

В глубине души я опасалась, что спасение мне пригрезилось. Наверно, поэтому и сны видела тревожные. В них были торжественные залы и мрачные своды, гулкие шаги, бряцание кандалов, ружья и сабли. Безжалостный голос читал приговор, и силы, способные разрушить мир, рвались на волю.

Но, открыв глаза, я обнаружила себя в роскошной карете. Лучезар на крюке освещал стены, обитые темно-синим жаккардом. Казалось,

ткань подернута легкой изморозью, свитой в затейливые узоры. Такое отменно смотрелось бы на красном – в самый раз для зимней свадьбы! Вернусь, расскажу маме...

Настроение вмиг упало, и сразу стало слышно, как подвывают за стенками кареты духи зимы.

– Как спалось?

Хозяин кареты по-прежнему сидел напротив. На вид не старше тридцати. Сюртук из хорошей шерсти цвета хвои, ворот сорочки так и остался расстегнутым. Волосы рыжие, или скорее медно-каштановые, подстрижены по моде столичной знати. Палевые крапинки на носу обещали к лету расцвести россыпью полноценных веснушек.

Среди тех, в ком сильна вайнская кровь, много рыжих. Но лицо у незнакомца было не вайнское – и глаза не голубые и не серые, а опалово-карие, будто у филина или кота. Может, и светятся в темноте?

Помню, учитель истории говорил, что у ригов издавна встречались такие, как этот господин – темно-рыжие, горбоносые и желтоглазые. Остатки древних племен, населявших полуостров. Вероятно, из тех самых народов моря и солнца.

Но самое примечательное я заметила, когда рыжий господин наклонился извлечь из-под сиденья лаковый короб, обитый планками с магическим орнаментом.

Седая прядь в волосах! Над левым виском словно белилами мазнули.

– Есть хочешь?

Длинные пальцы откинули крышку короба, карета наполнилась ароматами колбас и мяса.

– Вижу, что хочешь!

Я и сама не поняла, как, забыв о манерах, успела соскочить с шубы и сунуть нос внутрь. Это же волшебный сундучок фирмы «Кельскап», да? В «Вестях со всего света» писали, что он способен месяцами предохранять от порчи самые капризные продукты. Даже у нашего бургомистра такого нет!

Рыжий достал складной столик и быстро заставил его разносолами. Хотел подать мне на пол миску с жареной утиной ножкой, но я быстренько вспрыгнула обратно на сиденье. Встала на краешке, с надеждой глядя на своего спаси-теля.

– Желаете обедать, как воспитанный человек? – он засмеялся и подвинул столик к моему дивану.

Ножка была сочная, с хрусткой румяной корочкой – коготки оближешь. Была и пропала. Кость от нее отправилась в отделение для отходов, а перед мной лег кусочек отварной стерляди. Век не ела ничего вкуснее!

– Молодец, хорошая девочка, – похвалил мой аппетит рыжий господин. – Хотя какая ты девочка? Ты же явно парень, вон какой здоровяк!

Оборотни всегда крупнее обычных зверей. Но за мужчину в кошачьей шубе меня еще никто не принимал.

Протест сам сорвался с губ, хоть я и знала, что выйдет обычное «мяу». То есть необычное. Свое несогласие я высказала хриплым басом – сказалась вынужденная прогулка по морозу, – отчего рыжий только укрепился в своих вы- водах.

– Под хвост заглядывать не буду, поверю на слово. По голосу слышно, что ты самый настоящий кот-производитель из Йагунского Приюта Зимы. Как же ты оказался один в чистом поле? Удрал от хозяев, дурачок? Скажи спасибо, что на тебе печать богини, иначе бы я мимо проехал.

Я наострила уши.

– Ты снежный кот и устойчив к морозу. Но есть стужа, которую даже мне без телогрея долго не выдержать, – выговаривал рыжий, а сам подкладывал в мою миску жирного творога. – Ешь, не стесняйся, пища дает тепло. А я, пожалуй, согреюсь по-своему.

Он сделал глоток из плоской фляжки, одетой в кожу, и я почувствовала крепкий запах с анисово-мятным оттенком.

– Кот ты у нас непростой, это ясно, – хозяин кареты бросил в рот стручок маринованного перца. – Интересно, что в тебе такого. Лечишь хвори? Или предсказываешь погоду?

Он наклонился через стол, всматриваясь в меня совиными глазами, и за его добродушной повадкой проглянуло что-то такое, от чего я вновь ощутила на себе мертвящее дыхание стужи.

– Нет, разумеется. Предсказатель не сбежал бы в метель. Может, тебя бросили? Такого красавца?..

Рыжий отдернул занавеску на окне.

Лучше бы он этого не делал!

Мело так, что непонятно было, день снаружи или ночь. Снежные твари бежали вровень с каретой и весело скалились, поворачивая к нам морды.

Мгновение я крепилась, потом решила, что кошке позволительна непосредственность чувств, и зарылась под тяжелую шубу.

– Э, дружок. Ты, я вижу, совсем домашний. Не бойся, вылезай, их уже нет, – рыжий прикрыл занавеску. – Ты словно и на севере не жил.

«Не теряйся, Карин, – сказала я себе. – Ты кошка. Веди себя как кошка. Сделай вид, что шуба тебе интереснее всего на свете».

Шуба и впрямь была диковинной. мех ворсом и подшерстком походил на волчий, но лежал пышно, как у лисы или песца, переливаясь драгоценным серебром. Модницы, приезжающие в Свеянск, полжизни бы отдали за такое сокровище.

– Нравится? Это полярный волк. Редкий в наше время зверь. Редчайший. Не могу похвастать, что добыл его на охоте, да я и не любитель. Эту шкуру мне подарили, когда я впервые приехал в Йагунский Приют Зимы как Фрост.

Фрост?

Граф Даниш-Фрост?!

Протектор Приютов Зимы. Повелитель льдов и морозов. Владыка зимней стихии.

Тот, кого называют Белым Графом.

Кто же еще? Он чувствовал печать богини и видел снежных духов, его карета летела сквозь непогоду, как салазки с горы...

И все же странно. В поэме «Нашествие ланнов» сказано, что у тогдашнего Белого Графа «парой сапфиров сияли глаза» и «волосы вьюгой по ветру вились, белые, точно снега». Когда мы ее проходили, в «Вестях со всего света» как раз появилась гравюра: старый король в обществе трех других ригонских владык стихийных сил. Я высмотрела графа Даниша-Фроста, благородного вида мужчину под сорок, и мое воображение легко превратило его в героя поэмы – с глазами-сапфирами и волосами как снег.

С тех пор прошло лет десять. Король у нас новый. Почему бы не быть новому Белому Графу?

Подумать только – владыка зимы потчует меня творожком!..

– Незадолго до моего приезда, – продолжал рыжий Белый Граф, – у ворот Приюта умер старый волк. Его шкура была желтой и облезлой,

но я не стал отказываться. Мне было всего двадцать два, и я подумал, что доха из полярного волка придаст мне солидности.

Он явно соскучился в одиночестве и был рад слушателю, пусть и бессловесному.

– Всю зиму я держал шкуру на снегу, на морозе, напITYвал силой, пока она не ожила и не заблестела. Летом блеск тускнеет, зимой возвращается. Но сейчас не то, сам видишь.

Я не видела. По-моему, шуба была великолепной! И жаркой, как печь.

После еды клонило в сон, и под негромкий голос графа я позволила себе задремать.

Когда открыла глаза, показалось, что ветер снаружи стал тише. Столик с закусками исчез, а мой высокородный попутчик читал книгу.

Какой он все-таки рыжий. Летний. Даже кожа легкого коричневого оттенка. Не потому ли новый Белый Граф плохо справлялся с морозами, что еще не стал человеком зимы? Белого в нем всего одна прядь. Может, с годами весь побелеет, и глаза сделаются синими.

Стало любопытно, что он читает. Я перепрыгнула на графский диван и сунулась под руку, держащую книгу, чтобы увидеть название. Даниш-Фрост погладил меня. Мр-р-р...

– Пахнет мышами? – спросил он, наблюдая за моими усилиями. – Ты, я смотрю, любознательный мальчик.

Он показал мне обложку.

– Зан Носса «О людях и богах». Слышал о Зан Носсе? Загадочная личность. Некоторые утверждают, что под этим именем скрывается женщина, причем иностранка, – Даниш-Фрост подмигнул мне. – Но этот Зан Носса очень неплохо знает ригонский. Как считаешь?

Он открыл книгу и прочел:

– «Споры о природе богов идут не одну сотню лет. По этому поводу написано много трактатов и пролито много крови.

Я утверждаю: богов как таковых не существует.

Но кто, спросите вы, благословляет наших детей, отвечает на наши молитвы, является нам в Ночь Всех Богов?

Я отвечу: хранители силы.

А вернее – хранилища, одушевленные нашим самообманом.

Мы отняли силы у природы, но побоялись взять на себя ответственность за обладание ими. Вместо этого мы придумали богов, вдохнули в них жизнь своей верой и слабостью. Переложили свое бремя на их плечи, тем самым вручив им власть над собой и своими природными талантами».

Граф усмехнулся.

– Как ты понимаешь, ули не в восторге от таких рассуждений. Особенно, ули Двубликого. Я тоже не поклонник этой Занозы, но в чем-то с ней соглашусь.

Он отложил книгу и посмотрел в окно.

– Я знаю, почему она больше не говорит со мной. – Стало ясно, что сейчас он не о Зан Носсе, и это уже не шутка. – Потерять силу, потерять веру в себя... это и означает потерять своего бога.

Граф снова погладил меня, почесал за ухом и оставил руку на холке. Непозволительная вольность. Но не бить же человека по лицу когтистой лапой за то, что он счел себя вправе приласкать кошку? Я спрятала смешок за коротким «мр-р» и прикрыла глаза, раздумывая о словах графа.

На ум пришел дед Полкан. Он был моложе бабушки, пережил ее на шесть лет и с охотой учил меня всему, что знал и умел. Больше у него никого не было, и только со мной он мог поговорить по душам. «Мы с тобой, Карин, как кошка с собакой, сиречь псом», – шутил он.

Вечерами, пропустив кружку пива, дед Полкан любил пускаться в рассуждения:

«Магия, Карин, бывает разная. Это владыки стихий решили, что их магия настоящая, а все остальное не в счет или вовсе зло. Только их-то сила заемная, взятая у богов. А боги как дали, так могут и забрать. Мы же, оборотни, сами богам под стать, ходим в высшие миры. Ха-ха! Я тут подумал. Может, и боги так умеют, только наоборот – приходят из своего мира и гуляют среди нас, котами или собаками», – он захохотал, довольный своей выдумкой.

«А может, и людьми?» – предположила я тогда.

«Может, и людьми...»

– Что-то я устал, – пробормотал граф.

Он дернул витой серебряный шнурок, и в перезвон конских бубенцов – там, снаружи – вплелось басовитое «дон-дон-н-н».

Карета встала. Слышно было, как скрипит снег, ржут кони, грузно брякает крышка каретного ящика.

– Не бойся, – сказал граф. – Это Сельфан, мой кучер. Сейчас даст лошадям корм, укроет и придет к нам греться.

Немного погодя в карету и впрямь без церемоний влез безбородый, румяный от мороза парень. За дверью вьюжило, но внутрь ветер не задувал. А кучер, хоть и окутан был морозным духом, не принес с собой снега. Вот что значит путешествовать с Белым Графом!

Сельфан сбросил на пол свой длинный тулуп, затем тужурку с блестящими пуговицами – под ней поверх вязаной кофты обнаружилась серая лепешка телогрея. Надо же. Может, и у лошадей в попоны печки вшиты?

– Жива красота! – парень с восторгом уставился на меня.

Хотел погладить, но заметил графскую руку на моих лопатках и ограничился тем, что почесал мне шею. Пальцы у него были грубые, пахли лошадьё и овчиной.

Я мурлыкнула для порядка.

– Ты ел? – спросил граф.

– А как же, господин, – весело отозвался кучер. – Делать-то нечего. Сиди, правь помаленьку да жуй, пока не лопнешь.

– Тогда ляг поспи. Скоро все затихнет. Утром я размету и поедем, а в Лейре под крышей заночуем.

Не думала, что знатные господа пускают прислугу спать в своей карете, но видно, у Сельфана с графом было так заведено.

Пока я удивлялась, Даниш-Фрост поднялся и отворил только что прикрытую дверь.

Неужто на улицу хочет выскочить? В одном сюртуке!

– А барышне до ветру не надо? – спросил Сельфан, стягивая толстенные валяные сапоги.

Граф посмотрел на меня так, будто ему в голову не приходило, что у кошек могут быть те же потребности, что и у него самого. Хотя я бы еще потерпела. Кошкой мне терпится дольше.

Увы, граф был непреклонен:

– Не хочешь опять на мороз? Понимаю, дружок. Но вонь мне в карете не нужна!

Было страшно: вдруг пурга опять возьмет меня в плен и уже не отпустит? Однако стоило графу спрыгнуть с подножки, как снежные твари, кружащие у кареты, прянули прочь, унеся с собой белый хаос, и стало заметно, что непогода впрямь присмирела. Ветер потерял силу, снег больше не вихрился, а летел косым занавесом. И вот диво: среди метели и сугробов черная, с серебром, карета стояла чистенькая, будто под невидимым навесом. Лошади в четверной упряжке, укрытые от шей до копыт, жевали, опустив морды в торбы.

Граф далеко не пошел – перед кошкой стыдиться незачем. Тем более перед котом. Я еле успела отвернуться! И нырнула под карету, низко сидящую на полозьях. Лучшего укрытия рядом не было. Но всего через минуту бесстыдник Даниш-Фрост полез меня искать:

– Куда запропастился, дурашка?

Когда мы вернулись в тепло, кучер уже похрапывал, укрывшись своим тулупом. Хозяйская доха висела на стене.

Граф тоже прилег, устроив голову на валике с серебряной кистью, а меня стал гладить и почесывать, уложив к себе на грудь.

Нельзя было этого допускать. Но я же кошка, а кошкам нравится, когда их гладят. И мне нр-равится. Очень нр-р-равится. Я и не подозревала, что это так здор-р-рово...

Все во мне журчало и вибрировало под чуткой ладонью. Сказать по правде, даже неуклюжая ласка Сельфана не показалась такой уж неприятной...

Мысль была как угли в лицо. Что, если я уже потеряла связь с телом, запертым в Небыли, и кошачья природа во мне берет верх над человеческим разумом?

Граф успокаивающе провел рукой по моей голове:

– Чего испугался, глупенький? Больно ты нежен. Может, и правда барышня?

Странно это все-таки: лежать на человеке, да еще мужчине. Я всем телом ощущала, как дыхание вздымает его грудь, как бьется сердце; сквозь запахи одежды и недавнего обеда пробивался его собственный запах, и я знала, что запомню каждый оттенок. Мы лежали лицом к лицу, едва ли ни нос к носу, так что можно было тронуть лапой родинку на его щеке и боднуть лбом подбородок.

Было в этой близости что-то интимное. Не в чувственном смысле, а в человеческом. Мы ведь никого не подпускаем к себе на такое

расстояние, кроме самых родных. Тех, кому доверяем...

В горле встал ком.

Пальцы графа, зарывшиеся в мою шерсть, вдруг замерли, в летних глазах сверкнули морозные искры.

– Печать-то на тебе, братец, особая, – выдохнул он, – не людьми поставленная. А я и не заметил...

Казалось, у него голос сел от волнения.

– Ты здесь, Нежа? Пришла посмотреть на болвана, который отдал свой дар недостойному? Карстен молодой дурак, горячая голова, но он честный парень и мой брат. Я не мог иначе и не жалею! Кроме того... может, ты рано от меня отвернулась? – он качнул головой и усмехнулся, внезапно успокоившись. – Знаешь, некоторые вещи лучше не открывать даже богам.

Было до ужаса интересно, что все это значит, но граф обнял меня обеими руками, пробормотал: «Ладно, котик, ты ни при чем. Давай спать», – и закрыл глаза.

Грохнуло в вышине. Страшно, раскатисто. Будто весенний гром или ружейный залп. С шумом взмывали к небесам испуганные птицы. Стаи птиц, черных, как грозовые тучи, как пруд далеко внизу. Тучи прорвались ливнем, и черная вода в пруду закипела. Птицы камнями посыпались с высоты...

«Будь проклята ваша магия! – грянул женский голос, сильнее грома, яростнее бури. – Она отняла у меня мужа. Отняла старшего сына... Не спорь! – Женщины я не видела, но взгляд ее давил гранитной глыбой. – Теперь младший погибнет ради твоей силы?»

Я и не спорила. Не могла. Я падала! Черная вода кружила меня и тянула в водоворот. Я захлебывалась, задыхалась...

– Хватит! – вклинился другой голос, мужской, твердый, уверенный. – Рауд, ты не один.

Все занавесилось туманной пеленой, и я соскользнула в сон – обычный, без кошмаров.

А потом я... Нет, не проснулась – очутилась в зимней сказке. Блестели под солнцем сугробы, пушистыми хлопьями кружился в воздухе снег, но исчезал, не достигая земли. На ветвях, одетых инеем, чистили перышки щеглы, под елями резвились белки, а дальше виднелась избушка с расписными ставнями.

Холодно не было. Ни капельки. Словно я в театре и меня окружают декорации. Даже небо над головой казалось куполом из синего стекла. Ноги в легких туфельках совсем не мерзли.

Я присела на корточки, тронув снег рукой. Надо же, какой рассыпчатый. И теплый.

Постой... Что я только что сделала?!

Вслед за всплеском удивления меня омыло пьянящей радостью.

Руки! Ноги! Туфельки!

Я снова человек!

Как, почему – подумать не успела.

За стеклянным куполом, по другую сторону синевы, что-то двигалось – то темное, то светлое. А потом...

– Имя! – прогрохотало небо.

Не гром и не залп. Камнепад в горах, от которого посыпался снег с ветвей и шишки с елок, сорвались в небо щеглы и метнулись прочь белки.

А я... мне куда бежать?

– Как твоё имя! – прогудела твердь под ногами.

Я кинулась к избушке. Но мир вздыбился, на пути вырос ледяной утес, а избушка вознеслась на его вершину.

Удушливым валом накатила паника.

– Кто вы? Что вам нужно?

На секунду мелькнула мысль, что ко мне обращается сам Дзуликый.

– Кто тебя послал? – пророкотало вновь.

– Ник... то!

Громовой голос давил на грудь, сам воздух превратился в тиски, я даже кричать не могла, лишь всхлипнула:

– Что вы делаете? Мне больно!

– Это потому что твоё тело умирает.

Мое тело? Которое?..

– Здесь только твоё существование, кошка-оборотень. Личность. Душа. Если в ближайшие пару минут ты не вернешься в одно из своих тел, а ты не вернешься, пока не скажешь правду... Зачем ты проникла в мой сон?

– В чей сон? Я никуда не проникала, я просто спала!

– Нежа велела тебе занять моё тело?

– Что?! Снежа? Нет!

– Тогда для чего ты осталась кошкой? Почему не обернулась человеком?

– Потому что не могу! Меня околдовали.

– Ложь! Нет такого колдовства!

Все полетело кувырком. Елки, избушки, ледяные утесы закружились в снежных клубах. Или это меня качало, несло и подбрасывало?

– Не надо! Перестаньте! Пожалуйста!.. Мне плохо, я задыхаюсь! Хватит!..

И все закончилось.

Упал мрак, я вздохнула полной грудью и под шум крови в ушах уплыла в бездонный омут, где было тихо и покойно...

Глава 6, *полная подозрений, опасений и домыслов*

Кошка спала, и Рауд перенес свое сознание в ловушку. Это было проще, чем погружать себя в принудительный сон – и определенно безопаснее. Постороннего, даже сновидца, родовая ловушка без ключа не впустит. А тело, оставленное без защиты... Кошка сейчас не в силах дотянуться до собственного хвоста, не то что причинить вред человеку.

Ее крик до сих пор стоял в ушах.

Женщина. Кошка. Оборотень. Надо же было так ошибиться...

Рауд покачал головой.

Отец появился сразу – будто ждал его. Наверняка ждал. Высокий, худой, слегка нескладный, сумрачно-карие глаза смотрят пристально, огненно-рыжие волосы по обыкновению всклокочены. Только маме удавалось превратить это сорочье гнездо в прическу, подобающую владыке стихий, графу и члену Королевского Собраниа. Ныне рядом с отцом не было никого, кто следил бы за его видом, и Рауд втайне радовался этому.

За месяцы, прошедшие с их последнего разговора – с их крупной ссоры, что там говорить, – в отцовских вихрах прибавилось серебряных нитей. И ни одна не указывала на владение фамильной силой. Бывший граф Дагрун Даниш-Фрост, утративший право на родовое имя после ухода в Гнездо, родился с сильным даром сновидца и без малейшей предрасположенности к магии зимы.

– Ты появился как по заказу, – сухо заметил Рауд. – Следил за мной? Мы же договорились – в мои сны ты без спросу не суешься.

– Тебе снился кошмар, – брови у отца тоже были косматыми и сейчас сошлись над переносицей как два рыжих медведя над выступом скалы. – Ты опять не закрылся. Забыл? Или поленился?

– Не видел смысла.

Отец сам учил, что проникнуть в чужой сон извне, если спящий не задерживается на одном месте дольше полусуток, практически

невозможно.

– Чужих рядом не было. Людей, – Рауд криво усмехнулся. – Но ты прав, я учту урок.

– Где ты подцепил эту тварь? – отец неопределенно мотнул головой, указывая за пределы ловушки.

Рауд рассказал, как ощутил искорку жизни посреди терзаемой бураном ледяной пустыни – будто укол иглы в сердце.

Пока он говорил, на поляне, укрытой уютным снежком, возникло кресло, словно вырезанное из огромного пня. Отец уселся в него, как король на трон. Рауд сотворил себе обычное – вроде тех, что имелись в Даниш-хузе. Материя сна плохо подчинялась ему, но внутри ловушки их с отцом силы были почти равны.

Когда рассказ дошел до личной печати богини, отец вздохнул с видимым облегчением.

– Все-таки она не оставила тебя, – его глаза зажглись, как праздничные фонарики. – Я надеялся на это. Даже сейчас ты стоишь десятка бездарей на службе у Альрика...

Рауду с детства твердили, что уже пять поколений не появлялся на свет маг зимы с более сильным врожденным даром.

– Я не осуждаю тебя, – отец пытливо глядел ему в лицо, – я потерял это право. Мне не по душе твой выбор, но я на твоей стороне, что бы ты ни сделал и что бы ни планировал сделать...

Фраза оборвалась на вопросительной ноте.

– Спасибо, – Рауд притворился, что не понял намека.

Отец на миг сощурил глаза и медленно кивнул. Уход от ответа – тоже ответ, а то, что знает один сновидец, знает все Гнездо.

– Как мама? Как Карстен? – отцовский голос дрогнул.

– На прошлой неделе пришло письмо. Они в Нотьеше. Посмотрели Веррианский дворец и водопады Гроха. Собираются в Тиенну.

Мама не отвечала на отцовские письма, только время от времени справлялась у Рауда о здоровье мужа.

– Она никогда не простит меня, – отец тяжело вздохнул. – И ты тоже.

– Мне не за что тебя прощать.

Рауд мог бы сказать, что двадцать два года – слишком мало, чтобы заморозить себя в вечной зиме. Что после окончательного принятия

дара все краски жизни для него словно запорошило снегом. Это Альрик почти не изменился, лишь стал чаще заводить новых любовниц. А для зимней стихии нужно созреть.

Но теперь это не имело значения.

– С богами не спорят, – заметил он.

Пусть отец уверял, что счастлив своей новой судьбой, Рауд не сомневался: он не уступил бы ни титул, ни дар не будь на то воли богини.

– У твоей Кошки шок, – сказал отец. – Когда восстановит силы, позови меня, я с ней потолкую.

– Если она согласится.

– Ты собираешься ее спрашивать?

Рауд отвел глаза. На кону стояло слишком многое, но...

– Мы и так напугали ее до полусмерти. Отторжение началось раньше, чем должно было.

– Это из-за того, что у нее нет связи с основным телом.

Вот оно что. Кошка сказала, ее околдовали. Он не поверил. Но отсечение от Небыли – тоже разновидность колдовства...

– В любом случае я буду говорить с ней сам.

– Уверен, что справишься? Она выглядела, как...

– Кукла, – подсказал Рауд.

Ловушка обладала свойствами мира снов, а в мире снов обычный человек – или оборотень – не способен ни лгать, ни менять вид по собственной воле. Вернее, способен, но лишь в том случае, если обманывает сам себя и верит в свой обман. Это редкость, род душевной болезни. Прodelывать такое осознанно может лишь истинный мастер, а Кошка мастером не была.

Но и обыкновенным оборотнем тоже.

Ее человеческое обличье напомнило Рауду куклу, стоявшую на каминной полке в мамином будуаре. Красные юбки, пышные формы, белокурые локоны. Фигурка в шаре была слишком маленькой, чтобы рассмотреть подробности, однако в жизни женщина вряд ли станет подражать кукле...

Есть ли у Нежи власть над снами?

– Светлые боги никогда не давали оборотням своих личин.

Отец передернул плечами:

– Все когда-то бывает в первый раз. Эта девица вошла в твой сон легко и незаметно, как истинный фантум.

– Возможно, она просто бездумное орудие. Мы оба знаем, как боги умеют играть с людьми.

– Только не дай милому личику ввести тебя в заблуждение, – опершись о подлокотники, отец наклонился вперед. – Фантум светлой богини все равно фантум. Помни, что случилось с Гинасом.

Он поглядел на заснеженные ели, на мягкие хлопья, беззвучно летящие с высоты – из ниоткуда в никуда.

– Я хотел предупредить тебя, Рауд. С некоторых пор в сон-эхе дворца появились странные оттенки. Нет оснований подозревать злонамеренное воздействие. Там каждую ночь засыпает слишком много людей, и магов в том числе, колебания эха неизбежны. Но мне это не нравится.

Все было как прежде – карета, волчья шуба. И я в кошачьем теле. Вроде бы и мига не прошло, но от кучера и его тулупа остался один запах, под полозьями бодро пел снег, звенели бубенчики. В окна лился тихий дневной свет, отражаясь от начищенных сапог графа.

Даниш-Фрост сидел напротив – нога на ногу, руки скрещены на груди.

– Неважный из тебя захватчик чужих тел, – произнес он с холодной усмешкой. – Как и из меня допросчик. Позже попробуем еще раз, а сейчас тебе надо отдохнуть и подкрепиться. Тело без души быстро теряет силы.

Не знаю, как насчет души, но тело и правда одолевала слабость. И не та, какая случается от усталости после долгого бега по снегу и бессонной ночи на лютном морозе. Эта слабость была, как после тяжелой болезни – словно из меня выпили саму жизнь, оставив лишь чуть на доньшке. Не хватало сил даже на то, чтобы как следует испугаться, а на злость и подавно.

Поэтому, когда граф поставил передо мной тарелку с паштетом из гусиной печени, я не стала гордо фыркать ему в лицо, хотя в глубине души и хотелось, а привстав на дрожащих лапах, передвинулась к краю дивана и лизнула мягкую, жирную, божественно ароматную розоватую массу.

Свяна, что за вкус! Теперь я понимаю, почему богачи смотрят на нас свысока. Тот, кто каждый день ест такое чудо, должен ощущать себя небожителем.

Я опомнилась, только когда опустошила тарелку – еще и крошки языком слизнула. И все на глазах у человека, который чуть меня не убил...

Я вцепилась в эту мысль когтями и зубами, не давая себе провалиться в сон. В животе было тепло, глаза отчаянно слипались. Но засыпать нельзя! Иначе проклятый Даниш снова утащит меня в свой снежный кошмар.

Граф спрятал под сиденье чудо-сундучок со съестным, а когда выпрямился, в его руках был стеклянный шар размером с крупное яблоко. В шаре роем вились белые крупинки, стояли крохотные елки в снегу и домик с веселыми ставенками...

Спину продрало ледяной дрожью, вмиг прогнавшей сон.

– Скажу на случай, если ты не знала. За проникновение в чужой сон полагается каторга. Но сначала будет разорвана твоя связь с незримыми мирами и с Небылью тоже. Захват тела карается казнью через повешение.

Он смотрел на меня безжалостными совиными глазами, а я разглядывала хищный рисунок его ноздрей, четкую линию скул и не могла понять, куда делся добродушный человек, который отогрел на своей груди замерзшую кошку.

Как убедить его, что я никуда не проникала и, тем более, ничего не захватывала. Поорать мяу на все лады? Порвать обивку на диване или расцарапать ему лицо? Так ведь пристукнет еще. Даром что снежные кошки числятся священными животными.

– Не имеет значения, для себя ты это делаешь или для Нежи, – продолжал граф, – итог будет один. Кстати, нашу с тобой общую богиню зовут именно так – Нежа. Люди часто ошибаются, а она этого не любит, учти.

Так вот что означало ее «Зови правильно». Что ж, учту теперь.

– Дар оборотня открывает многие двери. Но хождению по снам тебя явно не учили, а меня – да. Врожденные способности тоже пока при мне, как и пара маленьких семейных секретов.

Он встряхнул шар, и над елками, над избушкой закружилась метель.

– Знаешь, что это?

Еще одна модная игрушка для богатых. В руках не держала, но видела. Только в этой в придачу к зимнему пейзажу – магия.

– Это ловушка, способная пленить душу того, кто был рожден с даром. Поцелован богами, как говорили в старину.

Губы графа дрогнули в невеселой усмешке, и я вспомнила поцелуй Снежи и поцелуй Свена и Свяны до того.

– В мире снов дар служит калиткой, через которую в сон проникает чужой. Однако незваному гостю стоит помнить, что тот, за чьим телом он явился, может оказаться сильнее. Подумай об этом, пока приходишь в себя. А после мы поговорим. – Даниш-Фрост постучал указательным пальцем по стенке шара. – Не пугайся. Если не будешь запираяться, все пройдет без неприятностей.

Я почувяла, как шерсть на загривке встает дыбом. Снова в эту душегубку? Ни за что на свете! Даже если это мой последний шанс хоть разок почувствовать себя чело- веком.

Граф положил шар в замшевый мешочек с меховой подкладкой и спрятал под сюртук. Тот ни капли не встопорщился, словно шар в мешочке чудесным образом стал пло- ским...

Не спи, Карин, не спи! Иначе не проснешься.

Но зачем графу выдумка о похищении тел, так похожая на старые сказки о похищении душ?

Или... от сумасбродной идеи закружилась голова. Что, если таков замысел богини? Ввести оборотня, потерявшего свое человеческое тело, в сон Белого Графа и...

Странные существа – боги. Если чего-то хочешь, скажи прямо, а не напускай тумана. Сослужить службу. Какую? Может, граф в чем-то провинился, раз потерял свою силу, и богиня желает, чтобы я заняла его место? Стала мужчиной?! Абсурд. Хотя какие открываются возможности... Сделаться владелицей целого графства!

Но чего в таком случае потребуют от меня Свен и Свяна? Выйти замуж по их указке? Вернее, жениться, коль скоро я окажусь в мужском теле.

Мысли путались. Казалось, карету качает, как судно в шторм, и я поняла, что не сдержу клятвы...

Разбудили меня запахи съестного и позвякивание столовых приборов: граф обедал. Ел фрикасе из куропаток и маринованную спаржу. Увидев, что я открыла глаза, достал чистую тарелочку, отложил две ложки фрикасе и подвинул столик к моему дивану.

Заботливый какой! Пыточных дел мастер тоже зовет к узнику лекаря, чтобы тот помог бедняге дожить до следующего истязания.

Однако я проглотила все, что дали – силы мне понадобятся. Покосилась на спаржу.

– Мало? – спросил граф и подложил мне еще куропатки.

Так всегда. Люди думают, раз ты кошка, то овощи не ешь. А я ем, и с удовольствием! Но просительно мяукать, показывать лапой и заглядывать в глаза не буду.

Как видно, проспала я недолго. День был еще в разгаре, снеговые облака разошлись, светило солнце. Ехали мы уже не по реке, а через голую рощу. Неровности дороги карета одолевала плавно, без подскоков и тряски – не знаю, стараниями графа или нам просто везло. Граф, кстати, приделся: сорочка была застегнута на все пуговицы, а горло прикрыто шейным платком из черного шелка, повязанным по всем правилам салонной моды.

Когда мы разделались с фрикасе, он достал из волшебного сундучка другой сундучок, латунный, от которого шел запах сырой рыбы и тянуло зимней стужей.

Под крышкой в самом деле обнаружилась половина рыбной тушки, мясистой, жирной, из тех, что ловят в северных реках, а потом в бочках, живьем, везут на перекладных к королевскому столу. Но эта рыбина была уже крепко заморожена, и волшебный сундучок умудрился мороз сберечь, непонятно только зачем.

Граф поставил кусок вертикально и, придерживая двумя пальцами за хвост (даже смотреть холодно!), повел вдоль него рукой. Мне почудилось, что воздух в этом месте словно бы надломился, замерцал острыми гранями, а потом с розовато-белого рыбьего бока пошли сами собой нарезать тоненькие ломтики и ложиться в латунное корытце, сворачиваясь в стружку. Стружка была прозрачная и красиво просвечивала на солнце.

Сбоку корытца имелось второе отделение. Граф достал из него круглую баночку, откупорил, и я чихнула.

– Прости, Кошка. Соль и перец лучшая приправа к строганине. Есть еще горчичный соус, но боюсь, он тебе тоже не подойдет. Утощайся так, – и он переложил мне на тарелочку одну рыбную стружку. – Первейшая строганина в Ригонии. Из сига, выловленного моим приятелем гобром в Йагун-ягге. Прислали прямиком из тамошнего Приюта.

Строганина? Слышала я об этой причуде. Одна из наших заказчиц, мать невесты, жаловалась, что жених одержим затеей поразить гостей нарезкой из мороженой рыбы. Дескать, среди понимающих людей это самый писк. «Предложить почтенным господам сырую рыбу! – сокрушалась она. – Я же со стыда сгорю! Словно мы дикари какие или нищие, ни запечь, ни зажарить не можем». И я была целиком с ней согласна. Ни человеком, ни кошкой сырое есть не буду!

– Не хочешь? – удивился Даниш-Фрост. – Ты не знаешь, от чего отказываешься.

Он вел себя дружелюбно и предупредительно, совсем как вначале. Впору думать, что снежный шар и слова про каторгу и казнь были всего лишь продолжением дурного сна.

Я бы и подумала, если бы встречаясь со мной взглядом, граф не отводил глаза, а его улыбка не казалось нерешительной и... виноватой, что ли.

Когда с обедом было покончено, граф сказал:

– Вижу, силы к тебе вернулись. Не будем откладывать.

Он достал из кармана знакомый замшевый мешочек. В мешочке угадывалось что-то маленькое, заметно меньше снежной ловушки, и я решила пока не беспокоиться.

– Ты неслучайно оказалась на моем пути, – заявил Даниш-Фрост. – Я должен знать, что тебя связывает с Нежей. Не бойся. Если ты в беде, я помогу, насколько это в моих силах. А если совершила что-то плохое... обещаю разобраться и не действовать сгоряча.

Он вытряхнул из мешочка крохотный шарик, сжал его в ладонях, и шарик начал увеличиваться в размерах, на глазах превращаясь в сферу с елками и снегопадом внутри.

Вот теперь самое время для беспокойства!

Солнце мазнуло бликом по гладкой макушке сферы. Я соскочила на пол и закрутилась в углу между графским диваном и дверцей

кареты, как делают кошки, выбирая место для облегчения.

Какой густой ворс у ковра. А под ним войлочная обивка. Вывести запах будет ой как непросто!

– Что ты делаешь? – озадаченно произнес граф.

Я присела на напружиненных лапах и отставила хвост.

Отошла на пару шагов, сделала еще круг и посмотрела графу в глаза.

Теперь сообразили, ваше сиятельство?

Сказать по правде, с пола его глаза было видно плохо, зато свой взгляд я постаралась сделать как можно более выразительным.

Право слово, стоило затеять это представление уже ради того, чтобы увидеть оторопь на его лице!

Граф резко дернул шнурок – как только не оборвал? Карета остановилась.

А с какой поспешностью он кинулся отворять мне дверь – словно это я была графиней, а он услужливым лакеем!

В перелеске стояла тишь, снега дремотно гудели что-то про себя, и я без страха выскочила наружу. Граф вышел следом.

– И не стыдно вам, барышня Кошка? – пошутил он, неловко улыбаясь. – Такая милая, такая нарядная – и портить ковер. Нехорошо.

Стыдно, еще как стыдно. Сейчас под шубой, наверно, красная, как редис. Но простите, ваше сиятельство, в вашу ловушку я больше не хочу!

Куст бузины, осинка, еще куст – все тонкие, насквозь прозрачные. И снег, как назло, ровный, ни одного большого сугроба, чтобы прикрыл от глаз мужчин.

– Далеко не уходи, – велел граф.

Он смотрел прямо на меня – не в сторону, не под ноги, не в стенку кареты. Я приподнялась на задних лапах и махнула передней. Отвернись, бесстыдник! Отошла на несколько шагов, оглянулась и снова махнула. Как меня совестить, так он горазд, а самому такт выказать... Понял наконец. Криво усмехнулся, встал спиной.

Кучер на передке утопал в своем тулупе, спрятав нос в воротник.

Я завернула за дерево, у которого намело в три кошачьих роста.

А оттуда дала деру.

Хорошо быть снежной кошкой. Шкурка белая, поступь неслышная, легкая – кажется, не бегу, а лечу... Ой!

Снег, только что стелившийся под лапы мягким ковром, разошелся, открыв мерзлую землю, а потом взметнулся и облепил меня со всех сторон. Перед глазами замелькали серые стволы, синее небо в паутине ветвей, искристый наст, и я поняла, что качусь, заключенная в снежный ком – снаружи только голова и хвост.

Так и прикатилась к черным хромовым сапогам Белого Графа.

Ком рассыпался. Граф подхватил меня на руки, не дав даже встряхнуться, и забрался в карету. Но прежде чем за нами захлопнулась черная лаковая дверь, я увидела, как кучер Сельфан, топтавшийся возле лошадей, бросил взгляд в мою сторону, сплюнул в снег и отвернулся.

Значит, кошкой была – красота, а узнал, что оборотень – и вот как?..

Даниш в это время выговаривал мне:

– Скажи спасибо, что сумел тебя поймать! Куда ты собралась? Думаешь, в следующий раз тебя кто-то спасет? Или хочешь проснуться снежным духом и бегать с детьми зимы в ледяных полях?

Он опустил меня на расстеленную шубу и укрыл меховой полкой, хотя замерзнуть я не успела и снега на мне не было – он же своей силой и стянул. Но я была в отчаянии, чувствовала себя несчастной и униженной, а от последних слов по коже протянуло морозом, так что захотелось зарыться в густую жаркую шерсть и никогда не выбираться наружу.

Когда граф взял в руки проклятый шар, я так и сделала. Зажмурилась, сжалась в комочек. Ну, давай, мучитель!..

– Так вот в чем дело, – донеслось сквозь толстый мех. – Ты из-за этого сбежала? Так его боишься?

Я высунулась и нагнула голову, изображая человеческий кивок.

– Или боишься того, что он может открыть о тебе? – граф сузил глаза.

Хотела оскорбленно покачать головой, а получилось, будто воду с ушей стряхиваю.

Но – о чудо! – шар был спрятан в мешочек.

– У меня был наставник-оборотень, – удивил граф. – В волчьем обличье он говорил со мной мысленно. Ты так не умеешь, верно я

понимаю? Давай сделаем вот что. Я буду задавать вопросы таким образом, чтобы на них можно было ответить «да» или «нет», а ты будешь кивать или качать головой. Сможешь?

Не хочу я отвечать на твои вопросы! Но выбор невелик. Я наклонила голову.

– Это Нежа послала тебя ко мне? – начал граф.

Я покачала головой, потом кивнула.

Потому что богиня не велела: «Иди к Белому Графу». Она сказала: «Вон огонек, он укажет тебе путь». А путь привел к его саням.

– Так да или нет? – нахмурился Даниш-Фрост.

Попробовала пожать плечами – чуть не упала. Не годятся человеческие жесты для кошачьего тела.

– Ладно, спрошу по-другому. Ты служишь богине?

«Нет».

То есть на службе у нее не состою, но послужить обещала.

Хотела опять кивнуть вдогонку и... передумала.

– Она говорит с тобой?

«Да», – наконец-то можно ответить с чистой совестью.

– Уже лучше, – Даниш откинулся на спинку дивана. – Давно это происходит?

«Нет».

Дело двигалось туго. Через час казалось, что голова у меня вот-вот отвалится, да и граф явно устал подбирать вопросы, на которые я могла дать однозначный ответ. Но теперь он хотя бы знал, что богиня просто спасла меня от стужи, что я не могу стать человеком, потому что оказалась не в том месте не в то время, и должна попасть в Альготу, чтобы вернуть свое тело, а его сон я подсмотрела невольно и прежде со мной такого никогда не случалось.

– Что ж, – вздохнул граф. – Будем считать все это совпадением, – хотя по тону было ясно, что в совпадения он не верит. – Как бы там ни было, причин удерживать тебя против воли я не вижу. Довезу до Альготы или высажу в Лейре – как пожелаешь, и можешь быть свободна. Но если хочешь моей помощи, без разговора в снежном шаре не обойтись. Решай, готова ли ты мне довериться. А пока, прошу, не делай глупостей. Бегать за тобой по лесу я больше не буду.

Как будто он бегал! Закатал меня в снежный ком, как неживую, и проволока кувырком по сугробам. Спасибо, головой о какой-нибудь

пенек не приложил.

Но бежать в белый свет – а ведь и правда белый, в самом прямом смысле – было глупо. Здесь тепло, здесь кормят, и едет граф туда, куда мне надо. Вряд ли он отпустит снежную кошку богини так легко. Но пусть доставит в Альготу, а там видно будет.

Дальше катили молча. Граф читал книгу или невидящим взглядом смотрел в окно, хмурясь все сильнее, так что кожа над переносицей морщилась.

Не знаю, о чем он думал. А мне не давали покоя его расспросы.

С особой настойчивостью Даниш-Фрост допытывался, не сотворила ли я чего-нибудь преступного, даже спросил, не убийца ли я.

Я мотала головой так, что едва не свалилась с дивана.

Он же это не всерьез?!

О своем наставнике граф говорил по-доброму. Значит, не считал злодеями всех оборотней без разбора. Так в чем дело? Он думает, меня отсекли от Небыли за какое-нибудь страшное прегрешение? И оставили в кошачьем теле?

Лесок кончился, за окном потянулись сахарно-белые поля, песнь снегов стала веселее и звонче.

Навстречу попались крестьянские сани. Молодой бородатый возница принял в сторону, пропуская барскую карету, его каурая лошадка провалилась по колено. Граф взглянул – и снег из-под ее копыт отхлынул, будто волна при отливе.

Не знаю, как отнесся к этому чуду бородач – мы проехали мимо слишком быстро. Я успела заметить в санях женщину с ребенком. Кажется, малыш спал.

Вспомнилось: «Придет оборотень-кот, твою душу заберет...»

Так вот что это значит!

Похититель вселяется в чье-то тело, не позволяя душе хозяина вернуться в него из мира снов, и для всех человек с виду остается прежним, но изнутри меняется – словно у него украли душу. Лишь посвященные знают, что похитителю нужна вовсе не душа.

Граф решил, что, лишившись человеческого тела, я подыскиваю себе новое и способна его занять, вытолкнув хозяина вон!

А может, все проще. Ему откуда-то известно, что секач Дакха ищет кошку-убийцу?..

Я посмотрела в окно и увидела, что мы выехали на тракт.

Позади осталось одно село, другое. Над крышами, заваленными снегом, поднимались дымы, по улицам сновал народ. Жители выходили к обочине, предлагая проезжающим пироги, караваи, наливку, шали, тулупы, махровые ковры и валяные сапоги. Как же хотелось выпрыгнуть из кареты и побежать туда, где люди, жилье, где можно укрыться от секачей, графов и богов!

Мальчишки строили на выгоне снежный городок. Граф улыбнулся – и низкие комковатые стены взлетели на высоту человеческого роста, над ними поднялась башня со снежными зубцами. Мальчишки разразились радостными воплями.

На выезде из села стояла кривобокая хибара. Худая старушонка и девочка лет десяти, налегая на деревянный скребок, пытались разгрести снег у ворот. Граф шевельнул пальцем – и от хибары до тракта скатертью раскатилась ровная широкая дорога.

На меня он не смотрел, но ясно было, что он пытается произвести впечатление. Показать, что он добрый, заботливый и достоин доверия.

Может, и правда достоин. Но что-то мешало мне принять эту мысль. Один вопрос: если он сохранил дар повелевать снегами и так печется о простых людях, почему не исполнит свой долг – не накинет узду на эту лютую зиму?

Словно подслушав мою мысль, граф прислонился затылком к спинке дивана и на пару секунд прикрыл глаза. Но моих сомнений это не развеяло. Сначала он сметает сугробы мановением брови, а теперь вдруг исчерпал силы?

Глава 7, ***в которой я попадаю в высшее общество***

Лейра мы достигли уже в темноте. По названию это был город, по сути же – сильно разросшееся притрактовое село, обязанное своим богатством выгодному положению при слиянии двух рек и на пересечении трех трактов. А еще – железной дороге, ведущей на восток, к порту Варск.

Ригонию и Вайнор разделял залив Долгий. В районе Варска он сужался настолько, что можно было рассмотреть вывески портовых кабаков на другом берегу. Так писали в «Вестях со всего света», имея в виду кабаки Дайера, самого южного и самого крупного порта Вайнорского королевства. От него до Бенхафта, столицы Вайнора, было всего сорок миль. Не- удивительно, что большая часть торговли с северо-восточным соседом шла именно через Дайер и Варск.

Мы ехали по широким улицам мимо солидных деревянных домов с огромными подворьями. Былолюдно, и чем дальше, тем больше становилось народу. Жителями владело радостное возбуждение. Праздник у них, что ли? Сани двигались все медленнее и наконец встали, уткнувшись в галдящую толпу.

Я бывала в Лейре и узнала место. Гостевой дом Керсона, самый большой и дорогой в городе. Двор был ярко освещен и забит повозками, людьми, лошадьми и мамками в беловатых зимних шубах. Ворота стояли открытыми, но перед входом и вдоль ограды выстроилось оцепление из полицейских и жандармов, у всех ружья и сабли, усы подбелены инеем, а форменные полушубки перепоясаны красными парадными кушаками. В гомоне толпы то и дело звучало: «Вайнор... Вайнор». Я прислушалась: за забором и впрямь говорили по-вайнорски.

К нам подошел один из жандармов и неласково велел Сельфану поворачивать.

Граф поднялся с места, отвесив мне шуточный поклон:

– Простите, сударыня Кошка, вынужден позаимствовать вашу перину. Хочу, чтобы меня узнали.

Набросив волчью доху, он выскочил на улицу:

– В чем дело?

Я кинулась к окну и встала на задние лапы.

– При всем почтении, благородный господин, – с графом, успевшим прикрыть голову меховым капюшоном, жандарм говорил уважительно, не то что с кучером, однако оставался столь же непреклонен: – Пускать никого не велено. Извольте найти другой ночлег. Могу рекомендовать...

Граф не дал ему закончить:

– Никого, вот как? Даже меня?

Взвился снег, окутал его фигуру и, опав, побежал поземкой понизу, а Даниш-Фрост остался стоять – шуба в алмазной пыли, в руке ледяной посох. В толпе ахнули, шелестом пронеслось: «Белый Граф... Белый Граф...»

Посох стукнул оземь, и все накрыла метель. На жандармских треухах с кокардами выросли маленькие сугробы. Воздух зазвенел смехом снежных фей, которые резвились в белой круговерти, рассыпая вокруг себя голубые огоньки. Метель распалась на завихрения, из завихрений свились узоры, какие мороз рисует на стекле, а из узоров – подвижные картины. Над двором гостевого дома распускались цветы с длинными витыми лепестками, проносились сани, запряженные лебедями, и скакали олени с серебряным месяцем в рогах. Жители Лейра задрали головы и раскрыли рты.

Вайнорцы во дворе подняли галдеж. Звонкий девичий голос потребовал:

– Впустите его!

К воротам подбежали сразу двое военных, один в незнакомой черно-белой форме – должно быть вайнорец, другой в подбитой мехом красной шинели с золотыми галунами. Неужто королевская гвардия? Жандармы убрали от ворот рогатки и сами посторонились. Сельфан направил лошадей во двор. Граф, в кружении снега, двинулся рядом, и чудилось, что он не идет, а парит, подхваченный пургой.

Наша упряжка с трудом пробралась между двумя огромными крытыми возами, обогнула груды сундуков и встала. Дальше ходу не было. Повозки и кареты стояли почти вплотную друг к другу. Слуги выгружали багаж, конюхи вели лошадей в стойла, а мамок – в загон, под навес, хотя было ясно, что все там не поместятся.

Никогда не видела столько мамонтов разом, тем более таких откормленных и ухоженных. Бока покатые, шерсть вымыта, расчесана. Казалось, огромные звери одеты в пышные шелковистые мантии, как болонки эйланской породы кейшас, которых возили с собой столичные модницы. Только этих болонок каким-то хитрым колдовством многократно увеличили и приставили им бивни.

Самого гостевого дома из моего окна видно не было, и я перебежала на другую сторону.

А это что за чудо?

Чуть в стороне от крыльца на мощных четырехрядных полозьях стояла карета величиной с железнодорожный вагон. Наверное, такие в старину и называли дормезами. Этот был покрыт белым лаком, украшен резьбой и позолотой.

Рядом сгрудились полдюжины мужчин и женщин в богатых шубах. Граф, уже без посоха, обнаружился там же. Он как раз кланялся барышне в белой норке, приветствуя ее на бойком вайнорском.

– Граф Даниш, как я рада! – воскликнула барышня. Та самая, со звонким голосом. – Увидеть знакомое лицо в самом начале пути – это добрый знак!

– В Альготе вы увидите еще много знакомых и дружеских лиц, ваше высочество, – галантно уверил граф.

Камелия. Младшая принцесса Вайнора и наша будущая королева. Прекрасный цветок Севера, как называли ее газеты. Жаль, из окна кареты лица толком не разглядеть.

– До сих пор не могу забыть снежную феерию, которую вы устроили на папин день рождения, – щебетала ее высочество. – Ах, это было восхитительно! Господа, вы знакомы с графом Данишем-Фростом? – она оглянулась на свою свиту.

– Кто же не знает Белого Графа Ригонии, – кокетливо отозвалась одна из дам.

Брыластый господин в черной шубе что-то буркнул себе под нос и сиплым голосом спросил Даниша – как пролаял:

– Что вас привело в Лейр?

Мне показалось, он с удовольствием сказал бы «принесло».

– Еду из Даниш-хуза в Белый замок, – ответил Даниш-Фрост. – Как обычно, хотел остановиться у Керсона.

Вайнорский всегда давался мне легко, я даже переводила маме из вайнорских модных журналов. Но во дворе было шумно, говорящие стояли далеко, а разбирать чужой язык труднее родного, даже если слова тебе знакомы. Принцесса Камелия начала представлять своих спутников, посыпались имена, титулы, любезности, и я перестала напрягать слух.

Очнулась, лишь когда ее высочество вынула из муфты тонкую белую руку и тронула брыластого за рукав:

– Граф Скадлик, не будете ли вы любезны распорядиться, чтобы графу Данишу подготовили комнату?

Брыластый принялся ворчать, что мест и без того не хватает, а в городе имеются и другие гостиницы. Невысокий пожилой господин в енотовой шубе что-то сказал. Брыластый склонил голову со словами: «Если вашему высочеству угодно», – и скрылся в дверях гостевого дома.

Скадлик... Не Скадлинг. Так он ригонец?

– Знаю, нехорошо так говорить, но граф Скадлик ужасный зануда, – вздохнула принцесса. – Лучше бы нашим сопровождающим были вы, граф Даниш.

– Почел бы за честь, – отозвался тот. – Но его величество рассудил иначе.

– В таком случае поблагодарим светлых богов за то, что они привели вас в этот гостевой дом, – сказал господин в енотовой шубе, которого граф Скадлик тоже отчего-то величал высочеством.

– Граф, – ласково произнесла принцесса, – могу я попросить вас об услуге...

– Все, что в моих силах, ваше высочество, – Даниш отвесил очередной поклон, а когда выпрямился, капюшон съехал с его головы.

Камелия на миг запнулась, потом ее тонкое личико озарилось улыбкой.

– Ах, право, не стоит! Это такие пустяки. Правда, дядя? – она повернулась к господину в енотовой шубе. – Должна сказать, я устала с дороги. Идемте! Хватит стоять на мо-розе.

Слуги распахнули двери. Принцесса взяла графа Даниша под руку, и вся компания вошла в гостевой дом.

Мне стало грустно. Барышня Агда влюблена в одного, а идет за другого. Граф влюблен в принцессу Камелию – иначе зачем все это

представление? – и она явно ему благоволит, но станет женой короля. А я...

Доктор Акерт выбрал Лину, дочку почтмейстера – маленькую, худенькую, больше похожую на ребенка, чем на женщину. Свадебное платье они заказали у нас. Помню, как светился его взгляд, когда он встречал Лину с примерки. На меня он так никогда не смотрел. Никто не смотрел.

Да и не нужно мне этого. К секачу по своей воле я все равно не пойду. А на оборотне кто женится?..

Наших лошадей выпрягли и увели. На дворе еще продолжалась суета, но разгрузка была закончена, и большую часть фонарей занесли в дом. Скоро последние слуги разойдутся. Останемся только я и мамки в загоне.

Ничего. Серый блин телогрея был еще теплым, на крючке висела шубейка из нерпы – не замерзну. И без ужина обойдусь. Обидно? Так граф мне чужой человек и заботиться не обещал. Он вообще считает меня преступницей.

Я легла на телогрей и закрыла глаза.

В этот самый момент в гостевом доме хлопнула дверь, заскрипели по снегу знакомые шаги. Клацнула, отворяясь, дверца кареты:

– Идем, Кошка.

Может, оттого что света во дворе стало меньше, лицо Даниша показалось мне сильно осунувшимся. Зато глаза задорно блестели. В этот миг он был похож на кота больше, чем за все время нашего недолгого знакомства.

– Взять тебя на руки?

Я покачала головой.

Он придержал дверь. Я выпрыгнула на снег и увидела, что погода переменилась. На закате небо было почти ясным, а сейчас набежали облака, ветер щипал за нос и сдувал с крыши снег. А граф опять в одном сюртуке!

В передней гостевого дома лежали ковры, в зеркалах дробился свет лучезаров, одетых в хрустальные плафоны с подвесками. В коридорах и на лестницах роился народ. Нас сопровождали взгляды, улыбки, удивленно-восхищенные возгласы. Еще бы. Не каждый день

увидишь кошку, шествующую у ноги человека. Тем более кошку в такой роскошной снежной шубе.

Думаю, мы были неотразимы: подтянутый длинноногий граф в черных сапогах, одетый едва ли не по-летнему, и рядом, не отставая ни на шаг – белое облачко на лапках.

Наверху мы столкнулись с двумя дамами в скромных шерстяных платьях.

– Какая прелесть! – воскликнула та, что помоложе, и лишь по голосу я поняла, что это принцесса. – Граф! Почему вы не сказали, что везете с собой снежную кошку?

Даниш поднял меня, чтобы ее высочеству было удобнее погладить милую зверушку.

– Ах ты моя красавица! Какая у тебя шерстка, а какая шейка... – ворковала принцесса, а я мужественно урчала и жмурилась, заодно принюхиваясь к ее запаху, чтобы впредь узнавать будущую королеву Ригонии в любом наряде. – Это несправедливо, граф! Северные области Вайнора гораздо обширнее ригонских, зимы у нас суровее, и Приютов Зимы больше. А самых красивых снежных кошек разводят у вас!

– В самом деле, – поддержала принцессу темноволосая дама постарше, разглядывая меня с большим интересом. – Настоящая великанша! Я таких никогда не видела.

– И вряд ли увидите, баронесса, – улыбнулся Даниш. – Это моя кошка. Единственная в своем роде. Таких больше нет.

Он склонил голову перед принцессой:

– Но осмелюсь заметить, что вы не правы, ваше высочество. Самых красивых кошек разводят у вас. У вас – в Ригонии...

– Пока еще нет, – Камелия опустила взгляд, ее серенькие брови дрогнули.

Цветочное имя и газетные портреты сослужили невесте нашего короля дурную службу. Рисовальщики и граверы изображали ее утонченной красавицей. Мое воображение, захваченное видением цветущих камелий, и наверняка не только мое, расцветило черно-белые картинки яркими летними красками.

Живая Камелия оказалась совсем не яркой. Светло-русые волосы самого невыразительного оттенка, бледные губы, тонкий нос с

горбинкой, более острой, чем у графа, и кончик носа тоже острый. Тот самый тип северянки, который описывала Майра – тусклая, блеклая.

Зато нрав у принцессы был живой и непосредственный. И фигурка изящная. А платье, хоть и неброское, сшито из лучшей шерсти. По рукавам и вороту бежала тонкая вышивка: извивы водорослей и пенных волн, морские коньки и ракушки. Символы стихийной силы, которой владел правящий дом Вайнора.

– Граф, – заговорила темноволосая дама, – вы не откажетесь послужить своей будущей королеве?..

– Я же просила вас, Геральдина! – сердито воскликнула принцесса. – Это неуместно.

– Я могу узнать, о чем речь? – осведомился Даниш.

– Вы слышали, что залив в районе порта Дайер замерз? – с напором заговорила баронесса. – Если верить хроникам, такого не случилось ни разу за последние четыреста лет. Его высочеству Магнивальду вместе с ее высочеством пришлось призвать силу моря, чтобы очистить фарватер до Варска.

Все знали, что наследник вайнорского престола одарен фамильной силой моря. О том, что тем же даром отмечена и младшая принцесса, газеты умалчивали. Может, баронесса Геральдина что-то путает? Но Камелия не спешила ее поправить.

– Погрузка на подготовленный для нас поезд заняла сутки. Нам сказали, что специально для ее высочества дорогу расчистили, однако не успели мы тронуться, как налетела вьюга и пути опять замело. От магов толку мало, хотя они делали, что могли. В конце концов мы решили, что вернее будет двигаться своим ходом. Наш обоз трижды попадал в заносы и выбирался только благодаря мамонтам. Мы, вайнорцы, считаем себя северным народом, но такое чувство, будто сама богиня зимы ополчилась на нас...

– Баронесса хочет сказать, что нам пригодилась бы помощь Белого Графа, – тихо произнесла принцесса, взглянула на Даниша и отвела глаза.

– Все мои скромные силы в распоряжении вашего высочества, – спокойно ответил он.

Камелия просияла:

– Значит, утром мы сможем выехать?

– После полудня, когда метель уляжется. Не будем искушать судьбу.

Принцесса напомнила, что через час ждет графа к ужину, и мы пошли дальше.

Затворив за собой дверь, граф посадил меня на волчью доху, брошенную поверх узкого диванчика.

– Что ж, Кошка. Вот ты и познакомилась с принцессой Камелией. Как она тебе? По-моему, очень милая девушка, – он произнес это иронично-задумчивым тоном, попутно расстегивая свой зеленый сюртук. Но вдруг остановился. – Прости, что нарушаю приличия. Я устал и хочу прилечь до ужина. Если тебе неловко, можешь отвернуться.

Граф сел на кровать и стал снимать сапоги.

Неловко?

Он только что нес меня на руках, я лежала у него на груди, поднимала хвост в его присутствии. А теперь должна смутиться при виде его босых ног и торса в тонкой белой сорочке? Или он сам стесняется?

Бросьте, ваше сиятельство! Вот если бы это я была человеком, а вы котом, и мне пришлось нянчить вас, перехватывая так и эдак, а потом стягивать перед вами чулки – тогда, разумеется...

Я подавила смешок и оглядела комнату.

Комната была тесной и убогой. Я бы решила, что она предназначена для слуг, но на стене горел лучезар, за громоздкой ширмой прятался вход в отдельную уборную. Створки ширмы были расписаны пастушками и пастушками, которые любезничали друг с другом среди розовых кустов. В углу нашлось место для небольшого дорожного сундука и вешалки с одеждой. Едва ли не полкомнаты занимала кровать со столбиками и голой рамой для балдахина. Столбики были потертыми и поцарапанными.

– Не нравится? – усмехнулся граф, с наслаждением валясь на постель. – Сразу видно, что ты не жила придворной жизнью. Когда Альрик ездил по стране, мне приходилось ночевать и в людской, и в конюшне, и на голубятне. Спальные места мы уступали престарелым камергерам и гоф-дамам, которые таскались с нами, несмотря на подагру и радикулит, лишь бы быть на глазах у наследника...

Значит, Даниш сопровождал нашего нынешнего короля в Большом Странствии? Писали, что Альрик, тогда еще наследный принц, в своем рвении лучше узнать страну и подданных, которыми будет однажды править, забирался в самые глухие уголки. Неудивительно, что для его свиты не везде находились мягкие постели.

А граф, получается, входит в ближний круг...

Сердце заколотилось так, словно я на гору взобралась. Этот человек не зовет слугу, чтобы снять сапоги, сам накрывает себе на стол и пускает кучера спать в своей карете. Но он владыка стихий и один из первых вельмож королевства. Если кто-то и в силах помочь мне, так это Белый Граф!

Почему я сразу об этом не подумала?

Надо собраться с духом и дать ему знать, что я согласна на разговор в снежном шаре...

Потом, когда выспится.

На введении в маговедение нас учили, что владыки стихий многократно превосходят обычных магов, потому что получают силу от богов, и в единении со своей стихией каждый из них едва ли не всемогущ. Если так, граф должен властвовать над зимой так же легко, как дышит, черпая магию из метелей и морозов, а он всякий раз будто частицу собственной жизни отдает.

Примерно через полчаса Даниш открыл глаза, сказал, что ему нужно привести себя в порядок, и ушел за ширму. Слышно было, как там что-то гремит и звякает, как льется вода; запахло душистым мылом. Потом из-за ширмы высунулась рука в широком рукаве шлафрока, потянула с вешалки одежду.

А спустя несколько минут граф появился передо мной, нарядный, как с картинки журнала о моде для мужчин. Серые брюки, короткий сюртук темно-синего цвета с широкими двойными лацканами, белый атласный галстук. Даже надушиться успел! От целого букета запахов у меня засвербело в носу.

– Надеюсь, ты не собираешься убежать? – спросил граф, склоняясь надо мной. – Я бы на твоём месте не рискнул. Нынче будет буря. Если скучно, можешь прогуляться по гостинице. Я оставлю дверь приоткрытой и предупрежу прислугу.

После его ухода я первым делом наведальась в уборную и воспользовалась стульчаком – это я умела с детства, потом попила

воды из умывальника. Воздух еще пах влагой и мылом, на стенках сидячей ванны не высохли капельки, и я вдруг представила графа в этой ванне, так живо и ясно, что даже зажмурилась. Вот когда мне стало неловко!

За приотворенной дверью слышались шаги, голоса, из коридора в комнату проникали запахи съестного.

По запахам я и нашла комнаты, отведенные принцессе. Высокие двустворчатые двери то и дело открывались, чтобы впустить лакея или придворного. Дважды внутрь провозили столы-подносы, заставленные блюдами под блестящими крышками.

Я прошла следом за слугами и очутилась в большой комнате. В центре за столом играли в карты военные, все вайнорцы. Один, здоровенный детина, предложил меня поймать, но я успела юркнуть под длинный диван и затаилась. В просвет между полом и сиденьем было видно, как движутся под столом ноги в легких сапогах, начищенных как на парад – вайнорские гвардейцы сменили тяжелую зимнюю обувь на салонную и теперь искали, чем бы раз-влечься.

Я прокралась к краю дивана и осмотрелась, насколько это возможно было сделать, не высовывая головы. Задачу облегчали зеркала в простенках между дверьми: в них отражались четверо офицеров в черно-белой униформе с эполетами и при саблях, и чай с кренделями, которым вайнорцы угощались по ходу игры. Не вино, надо же!

В комнате было четыре двери, считая ту, через которую я вошла. Ужин происходил за самой нарядной. Пару раз створки отворялись, и я видела стол под белой скатертью, блеск хрусталя и рыжую голову графа Даниша, сидящего боком к проему.

Попадаться ему или принцессе на глаза в мои намерения не входило, я просто хотела послушать, о чем говорят. Но для этого надо было подобраться поближе.

Из столовой выпорхнула девушка в бледно-коралловом платье. У нее было все, чего не хватало принцессе: золотистые локоны, яркосиние глаза, темные брови, пухлые розовые губы и живой румянец. Она торопливо скрылась за боковой дверью, а через пару минут появилась вновь с маленькой книжицей в руках.

Военные между тем решили, что ловить девушку веселее, чем ловить кошку.

– Что это у вас, барышня Кайса? – поинтересовался здоровяк с пшеничными усами.

– Томик Мартона, – девушка замедлила шаг. – Ее высочество велели принести.

– Вы шутите? Стихи за ужином?

Барышня мило покраснела.

– Ее высочество и граф Скадлик поспорили по поводу одной строфы и хотят выяснить, кто прав.

– Надо же. Скадлик-зануда, оказывается, ценитель поэзии. Кто бы мог подумать!

Офицеры засмеялись.

– Напрасно вы так, господа, – строго сказала барышня.

– Из-за какой же строфы вышел спор? И в каком стихотворении?

– Не помню, – смутилась барышня, – я не следила за разговором.

– Откуда же вы тогда знаете, что взяли верную книжку?

Барышня Кайса посмотрела на томик в своих руках. Зеркало отразило полустершиеся золотые буквы на бурой обложке.

– «Песни скитаний», как ее высочество и велели...

– А давайте взглянем, что там, в этих «Песнях»! Вдруг любовное послание? – усатый поднялся с места, демонстрируя гренадерский рост и плечи, как у циркового силача. Креслице на тонких ножках облегченно вздрогнуло, освободившись от такого груза. – Может, никакого разговора и не было, а наша милая барышня бегала к сердечному дружку?

Барышня вспыхнула до корней волос, затем сильно побледнела и отпрянула, спрятав книжку за спину.

– Вы... Вы... Какой вы!

Она развернулась и убежала в столовую – только юбки взметнулись с шелестом, словно осенние листья.

Военные опять засмеялись, но как-то неуверенно.

– Болван вы, Дегеринг, – сказал один, тоже с усами, но каштановыми. – Она ведь вам глазки строила.

– Тогда зачем без конца бегает к Джеручу? – фыркнул первый усач. – С утра раз десять!

– Меня капитан тоже, помнится, гонял с поручениями – то туда, то сюда, – пожал плечами другой, светловолосый и круглолицый. – Кавалер Джеруч секретарь ее высочества, барышня Кайса – фрейлина.

– Секретарь-иностранец! – возмутился четвертый участник игры, самый молодой. – Даже говорит с акцентом.

– Зато словом владеет лучше нас всех, – заметил обладатель каштановых усов. – Иной раз этак поэтично закрутит...

– Заносчивый выскочка! А то и шпион.

– Смотрите, при нем не ляпните, – остерег круглолицый. – Эйланцы народ горячий.

– И что он сделает? Вызов мне бросит? Я барон Хир-Дорт, потомственный офицер, секунд-лейтенант королевской гвардии, а он кто? Секретаришко!

– Не скажите, – пробормотал круглолицый. – Я видел, как он обращается с саблей...

В этот момент дверь, в которую барышня Кайса ходила за книжкой, открылась, и на пороге показался молодой человек в строгом темно-сером сюртуке. Очевидно, тот самый эйланец. Нет, настоящий ланн! Какими их рисуют на картинах и описывают в исторических книгах. Среднего роста, ладный, подтянутый. Черные глаза, оливково-смуглая кожа с золотистым оттенком, правильные черты лица, крупные ровно настолько, чтобы быть выразительными, но не грубыми. Наряди его в чешуйчатый доспех и островерхий шлем, посади на коня, дай в руку меч – и держись, Ригония!

Молодой человек направился к двери напротив.

– Кавалер Джеруч! – с притворным радушием воскликнул юный барон Хир-Дорт, вновь беря в руки карты. – Не желаете присоединиться?

Эйланец на ходу покачал головой, окинув офицеров взглядом, в котором чудесным образом соединялись кипучий темный огонь и арктический холод.

– Благодарю, барон, в другой раз.

– Кавалер! – вступил усатый Дегеринг. – Уважьте наше любопытство. Эйланцы сльвут лучшими фехтовальщикам во всей Оssidене. Говорят, у вас даже нищий пастух, взяв в руки саблю, будет знать, что с ней делать. А вы владеете каким-нибудь холодным оружием?

– Кроме гусяного пера, разумеется! – хохотнул юный барон.

Лицо Джеруча осталось бесстрастным.

– Маркиз, не одолжите вашу саблю? – любезно обратился он к круглолицему.

Тот помедлил, потом, привстав, вынул клинок из ножен и протянул эйланцу рукоятью вперед.

– И вашу, виконт, – Джеруч одними губами улыбнулся Дегерингу. – Если позволите.

Здоровяк с ухмылкой подал кавалеру свое оружие. Но взгляд у него был напряженным.

– Благодарю вас, господа.

Эйланец отошел на середину комнаты, покачивая сабли в руках – приноравливался. Его движения стали мягкими и хищными, словно у горного барса, оружие казалось продолжением рук еще до того, как он сделал первый взмах, описав в воздухе плавную дугу сперва одним клинком, потом другим. А дальше сабли заплясали с легкостью солнечных лучей, и непонятно было, человек направляет их или они ведут человека за собой, заставляя выписывать телом сложные фигуры. Эйланец двигался стремительно и точно, и при этом практически не сходя с места. Только воздух свистел, прокатываясь по комнате.

– Что здесь происходит? – прозвучал у входной двери новый голос, негромкий, но полный ярости.

Кавалер Джеруч остановился мгновенно, словно у него в спине повернули ключик, а когда офицеры повскакивали с мест и вытянулись по стойке смирно, возвратил оружие его владельцам.

– Господа, благодарю за возможность размяться. Капитан!

Эйланец бросил взгляд на вошедшего и покинул комнату.

Заскрипели сапоги, и тот, кого называли капитаном, отразился в зеркалах. Невысокий плотный человек, волосы с проседью, на плече аксельбант.

– Ваше счастье, что мы в Ригонии! – глухо прорычал он. – Разжаловал бы из гвардии к темным богам!..

Молоденький барон открыл было рот, собираясь возразить, но под взглядом командира вытянулся еще сильнее, глаза его выкатились и обесмыслились.

– Вы для чего здесь посажены? – шипел капитан. – Оружие чужакам раздавать? Забыли, что за дверью ее высочество? Хир! Пришлите мне Дельга и Тетинга, сию минуту! А сами во внешнее

охранение, все четверо! Смените людей Видера. И зарубите себе на носу: еще одна выходка – отправлю в Вайнор... пешком!

Капитан еще некоторое время распекал подчиненных, употребляя слова, которые не подобает писать в романах. А я тихой сапой пробралась под тумбочку у дверей столовой, хотя после всего, что только что приключилось на моих глазах, застольные беседы великосветского общества интереса уже не вызывали.

За дверями обсуждали политику. Какие-то земельные споры между Эйланом и Вайнором. Слышно было еле-еле, звучало много незнакомых слов и витиеватых оборотов, вкусные запахи мешали сосредоточиться на отвлеченных материях.

Я незаметно проскользнула обратно под диван, а из-под него, пока гвардейцы ходили туда-сюда, в коридор. Пойду поищу кухню. Может, какой-нибудь поваренок будет так добр, что угостит красивую белую кошку хотя бы хлебушком?

– Ага, попалась! – усатый виконт вышел следом за мной. – Хитрая бестия!

Здоровенные ручищи сгребли меня и сжали, не давая вырваться.

– Оставьте, Дегеринг, – поморщился обладатель каштановых усов. – Мало вам неприятностей? Это же кошка самого...

– Вы правы. Это моя кошка.

Откуда взялся Даниш, я не поняла. За нами он не выходил и, по всему, должен был сейчас вкушать деликатесы в обществе цвета вайнорской знати. Но какая разница! Я завопила и стала извиваться изо всех сил. Он же не бросит меня? Не оставит в лапах этого громилы?

Граф выглядел не таким опасным, как эйланский кавалер Джеруч; он был меньше, легче усатого Дегеринга и безоружен. Захочет ли он подставиться под тяжелый кулак виконта или, того хуже, под саблю из-за кошки-оборотня, от которой и так сплошные хлопоты?..

Граф подошел и молча забрал меня из рук гвардейца – тот отдал беспрекословно. Я сразу бросила трепыхаться, но успела невольно зацепить когтем палец графа. Слышно было, как треснула кожа, ноздри уловили запах крови.

– Простите! – пискнула я.

– Мяу! – услышал он.

На спину мне легла теплая ладонь.

– Все хорошо, девочка, не бойся. Тебя никто не обидит.

Он утешал меня так же, как в тот день, когда отогревал на руках в своей карете. Словно забыл, что я человек, а не кошка. И пускай! Не знаю, что сделал бы виконт – подпалил мне хвост, свернул шею или просто потискал и отпустил, но в его стальной хватке мне было страшно до колик... А сейчас, прижимаясь к груди Даниша, я чувствовала себя в безопасности.

Надолго ли?

Глава 8, *в которой я узнаю, что у графа на уме*

Разумеется, ни о чем он не забыл.

Когда мы вошли в комнату, граф посадил меня на кровать и опустился рядом.

– Значит, подслушивала?

Он произнес это без недовольства, скорее даже с удовлетворением.

– Мне говорили, что оборотни-кошки отличаются любопытством. Но зря ты дала себя поймать.

Вот как?

– Знаешь, я хотел захватить тебе гостинец со стола, но ее высочество не позволила, – Даниш улыбнулся так, словно сказал что-то приятное.

Раздался стук в дверь.

Статный лакей в чулках и парике, совершенно такой же, как те, что подавали ужин принцессе, вкатил в комнату стол-поднос и, выпрямившись, зычным голосом объявил:

– Ужин для госпожи Белки, снежной кошки его сиятельства графа Рауда Даниша-Фроста, от ее высочества Камелии Аннеборги Сесилии, третьей принцессы Вайнора из дома Маритимов!

На одном дыхании – и даже не улыбнулся.

Я покосилась на графа. Он тоже казался серьезным, не сжимал губ в попытке сдержать смех, только глаза приобрели веселый оранжевый отлив, как у разыгравшегося кота.

От аппетитных запахов кружилась голова.

Лакей подкатил стол к кровати и поднял посеребренный колпак.

– Паштет из мидий!

На фарфоровом блюде в виде раковины с золотой каймой возвышалась лоснящаяся желтоватая горка, поверх – листик кошачьей мяты. По указанию графа, лакей щипчиками отложил мяту на край блюда. Потом, взяв миниатюрные нож и вилку, разделил горку на крохотные кучки. Я осторожно лизнула. Съедобно!

Граф ушел за ширму, сделав вид, что занят. А лакей остался и, едва я покончила с паштетом, провозгласил:

– Икра севрюжья черная!

За ней последовала икра белужья белая, мясо кистенского краба и филе клыкача.

Каждый раз, открыв новое блюдо, лакей отступал к стене и замирал, как статуя. Я бы смутилась, не будь это так забавно – словно представление в домашнем театре.

– Мягкий сыр из молока лося! Из собственных ее величества Бетильды, королевы Вайнора, лосиных угодий!

Предел сытости был давно пройден, но сыр я все равно съела. Белый, нежный, пористый – ам-ням. И надо бы остановиться, но когда еще попробуешь такие роскошества? Я улыбнулась про себя. Едва ли повара господина Керсона ожидали, что кушаньями, поданными к столу будущей королевы в знак почтения к роду владык моря, будет лакомиться кошка.

– Десерт! Сливки особо жирные!

И вкусные, надо признать. Очень вкусные.

Лакей отыграл свою роль до конца, под занавес отвесив мне поклон, будто королевской особе.

Наверное, ему обидно было прислуживать животному. Я встала и помахала хвостом в знак признательности. Хотя двигаться совсем не хотелось. Хотелось растянуться на боку, положить рядом переполненный живот и зажмуриться.

Едва дверь за лакеем закрылась, я так и поступила. Впервые с тех пор, как мне пришлось бежать из дома, появилось чувство, что жизнь недурственная штука.

Кровать подо мной прогнулась – граф снова сел рядом.

– Понравилось угощение? Прости за Белку. Ее высочество спросила, как тебя зовут. Надо было что-то ответить.

А потом его глаза посерьезнели.

– Ты подумала о моем предложении, Кошка? По-моему, нам давно пора поговорить.

Сытая нега оставила меня в один миг.

Подумаешь, будет кружить, подбрасывать, выть и грохотать, а потом скрутит такой слабостью, будто до могилы один шаг! Я пережила битву с самой богиней зимы, переживу и снежный шар.

Села, обернувшись хвостом, зажмурилась... и решительно кивнула.

Все было как в прошлый раз. С синего стеклянного неба падал снег и исчезал, не достигая земли. Елки кутались в снежные шали, за ними утопала в сугробах расписная избушка.

Я говорила, что не соглашусь войти в графскую ловушку, даже если это будет последняя возможность почувствовать себя человеком? Чушь! Ради одного этого стоило рискнуть. Я соскучилась по своему телу, по рукам и ногам, по животу, который не распирало от нескольких ложек еды, даже по красному свадебному наряду с летящими юбками.

Засмеялась, крутанулась на месте, от избытка чувств и... Ох! Оказалась нос к носу с графом Данишем-Фростом.

Он стоял, скрестив руки на груди, смотрел на меня и улыбался.

А я как будто первый раз его увидела.

Да так оно и было. Кошачьим глазом смотришь на людей снизу вверх, как на корабельные сосны в лесу. Их и различаешь больше по одежде, звукам и запахам. Даже рост и сложение оценить трудно, если вблизи нет другого человека. Пусть ты сидишь рядом на диване или... лежишь у него на груди, это все равно – другое.

Даниш-Фрост был на полголовы выше меня. Он казался мужественнее, чем виделось мне-кошке и... более настоящим, что ли. Слишком настоящим. Сильный молодой мужчина – в двух шагах передо мной. Держался граф без надменности, часто свойственной аристократам, но так, будто он на все на свете имеет право. Под изучающим, чуть насмешливым взглядом его опаловых глаз я вдруг потерялась, оробела. В голове разом пронеслись все неловкие ситуации, которые случились между нами за эти дни.

– Так вот ты какая, милая пушистая посланница богини, – произнес он мягко.

– Я не посланница!

– И голос красивый. Когда не кричишь.

Голос... да. Голос у меня мамин, пусть и не такой бархатный.

Я поняла, что краснею.

Почему я краснею, если мы здесь не телами, а душами?

– Как тебя зовут, Кошка?

– Карин. Карин Эльс..., ваше сиятельство.

«А его... Рауд», – сказал лакей. Нет – граф Рауд Даниш-Фрост. Он принадлежит другому миру, как птицы принадлежат небу, а рыбы морю. Сейчас, глядя на него глазами человека, я поняла это с ослепительной ясностью.

Присела в неуклюжем реверансе.

– Пожалуйста, простите, что поцарапала! Не успела втянуть когти.

Кругом царила обманчивая безмятежность, но я знала, что времени мало. Поэтому не стала долго оправдываться и перешла к сути, спеша объяснить все, пока последнее оставшееся у меня тело еще дышит:

– У нас швейное ателье, и, если заказчик вызывает сомнения, я оборачиваюсь кошкой и стараюсь разузнать, что у него на уме... Знаю, подслушивать под окнами некрасиво, но я никогда не выдавала чужих тайн!

Ни единой душе не говорила про секретные местечки бакалейщика Гирика, в которых он прячет дневную выручку, про то, что племянник госпожи Илифсон на самом деле ее внебрачный сын, про колье госпожи Дирк, вовсе не потерянное, а тайком от супруга отданное брату, чтобы тот смог поехать в Альготу учиться музыке...

Графу обо всем этом тоже ни словечком не обмолвилась.

Да и некогда пустословить! Надо успеть рассказать о визите кавалера Лъета и его дочери, о старухе, похожей на ведьму, и о том, что она шептала на ухо плачущей барышне.

– Там, верно, какая-то брачная афера. У барышни был возлюбленный, – сказать «любовник» я постеснялась. – Теперь он женится, она выходит замуж, но ведьма обещала сделать так, чтобы муж ее не тронул, а возлюбленный не смог иметь сыновей от жены. Если, конечно, я все верно поняла. Я так замерзла и боялась, что меня прибьют...

Может, и черный дым на пальцах ведьмы мне примерещился?

Про маму и Майру решила не говорить. Слишком больно, а постороннего наши семейные дела не касаются. Сказала, что пошла в храм в надежде на помощь ули, и во сне Свен и Свяна велели мне отправляться в Альготу.

Я все больше торопилась, сбивалась, и граф меня остановил:

– Подожди, Кошка. Пойдем сядем, и ты спокойно все доскажешь.

– Спокойно?! – голос сорвался. – Там мое тело умирает! И ваше, наверное, тоже...

– Тебе плохо? – Даниш озабоченно нахмурился. – Этого не должно быть. Я затем и вошел вместе с тобой, чтобы поддерживать связь со своим телом, а через него с твоим. Времени должно хватить на долгий разговор.

Я прислушалась к себе. Нет, плохо мне не было. Напротив, я ощущала себя здоровой и бодрой.

Здоровой и бодрой крикуньей...

Посмотрела на свои туфли, красные на белом. Наверное, мои щеки были сейчас такого же цвета.

Стыд и позор, Карин Эльс! Обрадовалась, что дар речи вернулся, расшумелась. Скажи спасибо, их сиятельство не взгрили за непочтительность.

А сиятельство и сам хорош. Мог бы сразу растолковать что и как...

Пока мы обходили елки, в туфли попадал снег, но ноги не мерзли и не промокали. Прикосновения рыхлых хлопьев были приятны – словно ступаешь по теплой ку- дели.

– Так как, говоришь, зовут вашего заказчика?

– Кавалер Льет.

– Из Альготы? – Граф задумался. – Не знаю такого.

– Едва ли он на самом деле кавалер. Богат, как гномий царь, но речь и повадки как у базарного торговца.

– Нынче купить дворянство нетрудно, – граф хмыкнул. – Были бы деньги.

За елками, недалеко от избушки, на крыше которой лежала огромная снежная шапка, обнаружилось четыре пенька. Большой, посередине – стол, три маленьких вокруг – стулья. Даниш указал мне на один из них, сел сам и начал задавать вопросы.

Граф хотел знать все о моих встречах с богами, особенно с богиней зимы и о нашем с ней уговоре. Я же изо всех сил увиливала от ответов, почти не сомневаясь, что предмет уговора сидит передо мной. Рано или поздно богиня потребует сделать нечто такое, что графу наверняка не понравится. А я на себе испытала, каким грозным он может быть, когда ему что-то не по нраву...

– Нежа сама пришла к тебе?
– Нет, я позвала... Попросила о помощи.
– И все? Просто попросила?
– Я просила от сердца! Боги любви оказали мне покровительство и поручили сестре присмотреть за мной. Что тут такого?
– Поручили, говоришь? Чего же они от тебя потребовали, если это для них так важно? Какой обет наложили?
– Они... – об этом же можно сказать, правда? – Они хотели, чтобы я сослужила им службу. Как в сказках.
– Какую службу?
– Не знаю! Они сказали, я пойму, когда придет время.
А если Даниш нужен не только богине зимы? Уж больно все сходится! Тогда дело совсем плохо. Он влюблен в принцессу... Не потребуют же Свен и Свяна, чтобы я расстроила королевскую свадьбу?
И не подчиниться нельзя. Помню, как жгло лоб, когда я ошиблась с направлением. Боги просто толкали меня навстречу графу!
Но, может, если я смогу стать человеком до Ночи Всех Богов, наш уговор потеряет силу сам собой?
Я собралась с духом:
– Ваше сиятельство, не сочтите за дерзость! Вы наверняка знаете всех лучших магов страны. Нет ли у вас на примете кого-нибудь, сведущего в Небыли? Или ваш наставник оборотень... Не могли бы вы свести меня с ним?
– Не мог бы, – отрезал граф.
По тону и взгляду, вмиг ставшему отчужденным, было ясно, что говорить об этом он не станет.
– Скажите хотя бы, к кому обратиться! Неужели ничего нельзя сделать?
– Почему же нельзя? – граф посмотрел на меня долгим взглядом, и этот взгляд мне очень не понравился. – Я обещал помочь тебе, и я помогу. Но сначала...
Он помедлил, как медлит змея, прежде чем ужалить.
– Сослужи службу, потом скажу какую? – вырвалось у меня.
– Сразу скажу, – ответил он без улыбки. – Ты понимаешь по-вайнорски, верно?
– В гимназии учила.

И от отца набралась вайнских слов. Правда, язык северных деревень – это язык вайнов-завоевателей, устаревший почти на пятьсот лет. Но все равно на уроках мне было легче, чем многим.

– Ты понравилась принцессе Камелии. Составишь ей компанию по дороге в Альготу.

– Зачем? – растерялась я.

– Принцесса мила и умеет располагать к себе. Но у нее есть секреты, которых не должно быть у королевы Ригонии. Письма от другого мужчины. От Фьюго, ее бывшего жениха – одного из младших принцев Эйлана.

Граф говорил четко и сухо.

– Когда Альрик направил в Вайнор брачное предложение, король Бертольд разорвал все предварительные договоренности с Эйланом. Но, судя по всему, Фьюго и Камелия до сих пор поддерживают связь. Ты знаешь, что в ее свите двое эйланцев? Один под видом секретаря. Вся переписка принцессы в его ведении. Твоя задача – узнать, где спрятаны письма и как их доставляют, а заодно держать уши и глаза открытыми.

Вот оно как.

Я думала, это любовь. А это – политика...

– Если решишь воспользоваться советом богов и попытаться счастья в храме, прими к сведению: войти туда могут только владыки стихий и их спутники, а также те, кого допустят ули по просьбе короля. Даже король вправе лишь просить. Не надейся прошмыгнуть тайком. Храмовая защита одинаково действует и на людей, и на животных. Только я могу провести тебя внутрь, кошка Карин. Запом- ни это.

Мне стало вдруг очень холодно – впервые в этом уютном снежном мирке.

Шар не зря зовется ловушкой. Самой мне из нее не выбраться. А значит, в этот самый миг граф Даниш держал в руках не только мою тайну, мой шанс снова стать человеком, но и саму мою жизнь.

Что мне оставалось?

Только склонить голову, как бессловесной кошке.

Снаружи бесновался обещанный буран. В столах и хохоте ветра слышались голоса снежных витязей, которым вторил вой зверья, бегущего с ними вровень. Снежные птицы с лету бились в окна, и их

перья, острые, как осколки льда, со злым шорохом ссыпались по стеклу. Гостевой дом отвечал на ярость стихии испуганными вздохами, скрипами и стуками.

Перед сном Даниш передвинул ширму, отгородив мой диванчик с дохой от своей кровати, лег и сразу провалился в забытие – я слышала по дыханию, а сама глаз сомкнуть не могла.

Давая мне указания, граф обмолвился, что рассчитывал вывести тайны Камелии с помощью своей магии. Снег под полозьями, изморозь на стеклах окон, ветер, кусающий щеки и тянущий сквозняком по ногам, расскажут ему, что скрывает принцесса и ее люди. Многое расскажут. Но зимняя магия не может проникнуть глубоко, подобраться к вайнорцам изнутри. А я могу.

Наверное, он задумал это в тот самый момент, как понял, кто я на самом деле. Обратни – идеальные шпионы. И обижаться не на что. Он служит королю. Под руку подвернулось орудие, которое можно использовать. Такие, как он, всегда используют таких, как я.

Почему же меня это так задело?

Потому что я наконец поверила. А верить – доверять – нельзя никому, тем более чужому человеку. Даже если он спасает, защищает, заботится, будто бы по доброте душевной. Ведь однажды он потребует расплаты...

Я закрыла глаза и стала думать о своем задании.

Четыреста лет назад ланны смертоносной лавиной прокатились по Оssidене, подмяв под себя молодые вайнские королевства. Устояли лишь Вайнор и отчасти Ригония, уступившая захватчикам побережье Круглого залива. Ланны двадцать лет не оставляли попыток продвинуться вглубь страны. Наконец вайнам в северных лесах это надоело, они наточили дедовские топоры и плечом к плечу с воинами дружественного Вайнора сбросили пришельцев в море.

Так об этом пишут в учебниках.

Остальная Оssidена вплоть до Южных гор досталась ланнам. Покоренные страны были раздроблены на десятки мелких уделов, которые без конца спорили между собой. Королевства возникали и рушились, правители заключали союзы с местной знатью, пережившей нашествие. И уже через несколько поколений воцарились новые династии, по большей части вайнские, границы государств приняли нынешний вид, а завоеватели растворились среди завоеванных.

Уцелело лишь одно ланнское королевство, зато большое и сильное – как раз на другой стороне Круглого залива. Сто ланнских воинских родов сговорились не повторять соседских ошибок, соединили свои уделы в союз под названием Эйлан, что значит «земля ланнов», и избрали короля, а тот обеспечил им привилегии.

Наследники «ланнской сотни» до сих пор поддерживают чистоту крови и блюдут ланнские обычаи. Все они отменные воины, но магов среди них мало – и всегда было мало. Может, поэтому ланны и держали при себе дазов, чьи шаманы владели приемами, неизвестными чародеям Оssidены.

Если кто-то из ланнской сотни брал жену со стороны, то непременно с даром. Учитывая, что морская граница Эйлана в полтора раза превышает сухопутную, король Альгредо был бы крайне рад принять в семью девушку из рода владык моря, а заодно вбить клин между Вайнором и Ригонией. Наши страны всегда действовали заодно; королевские дома Ригонии и Вайнора не заключали династических браков с Эйланом и не вступали с ним ни в какие иные союзы, помня давнюю вражду.

Граф сказал: чтобы получить для своего сына руку Камелии, Альгредо согласился вернуть Вайнору половину Спорных земель, которые за последние сто лет четыре раза переходили из рук в руки. И король Бертольд поддался искушению.

Узнав об этом, Альрик сейчас же выразил желание самолично жениться на младшей принцессе Вайнора, хотя это и влекло за собой сложности с наследованием дара. Бертольд подумал и согласился. «Несколько акров бесплодных пустошей не стоят потери друга», – сказал он. Наконец, король более выгодная партия, чем тот, кто стоит двадцать шестым в очереди на престол – после семи старших братьев и их детей. Вот только принцесса успела в этого двадцать шестого влюбиться...

– Подло использовать это против нее, – не удержалась я.

– Хочешь видеть на ригонском троне ставленницу Эйлана? – резко спросил граф. – В делах государств нет места сантиментам.

– К кошкам вы добрее, чем к людям, ваше сиятельство, – произнесла я шепотом.

В ответ граф сжал губы, помолчал, а затем бесстрастным тоном предложил мне слепить снежок и сам сделал то же самое, попутно

применив какие-то чары. Ком снега в моих руках, слишком легкий и мягкий, слишком теплый, начал голубовато светиться. Поверхность его уплотнилась, стала гладкой и скользкой, свечение превратилось в стеклянный блеск. Граф забрал у меня снежок, а мне вручил свой, велел:

– Продолжай катать. Это для связи. Когда потребуется, просто мысленно позови меня. Стены зданий и посторонняя магия могут стать помехой. Лучше говорить у окна или с улицы, словом оттуда, где есть снег.

Когда мы вернулись в свои тела, у меня на шее появился тоненький серебристый ремешок без застежки, к которому был подвешен хрустальный шарик величиной с яблочко ранетку. В следующее мгновение ремешок с шариком исчез – сделался невидимым и неосязаемым. Но я знала, что он есть. Ошейник, за который всегда можно потянуть.

Второй шарик, на цепочке, Даниш спрятал за пазуху.

Разговор в снежной ловушке обошелся графу недешево. Вставая с кровати, он пошатнулся и схватился за столбик, но мне совсем не хотелось ему сочувствовать. Коварство имеет цену, ваше сиятельство.

А принцессу было жаль.

Наследование магии – предмет сложный и запутанный. Из гимназических уроков я помнила, что дитя магов не всегда рождается магом. Шансов больше, когда силы у родителей разные, у одного, положим, магия огня, у другого целительская. Но ребенку перейдет только одна, и какая именно предсказать нельзя.

Для людей простого звания это, может, и неважно, а для высокородных владык стихий потерять исконную силу – все равно что лишиться титула или земель.

Каждый род связан с одним из богов, и бог решает, кого наделить своим даром. Обыкновенно он выбирает ребенка, в котором фамильной магии больше, но может отметить и бесталанного. Оттого владыки стихий предпочитают жениться на неодаренных. Если дети рождаются без магии, бог все равно пожалует силу одному из них, и дар не уйдет из семьи. Но если перебить врожденную магию чужой, бог может обидеться и передать силу стихии, над которой властвует, другому роду.

Всех тонкостей нам не объясняли, а многого я уже не помнила.

Знаю, что порой бог отмечает сразу нескольких детей в одной семье. Того, кто получил главный дар, позже посвящают в полноправные владыки стихий. Дары остальных именуется малыми. Как видно, такой дар и достался Камелии. Но она все равно повелевает морем, и, взяв ее в жены, бездарный принц Фьюго даст начало новой ветви владык стихий. А наследники короля Альрика от такого союза рискуют потерять благосклонность бога лета, дарующего роду Бордикетов силу плодоносной земли, благодаря которой Ригония никогда не знала неурожая и голода.

В истории известны случаи, когда два дара удавалось совместить в одном роду. Но для этого невесте надо пройти особый ритуал, настолько опасный, что нынче к нему не прибегают. Неужели ради политических выгод принцессе Камелии придется рисковать собой?

Думая об этом, я уснула.

Во сне мне привиделось два бледно-стеклянных глаза, похожих на рыбы жабры. Казалось, хищник высматривал добычу в кромешной мгле. Я затаилась, как мышка в норке, стараясь не выдать себя ни движением, ни мыслью, и сидела так, пока глаза не потухли.

Утро началось с настойчивого стука в дверь. За ширмой сонно буркнули: «Кого там темные боги несут?» Затем последовала короткая возня и – повелительное, громким, ясным голосом:

– Войдите!

Отворилась дверь, стукнул по полу каблук. Что-то скрипнуло, звякнуло, зашелестело, сабельные ножны ударились и поскреблись о притолоку.

Я не стала прятаться под доху, хотя очень хотелось. Вместо этого мягко прыгнула на пол и припала к тонкой, как нить, щелке между створками ширмы. Если меня определили в шпионки, буду шпионить!

Видно было лишь полу графского шлафрока и ногу виконта Дегеринга в черном сапоге и белой форменной штанине. Воображение дорисовало остальное: как он, выглаженный и начищенный, заняв собой весь дверной проем, возвышается над заспанным босым Данишем.

– Граф! – виконт щелкнул каблуками. – Примите мои извинения. Я покусился на ваше имущество. Благородный человек не должен так поступать. Но – кудри Небера! – что за великолепный зверь! Я видел

снежных кошек, и ни одна не произвела на меня впечатления. Так, игрушки для дамочек. Но ваша Белка – это нечто особенное! Поверьте, Дегеринги умеют ценить породу. Моя семья занимается разведением раскерских рысаков, лучших в западной части Вайнора. Кроме того, мы с отцом держим питомник борзых.

Выдав эту пылкую тираду едва ли не на одном дыхании, виконт выжидательно умолк. Даниш пропустил его в комнату.

– Я принимаю ваши извинения, виконт. Но замечу: вы не сможете разводить снежных кошек так далеко от полярных областей. Котята рождаются с короткой шерстью. Даже от чистопородных родителей и с применением чар зимы.

– Знаю!

Дегеринг сделал шаг в сторону. Его лица мне видно не было, но я почувствовала, как он жадно приглядывается к ширме. К счастью, ширма была высокой, а я сидела у самого ее подножия, при этом хвост подобрала и от щелки отодвинулась, так что даже великорослый вайнорец вряд ли мог меня заметить.

– Разводить снежных кошек нельзя, но заводить-то можно! – он хохотнул, довольный своим каламбуром. – Прошу, граф, уступите мне этот роскошный экземпляр.

Экземпляр?!

– Готов предложить десять тысяч ваших ригонских марок.

Мое недовольство испарилось, уступив место изумлению. Да за десять тысяч можно купить наше ателье с пекарней Верцелей в придачу! И он готов отдать такие деньжищи за когтистый комок меха?

– Кошка не продается, – сказал Даниш.

– Пятнадцать?.. – с сомнением начал виконт и оборвал себя. – Вы правы, граф. Деньги... Деньги это для торгашей. Давайте меняться! Я сам выберу вам лучшего жеребца, быстрого, как ветер, выносливого, как мамка, и злого, как морозы нынче зимой!

– Эта кошка подарена мне самой Хозяйкой зимы.

Больше граф ничего не добавил. Дегеринг пустился было возражать, затем осознал сказанное.

– Если речь идет о даре Богини, тогда, разумеется...

Тут у меня от затылка до кончика хвоста пробежали холодные мурашки.

Дар богини...

А если Нежа затем и не дала мне пропасть в буран, чтобы ее любимчик Белый Граф приобрел личного оборотня для своих тайных дел?

Знал ли он? Конечно, знал! Все допросы, упреки, обвинения – для вида. Чтобы трепетала и рада была делать, что велят, лишь бы не выдал.

Мысли двинулись дальше. Не могло ли все быть подстроено с самого начала? Графу понадобился оборотень, чтобы выполнить задание короля, богиня подыскала подходящего – ни волк, ни медведь не годятся, только комнатное животное – и в нужный момент отрезала мне ход в Небыль. А Свен и Свяна подсказали, куда и каким путем отправиться. Тогда получается, что ведьма Льета... как ее – матушка Наш, Гаш, Шан? – ни в чем не виновата и ни сном ни духом не ведает, что за окном в ту ночь пряталась не кошка, а человек.

Так может, это и есть служба, о которой говорили боги? И граф своими словами там, в шаре, давал мне намек?

В голове стучала кровь, в сердце мешались гнев, отчаяние и надежда. Если я сделаю это... найду письма, помогу разоблачить эйланцев, мне вернут мое тело?..

Глава 9, в которой я становлюсь кошкой на службе его сиятельства

– До чего Белочка у нас умненькая! Не убегает, не вырывается, понимает, что красота требует ухода.

Костяной гребень в руках барышни Кайсы зарывался зубцами в мой мех, приятно щекоча кожу, а сама барышня так и мурлыкала без умолку. Я даже сомневаться начала, кто из нас кошка.

Дормез плавно перекатывался по ухабам. Как видно, Данишу, ехавшему впереди, пока хватало сил не только разметать заносы, но и сглаживать дорогу.

Утром, когда все рассаживались по саням, к нему подскочил полный человек средних лет в подбитой мехом темно-лиловой шинели ведомства магического обеспечения, на обшлагах – серебряные канты. Двое в такой же форме, но без кантов, поедали графа глазами, не смея приблизиться. «Маги зимы, назначенные расчищать принцессе путь», – сообразила я.

– Ваше сиятельство! Мы так рады. Готовы поступить в ваше распоряжение! Позвольте представиться...

– Благодарю, господа, – граф оборвал мага с высокомерием, которого я до сих пор у него не видела, и прошел мимо, не сбавляя шага. – Отдыхайте. Ваша помощь не требуется.

За окном опять мело. В пение снегов вплетались звуки движения большого обоза – скрип полозьев, топот копыт и тяжелых ног, утробно-трубные голоса мамок, конский храп, звон бубенцов, переключки гвардейцев из конвоя, сопровождающих дормез верхом.

Но все это снаружи, а внутри – магические телогреи, мягкие подушки, пледы и воркование Кайсы:

– Какая у Белочки шерстка! Длинная, густая и совсем не спутывается. Чудо, а не шерстка. Мягкая, шелковистая... как волосы у вашего высочества.

Принцесса Камелия полулежала на плюшевом диване, перебирая страницы «Дамского шика», самого дорогого альготского журнала мод.

Но мысли ее, казалось, были заняты совсем не нарядами.

На слова Кайсы она подняла голову и звонко рассмеялась:

– Сказали бы: «Как у Белого Графа», право слово!

– А что Белый Граф? – возразила Кайса. – Он нынче вовсе не белый. А у вас оттенок платины. И волосы не лезут, – добавила простодушно. – Точно как у нашей Белочки-красавицы. Правда, Белочка?

Вчера утром, когда принцесса приняла меня из рук графа, Кайса ахнула:

– Осторожней, ваше высочество! Платье будет в шерсти, потом не отчистить!

– Снежные кошки не линяют, – сдержанно улыбнувшись, уверил Даниш.

Потом, уже в карете, Кайса осмотрела платье ее высочества, пришла в восторг и тут же назначила себя моей нянькой.

Ах, Белочке пора кушать! Ах, Белочке надо сделать ее дела! Белочке нужен красивый бантик! Белочку надо причесать!

«Мурлычь, Карин, – твердила я себе, – это ради возвращения твоего человеческого тела». Но как обычные кошки такое выдерживают?..

В углу сидела с рукоделием графиня Виртен, будущая главная гоф-дама будущей королевы Ригонии. Лицо ее было надменным и несколько хищным. Вскинув взгляд на Кайсу, графиня неодобрительно покачала головой. Но Кайса этого не заметила – она любовалась мной.

Из разговора Магрет и Дайды, двух других фрейлин, я знала, что Кайса попала в свиту принцессы совсем недавно и бурно радовалась счастливому повороту в своей судьбе. Ее отец-гвардеец погиб на службе, семья едва сводила концы с концами, и то лишь благодаря королевской пенсии. Само собой, ни о каком приданом для дочерей и речи не было. Мать пошла по знакомым, и кто-то выхлопотал старшей, самой хорошенькой и бойкой, место при дворе. Фрейлинам полагалось неплохое жалованье, деньги на обзаведение гардеробом, и Кайсе казалось, что она очутилась в раю. Принцессе Камелии новенькая чем-то приглянулась, поэтому Магрет с Дайдой ехали теперь в другой карете, а Кайса проводила время с ее высочеством.

– Все-таки жаль, что граф не белый, – мечтательно вздохнула юная фрейлина. – С волосами цвета морской пены, глазами синими,

как сапфир, и без этих веснушек он был бы интересным мужчиной. Еще бы рост повыше, плечи пошире и усы отпустить...

Принцесса лукаво улыбнулась:

– Я знаю, чьи рост, плечи и усы вы считаете за образец, милая Кайса. Этому образцу трудно найти подобие.

Барышня опустила расческу, и я поспешила спрыгнуть с ее колен.

– Ах, ваше высочество! Я для него, что муха для мамонта. Дунет потехи ради, затрубит во всю мочь и дальше пойдет, а я полечу кувыркком неведомо куда, и хорошо, если не разобьюсь. Когда я ходила вам за книгой, он... – Кайса, закусив губу, метнула взгляд на графиню Виртен и закончила явно не так, как собиралась: – Он был в карауле, а я смотрю на него, и сердце млеет. Такой большой мужчина!..

Тут я сделала для себя два открытия.

Первое. Это она по виконту Дегерингу страдает? Нашла красавца!

Второе. Ума Кайса, может, и невеликого, но все же и не такая глупышка, какой кажется на первый взгляд.

Принцесса мягко улыбнулась:

– Не унывайте, милая Кайса. Кто знает, что ждет впереди? Признаться, когда я увидела снежное волшебство там, в Лейре, я подумала, что все эти разговоры насчет Белого Графа какое-то недоразумение. А потом он снял капюшон и...

Принцесса села, спустив на пол ноги в бархатных туфельках, и покачала головой.

– Он маг зимы по рождению, этого у него не отнять, – заметила графиня Виртен и посмотрела на Кайсу: – А вам, юная барышня, стоит поменьше заглядываться на мужские плечи и не забывать, зачем вы здесь.

Фрейлина залилась румянцем.

– Что же до Белого Графа, – добавила гоф-дама, – то было бы уместно поблагодарить его за помощь. Скажем, ужином на двоих и доверительной беседой. Как вы полагаете, ваше высочество?

Я ушам своим не поверила. Ужин на двоих – с невестой короля?

Но, видно, в Вайноре на такие вещи смотрели проще. Принцесса не выказала ни удивления, ни гнева, лишь задумчиво склонила голову.

– До сих пор он был исключительно любезен, – продолжала графиня Виртен. Знала бы она почему! – Он отлично понимает, что перед ним будущая королева Ригонии... А королева имеет право знать,

что происходит в ее стране. Если Белый Граф потерял свою силу или был ее лишен, это касается и Вайнора, и других стран. В частности, княжества Нотьеш, где, предположительно, проживают некая баронесса Хольтрен и ее сын...

Камелия удивленно подняла взгляд.

– Это мы еще обсудим, – сказала графиня со значением. – А сейчас не пора ли перекусить?

Дормез был настоящим домом на полозьях. Здесь имелись общая комната, в которой оставалась ночевать одна из фрейлин, спальня, уборная и каморка для прислуги. Всюду дорогая обивка, ковры, лучезары и мощные телогреи.

Прошлую ночь вайнорцы провели, разбив лагерь прямо у еловой опушки. Мороз стоял жгучий, но метель улеглась, небеса глядели вниз льдистыми глазами созвездий, заснеженный лес был тих, как сон, и даже дети зимы, которых я все время чуяла краем сознания, угомонились в своих призрачных норах.

Граф явился выразить почтение, спросил обо мне. Принцесса разразилась восторгами. Даниш был с ней галантен и выказывал мне не больше внимания, чем заслуживала обычная кошка, но я каждой ворсинкой чувствовала его нетерпение.

После скромного ужина – не чета тому, что подавали у Керсона – принцесса вышла прогуляться в окружении фрейлин и свитских дам, укутанных в благородные меха. При приближении их щебечущего роя гвардейцы у костров вскакивали и пытались щелкать каблуками толстых меховых сапог – выходило забавно. Слуги в хороших тулупах оставляли дела и кланялись. Камелия шутила с ними, подбадривала, спрашивала о службе и о личном, и ей охотно отвечали. Лошади брали с ее ладони сахар, поданный Дайдой, мамки позволяли гладить себя и тянулись к ней длинными мохнатыми носами.

Пожалуй, Ригонии повезло. Из ее высочества выйдет хорошая королева.

Кайса стойко несла доставшееся ей бремя, то есть меня, шепча с восхищением: «Какая же ты тяжелая, Белочка! Как бульдог». Принцесса то и дело вынимала из муфты голубую от холода руку и чесала мне за ухом, свита следовала ее примеру. Я чувствовала себя плюшевой игрушкой и впервые была этому рада. Потому что куда бы мы ни шли, меня преследовал жадный взгляд виконта Дегеринга.

Кайса принимала его интерес на свой счет, трепетала ресницами и порывисто вздыхала, но, к счастью для меня, обязанности свои помнила, не отставая от принцессы ни на шаг.

В какой-то момент на пути гуляющих дам возник тот самый эйланец, кавалер Джеруч, хотя я не сразу признала его в длинной лисьей шубе и шапке, надвинутой до самых бровей.

Принцесса обратилась к нему по-эйлански, а потом весело спросила:

– Ну как? Правильно?

– Абсолютно, ваше высочество, – он церемонно поклонился. – И вы правы, здесь красиво. Но о-очень холодно.

Дамы засмеялись.

– Я лишь осмелюсь посоветовать вашему высочеству, – добавил эйланец, – произносить «тье» в слове «атьеми» немного мягче, а «кхр» в слове «кхраль», наоборот, резко, с напором. Вот так.

Он издал гортанный звук, похожий на крик вороны.

Кто-то из дам хихикнул, кто-то скорчил гримасу. Принцесса мило улыбнулась: «Приму к сведению, кавалер Джеруч», – и двинулась дальше.

После, уже в дормезе, отогревшись глинтвейном, ее высочество пожелала урок эйланского, дабы навеять сон головоломными упражнениями.

– Не лучше ли сейчас упражняться в ригонском? – вкрадчиво поинтересовалась графиня Виртен.

– Для ригонского у меня будет целая жизнь, – беспечно ответила принцесса, но настаивать не стала. – Пожалуй, я и так довольно утомилась. Мирной вам ночи, графиня.

Гоф-дама удалилась в собственную карету. Служанка приготовила Камелии постель, Кайса подала книгу для чтения, поправила подушку и передвинула лучезар поудобнее.

Прежде мне и в голову не приходило, что фрейлины выполняют обязанности камеристок. Думалось, их дело – сопровождать особу монарших кровей на балах и приемах, подчеркивая ее величие блеском своих нарядов, томно обмахиваться веерами и танцевать с кавалергардами. А Кайса только и делала весь день, что куда-то бегала, помогала принцессе переодеться, прислуживала за обедом. Горничная же занималась уборкой, чисткой одежды и подавала на стол.

Когда приготовления ко сну были окончены, Кайса хотела унести меня, но принцесса сказала:

– Белка будет спать со мной.

Оставшись одна, она некоторое время читала, затем погасила свет, сгрэбла меня в охапку и зарылась лицом в мой пышный воротник.

Мех у снежных кошек плотный, влага сквозь него не проходит, а принцесса лежала тихо, и я не сразу поняла, что она плачет.

Эх, жизнь кошачья! Человеку плохо, а я даже спросить не могу, от какой беды.

Осталось только уткнуться лбом ей в щеку, заурчать. Обнимающие меня руки дрогнули, и принцесса разрыдалась негромко, но горько.

– Я так не могу, – шептала она, глотая слова и слезы. – Не надо было соглашаться, лучше головой в море... Но поздно! Он заложник моего благоразумия, я только теперь это поняла. Так ловко проделано. А впереди – тьма... Мне страшно, Белка. Что с нами будет, со всеми нами?..

Я мурлыкала, лежа на ее подушке, и боялась пошевелиться, словно любое движение могло выдать во мне человека. В голове билась мысль: «Я не должна была этого слышать». Никто не должен.

Когда принцесса, наплакавшись, поцеловала меня в лоб и шепнула: «Спасибо тебе, Белка. Не знаю, как бы я пережила эту ночь, если бы не ты», – стало вовсе неважно. Я поклялась себе, что графу об услышанном не скажу.

Но если Камелия говорила о нем?

И что значит «со всеми нами»? С кем – «всеми»?..

Засыпать под боком у принцессы было боязно. Она рождена магом и одарена богом морей. Вдруг я, того не желая, провалюсь в ее сон, как провалилась в сон графа, меня обвинят в умысле, и дело кончится каторгой, если не виселицей.

Даниш на этот счет высказался туманно: «Она слабый сновидец, еще более слабый, чем я. Но нас всех учат защищать свои сны. Будь осторожна». Не было ли в его словах двойного смысла? Он не сказал прямо: «Не вздумай лезть в ее сон». Может, это как раз намек, что неплохо бы туда заглянуть, но так, чтобы не поймали?

Нет уж, ваше сиятельство.

Я решила дожидаться, когда принцесса уснет, а потом перебраться на диванчик у стены, чтобы быть подальше от нее.

И вроде бы не спала, но в какой-то момент обнаружила, что бегу по широким длинным коридорам, увитым мертвыми цветами, и не могу найти выход. Распахиваю двери, сворачиваю в открытые проемы. Но за каждым проемом – новый коридор, за каждой дверью – тупик, и в каждом тупике – ростовой портрет молодого мужчины в парадном мундире. Он молод и хорош собой, но его окутывает зловещий ореол, а над златокудрой головой качается огромный диск, алый, как пылающие угли; поверхность диска сочится черным дымом. Я сталкиваюсь с мужчиной взглядом, выскакиваю в коридор, захлопываю за спиной дверь и бегу дальше – вновь и вновь, вновь и вновь...

Среди ночи я проснулась и поняла, что видела портрет короля Альрика.

Утром принцесса долго гладила меня, ничем не выдавая, что обеспокоена вторжением в свои сны. «Должно быть, – решила я, – она и впрямь не так хороша в таинственном искусстве ночных видений, как Белый Граф». Потом в голову пришло: «Может, никакого вторжения не было, и это мой собственный сон, навеянный слезами Камелии?»

Но тут в кружевном вороте ее ночной сорочки проглянул медальон на цепочке из крохотных черных зерен. В него была вставлена камешка красноватого камня с резным узором, подернутым налетом цвета сажи. Вещица подобного вида скорее подошла бы магу огня, чем дочери морского рода. От круглой подвески даже пахло старым пепелищем и чем-то еще, в чем мне совсем не хотелось разбираться.

Медальон был совсем не велик, но очень походил на диск над головой короля Альрика...

Принцесса вызвала служанку и потребовала ванну. Вернее, дорожную купальню – так горничная по имени Фреда назвала это магическое приспособление. Глубокая чаша из каучука, до того тонкого, что ее можно свернуть и убрать в шляпную коробку, и большая губка, из которой щедро отжималась вода. Откуда эта вода

бралась и куда потом исчезала вместе с мылом и грязью, осталось для меня загадкой. Может, изливалась в Небыль?

Кайса уже ждала в общей комнате. Фреда достала волшебный сундучок, и они с фрейлиной расставили посуду. К тому времени как явились графиня Виртен и Магрет с Дайдой, завтрак был уже сервирован, а принцесса мила и весела. Мне достались куриное крылышко и ложка манного пу-динга.

На обед остановились в большом придорожном трактире. Хозяин, наряженный как на свадьбу, встречал гостей у входа и чинно кланялся каждому. Принцессу проводили в зал с камином, затопленным вишневыми дровами. За один с ней стол сели человек пятнадцать, в том числе графиня, фрейлины, граф Скадлик, капитан Карис и стройный пожилой господин – кажется, тот самый, который при нашей встрече в Лейре носил енотовую шубу и которого величали «ваше высочество».

Я уже знала, что это означает: передо мной не кто иной, как герцог Клогг-Скрапп, двоюродный брат короля Бертольда. Сухощавое лицо, короткие волосы с сильной проседью, усы аккуратной щеточкой, приталенный сюртук, похожий на военный мундир. Именно герцог возглавлял вайнорскую свадебную миссию.

«Не верю, что он не осведомлен о делах принцессы с эйланцами, – мрачно рассуждал Даниш. – А ведь я считал его достойным человеком!»

«А я считала достойным человеком вас, граф», – отвечала в мыслях. Считала да просчиталась.

Камелия приветствовала герцога сияющей улыбкой:

– Дядя Вильфред! Вам уже лучше?

Даниш упомянул, что после обильной трапезы в Лейре у герцога случился приступ грудной жабы. Клогг-Скрапп и сейчас был бледен, но ответил бодро, даже игриво:

– Я старый боевой конь, милая. Вот увидите, я еще на свадьбе вашей дочери станцую!

Камелия звонко рассмеялась. Но я успела немного узнать ее и готова была поручиться: чем счастливее кажется принцесса, тем хуже у нее на душе.

– Садитесь, дядя, – она под локоть повлекла герцога к столу и тут же окликнула по-ригонски: – Граф Даниш! Идите к нам. Хочу, чтобы

вы сели со мной. Кайса, покажите его высочеству, какую прелесть подарил мне граф.

Приближенные расступились, пропуская к принцессе нас с фрейлиной, и я увидела улыбку в прозрачно-голубых глазах герцога.

– Так это и есть ваша необыкновенная снежная кошка, о которой столько судачат? – обратился он к Данишу. – Хороша, ничего не скажешь.

Принцессино «подарил» насторожило. А граф и не подумал возразить, хотя, вручая меня принцессе, сказал лишь: «Надеюсь, это милое создание скрасит вам тяготы пути». Разве это не означало, что потом он заберет меня назад?

– Распорядитесь, пусть Белке дадут что-нибудь вкусненькое, – велела принцесса трактирщику, который стоял за ее стулом, дабы лично прислуживать будущей королеве.

Тот кинулся выполнять с таким рвением, словно ему обещали баронство.

Мне выкатили низкий столик, повязали салфетку. Подавальщики торжественной вереницей несли блюда и мисочки с яствами, ставили, кланялись и отходили, выстраиваясь в ряд. Принцесса смеялась, а когда последний слуга, рыжий мальчишка в короткой курточке, занял место с краю, захлопала в ладоши. Вайнорцы подхватили. Я старалась есть деликатно и с достоинством, как истинно королевская кошка, хотя под взглядами десятков глаз кусок в горло не лез, а пища, наверняка очень недурственная, лишилась вкуса.

Только к концу я осознала, что разговор за столом принцессы велся на ригонском. Ее высочество изъяснялась бегло, с милым акцентом, иногда путала слова и окончания, но не думаю, что ей требовались дополнительные уроки – только практика.

Наконец обед кончился. Прежде чем продолжить путь, принцесса выразила желание написать пару писем. Я чуть не подпрыгнула на месте. Вот оно!

Графиня Виртен попыталась отговорить свою госпожу:

– Стоит ли терять время? Мы и так задержались. Отослать письма вы сможете только из Альготы, с дипломатической почтой. Или ваше высочество намерены отправить курьера? По такому морозу?

– Нет, разумеется, – с досадой ответила принцесса.

– Так, может быть, лучше отложить письма на потом?

– Потом, – отрезала Камелия, – мне будет некогда!

Когда половой вел нас по коридору, откуда-то сбоку, из-за деревянной стены донесся голос Даниша. Ему отвечал граф Скадлик. Слишком тихо – человеку точно не услышать. Даже я еле разобрала слова, и то лишь потому, что разговор шел на повышенных тонах.

– Только не говорите, что оказались в Лейре случайно, Даниш! – сипел Скадлик. – Знаю я вас! Думаете втереться в доверие к принцессе... Его величеству будет доложено о вашем самоуправстве!

– Вы полагаете, я тут без его ведома? – отвечал Белый Граф ледяным тоном, каковым и подобает владыке зимы. – Хотели, чтобы невеста короля заплутала в снегах? Поэтому не сумели расчистить железную дорогу?

– Да как вы смеете, мальчишка!

Мы свернули за угол, и ответа Даниша я не услышала.

Ее высочеству предоставили комнату с большими окнами, подали писчие принадлежности. Я крутилась рядом, время от времени с подлинно кошачьей непосредственностью взбираясь на массивный письменный стол и заглядывая в бумаги.

Увы, ни одно из трех писем не начиналось словами: «Ненаглядный Фьюго, любовь моя...» «Милая мама», – писала Камелия, – «Драгоценная моя сестренка», «Дорогой брат». Как видно, у королей не в обычае обращаться к получателю по одному лишь имени.

Я прочла все, что смогла – вдруг настоящее послание спрятано между строк? – но ничего подозрительного не обнаружила. Принцесса описывала, как ее принимают в Ригонии: всюду собирается толпа, люди ликуют, словно у них праздник, выкрикивают имя своей будущей королевы. «А еще, – рассказывала Камелия, – мне подарили чудесную снежную кошку. Уверяю, вы такой никогда не видели, и сейчас она как раз помогает мне писать это письмо...»

Закончив, принцесса свернула свои послания и к каждому приложила маленький неброский перстень. На бумажных прямоугольниках расцвели синие печати. Кит на гребне волны – знак королевского дома Вайнора.

Ее высочество позвонила в колокольчик. Вошли Кайса, за ней графиня Виртен.

Когда Камелия велела позвать кавалера Джеруча, чтобы вручить ему письма, графиня заметила:

– К чему эти хождения туда-сюда? Пусть Кайса отнесет.

– Меня учили, – холодно проговорила Камелия, – что королевская почта не должна оставаться без присмотра. Ее надлежит передавать для хранения и отправки особо уполномоченному лицу в его собственные руки со всей надлежащей предусмотрительностью. А вы предлагаете мне нарушить это правило, доверив письма слабой неопытной девушке, на которую могут напасть, которую могут обмануть или отвлечь...

Щеки Кайсы заалели, она порывисто вздохнула, собираясь возразить. Однако раздумала и, пробормотав: «Бегу за кавалером», вылетела из комнаты.

Момент был серьезный, но я внутренне улыбнулась ее словам. Счастлив кавалер, за которым бегают такие хорошенькие барышни!

– Ваше высочество, – возмутилась графиня. – Вы же не думаете, что кто-то из нас может умышлять против королевского дома?..

Даниш говорил, она в родстве с герцогом Клогг-Скраппом.

– Мне не придется об этом думать, если я буду следовать заведенному порядку, – ответила принцесса. – И очень прошу, графиня, впредь не указывать мне, что делать.

Графиня Виртен выпрямилась, приняв оскорбленно-величественный вид:

– Простите, ваше высочество! Но как ваша гоф-дама я обязана заботиться о вашем благе...

– Будущая гоф-дама, – принцесса умолкла, давая графине осознать, что ее положение вовсе не так бесспорно, как она полагала.

Лицо почтенной дамы под слоем пудры и белил потемнело и изрезалось морщинами, до сих пор почти незаметными, ноздри гневно затрепетали.

Некоторое время спорщицы пронзали друг друга взглядами, затем будущая (или нет?) гоф-дама опустила глаза и склонилась перед дочерью своего короля. Я ей даже посочувствовала. Наверное, страх как обидно, когда тебя ставит на место худенькая девчонка, которой еще и двадцати нет.

Вернулась Кайса. Вслед за ней вошел знакомый уже эйланец, строгий и безусловно почтительный. Со всеми положенными

церемониями он принял из рук ее высочества письма, поставил на них собственные печати – зеленые, с почтовым голубем под защитой меча, уложил в плоскую шкатулку, покрытую вязью таких же печатей, и удалился.

Эти простые действия возымели поистине чудесный эффект.

– Вот теперь едем! – весело сказала Камелия.

Кайса побежала за шубами. Я – следом. Секретарь со шкатулкой! Надо успеть за ним! Я слышала, как стучат, удаляясь, спорые мужские шаги – внизу лестницы, в передней, у дверей...

– Белка! Ты куда?

Меня погребло под грудой меха – это Кайса уронила шубы. Уверена – нарочно. Пока я выбиралась из мягкой ловушки, фрейлина успела изготавиться и приняла меня прямо в руки. Удрать от нее, не подняв переполох, было уже невозможно. Я не стала и пытаться.

Позже.

Узнаю, в каких санях едет кавалер, и проберусь к нему.

Он – моя цель, теперь это ясно.

Опасно держать компрометирующие послания при себе, когда рядом фрейлины, служанки и очень настырная гоф-дама. Принцесса сама дала мне подсказку: ее почта хранится у особо уполномоченного лица под защитой магии, закона и внутреннего придворного распорядка. Всякий, кто посягнет на шкатулку с печатями, совершит преступление против вайнорской короны.

Почему бы любовным посланиям не лежать вперемешку с почтой членов королевской семьи? Да и кто надежнее сбережет письма эйланского принца, чем эйланский секретарь? Особенно, если кузен короля не возражает.

И все же не покидало чувство, будто я что-то упускаю...

Глава 10, *полная маленьких открытий*

На ночь мы остановились в изрядно запущенном, но большом поместье, и наше прибытие как всегда сопровождалось неразберихой. Почти три десятка санных карет и повозок с багажом, верховые гвардейцы, придворные, желающие поскорее попасть в дом, слуги, сундуки, лошади, мамки...

На этот раз переполох вышел больше обычного. Хозяевам взбрело на ум приветствовать высокую гостью фейерверком. В воздух запустили две шутихи. От огня, шума и свиста в небесах животные пришли в волнение. Третья ракета взорвалась на земле. С испугу один из мамонтов опрокинул повозку, чуть не затоптав кучера и слугу.

Поднялся визг, фрейлины окружили принцессу, и Кайса выпустила меня из рук.

Я тихонько юркнула под сани, а когда все успокоилось, прошмыгнула в дом. С полчаса слонялась по пронизанным сквозняками коридорам со скрипучими полами и плесенью по углам и наконец наткнулась на эйланцев, которые как раз устраивались в каморке под лестницей. В приоткрытую дверь было видно, что оба успели скинуть шубы и искали, куда пристроить потертый кофр.

Интересно, шкатулка с письмами тоже там?

Набравшись смелости, я вошла... И чихнула! До того силен был в комнате затхлый дух, да еще масляная лампа на краю обшарпанного комода сильно чадила. Эйланцы бросили свое занятие и посмотрели на меня.

Граф Даниш говорил, что секретаря сопровождает слуга, больше похожий на воина из ланнской сотни. Теперь стало ясно, что он имел в виду. Компаньон кавалера Джеруча был одного с ним роста, но старше и плотнее – жесткое лицо, пронзительный взгляд, от которого так и тянуло поджать хвост и забиться в темный угол.

Кофр приятно пах морозной свежестью, и я подошла его понюхать. Кошки всегда так поступают, верно? Эйланцы обменялись парой веселых реплик. По-эйлански я знала от силы два десятка слов. «Спасибо», «пожалуйста», «мирного дня», «красивое платье»... О

платях эти двое точно говорить не станут. В гортанных мужских голосах звучали уверенность и сила. Или угроза?

Старший прикрыл дверь и набросил на петлю крючок.

Вот и осталась маленькая кошка один на один с парой крупных хищников. А в камерке даже спрятаться негде. Железная койка и продавленный пыльный топчан, такой низкий, что под него не втиснуться. Когда секретарь наклонился и с опасной усмешкой на губах протянул ко мне руку, я с испугу чуть на стенку не прыгнула.

Погладил! Ничего страшного, просто погладил...

Слуга щелкнул замками кофра, и на свет явился волшебный сундучок, а из сундучка – вяленое мясо, нарезанное тонкими ломтиками, с таким сильным запахом пряностей, что мне на несколько мгновений отбило нюх.

Я и ела его, стараясь не дышать. Очевидно, это был знаменитый эйланский кехптир. Слуга выделил мне два ломтика, еще два умял сам после того, как предложил кавалеру Джеручу.

Тот покачал головой. Достал из небольшого саквояжа и поставил на комод шкатулку. Ту самую!

Я спешно проглотила последний кусочек кехптира – интересно, каков он на человеческий вкус?.. – и вскочила на комод. Я же кошка, мне любопытство простительно. Ну же, кавалер! Ваш слуга угостил меня мясом, так и вы, будьте добры, откройте шкатулочку, покажите кошке, что внутри. Так, забавы ради.

Джеруч продолжал рыться в саквояже. А я обошла вокруг шкатулки, ткнулась в обитый медью уголок... и в голове у меня взорвалась шутиха! Не хуже тех, что повергли в ужас могучих мамок.

Сквозь звон и боль я осознала, что лежу на полу, а кавалер сидит надо мной на корточках и качает пальцем перед носом.

– Глупая, глупая кошка, – выговаривал он по-ригонски. – Нельзя трогать королевский кладезь. Никому нельзя, кроме меня, заруби это на своем мокром розовом носике, поняла? Даже Ялуну нельзя, а он мой друг.

Он добавил что-то по-эйлански, потрепал меня по холке, как собаку, и поднялся.

Ялун поставил на комод дорожный лучезар и задул лампу. Извлек из кофра складную вешалку для одежды, аккуратно повесил на нее элегантный темный костюм. Цокнул языком на помятости, сбил

ногтем соринку с рукава. Затем в его руках появилась щетка без щетины. Щетка скользила по ткани, и та становилась будто только из-под утюга, а соринки исчезали.

Сколько, оказывается, на свете полезной магии!

При падении я, к счастью, ничего себе не ушибла – спасибо густому меху. Но от магической шутихи шумело в голове, и стук в дверь отозвался в затылке неприятными толчками.

– Простите за беспокойство! – прозвучал девичий голосок. – Вы не видели кошку ее высочества?

– Мя-а-ау! – завопила я.

– Белка! Ты здесь? Откройте, слышите!

Эйланцы открыли.

Но сначала с быстротой молнии проделали несколько вещей.

Кавалер Джеруч бросил шкатулку обратно в саквояж, запер замок и поставил на него печать. Ялун же спрятал в кофр волшебный сундучок и лучезар, а прежде чем тот погас, успел стукнуть ногтем по колпаку масляной лампы. Фитилек лампы ярко вспыхнул. Клянусь, я видела, как с пальца слуги сорвались искры, пройдя прямо сквозь стекло!

Все эти действия были совершены в считанные мгновения, и Ялун распахнул дверь.

– Зачем кричать, прекрасный барышня? Кошка здесь, видеть? Сам приходил.

Он говорил по-ригонски хуже хозяина – или кто они там друг другу.

Кайса влетела внутрь, подхватила меня на руки и прижала к груди – я чуяла, как колотится ее сердечко.

Стало совестно. Бедняжка переволновалась, думала, меня мамонт в снег втоптал. Еще принцесса, небось, нагоняй ей дала за то, что не сберегла графский подарок.

– Я... Благодарю вас, господа, что позаботились о любимице ее высочества, – Кайса поглядела на кавалера Джеруча, на его слугу и попятилась. – Прошу простить за беспокойство. Мы пойдем...

– Я помогу, – кавалер решительно шагнул к фрейлине. – Позвольте. Кошка тяжелая. Хрупкая барышня не должна носить такой груз.

Кайсе не хотелось меня отдавать. Но еще меньше ей хотелось затевать спор, задерживаясь в тесной комнатке с двумя мужчинами, да еще чужеземцами. Тем более что секретарь не стал ждать разрешения и потянул меня из ее рук. Кайсе осталось лишь уступить.

Наше шествие через весь большой запутанный дом напомнило мне эйланскую сказку про витязя-ворона и царевну-голубку. Тоненькая фрейлина шла впереди – феей, указующей путь герою. Следом шагал сам воин-спаситель с драгоценной ношей на руках. Придворные, слуги и обитатели дома, которых легко было отличить по неряшливому виду, провожали нас взглядами.

В какой-то момент Джеруч начал мурлыкать под нос мотив.

– Ой, кавалер, вы знаете «Песню о пропавшей невесте»? – оглянулась Кайса.

– Это наша, эйланская, песня, и ее верное название «Песня о погибшей невесте», – ответил Джеруч с усмешкой. – Но, когда ее переводили на ваш язык, слова смягчили и изменили концовку. У вас невеста бабочкой улетает в луга, чтобы порхать и кружиться в вихре лета, храня свою девичью красоту от тягот семейной жизни. А у нас дева бросается в море со скалы, потому что, пока жених был на войне, ее обесчестил богатый всадник. Она не смогла вынести мысли, что не сберегла для избранника свою чистоту.

– Какая ужасная история! – жалостливо воскликнула Кайса. Она обернулась, и стало видно, что ее глаза блестят слезами. – А что жених?

– Отрезал обидчику голову и принес на могилу невесты. Песня кончается тем, что он сидит под оливой, пьет горькое вино и оплакивает свою любовь. Но сейчас последние два куплета уже не поют. Все кончается гибелью девушки.

Кавалер снова усмехнулся – мрачно, едва ли не зло.

Кайса пробежала через комнаты, в которых хлопотали слуги и бездельничали гвардейцы, распахнула дверь в просторный зал.

– Она нашлась, ваше высочество! Кавалер Джеруч любезно приютил нашу Белочку.

– Ах, кавалер! Примите мою искреннюю благодарность, – принцесса поднялась с дивана и пошла к нам, потягивая руки. Секретарь подал ей меня, низко поклонился и отступил. – Как же так, Белка? Мы волновались! Больше не убегай, пожалуйста.

Она почесала мне шею, улыбнулась, потом подняла взгляд на кавалера.

– Сегодня вечером я жду от вас урок эйланского. Отговорки не принимаются!

Кавалер поклонился еще ниже.

– Почту за честь, ваше высочество.

Он бросил взгляд на Кайсу, усмехнулся и вышел. Я слышала, как удаляются его шаги и как тает в отдалении мелодия песни о погибшей невесте.

За общим ужином Камелия вновь усадила графа Даниша рядом с собой и много расспрашивала о снежной магии и других владыках стихий, о Ригонии, о дворе короля Альрика – весело, непринужденно и исключительно по-ригонски. Время от времени она касалась его руки невинными, не скрываемыми от чужих глаз жестами, и во взгляде Даниша сменяли друг друга свет и тьма.

А я совсем перестала что-то понимать. Может, у них с принцессой был роман, и это свои письма он хочет вернуть? Но и эйланцы в свите Камелии неспроста!

По другую руку принцессы расположился барон Хлепик, хозяин имения – лысый плюгавый человечек в старомодном сюртуке как будто с чужого плеча.

Лучшие дни рода Хлепиков остались позади, стол у них был куда беднее, чем в трактире, а прислуга вышколена хуже. Принцесса попросила чего-нибудь для меня, и свита оживилась, предвкушая новый акт спектакля под названием «Кормление монаршей любимицы». Но представление провалилось. Грузная пожилая тетка в застиранном фартуке тихо внесла миску с отонками и поставили на пол в углу.

Я, разумеется, есть не стала.

– Смотри, еще нос воротит, – шепотом ворчали слуги у стены.

К приезду ее высочества просторный обеденный зал отмыли и принарядили как смогли. Повесили драпировки, явно из старых портьер, постелили выцветшие ковры, поставили старинные бронзовые шандалы, зеркала в бурых рамах и кадки с фикусами. Но запах ветхости и гнили сочился из каждого угла. И ни одного лучезара. То ли старые иссякли, а на новые барон жалел денег, то ли надеялся,

что в неверном пламени свечей убожество обстановки не будет бросаться в глаза.

Разномастные столы и стулья, должно быть, собирали по всему дому. Зато мест хватило для всех гостей благородного звания, в том числе гвардейцев и младших придворных. Кавалера Джеруча среди них не было.

Виконт Дегеринг поманил меня обгрызенной индюшачьей ножкой. Я сделала вид, что не заметила, и поспешила вернуться к столу ее высочества. Принцесса как раз обратилась к Данишу:

– Откройте тайну, граф... если это, конечно, не тайна короны! – она игриво засмеялась. – Мы всей семьей целый год умирали от любопытства. Как его величеству Альрику удалось стать владыкой дождя?

– Известным способом – через усыновление, – ответил граф. – В домашней часовне Регенскуров провели ритуал призыва и церемонию вступления в род.

Он любезно улыбнулся.

– Как видите, ваше высочество, никаких тайн.

– Но разве для передачи дара таким способом не требуется кровное родство, хотя бы отдаленное?

– Родство желательно, однако можно обойтись и без него. Если не ошибаюсь, лет сто назад герцогиня Громис точно так же передала дар попутного ветра совершенно чужому ей молодому магу – вместе с родовым именем. А ныне внук того мага служит благу Вайнора так же верно, как служили первые Громисы...

Я подошла поближе. О таком нам в гимназии не рассказывали.

– Ах да, кавалер Тальдинг! – воскликнула принцесса. – Но он был магом воздуха, это родственная стихия.

– Дар дождя и дар плодоносной земли тоже близки. Неслучайно боги, ответственные за эти стихии, образуют супружескую пару.

– Договорились по-семейному, так сказать! – хохотнул барон Хлепик.

На него не обратили внимания, лишь графиня Виртен брезгливо поджала губы.

– В хрониках Гельви описан случай благополучной передачи дара магу другой стихии, не связанному с дарителем кровным родством, – заметил герцог Клогг-Скрапп по-вайнорски.

– Так вы знали, дядя? – в голосе принцессы почудилась тонкая нотка недоумения, если не сказать обиды.

– В общих чертах.

Пару мгновений я раздумывала над скрытым смыслом... Что ж, мы шпионим за ними, они – за нами. Как и подобает друзьям и союзникам.

– Но как ему удалось?.. – принцесса перевела взгляд с герцога на графа. – Человек в силах удержать лишь один божественный дар. Это непреложная истина, первое, чему нас учат в детстве. Разве что его величество сам Двуликий!

Даниш развел руками:

– Боюсь, ваше высочество, на это мне нечего сказать. Кроме одного. Нынче летом хлеба в Ригонии уродились богаче обычного, и урожай был собран до последнего зернышка. Дожди не помешали.

– Довольно мучить графа, милая племянница, – вмешался герцог. – Скоро мы будем в Альготе и сможем узнать обо всем из первых уст.

– Вы правы, дядя Вильфред, – Камелия лучисто улыбнулась.

Барону Хлепику надоело чувствовать себя исключенным из беседы. Он поднялся на ноги, держа в руке бронзовый бокал, похожий на кубок времен рыцарей в латах:

– Тост, господа! За стихийный дар ее величества Камелии!..

Весь вечер усердный барон произносил пафосные речи и провозглашал тосты за «ее величество». Сперва Камелия поправляла его, потом бросила. А после ужина заметила своей будущей гоф-даме:

– Жаль беднягу. Не знаю, какими правдами и неправдами он добился права принимать нас, но боюсь, это его разорит.

– Думает, вы осыпете его милостями, – поморщилась графиня.

– Просто заплатите ему за постой. Деликатно, как вы умеете.

Графиня Виртен и деликатность? Но гоф-дама, сдержав возражения, явно просившиеся ей на язык, важно кивнула.

Принцесса всплеснула руками:

– Ах! У нас же Белка голодная. Сейчас, маленькая, я тебе что-нибудь найду.

– Постойте, ваше высочество! – графиня резво вскочила с тахты вслед за Камелией. – Я позову Кайсу, она покормит.

Как же трудно быть принцессой. Шагу не ступить без надзора, о кошке и то самой позаботиться не дают. Приходится идти на хитрости даже для того, чтобы отвоевать для себя маленький кусочек свободы – час эйланского...

Я наблюдала за уроком, как за представлением в иноземном театре. Актеры обменивались репликами, кавалер Джеруч поправлял принцессу, задавал вопросы, она отвечала, потом писала под диктовку, а он читал и что-то объяснял.

Эйланский язык производит странное впечатление. Красивый, мелодичный и одновременно грубый, каркающий. Но принцессе явно нравилось.

А я поняла, что была к ней несправедлива. Камелия очень хороша собой. Ее красота не бросается в глаза, как у Кайсы или Агды, эту красоту надо рассмотреть. Тонкий летящий профиль в самом деле словно выписан волосяными линиями, однако не черным пером, как у газетных рисовальщиков, а нежной, почти прозрачной пастелью. Принцесса сидела напротив смуглого черноглазого секретаря и казалась снежной феей, которая отогрелась в тепле и расправила крылья.

Но эти двое были слишком разными. Я представила Камелию рядом с Данишем, каким его описывала Кайса – снежные волосы, глаза-сапфиры. Наверное, они составили бы идеальную пару. Вот только самого Белого Графа я в своем воображении белым не видела...

Отбросила путаные фантазии и стала следить за зрителями: понимает ли кто-нибудь из них по-эйлански?

На уроке присутствовали графиня Виртен, Кайса, Дайда и две дочки Хлепика, которых он надеялся пристроить в свиту к принцессе. Милые, но ничем не примечательные девицы робели перед ее высочеством, стеснялись своих немодных платьев и первое время сидели, застыв, как суслики, затем начали потихоньку шушукаться. Кайса перешептывалась с Дайдой. Когда графиня бросала на них строгий взгляд, фрейлины опускали головы к рукоделию.

Сама графиня тоже держала на коленях пяльцы, но не вышивала, а приглядывала за принцессой, хмуря подведенные брови. Через четверть часа сосредоточенное выражение в ее глазах сменилось рассеянным, потом отсутствующим. Время от времени графиня

встряхивалась, собиралась, но надолго ее не хватало. Нет, она не понимала ни слова!

И это говорило в пользу моей гениальной догадки. Или бредовой – как посмотреть.

Принцессе незачем доверять свои чувства бумаге, ни к чему хранить улику, которая может ее погубить. Есть люди с абсолютной памятью. Под видом уроков эйланского языка секретарь просто проговаривает ей послания принца! Новые – когда они приходят. И старые – если хочется перечесть заветные строки. А что в любовные письма сует нос посторонний, да еще молодой мужчина, – так ее высочеству не привыкать жить на виду.

Вести обмен тайными посланиями на глазах у всего света! Наверное, это даже весело. Не зря у принцессы алеют щеки и блестят глаза.

Меня разбирало нетерпение – скорее бежать, поделиться своим открытием. Я разгадала загадку, я смогла!

Или нет?

Что у меня есть, кроме предположений?..

От мысли, что придется выйти на связь с графом, вновь окунуться в его снежную магию, огонь азарта угас, и я решила, что не стану спешить. Не хочу. Принцесса мне нравится. А он... он – нет!

Урок закончился, вечер сменила ночь.

Мы с Камелией остались вдвоем.

Она опять плакала – улыбалась и плакала.

Мне же во сне явились уже знакомые стеклянные рыбы глаза. Ближе, чем в прошлый раз. И страшнее. Чувства кричали: «Беги!» Но я знала: если пошевелюсь, таинственный охотник вмиг настигнет.

Вдруг рядом с первой парой глаз вспыхнула еще одна – желтая, с лунным отливом. Глаза покружили друг против друга, потом рыбы мигнули и сгнули, а лунные заглянули мне в душу и позвали: «Карин... Карин Эльс, ответь!»

Меня охватил такой ужас, что я проснулась и лежала, слушая тихое дыхание принцессы, почти до рассвета.

А еще в тот день вайнорские гвардейцы подрались с ригонскими. Когда их спросили из-за чего, те и другие ответили, что просто хотели согреться.

Утро выдалось морозное, но ясное и безветренное, и перед отъездом принцесса вышла прогуляться в баронском саду. Хозяин позаботился о расчистке дорожек вблизи дома. Дальше начинался настоящий зимний лес – с зарослями голых деревьев и сугробами в человеческий рост, среди которых лишь кое-где угадывались плохо протоптанные тропки.

Камелия решила не ходить далеко и направилась туда, где красовались на солнце роскошные голубые ели. Свита потянулась за ней, и мне показалось, что я попала на выставку мехов. Мода в Вайноре сдержаннее нашей. Платья ее высочество носила неброские, простого кроя, но шубы меняла при каждой остановке, подтверждая, что Вайнор не зря слывет северным королевством. Сегодня принцесса нарядилась в мех росомахи – густой, бурый, со светлыми подпалинами. Прочие дамы не отстали, даже Кайса сменила свою простенькую белку на лису.

С нас стоило бы писать картину: белый снег, красивая девушка в рыжей шубке и белая кошка у нее на руках.

Юной фрейлине было тяжело, но после вчерашнего она не давала мне и шагу ступить без надзора. Снега нежились под солнцем и мурлыкали песенки, насмешливо пофыркивая: «Что ты за снежная кошка, если лапы боишься отморозить?»

А я открыла, что зима меня больше не страшит. Сейчас бы пробежаться по замерзшему саду... не с мертвыми-живыми детьми Хозяйки, упаси светлые боги! Просто забавы ради. Ощутить подушечками лап колкую мягкость снега, поваляться, поиграть, как в детстве, дать волю дремлющей в мышцах силе. Надоело, что меня нянчат, как немощную!

Я трепыхнулась, намекая, что тоже хочу гулять. В ответ Кайса только крепче притиснула меня к себе. В меховых рукавицах ей было неловко, и я без труда вывернулась. Кайса ахнула – и ловить. Тогда я свернула с дорожки на снежную целину, зная своим новым зимним чутьем, что наст не предаст свою, выдержит. Фрейлина сразу отстала, но за спиной не затихало ее упрямое пыхтение.

Дамы свиты кричали вслед:

– Кайса, стойте! Барышня Кайса!

Она пробиралась за мной, увязая при каждом шаге – подол в снегу, лицо раздумянилось, шапка набекрень, потные завитки волос

прилипли ко лбу. И в сапожки, небось, набрала.

Простудится – виновата буду.

Эх!..

Я развернулась и повела Кайсу назад, к принцессе, выбирая места, где поменьше снега. Мы почти выбрались. Осталось обогнуть кусты акации...

Тут прямо перед Кайсой с дуба рухнул человек, грянулся оземь и оказался королевским гвардейцем Ригонии! В подбитой мехом красной шинели с пелериной и серебряным шнуром по вороту, в высоких сапогах и при сабле.

Кайса коротко взвизгнула.

Но прыгун оказался нестрашным – небольшого роста, едва выше фрейлины, худощавый и очень молодой.

Поднявшись из снега, он дурашливо поклонился.

– Что вы делаете? – ошарашенно спросила Кайса.

– Падаю к вашим ногам, прекрасная роза Севера!

Он действительно встал на одно колено и вынул из-за пазухи настоящую живую розу.

– Примите, прошу! – сказал он по-вайнорски.

На дорожке за кустами стало подозрительно тихо. Принцесса и ее дамы наблюдали за происходящим сквозь путаницу ветвей, не спеша вмешиваться.

Кайса смущенно хихикнула.

– Это так мило, – зардевшись еще сильнее, она поднесла цветок к лицу.

А гвардеец прижал руку к сердцу и опрокинулся на спину – прямо в снег, объявив:

– Я сражен!

Кайса ахнула.

– Немедленно встаньте!

– Ни за что, – сияя, как новенькая серебряная марка, заявил наглец. – Здесь хорошо. Солнце, небо, снегири. И ваша улыбка.

Кайса от души рассмеялась – звонко и мелодично.

– Теперь тем более не встану, – довольно сообщил гвардеец.

– Вы замерзнете.

– Не замерзну, у меня на сердце весна.

– Вставайте же! – Кайса сделала вид, что сердится. – Не то я уйду.

– Хорошо. Дайте мне руку.

– Нет! – мяукнула я.

Фрейлина доверчиво протянула ладошку в меховой рукавчике и с протестующим вскриком полетела в снег. Образовалась барахтающаяся куча-мала. Я замешкалась, не зная, стоит ли бросаться на помощь. Но тут Кайса и гвардеец, извалянные в снегу с ног до головы, поглядели друг на друга и задорно расхохотались.

– Ой, роза! – опомнилась фрейлина.

– Цела, – гвардеец помог барышне подняться и заново вручил свой подарок.

Роза потеряла пару листочков, ее лепестки немного помялись, но в остальном цветок был невредим.

Теперь принцесса решила, что пора проявить себя, и пышное облако дам покинуло расчищенную дорожку вместе с ней.

– Ваше высочество...

Гвардеец вытянулся, попытался щелкнуть каблуками, но стоя по голень в снегу, делать это было неудобно, – и замер, низко склонив голову.

– Как ваше имя, господин кузнечик? – спросила Камелия с улыбкой.

– Лорн Ойсин, фендрик Гримменского полка лейб-гвардии его королевского величества Альрика! – юноша блеснул серыми глазами.

– И зачем же вы влезли на дуб, фендрик Ойсин?

– На спор, ваше высочество!

Юный офицер старался казаться дерзким, но видно было, что он робеет.

– О чем же вы спорили?

– О том, что дождусь вас и ваших дам и поднесу розу!

– Мне? – принцесса лукаво улыбнулась.

Фендрик Ойсин на миг замялся.

– Никак нет, ваше высочество! Барышне Кайсе Толлен!

– Ой, вы знаете мое имя, – пробормотала фрейлина.

– Что ж, фендрик, – сказала принцесса. – Пойдите и сообщите тому, с кем спорили, что вы выиграли.

А когда Ойсин удалился, заметила Кайсе:

– Какой славный паренек.

– Да...

Фрейлина с сожалением вздохнула, должно быть, мысленно сравнивая щуплого ригонца с могучим богатырем-виконтом, но потом посмотрела на розу, и ее губы дрогнули в улыбке.

– Жаль, она погибнет на морозе.

– Не погибнет, – заметила графиня Виртен. – Это роза из корзины, подаренной ее высочеству в Лейре. Граф Даниш наложил на все цветы чары морозоустойчивости.

Кайса всплеснула руками:

– Ваше высочество, он стащил у вас подарок!

– Ну хоть на что-то эти розы сгодились, – засмеялась Камелия.

Глава 11, в которой я обнаруживаю, что окончательно перестала быть кошкой Белого Графа

Следующим вечером опять налетела вьюга. Обоз сделал остановку, и принцесса наконец последовала совету графини Виртен – пригласила Рауда Даниша на чай.

По такому случаю дормез покинули все, даже служанка Фреда. Кайса хотела и меня забрать – она страшно боялась вновь потерять свою подопечную. Пришлось забиться в щель между диваном и креслом. Ни за что не пропущу этот разговор!

Принцесса засмеялась:

– Ах, Кайса, куда она денется? Не бойтесь. Я сама прослежу.

Как только фрейлина вышла, я заняла позицию на узком комодике. С него будет удобно наблюдать за теми, кто сидит за столом.

На столе все было приготовлено для чаепития. Высокий чайник с магическим водогревом, чашки в нежных морских узорах. Конфеты, печенья, вафли. Три вида варенья в свете лучезара искрились, словно разлитые по вазочкам драгоценные камни: темный рубин – клюквенное, янтарь – яблочное, турмалин – варенье из розовых лепестков.

Граф явился точно в назначенный час, не потрудившись отряхнуться от снега. Возможно, потому что снежинки на его рыжих волосах и ресницах чудесно гармонировали с веткой цветущей камелии в руке.

Ветка была вся в инее – вернее, из инея, щетинилась крохотными снежными иголочками и пахла свежестью. Пышный цветок на ее чуть изогнутом конце был как сахарный. Даже лизнуть захотелось.

– Теплая, – благоговейно прошептала принцесса, принимая подарок. – Но это же снег! Разве так бывает?

Снежинки с головы и плеч графа легким вихрем закружились вокруг ветки и собрались в боковой отросток, который вмиг увенчался

еще одним цветком поменьше. Принцесса ахнула.

А Даниш задержал взгляд на столе, накрытом на две персоны, наверняка отметив и открытое шелковое платье ее высочества, и доверительную обстановку. Свет лучезаров был приглушен, отчего в углах маленькой комнатки сгустился интимный сумрак, а фарфор на столе усыпали мягкие блики.

– Прошу вас, Рауд, располагайтесь, – принцесса радушно улыбнулась.

– Ваше высочество...

– Ах, к чему эти церемонии? Зовите меня по имени!

Граф склонил голову. Но прежде чем последовать приглашению, подошел к комоду:

– Как твои дела, Белка? – Его ладонь мягко скользнула по моей холке. – Что новенького?

Должно быть, во дворце Данишей живет пара-тройка кошек. Иначе где он научился гладить нас так умело? Так пр-р-риятно... Я бы не позволила, да еще от души приложила когтистой лапой – за все хорошее. Но на виду у Камелии пришлось громко урчать, жмурить глаза и тянуться за ласкающей рукой. Как же, любимый хозяин снизошел!

– Белка просто чудо, – сказала принцесса. – Никогда не видела такой разумной кошки. Она как будто все понимает!

– О да! Белка невероятно умна.

Его пальцы глубже зарылись в шерсть на моем загривке, рыжие глаза взглянули в упор. Как дела, кошка Карин? Разузнала что-нибудь интересное?

Снежная камелия заняла место в вазочке, извлеченной из узкого шкафа в углу. Принцесса взялась было разливать чай, но Даниш перехватил у нее тяжелый чайник, и я заметила, как их руки на миг соприкоснулись.

А потом мой кошачий нос сошел с ума от запахов! Мята, ромашка, шиповник, листья ежевики, малины и розмарина, шалфей, вербена... Дальше я запуталась.

– Мама сама готовила эту смесь, – с гордостью сообщила принцесса, когда граф, сделав глоток, восхитился букетом. – У нас в саду найдутся любые травы, даже тропические. В теплицах, разумеется. Сюда добавлены аспалатус, фенхель, гибискус...

С четверть часа они сравнивали дворцовые сады Альготы и Бенхафта и рассуждали о свойствах полезных растений, улыбаясь друг другу, как добрые приятели.

Даниш подлил принцессе чая, она придвинулась ближе и положила руку на его запястье:

– Буду честна, Рауд, у меня к вам деликатный разговор. Это неловко, но больше мне не к кому обратиться. Граф Скадлик человек грубый и нечуткий, а с вами мы... Не стану говорить «старые друзья». Давние знакомцы – так будет вернее. Я знаю и уважаю вас достаточно, чтобы довериться... Рауд! – Камелия крепче сжала его руку, наклонилась к самому лицу, и плечи графа окаменели. – Вы же видели, мне не все говорят. У отца и дяди свои резоны, но это мне быть королевой...

Она вздохнула, собираясь с духом.

– Я видела Альрика всего раз, еще ребенком и, признаться, не составила внятного впечатления, а те два письма, что он прислал мне, были сугубо официальными. Знаю, что жениться так скоро он не предполагал, это вынужденный шаг. У него есть постоянная фаворитка, а магия лета и плодородия толкает его в объятия все новых женщин. Скажите, Рауд, к чему мне готовиться? Вы ведь дружны с ним. Мне придется делить мужа с другой – на виду у всего двора? Или вовсе стать своего рода соломенной вдовой? Ширмой, скрывающей его настоящую жизнь?..

Граф мешкал с ответом, а я внимательно следила за его глазами: в них проступило то же выражение, что и во время последнего ужина. Солнце и ночь. Свет и тьма.

Мне всегда казалось, что кошкой я лучше угадываю настроение людей, но какие чувства одолевали Даниша сейчас, было неясно.

– Простите, Рауд, – принцесса улыбнулась очаровательно и капельку грустно. – Я только и делаю, что ставлю вас в затруднительное положение. Но здесь нет лишних ушей, и все, что вы скажете, останется между нами. Разумеется, вам нелегко меня понять, вы мужчина...

– Отчего же? Я прекрасно понимаю вас... Камелия. И знаю, каково чувствовать себя лишним.

– О, – принцесса смутилась. – Та история с вашей невестой...

– Молва преувеличивает, нет никакой истории, – граф покачал головой, а уголки его губ на секунду приподнялись – не улыбка, лишь желание показать, что переживать не о чем. – Мы с Ализеей были помолвлены с детства, но не любили друг друга. Потом она встретила Хуберта, и я освободил ее от обязательств, как только получил титул.

Она не любила – а ты?..

Принцесса опустила глаза. Возможно, ей в голову пришел тот же вопрос.

– Должен признать, вы и впрямь повергли меня в замешательство, Камелия, – Даниш явно взвешивал каждое слово. – Я не вправе говорить от имени короля, тем более когда дело касается столь щекотливых вопросов, и, увы, не могу перед вами ни за что ручаться. Но девица Болли больше не фаворитка, граф Скадлик подтвердит. Альрик принял меры для того, чтобы ваше положение при дворе не подвергалось сомнению. Ригонии нужна сильная королева. Это все, что я могу сказать.

– Благодарю, – принцесса потупила взгляд. – И не смею требовать большего.

– Камелия, – теперь уже Даниш позволил себе дотронуться до ее руки. – Коль скоро у нас откровенный разговор, осмелюсь задать вам тот же вопрос. Может ли Альрик быть уверен в вас? Не придется ли ему опасаться... неожиданностей с вашей стороны?

– Граф!..

Камелия вспыхнула и несколько мгновений беспомощно хватала ртом воздух, словно утратив дар речи. Рука, которой только что касался Даниш, отдернулась, задев край блюда, чашка на нем жалобно звякнула. Казалось, принцесса оскорблена до глубины души.

Но Белый Граф не выказал и тени раскаяния, он смотрел в лицо Камелии не мигая, и его глаза были совсем темными.

– Ваше высочество, вы ведь не станете отрицать, что к союзу с принцем Фьюго вас побуждали не только соображения политической выгоды и отцовская воля, но и взаимные чувства? А чувства не угасают по велению долга.

Он говорил медленно, и с каждым его словом краска отливала от щек принцессы, пока ее кожа не стала белой, как фарфор на столе.

Сейчас он спросит о письмах... Сейчас... Заставит ее признаться...

Я даже дышать перестала.

Но Даниш молчал, выжидательно глядя на Камелию.

– Ни вам, ни его величеству Альрику не о чем тревожиться, – произнесла она наконец глухим тоном. – Не скрою, когда планы в отношении моего будущего переменились, я была огорчена... очень огорчена. Но это в прошлом. Я открыта для нового союза и готова сделать все необходимое, чтобы сила моря отошла ригонскому королевскому роду.

В дормезе было так тихо, что я чуяла едва уловимую дрожь воздуха – прерывистое дыхание Камелии, стук ее сердца, почти такой же частый, как биение моего, кошачьего.

А через мгновение в голосе принцессы вновь зазвенели живые краски:

– Надеюсь, Рауд, вы будете на церемонии в Ночь Всех Богов? В такой момент мне хотелось бы видеть рядом дружеское лицо.

Дружеское?! После всего, что сейчас произошло?

– Буду непременно, – учтиво заверил Даниш.

Беседа потекла дальше – будто ничего и не случилось.

– Должно быть, вы теперь нечасто появляетесь в Альготе, – губы принцессы сложились в сочувственную полу- улыбку. – Моему отцу очень жаль, что вам пришлось покинуть Королевское Собрание. Он очень ценит вас и герцога Соллена... Вы не знаете, кого прочат на место канцлера?

– Боюсь, вашего царственного отца ввели в заблуждение, – отозвался граф светским тоном. – Я действительно отлучался уладить кое-какие дела в моем родовом поместье и пропустил пару заседаний Собрания.

При слове «пару» брови принцессы вопросительно вздернулись.

Даниш сделал вид, что не заметил.

– Теперь я возвращаюсь в столицу, – продолжал он. – Канцлер Соллен тоже намерен присутствовать на церемонии. В последнее время он слишком много работал, поэтому Альрик, по настоянию докторов, отправил его в отпуск для отдыха и поправки здоровья. Но

вы же знаете этих упрямых стариков! Герцог Соллен бодр и жаждет вновь приступить к своим обязанностям.

– А графиня Даниш приедет на праздник? Помнится, она обещала поделиться вашим семейным рецептом праздничных кексов.

– Да, кексы у мамы получаются замечательные, – Белый Граф улыбнулся. – Возможно, когда-нибудь она расскажет вам, как училась печь их в первый год замужества... Но не в этом году. Мама путешествует по южным княжествам. Ей давно хотелось развеяться.

– А ваш брат?

– Сопровождает графиню. В его годы полезно повидать мир.

– В самом деле, – пробормотала принцесса. – До нас дошли слухи о летнем происшествии. Надеюсь, для Карстена все обошлось без последствий?

– У юнцов горячая кровь, – граф пожал плечами. – В семнадцать лет я тоже вечно попадал в переделки и, как видите, жив.

– Хвала светлым богам! Не знаю, что бы мы без вас делали. Наверное, пропали бы в ригонских снегах, – смех принцессы рассыпался колокольчиком. – Нынешняя зима – просто наказание!..

В ее голосе проскользнули вопросительные нотки. Однако поинтересоваться прямо: «Что не так с этой зимой и с вашей силой?» – она не спешила.

– Наказание? Возможно. Есть ночи более долгие и темные, чем обычно. Так же и зимы порой выпадают особенно суровые и непредсказуемые. Но рано или поздно им на смену все равно приходит весна. Я постараюсь, чтобы на сей раз это случилось в положенный срок. Надеюсь, все мы постараемся...

Граф и принцесса вновь улыбались друг другу, были предупредительны и милы, но, глядя на них, я вспоминала кавалера Джеруча с саблями. Эти двое словно танцевали друг против друга с острыми клинками в руках. Я могла лишь гадать, что значат их намеки и умолчания, но больше не сомневалась: каждое слово в этом разговоре, каждый всплеск чувств был тщательно выверен. Не обязательно фальшив, но применен к месту и ко времени.

И надо еще посмотреть, кому приходилось труднее. Сказав «Белка все понимает», принцесса не догадывалась, что на самом деле так и есть. В отличие от графа. Мне очень хотелось знать, как бы он вел себя и что говорил, если бы у разговора в самом деле не было свидетелей...

На прощание Рауд Даниш посоветовал чаще отпускать меня на прогулку.

– Снежным кошкам это нужно. Не бойтесь, Белка вернется. Правда, Белка?

Вечером нас встречал Искарьинск, город, который вырос вокруг храма, воздвигнутого в честь бога рек и рыбной ловли, как Свеянск – вокруг храма Свена и Свяны. Правда, Искарьинск был в три раза больше. В свете уличных фонарей на фронтонах зданий мелькали изображения рыб и широколицего мужчины с нитями водорослей в бороде и волосах. Крохотные горки снега на выступах резных наличников посверкивали, как чешуя на боках мясистого са-зана.

Несмотря на поздний час и сильный мороз, улицы были запружены народом, гул голосов ударялся о стенки дормеза, будто волны о борта судна. В приветственных выкриках звучали имена Альрика и Камелии. Принцесса улыбалась в открытое окно.

– Прикройте горлышко, ваше высочество, – ворчала графиня Виртен, кутаясь в соболий воротник. – Ветер же. Смотрите, как с крыш летит.

Обоз остановился у городской ратуши. Бургомистр в длинной шубе, но с непокрытой головой собственноручно поднес Камелии традиционную гостевую лепешку из грубой ржаной муки. Лепешка была смазана маслом. На застывшей светло-желтой корочке лежало три ломтика рыбы, по счастью, не сырой, а вполне себе копченой.

Средний ломтик взяла Камелия, тот, что справа, – герцог Клогг-Скрапп. Левый ухватил, всунувшись вперед прочих, граф Скадлик, и графиня Виртен не сдержала гневного шипения. Саму лепешку разобрали на кусочки вайнорские вельможи. Тяжелое, богато украшенное блюдо тоже вручили высокой гостье. Вернее, крепкому гвардейцу, который возник рядом по кивку капитана Кариса.

Всем угостившимся подали по бокалу пунша, чтобы согреть горло, и после короткой, но пылкой приветственной речи пригласили внутрь, где уже ждали депутации от городских обществ.

Не успела принцесса скинуть шубу, как искарьинские цветоводы с поклонами преподнесли ей корзину камелий.

А дальше началось!

Сосуды из металла – с серебрением и позолотой, чеканкой и гравировкой, фарфоровые тарелки и целые сервизы с гербами и надписями. Поздравительные адреса в резных рамах размером с хорошее батальное полотно. Картины с видами города Искарьяинска и местного храма. Часы карманные и каминные, шкатулки, письменные приборы и настольные украшения... От местного дворянства, от торговых и ремесленных гильдий, от инженерно-магической ассоциации, от объединения кабатчиков и рестораторов, от искарьяинского учительства, от врачебного союза, от общества приказчиков и управляющих... В числе дарителей были охотничий клуб, ложа чародеев общего профиля, гадателей и заклинателей, общество народной трезвости, союз виноделов, клуб любителей литературы, драмы и музыки, женское благотворительное общество, просветительский кружок, даже лига игры в кегли – и еще десятка два объединений самого разного сорта и калибра.

При этом все наперебой заверяли будущую супругу его величества Альрика в восхищении и преданности. У меня от одних названий в голове зашумело. Кавалер Джеруч едва успевал делать пометки в блокноте в толстой кожаной обложке с королевским китом Маритимов.

Когда вынесли чугунную скульптуру, отлитую на заводе господина Шверсона, принцессе на миг изменила выдержка. Скульптура объединяла в одну композицию мамонта ригонского королевского дома, осетров с герба Искарьяинска и кита Маритимов и была высотой с семилетнего ребенка. Четверо плечистых мужчин держали подношение от господина Шверсона с явной натугой. Увидев сей дар будущих подданных, принцесса подняла взгляд к потолку и страдальчески изогнула губы.

А подарки всё несли.

И если такое творится в городке средней руки в двух днях пути от столицы, страшно представить, что будет в самой Альготе!

Магическое самопишущее перо кавалера Джеруча так и летало по бумаге – страница за страницей. Лицо эйланца было бесстрастным, глаза горели темным огнем и, казалось, следили за каждым движением окружающих. Своей повадкой кавалер больше походил на телохранителя, чем на секретаря.

Официально же охрану принцессы сегодня несли барон Хир-Дорт и виконт Дегеринг, башней возвышавшийся над взволнованным людским морем. Впрочем, было ясно, что ее высочеству угрожает лишь одна опасность – сойти с ума под напором верноподданнических чувств жителей Искарьинска. Так что Дегеринг позволил себе отступить на пару шагов и оказался рядом с Кайсой.

– Это платье вам к лицу, барышня Кайса, – тихо прогудел он с высоты своего роста. – Оно такое же синее, как ваши глаза.

Недолго же вы ломали голову над комплиментом, господин Каланча!

Но барышня порозовела и застенчиво улыбнулась:

– Благодарю вас, виконт Дегеринг.

– Зовите меня Карлом, – снисходительно разрешил он. – Как вы находите Искарьинск?

Вопрос был задан светским тоном, но при этом виконт скорчил жуткую гримасу, показывая свое истинное отношение к городу и его навязчивым жителям. Кайса беззвучно хихикнула. А Дегеринг будто невзначай протянул руку ко мне.

Так вот каков его подлинный интерес!

Я зашипела и стукнула наглеца лапой. На тыльной стороне его ладони набухли кровью роскошные царапины.

– Белка! – вскрикнула Кайса.

Графиня Виртен шикнула на нее, и фрейлина втянула голову в плечи. Виконт сделал вид, что ни при чем, а когда строгая гоф-дама отвернулась, вновь попытался до меня дотронуться.

Не знаю, как это получилось, но в глубине моего тела родился низкий утробный звук, наполовину рычание, наполовину вой. Пока тихий, но я знала: захочу – устрою такой ор, что все лучезары в ратуше полопаются.

Кайса отвернулась от Дегеринга, прикрыв меня собой:

– Виконт, вы пугаете Белочку.

Но лишь грозный взгляд капитана Кариса заставил усатого гвардейца отступить и вернуться к своим обязанностям.

После торжественного ужина, на котором подали знаменитую искарьинскую стерлядку и еще полторы дюжины рыбных блюд, нас наконец определили на отдых. Принцессу и ее приближенных – в

особняк к бургомистру. Прочих разобрали по домам уважаемые горожане.

Перед сном Кайса вывела меня на прогулку во внутренний двор.

Мороз слегка ослабел. Сквозь облака мутным пятном пробивалась луна, в воздухе порхали редкие снежинки. С просторной деревянной веранды долетали мужские голоса. Свет, льющийся из гостиной через остекленные двери, озарял фигуры в черно-белых гвардейских накидках с меховой оторочкой.

Одна фигура торчала над остальными, едва не цепляя шапкой за резной подзор навеса. Кайса тихо, вдоль стены, двинулась в ту сторону, словно коза на веревочке, и остановилась в тени заснеженных кустов, глядя на веранду. Выражение ее лица все время менялось, переходя от жадной тоски к сомнению и даже недоумению, будто фрейлина вдруг просыпалась и спрашивала себя: что я здесь делаю?

Обо мне она в этот момент не помнила. А я белым призраком по белому снегу подкралась к самой веранде. Но мне был интересен не виконт, а кавалер Джеруч, обнаружившийся среди гвардейцев.

– Дуэль – это поединок чести. А пистолет – оружие трусов, – презрительно говорил эйланец. – На саблях, верхом, ночью, на узком мосту – вот настоящая дуэль.

– И вам случалось в таких участвовать? – спросил юный барон Хир-Дорт, как ни странно, безо всякой издевки.

– В юности.

– И каков итог?

По-моему, это было очевидно и так. Но услышать ответ вайнорцам не довелось.

С шумом распахнулись двери веранды:

– Господа офицеры! Что за собрание?

Гвардейцы вытянулись перед командиром.

– У нас свободное время, капитан, – отрапортовал Дегеринг.

– Свободное время у вас будет, когда вернетесь в Вайнор! – в голосе Кариса громыхнул гнев. – Здесь вы на службе. Марш в дом!

По дощатому полу загрохотали сапоги, хлопнула дверь, и стало очень тихо. Если бы я не сидела на суку яблони и своими глазами не видела капитана и секретаря, застывших друг против друга, как два готовых к драке петуха, решила бы, что веранда полностью опустела.

– Вы опять задираете моих людей... кавалер? – процедил капитан Карис.

Отчего он так взъярился? Разговор был вполне мирным.

Джеруч ответил с насмешливой ленцой:

– Вашим людям скучно... барон. А я всего лишь ходил проведать своего коня.

– Вы играете с огнем.

– Жизнь – это мост над пропастью, барон. Горящий мост. Так что мне терять? – эйланец усмехнулся. – Не посторонитесь?

Все это время капитан Карис стоял, загораживая собой дверь. Сейчас он посмотрел на Джеруча, помедлил и сделал шаг в сторону. Кавалер вошел в дом, едва не задев Кариса плечом. Вернее, задев, но не совсем. Мои кошачьи глаза видели, как мех волчьей шубы Джеруча коснулся капитановой пелерины – мне даже почудился шелест ворса по сукну, но толчка не было. Уверена, эйланец так и хотел.

Когда дверь за секретарем закрылась, Карис поглядел на мертвый сад, пробормотал под нос ругательство, от которого Кайса наверняка покраснела, и тоже покинул ве-ранду.

Фрейлина отмерла:

– Белка! Где ты?

Я спрыгнула с яблони. Возвращаться в душные комнаты не хотелось.

– Белка! – печально звала Кайса. – Я замерзла. Пойдем в дом, я тебя рыбкой угощу.

«Ты прячешься от меня, кошка Карин?»

Я подскочила на месте и оглянулась по сторонам.

Рядом никого не было, только над головой кружила снежная фея.

– Попалась! – хихикнула она и умчалась ввысь, рассыпав рой искрящихся снежинок.

И лишь в следующее мгновение я поняла, что голос графа прозвучал в моей голове.

«Не убегай. Нам надо поговорить».

Из глубины темного сада показался и сам обладатель голоса, одетый в нерповый полушубок.

Кайса расцвела улыбкой:

– Ваше сиятельство! Как хорошо! Вы не можете мне найти Белку?

– С ней все в порядке, барышня Кайса, я чувствую, – Даниш подошел ближе. – Белка снежная кошка. Чтобы оставаться здоровой и бодрой, ей нужно двигаться и дышать воздухом. Не беспокойтесь, через час-полтора она вернется, я прослежу.

Очень хотелось прыгнуть на руки Кайсе – и пусть унесет меня подальше.

Но Даниш прав. Сколько можно откладывать?

Снег, чуя графа, раздавался в стороны, пропускал нас и с шелестом ссыпался обратно, скрывая две цепочки следов – человеческих и кошачьих. Граф завернул за сарайчик, в котором, должно быть, хранили садовый инвентарь, присел передо мной на корточки и огорошил воп- росом:

– Тебя никто не обижал? Дегеринг или еще какой-нибудь болван. Принцесса добра к тебе?

«Спасибо, – ответила я настороженно. – Все хорошо».

– Не хочешь со мной говорить? – нахмурился граф.

«Я говорю».

– Карин, скажи что-нибудь.

Он поднял руку – на запястье, обмотанном цепочкой, мерцал знакомый шарик.

А мой? Я осмотрела свою грудь, наклонила голову вправо, влево, даже лизнула пушистую манишку – ничего!

– Попробуй позвать меня.

Я помедлила.

«Ваше сиятельство граф Рауд Даниш-Фрост».

– Как длинно, – усмехнулся он. – Можно просто по имени.

Нет уж, господин сиятельный граф. Я фыркнула. В эти игры играйте с ее высочеством.

Долгое томительное мгновение – и мы вновь перенеслись в снежный шар. Вернее, в сон о снежном шаре. Домик, елки и пеньки были как будто нарисованы водяными красками, а Даниш, одетый в зеленый сюртук, парил передо мной полупрозрачным призраком.

Настоящий Даниш, в полушубке, тоже никуда не исчез. Казалось, у меня в глазах двоится. Сквозь сказочные ели просвечивали голые яблони и каменный забор в саду бургомистра. Два мира, реальный и иллюзорный, смешались...

– Лучше закрой глаза, – посоветовал граф. – С непривычки видение может сбивать с толку.

Я сейчас же зажмурилась.

Даниш в сюртуке прошелся по снегу, вполне вещественному, и присел на пенек.

Шея ощутила давление ошейника, глаза распахнулись – у меня на груди висел шарик; в его сердцевине рождался крохотный светящийся вихрь.

«А если кто-нибудь увидит?»

«Не увидит. Это высший уровень снежной магии, мало кому доступный. И постарайся проговаривать слова четко. Мыслей я не читаю».

Уже хорошо.

Слышать голос в голове оказалось не так страшно, как я думала. Даниш будто говорил мне в самое-самое ухо. Неуютно, но не более того.

«Почему ты не выходишь на связь?» – спросил граф.

«Мне нечего сообщить».

«Так-таки нечего?»

«А вас правда послал король?» – спросила я напрямик.

Он хмыкнул.

«Подслушала мой разговор с графом Скадником?»

Когда человек отвечает вопросом на вопрос, это что-то да значит.

Я поразмыслила. Принцессу выдавать не хотелось. Но она вела свою игру, как и Даниш. Что остается одинокой маленькой кошке среди сильных этого мира, как не попытаться выжить и, если получится, соблюсти свой ин-терес?

Для начала я рассказала о шкатулке. Вряд ли это было для графа новостью. Об обращении с королевской почтой он наверняка знал побольше моего. Потом поделилась предположением насчет уроков эйланского. Была уверена, что он меня высмеет, но Даниш задумался.

Свои подозрения насчет него и Камелии я спрятала на дно сознания, чтобы не прорвались наружу шальной мыслью. Чаепитие вдвоем этих подозрений до конца не развеяло. Был, был у графа личный интерес к принцессе, я чуяла! Не в одних письмах тут дело. Но если им двигала не сердечная склонность, то что?

Сплошные загадки.

Камелию к этому свиданию побудила графиня Виртен, за которой стоял герцог Клогг-Скрапп. Зачем? Может, они готовили провокацию: надеялись соблазнить Даниша нежными плечиками принцессы, а потом ворваться и... обвинить в покушении на честь королевской невесты? Расстроить свадьбу? Сделать Белого Графа шпионом Вайнора? Он же предвидел что-то в этом духе, потому и не предложил выставить меня за дверь? Или, не зная, о чем пойдет разговор, просто хотел иметь свидетеля – на всякий случай?

Мое воображение разыгралась...

Но, видимо, граф и правда не умел читать мысли.

– Вот видишь. А говоришь, нечего сообщить, – заметил он с удовлетворением. – Продолжай наблюдать. Я обеспечу тебе для этого все возможности.

Если бы я догадалась спросить, что он имел в виду!

На следующий день все было как всегда – обед в поместье у очередного барона, изысканные блюда, славословия, подарки. Когда вайнорцы с привычной неторопливостью стали готовиться к отъезду, граф объявил, что вынужден попрощаться.

И принцесса не удивилась! Лишь посоветовала:

– Я думала, вы проводите нас хотя бы до Гриссена.

– Увы, – он развел руками, – меня ждут в Белом замке, я и так задержался. В ближайшие два дня снегопадов можно не опасаться, со старыми заносами ваши маги справятся, я уверен. А на церемонии буду, как обещал.

Мы стояли у крыльца. Камелия в окружении фрейлин и дам, я у Кайсы на руках и Даниш, впервые за эти дни надевший свою серебряную волчью доху.

Небо радовало синевой и светом, морозный воздух пощипывал нос, снег дразнил солнечными искрами, зовя бегать и играть.

– Я должна вернуть вам Белку? – вздохнула принцесса, одетая сегодня в белую песцовую шубку. Настоящая снежная фея. – Она такая прелесть. Я к ней привязалась.

Граф поклонился:

– Буду счастлив, если Белка сможет и дальше служить отрадой вашему высочеству.

– Так вы мне ее дарите? – принцесса вся засияла от предвкушения.

– Как я могу отказать?..

– Ах, я знала! Благодарю, граф! Вы такой милый!

И Камелия поцеловала его в щеку у всех на виду.

Даниш посмотрел мне прямо в глаза предостерегающим взглядом. Мысленно он ничего не сказал, я тоже промолчала, хотя все во мне кипело. Но если другие маги заметят, кому будет хуже?

Из окна дормеза я видела, как, прежде чем сесть в свои сани, он подошел к магам зимы, которых все это время явно избегал, и дал несколько указаний. Сквозь шум сборов удалось разобрать что-то про нижние слои и уровень влажности. Маги в ответ хмуρο покивали.

Со двора мы выехали все вместе, а в Небенск, где предполагался ночлег, прибыли уже без Даниша. Когда он отделился от обоза и в какой стороне находится Белый замок, в который он так спешил, я понятия не имела.

– Если снега и впрямь не будет, к послезавтрашнему вечеру доберемся до Альготы, – сказала графиня Виртен.

– Уверена, что не будет! – подхватила Камелия.

Настроение у нее было неровным. Она то впадала в задумчивость, то оживлялась, щебетала без умолку и смеялась больше обычного.

Я была зла на графа и опасалась, что теперь, когда мы расстались, печати богов напомнят о себе. Но и Свена со Свяной, и Нежу ход событий, как видно, устраивал. Подумалось: «Может, и к лучшему, что я осталась у принцессы». Она тоже будет в Храме Всех Богов, и наверняка со свитой, а Кайса уже привыкла всюду таскать меня с собой, так пусть и туда возьмет. Без вас обойдемся, ваше сиятельство!

О том, что будет, если боги потребуют от меня иной службы, не шпионской, я старалась не думать.

Глава 12, ***в которой я узнаю то, чего лучше не знать***

Главный храм богини моря Небеи располагался близ порта Хофед на побережье Западного океана и имел вид огромной волны с гребнем белой пены. Я видела гравюры – очень величественно. Храм в Небенске был меньше и скромнее, но со своей изюминкой. Этаким кораблик: острый нос, высокая корма, круглые окна, башенка-рубка, стены выложены ракушками. Длинные печные трубы в ряд напоминали мачты.

Храм окружала слободка, которую и называли Небенском. Ее жители обслуживали гостевой дом для паломников, богато обставленный и очень большой – едва ли не больше самого храма. Столица-то близко: многие состоятельные люди приезжали к Небее просить благословения и защиты перед морским путешествием.

После ужина принцесса тоже пожелала нанести визит ригонской покровительнице своей стихии.

Нас учили, что боги Ригонии и Вайнора в родстве и в особых случаях могут замещать друг друга. Прежде я не задумывалась, что это значит, но, когда тебя отмечают вниманием сразу три высших существа, поневоле проникнешься интересом. Вот мне и стало любопытно. В Вайноре морем правит бог Небер, свой дар Камелия получила от него. Примет ли ее наша Небея, и не явится ли вместо богини ее бородатый вайнорский двойник?

Храм возвышался среди снегов, как парусник, намертво вросший во льды Крайнего Севера. Я повела носом. Вроде бы не должно посреди зимы в сотне миль от ближайшего моря пахнуть солью, тиной и рыбой, а вот пахло!

Ули Небеи в синем и белом встретили принцессу у неприметного входа для служителей. Фрейлинам и дамам предстояло остаться снаружи, а я спрыгнула с рук Кайсы и шмыгнула в закрывающуюся дверь.

Было страшновато: вдруг морским богам тоже вздумается связать меня договором?

Успела пробежать несколько шагов по сумрачной передней, увидеть впереди проем, а за ним – мозаичный зал, разлинованный канальцами, в которых блестела вода и плавали оранжевые рыбы.

Принцесса и ее сопровождающие легко перешагивали через эти узкие преграды. Я хотела перепрыгнуть, но воздух спружинил, как цирковой батут, и вытолкнул меня из зала.

За миг до того, как это случилось, в глаза бросилась надпись на кобальтово-синей стенке первого из каналов – чуть ниже уровня воды. Прочсть ее я не успела, просто охватила взглядом всю целиком. И лишь потом, когда Кайса несла меня по коридорам гостевого дома, расстроено приговаривая: «Разве так можно, Белочка?» – узор, выложенный золотистой смальтой, оформился в моем сознании в слова: «Бог – один, но много их, свой лик для каждого дня. Ныне узрите вы лик морей, ныне узрите меня».

Кажется, подобную надпись я видела в храме Свена и Свяны, но там речь шла о лике любви...

Дамы свиты расположились в гостиной, убранной в голубых и бирюзовых тонах. Графиня Виртен вышивала, сидя у лучезара, плафон которого был исполнен в виде морского конька, прочие играли в «Найди лишнее», а Кайса болтала перед моим носом веревочкой. Привязанный к веревочке бантик шлепал меня по щекам и по лбу, задевал уши.

Бить Кайсу лапой не хотелось, и я села к ней спиной.

Фрейлина не унялась.

Я отошла к другому краю дивана, но через мгновение перед моим носом опять покачивался надоедливый бантик. Дразнил и будто насмеялся: не достанешь, не достанешь.

Ну хорошо. Вы сами этого хотели...

Вот тебе! Вот! Получай!

Бантик так и заплясал под моими лапами.

Кайса, довольно хихикая, пару раз дернула веревочку туда-сюда, а потом вскинула вверх.

Что? Думаешь, не поймаю?

Я могла схватить этот несчастный бантик одной левой, но сделала вид, что промахнулась. Потому что мне понравилось! Отталкиваться от дивана, от пола, застеленного тонким ковром, подбрасывать себя в высоту, насколько хватит сил, изгибаться и переворачиваться в воздухе не хуже балаганных акробатов. И, точно собравшись, приземляться на лапы.

Этого мне и не хватало, это мне и было нужно! Отвлечься, раззадориться, забыться в азартной забаве, дать выход всем тревогам, страхам и обидам, выложиться в погоне за простой и понятной целью, довести себя до изнеможения тела и чувств. С удовольствием видеть, как все побросали свои дела и смотрят – даже у грозной графини глаза заблестели. В последний момент рвануться что есть мочи, сцапать когтями изрядно потрепанный бантик и шмякнуться с ним на пол. Потом вцепиться всеми лапами и измочалить вдрызг под беспомощные восклицания Кайсы:

– Белка! Белка! Отдай!

– Оставьте, Кайса, – вмешалась графиня. – Она заслужила.

Я навалилась на добычу грудью, упиваясь иррациональным, но сладким чувством победы.

Граф Даниш, Нежа, Свен и Свяна, Храм Всех Богов – все это будет потом. А сейчас, сию минуту, мне хорошо!

Камелия вернулась через полтора часа – печальная и погруженная в себя. Потребовала ванну, а потом урок эйланского.

Графиня Виртен как всегда попыталась ее отговорить:

– Вам надо готовиться к въезду в Альготу и встрече с его величеством...

– Успеется, – отмахнулась принцесса. – Извольте позвать кавалера Джеруча.

А сама осталась ждать в комнатке между гостиной и спальней. Стояла у окна, кутаясь в кашемировую шаль и глядя, как серебрится под луной храмовый сад. Граф был прав: в воздухе не веяло ни скорой метелью, ни большой стужей. Зима наконец-то сжалилась над вайнорцами.

Я вскочила на подоконник, и Камелия погрузила холодные пальцы в мех на моей шее. Лицо, отраженное в темном стекле, казалось безмятежным, но я чуяла, как часто бьется кровь в ее жилах, выдавая волнение.

Когда отворилась дверь, принцесса встрепенулась и тут же застыла. Даже человеческое ухо не спутает упругую поступь молодого воина с шагами пожилого царедворца, пусть и вполне бодрыми. Шаль стекла с плеча Камелии и упала на пол.

– Дядя...

Герцог Клогг-Скрапп прикрыл за собой дверь и, подойдя к принцессе, взял ее за плечи:

– Ками, девочка, я тебя понимаю. Но это опасно.

– Что опасного в уроке эйланского? – она улыбнулась с деланным недоумением.

Герцог покачал головой.

– Здесь полно ригонцев. Граф Скадлик. Гвардейцы Альрика. Маги. Прислуга. Все они не слепцы.

Дядя и племянница сели на козетку так близко, что даже мне было бы трудно втиснуться между ними.

– Ками, прошу тебя. Я и так сделал все, что мог.

– Знаю, дядя, – улыбка принцессы стала горькой. – Ты желаешь блага Вайнору и добра мне. Возможно, однажды я пойму, что ты был прав... Но сейчас я задыхаюсь. Все, что я прошу: дай мне вздохнуть полной грудью! Может быть, в последний раз.

– Девочка моя, будь благоразумна, – на сухощавом лице герцога было написано сочувствие, но уступать он не собирался.

– Я так благоразумна, что скулы сводит! Дядя, пожалуйста, не заставляй меня снова прибегать к шантажу... Думаешь, я не знаю, зачем на самом деле нужен этот амулет? – принцесса неприязненно коснулась своей груди. – Я нашла в книгах.

– Ками...

– Я все понимаю, дядя, и поступлю, как должна. Но ты знаешь, на что обрекаешь меня.

Герцог нахмурился и отвел глаза.

– Хорошо. Только, пожалуйста, заклинаю тебя Небером и всеми светлыми богами, не делай глупостей!

– Какие глупости? – принцесса нервно рассмеялась. – Мы же поклялись на мече. И даже если бы захотели...

Она умолкла. Некоторое время они с герцогом смотрели друг на друга. Потом Клогг-Скрапп коротко кивнул и вышел.

Я спрыгнула с подоконника и, наступив лапой на шаль, сообщила:

- Вы уронили, ваше высочество.
Получилось как всегда «мяу».
– Спасибо, Белка, – ответила Камелия рассеянно.

Секретарь прибыл через четверть часа, готовый служить своей госпоже. Одет с иголки, собран, в руках книги для чтения и бумаги для письма. Темный взгляд обшарил пустые комнаты (ни свиты, ни прислуги, только кошка, дремлющая в кресле) и обратился к принцессе, вспыхнув пожаром.

Она метнулась навстречу. Тонкие руки обхватили спину в темно-сером сюртуке, светловолосая головка склонилась к мужскому плечу, и кавалер, помедлив, обнял принцессу в ответ. Они стояли, зажмурившись, словно от боли, и не говоря ни слова. Только крепче сжимали объятия – лед и пламя, вросшие друг в друга. Казалось, никакая сила не могла разорвать их единства.

Джеруч трогал губами волосы Камелии, шепча что-то по-эйлански с горячей нежностью. Она так же тихо отвечала на смеси эйланского и вайнорского и тянулась к нему, встав на цыпочки. А потом они целовались – с ожесточенной страстью приговоренных к казни.

Я не знала, куда деть глаза. Одно дело чуточку подглядеть в окно – это почти как спектакль на сцене, и совсем другое, когда прямо перед тобой, вот так, откровенно, не стесняясь... Не догадываясь, что есть, кого стесняться...

Я не выдержала и сбежала в спальню.

Это было ошибкой. Немного погодя Камелия и Джеруч вошли следом и заперли дверь. Волосы принцессы были распущены, платье в беспорядке, кавалер лишился сюртука, распахнутый ворот сорочки открывал золотисто-смуглую грудь.

Все-таки эйланцы – красивый народ. Сейчас, распаленный любовной горячкой, Джеруч как никогда напоминал своих воинственных предков. Но и Камелия больше не походила на снежного духа. Ее глаза сверкали, на щеках пламенел румянец, нацелованные губы стали яркими и сочными. Словно нежный и робкий бутон распустился в прекрасный цветок, оправдывая данное ей имя.

Альков с широкой кроватью в глубине частично заслоняла ширма, и из-под туалетного столика напротив я мало что видела. Но от

вздохов, стонов и шороха сбрасываемых одежд было жарко, стыдно и страшно. Если принцесса узнает, что я человек, если хотя бы заподозрит...

Свен, Свяна, это по вашей части! Дайте мне срочно провалиться сквозь землю!

Боги молчали.

Осталось крепко зажмуриться и укрыться хвостом.

Но уши кошачьими лапами не заткнешь. Влюбленные задыхались от страсти, шептали нежности и признания, мешая вайнорские слова с эйланскими...

О плотской стороне любви мне было известно куда больше, чем полагается незамужней девушке, и я знала, что двое могут доставить друг другу наслаждение не только тем способом, от которого бывают дети. Скоро стало ясно: у Альрика не будет оснований упрекнуть свою королеву...

– Давай убежим, – сказал вдруг Джеруч. – Туда, где нас никто не найдет.

– Нет такого места, – отозвалась принцесса. – Не спорь. Просто обними меня.

Когда они наконец задремали, я ощутила такую усталость, будто сутки напролет не разгибала спины над срочным заказом.

А ведь надо было еще все как следует обдумать!..

Камелия и Джеруч.

Удивилась ли я? И да, и нет. Надо быть слепцом, чтобы не заметить: между ними что-то происходит, и секретарь для принцессы больше, чем просто посредник. Графиня Виртен настойчиво пыталась их развести. Клогг-Скрапп открыто отговаривал племянницу, однако уступил. Так легко...

Они знают! Графиня, герцог, капитан Карис. Не одобряют, но потворствуют.

И все же... Кавалер Джеруч не может быть принцем Фьюго. Принцы не ездят тайком под чужой личиной с единственным слугой. Они путешествуют, как Камелия – с пышной свитой, охраной и грузовым обозом.

С другой стороны, граф Даниш обходится одним кучером. Почему принц не может?

Потому что граф сам себе хозяин. Он и помолвку со своей Ализеей смог расторгнуть, только когда графом стал. А над принцем есть король. Альгредо ни за что не позволит сыну пуститься в такую опасную авантюру...

Или позволит? Что я знаю о нравах королей и о них самих?

Род Инчендеров владеет огненным даром. А Ялун, слуга Джеруча, – маг огня. Может, это он принц Фьюго? Вот уж на кого точно не подумают!

Или все иначе, и Камелия с самого начала любила не принца, а его приближенного? Поэтому и стремилась замуж в Эйлан? А теперь, раз не вышло, взяла сердечного друга с собой в Ригонию... Ой-ёй!

Но почему ей разрешили и что за амулет она носит? Не окажется ли, что служба, которой потребуют от меня Свен и Свяна, связана как раз с Камелией и эйланцем? Или с Камелией и королем Альриком?

Вопросы, одни вопросы.

И главный из всех: сообщать графу или нет?

В имение Соллен-хуз, где отбывал ссылку опальный канцлер, Рауд приехал как раз к обеду. А обеды у герцога Варди Соллена всегда были знатные. Сказывалась голодная юность.

Сам герцог бедняцкого прошлого не скрывал и посмеивался над своей страстью к еде, без счета уплетая сладкие пироги, наваристые супы, жареное мясо всех видов с жирными соусами и обильным гарнирами, десерты из манной крупы, сливок и меда.

При этом лет до шестидесяти он оставался поджарым, быстрым и острым, как стилет. Рауд еще застал его таким. Потом герцог как-то разом вошел в тело, но толстяком не стал, а лицо его, как и прежде, напоминало профиль хищной птицы.

За столом в кругу герцогской семьи о делах, само собой, не говорили; хозяйка дома настояла, чтобы Рауд отведал каждого блюда. Затем его, сытого до дурноты, проводили в небольшую светлую комнату с видом на можжевелевую аллею. Зелень хвои приятно оживляла унылую белизну уснувшего до весны сада.

Камердинер с длинным лицом и не менее длинными седыми бакенбардами разлил глинтвейн и тихо скрылся за потайной дверцей, неотличимой от дубовых панелей на стене. По комнате поплыл сладко-пряный летний аромат.

– Как я понимаю, – произнес Соллен, глядя на Рауда поверх бокала темно-серыми, типично ригонским глазами, – писем вы не нашли.

Три недели назад в этой самой комнате они обсуждали донесение из Вайнора, где у канцлера был очень способный агент, а у того, в свою очередь, имелись хорошо прикормленные осведомители во дворце короля Бертольда. От них и стало известно о письмах принца Фьюго к принцессе Камелии, которые та якобы вознамерилась взять с собой в Ри-гонию.

Рауд усомнился в достоверности сведений: неосмотрительно везти любовную переписку ко двору будущего мужа. Однако канцлер своему агенту верил. «Влюбленная женщина редко бывает разумна», – заключил он.

Но если так, если эти свидетельства обреченной любви принцессе настолько дороги, возможно ли, чтобы за все время пути она ни разу не взяла в руки ни одного письма?

Может, кавалер Джеруч послан вернуть их и уничтожить или держать при себе, играя на чувствах девушки?..

Секретарем Камелии должен был стать двоюродный племянник герцога Клогг-Скраппа. Почти вся свита принцессы, включая капитана гвардейцев – его люди. И если Клогг-Скрапп согласился заменить своего протеже эмиссаром короля Альгредо...

– Это пахнет сговором и предательством.

Повисло тяжелое молчание.

Канцлер Соллен полагал, что пылкие послания Фьюго писались по указке его отца, дабы удерживать Камелию на крючке, и Рауд готов был с ним согласиться. Но где они, эти послания? Возможно ли, что кавалер Джеруч и впрямь служил голосом принца, как считала Кошка?

Обдумывая эту смелую, но вряд ли правдоподобную идею, Рауд пришел к интересному и, пожалуй, еще более безумному предположению.

– Скажите, Варди, у вас не найдется портрета Фьюго? Не помню, чтобы он появлялся в газетах.

У герцога расширились глаза:

– Не может быть!..

Несколько мгновений он глядел прямо перед собой, переваривая в голове догадку Рауда, потом сделался мрачен, как зимняя туча.

– Если вы правы, все обстоит еще хуже, чем я думал. Говорил же ему, предупреждал... – Соллен давно приучил себя, критикуя короля, не называть ни имени, ни титула и Рауду советовал держаться того же правила. – В политике сохранить баланс важнее, чем получить превосходство. Даже Вайнор не станет молча смотреть, как он ставит себя на одну доску с богами. Выше богов! Две силы – хорошо, пускай. Но трем не владеет даже Двуликий.

Герцог покачал головой.

– Если наши соседи так напуганы, что забыли свою вековую вражду, если Бертольд и Альгредо готовы рискнуть собственными детьми, чтобы доискаться до правды... Это значит, дело пахнет войной!

«Это значит, – возразил Рауд про себя, – что письма мне не понадобятся». Бертольд кидает Альрику приманку. Соблазн, перед которым тот не сможет устоять. Надо только выяснить, знают ли сами Камелия и Фьюго, что она – приманка, а он... разменная монета?

Глинтвейн допили в молчании.

– Что нового в столице? – спросил Рауд.

– В столице – снега. До недавнего времени ему удавалось поддерживать приемлемую погоду хотя бы в границах города. Но когда он попытался расчистить железную дорогу для ее высочества, все пошло в разнос. Дворники и маги не справляются, пришлось задействовать армию. Даже лейб-гвардейцы взяли за лопаты. Отпрыски знатных семейств!

Герцог хмуро усмехнулся.

– В последние пару дней снегопады стали слабее, зато мороз только крепчает. За неделю в городе замерзло больше людей, чем за всю прошлую зиму.

Рауд опустил взгляд, рассматривая жидкость на дне бокала – красную, как кровь, и сладкую, как обман. В отличие от отца, Варди Соллен не попрекал его отданным даром. Он просто излагал факты.

В этот момент за окном раздался негромкий скрежет, сопровождаемый полязгиванием. По аллее на широких каучуковых колесах ехал механизм, похожий на краба с клешнями. У него была треугольная, низко посаженная морда и длинный изогнутый хвост, поднятый вверх, как у скорпиона. Морда зарывалась в слежавшийся

снег, клешни споро подгребали его под брюхо, а хвост, будто брандспойт воду, выбрасывал в воздух измельченную снежную массу, которая веером летела за можжевельные кусты.

– Это что за чудо? – спросил Рауд.

– Самодвижущийся магический уборщик снега, – глаза канцлера повеселели. – Придуман двумя молодыми магами-инженерами из ведомства магического обеспечения и представлен на заседании Королевского Собраниа. Сначала все пришли в восторг, но он разнес изобретение в пух и прах. Инженеров уволили в тот же день. Бедняги так и не поняли за что.

– За то, что поставили под сомнение его власть над стихией зимы? – усмехнулся Рауд. – Даже не подозревая, что эта власть теперь принадлежит ему, а не мне.

– Подозревать-то они много что подозревают, и не они одни. Разговоры при дворе ходят разные... Кстати, вам пора завести собственных агентов. Это, знаете, весьма бесполезно.

– Я уже начал, – ответил Рауд.

Вряд ли даже герцог Соллен мог похвастаться оборотнем у себя на службе.

Правда, выходить на связь Кошка не спешила. Рауд надеялся, что с ней не случилось беды. Он все больше укреплялся в мысли, что эта девушка в кукольном наряде не авантюристка с мешком темных тайн, не расчетливая наемница, тем более не фантом с преступными склонностями, а жертва обстоятельств, которая в самом деле нуждается в помощи. Но на кону стояло слишком многое. И для самой Карин лучше, если Альрик не свяжет ее напрямую с Белым Графом...

– Есть еще одна новость. Папаше Болли пожаловано дворянство, – герцог произнес это так, словно боялся задеть гостя.

Рауд дернул краем рта.

– Неудивительно, учитывая, что его дочь получит титул. К тому же он поставщик королевского двора.

Папаша – уважительно-свойское обращение, принятое в среде лавочников. В устах придворных вельмож это была издевка. Как только не величали Болли изощрявшиеся в остроумии аристократы: надворный торгаш, папаша сводник, тронный прихлебатель, мордатый проныра, подхалим из слободки, винный угодник, альковный шептун...

– Погодите, это еще не все, – сказал герцог. – Болли произведен в тайные советники, и вы наверняка увидите его на заседании Собрании.

Болли в Королевском Собрании? Рауд своим ушам не поверил. Выскочка и рвач, готовый рассыпаться мелким бесом, лишь бы потуже набить кошелек? Да он никогда носа в политику не совал! Всей своей повадкой показывал, что не его мелкого умишки это дело...

Рауд и герцог Соллен посмотрели друг на друга, и, кажется, обоим пришла в голову одна и та же мысль.

Кто, собственно, подталкивает короля ко всем безрассудным делам последнего времени?

Альрик всегда был тщеславным мальчишкой, но у него хватало разума отличать хорошие советы от дурных. До тех пор, пока не появился Болли, входивший в его личные покои в любое время дня и ночи.

Герцог сузил глаза:

– Кажется, для моих – и ваших – агентов есть работа. Жаль, времени мало.

– Вы не передумали присутствовать на церемонии?

Если герцога не включат в список приглашенных, Рауд проведет его своей волей, пока у него есть такое право.

– Эту Ночь Всех Богов я ни за что не пропущу, – отозвался Соллен, пристально глядя Рауду в лицо. – А вы... Вы уверены, что готовы пойти на это?

– Я верный подданный короля, – тем же серьезным тоном ответил Рауд, – и сделаю все для блага Ригонии.

Фрейя медленно обошла присыпанное снегом кострище, от которого все еще тянуло гарью. Когда долго живешь на свете, сны делаются осязаемыми и сочными, как явь. Вот и сейчас все было точно на самом деле. Потрескивали в чаще замерзшие деревья, хрустел снег под лапами, стужа щипала нос, мешая разбирать запахи.

А запахов на месте ночевки большого обоза было не перечислить. В мире снов они сохранялись куда дольше, чем наяву.

Мамки, лошади, тяжелые сани. Десятки людей, обильный груз и много съестных припасов.

С вечера Фрейя раскопала мерзлые объедки, неплохо подзакусив. Гунькина дочь, городская неженка, небось, побрезговала бы. Хотелось верить, что те, кто забрал девочку с собой, кормят ее досыта.

Запах Карин, родной крови, висел в воздухе серебристой пылью – везде и нигде.

На этой поляне она спала. В санях. Прогуляться не выходила – ни намек на кошачьи следы. Значит, ее везут силой. Но зла, может, и не желают, просто оберегают от опасностей большого мира. Так людям свойственно понимать заботу.

По дороге сюда Фрейя нашла место, где Карин пыталась бежать. Все говорило в пользу того, что изловили ее с помощью снежной магии и с тех пор на волю не выпускали...

Рысь обернулась человеком и с наслаждением разогнула спину. Моложе и краше Фрейя во сне не становилась, но здесь у нее не было ни болей, ни хворей.

Узловатые старческие руки легко взлетели в воздух и принялись стягивать, сбивать запах Карин в плотное облако. В подушку из пуха сказочных гусей. Если в этом пуху запутался хоть один лоскуток снов, которые девочка видела здесь, на лесной поляне, через него, как по веревочке, можно будет дотянуться до ее нынешнего сна.

Смотри-ка, что-то есть! В туманно мерцающем вареве проглянули темные ходы, двери... Фрейя жадно вгляделась. Но видение уже помутнело и стало расслаиваться.

Этого следовало ожидать. За одну ночь сон не успел закрепиться, врасти в плоть яви. Обоз шел слишком бойко, и метели не были ему помехой. Одно хорошо: ездки не петляли и не сворачивали, твердо держась Альготского тракта. А Фрейя следовала перелесками вдоль него.

Во сне это было легко. Она, как сказочный конь Быстроног, одним скоком одолевала дневной переход, и каждую ночь ловила обрывки путеводного запаха. Каждую ночь звала. Но упрямая девчонка не откликалась. Или попросту не слышала.

Зато слышал кое-кто другой. Белесая тварь, от которой несло падалью, одержимостью и жаждой обладания.

Они схватились в мире снов в ту ночь, когда Фрейя впервые отчетливо почуяла Карин. Вонючий слизень подобрался слишком близко. Фрейя пугнула его, а он в ответ напал. Сгоряча, видно. От дурной злости. Быстро понял, что противница сильнее, вывернулся из ее когтей и сбежал в явь. Он ловко перемещался во снах, но был

слишком ущербным, чтобы драться на равных с бывалой рысью. Неумелая молоденькая кошка станет для уродца легкой добычей...

Пока слизень отставал – у него не было снежного мага, чтобы торить дорогу. Да и во сне он частенько терял свою дичь.

Однако и Фрейе никак не удавалось нагнать обоз. Плохо. Ей надо быть рядом, чтобы поймать ускользающие сны Карин.

Фрейя вновь приняла звериный облик.

Дайте срок. Главное, девочка жива. В ее запахе не было ни боли, ни страха, ни отчаяния. Старая рысь на верном пути...

Чувство опасности, острое, как нож убийцы, вырвало ее из мира снов и сбросило с дерева в сугробы за миг до того, как лесную тишину пропорол выстрел. Вдогонку брызнули щепки, а чуть погодя громыгнуло опять.

Должно быть, у стрелка было одно из тех новых ружей, что перезаряжались за три вдоха; с перепугу Фрейя даже решила, что по ней палит целая шайка. От каждого выстрела раскатывалось гулкое эхо, в голове звенело, с веток сыпался снег.

Она помчалась прочь, петляя среди стволов. Впереди вырос бурелом, укрытый снежной периной, под которой темнели узкие прорехи. Фрейя нырнула в ту, что побольше, перевела дух и осознала, что стрелок ей знаком.

Нет, ладно скроенного парня в коротком полушубке она видела первый раз в жизни, и дурных запахов от него не шло, однако в голове сразу возникло чучело из сна – со слюдянистыми глазами и склизким телом без костей.

Удрать от него сейчас было бы плевым делом. Но если оставить охотника за спиной, он нападет снова. И ведь красивый парень! Девчонки, небось, сохнут почем зря.

Стрелок стоял на виду, на прогалине, подальше от деревьев, – с ветки на спину не сиганешь, – и плавно водил ружьем, пытаясь отыскать растворившегося в ночи зверя.

Выбрав момент, Фрейя отступила к молодому ельнику, а потом, таясь за деревьями, обошла врага кругом. Ружье системы Тенморинга бьет на полторы тысячи шагов и в умелых руках делает пять выстрелов в минуту. Если у стрелка острый глаз, зверю не уйти. Но в ближней схватке у рыси-оборотня есть все шансы одолеть даже молодого сильного мужчину.

Ночь надежно прятала Фрейю от его взгляда, снег под крадущейся поступью проседал без единого звука. Мохнатые лапы не потревожили ни упавшую ветку, ни сброшенную клестом шишку, ни ореховые шкурки, оставленные белкой у корней.

И все же стрелок что-то почуял – особым чутьем, которое дано его породе и, видно, не ушло даже теперь... Он перехватил ружье так, чтобы при нужде пальнуть с одной руки, другой выудил из подсумка какую-то круглую вещицу. Прикрыв ее плечом, сделал движение, будто что-то сковырнул или оторвал.

А потом резко обернулся и метнул свой кругляш в сугроб, за которым пряталась рысь.

Бомба! Без фитиля, с магическим запалом.

Фрейя кинулась в сторону, за упавшее дерево, но взрыва не последовало, и она припустила бегом. Вслед загрохотали выстрелы.

Чуткий рысий слух различил между ними мягкий хлопок. Появилось чувство, будто в кожу вонзились сотни ледяных иголок, и от них по телу стало растекаться онемение.

Непростая, выходит, была бомба.

Пальба стихла. Однако Фрейя не сомневалась, что стрелок идет по следу. Ему теперь не к спеху. Дождись, когда добыча обездвижится, и бери голыми руками.

Только Фрейя ждать не собиралась. Толстый ствол наверняка уберег ее хотя бы от части магического заряда. Пока тело еще слушалось, она вскарабкалась на разлапистый ясень и двинулась поверху, с ветки на ветку, с дерева на дерево. Нос ловил запахи, уши – звуки, глаза высматривали следы. Не на крыльях же этот змей прилетел.

Санки на одного седока отыскались у самой дороги. Мохнатая соловая лошадка испуганно всхрапнула, почуяв хищника.

Фрейя спрыгнула в снег. Небыль вдохнула рысь, а выдохнула старуху в тяжелом тулупе. Ее поясицу тут же прострелило болью. Суставы горели, словно в них песка насыпали, перед глазами плыло.

Да бомба еще эта проклятущая...

Ног до колен Фрейя уже не чувствовала. Доковыляла до саней на одном упрямыстве. Спасибо, молодчик с ружьем не выпряг коняшку, а только привязал да укрыл стеганой попоной.

Править повозкой Фрейя умела и через четверть часа выехала на тракт, по темной поре безлюдный, будто спящий. После проезда обоза дорогу подзавалило, но двигаться было можно.

Мороз все больше пробирался под тулуп, ночь давила ледяным беззвездным мраком, снега белели, точно смертный саван. Фрейя без устали понукала лошадь. К тому времени как стрелок хватится пропажи, ей надо быть далеко.

К утру она почти ничего не видела и с трудом шевелилась. Но на развилке сумела перекинуться в зверя и пугнула коняшку так, что та рысцой побежала по тракту. Сама Фрейя свернула в сторону, на неширокую дорогу в рыхлых колеях.

Дорога привела к средних размеров селу, за которым начинались хутора. Из-за горизонта, прикрытого темной щеткой леса, уже пробивался рассвет. Фрейя вновь приняла человеческий вид, из последних сил вползла на крыльцо крепкого бревенчатого дома и ткнулась лбом в дверь. Поднять руку, чтобы постучать, мочи уже не было...

Способность двигаться и говорить вернулась к ней через три дня.

Это время Фрейя провела в полубреду на лежанке у печи, укрытая овчиной – под присмотром двух хозяйских дочек и сельской знахарки. Две ночи ей снилась серебристая пыльца, в которой маячил, распадаясь, силуэт кошки, пушистой и белой, а не черной, как должно быть. Фрейя точно знала, что это Карин, только позвать ее не могла. Кошка была крупной и сильной, но гораздо мельче рыси-оборотня.

На третью ночь видения оборвались. Сердце в груди сдавило будто клещами, но Фрейя прикрикнула на себя: «Не дури, старая! Жива девчонка, ничего с ней не сделалось! Будь беда, почуяла бы – своя кровь».

Тут другое. Заслон, сквозь которой ходоку по снам не пробраться. Щит, поставленный мастаками из сновидческого Гнезда.

Такие Щиты распознают оборотней на раз. Но люди, в чьи руки угодила Карин, верно, и без того знают, кто она.

Хозяйские дочки болтали, что по тракту проезжала королевская невеста со свитой... Время как раз сходилось.

Что ж, теперь Фрейя знала, куда увезли Карин. Знал ли это стрелок?

Глава 13, ***полная досадных неожиданностей и невероятных встреч***

– Повторяю: трое сопровождающих. И никаких животных!

Камергер Глуф говорил властным, хорошо поставленным голосом. Серо-голубой дворцовый мундир с золотым и серебряным шитьем сидел на его осанистой фигуре точно влитой. На меня камергер не глядел вовсе, но, как оказалось, видел.

– Ваши высочества, – он степенно поклонился сперва Камелии, затем герцогу Клогг-Скраппу, – прошу следовать за мной.

Повернулся и выплыл в открытые двери, явно не сомневаясь, что высочества и правда последуют, причем без промедления.

– В самом деле, к чему толпиться? – весело заметил герцог, оглядывая своих растерянных соплеменников. – Отдыхайте, господа. Успеете еще на приемах ноги отстоять.

И видом своим, и тоном он предлагал относиться к произошедшему как к забавному недоразумению. Но я чуяла, как от него разит замешательством и гневом.

– Уверена, завтрак вот-вот подадут! – принцесса сияла ярчайшей из своих улыбок, и вайнорские придворные невольно улыбались в ответ. Должно быть, они сочли тени под глазами Камелии и неживой цвет ее лица следствием бессонной ночи, не более.

Последние сутки выдались тяжелыми. Вечером все-таки пошел снег, но еще раньше на подступах к городу нам преградили путь огромные старые заносы, в которых вязли даже мамки. От их обиженных криков закладывало уши – казалось, оркестр неумелых трубачей дует в расстроенные трубы. Ржали замерзшие лошади. Маги, гвардейцы, слуги и молодые дворяне, которым пришлось расчищать дорогу, бранились, не стесняясь дамских ушей. Даже в комфортабельном дормезе все измучились и замерзли – телогреи теряли тепло вдвое быстрее обычного.

Навстречу из Летнего дворца был выслан отряд ригонской гвардии, усиленный магами зимы. С трудом, но он пробился к нам, и

дело пошло быстрее. Однако к тому времени, как мы добрались до места, стояла уже глубокая ночь.

Столица в буквальном смысле тонула в снегу, фонари не горели. Само собой, не было ни ликующих толп, ни торжественной встречи. Мы и дворец-то, чудо древнего магического зодчества, считай, не увидели. Подъехали к одному из задних входов и сразу внутрь. А там этот самый Глуф, хмурый и недовольный. Можно подумать, мы нарочно задержались в пути, чтобы не дать ему выспаться!..

Вопросы и просьбы измученных, замерзших людей он отмел без разбору и взялся распоряжаться так, будто перед ним не принцесса могучей державы и его будущая королева, а бедная родственница с выводком голодных детей. Которых, разумеется, никто не ждал. Возникла путаница с комнатами, для свиты не хватало спален. Граф Скадлик вертелся тут же. Он пытался подсказывать и указывать, внося тем самым еще большую сумятицу.

В покоях, отведенных ее высочеству, был накрыт холодный и весьма скромный ужин. Увидев, как Кайса угощает меня кусочком сыра, камергер возмутился:

– Не кормите кошку со стола. Завтра вам пришлют прислугу, чтобы носила ей потроха с кухни.

Утром действительно принесли потроха. А когда Кайса хотела поделиться со мной вареным яйцом, принцесса сказала, что надо уважать правила дома, под крышей которого мы пока лишь гости. Моя принцесса! Та, что плакала, уткнувшись лицом в мой мех и делила со мной свои кошмары. Та, о которой я знала все или почти все и которой сочувствовала всей душой...

Впрочем, комнаты, отведенные нам, были удобны, а главное, хорошо протоплены. Пусть я снежная кошка, но уснуть в тепле – это блаженство.

Все думали, утром король Альрик зайдет лично поприветствовать свою невесту и ее спутников. Даже герцог Клогг-Скрапп так считал и, надо полагать, не без оснований.

Невыспавшиеся вайнорцы встали ни свет ни заря, чтобы успеть нарядиться и причесаться. Маялись почти три часа. А король через Глуфа пригласил Камелию разделить с ним завтрак. Вернее сказать, приказал, не позволив взять с собой достойную свиту.

– Кайса, останьтесь с Белкой, – велела принцесса.

Кавалер Джеруч стоял в стороне с безучастным видом, блокнот и карандаш наготове. Ни дать ни взять примерный слуга. Только глаза – пожар в ночи.

Камелия на него не смотрела. Коралловое платье, которое подобрали для нее, чтобы произвести впечатление на жениха, лишь подчеркивало мертвенную бледность принцессы.

Разумеется, вместе с ней на королевский завтрак отправились герцог и графиня Виртен. Из фрейлин выбрали Магрет, и та смерила Кайсу победным взглядом.

– Вот так, Белка, – прошептала Кайса, прижимая меня к себе. – Нас с тобой бросили.

– Не горюйте, прелестная барышня, королевская гвардия Вайнора всегда к вашим услугам!

Виконт Дегеринг. Кто же еще?

Кайса посмотрела на него неодобрительно и сделала шаг в сторону.

С тех пор как фендрик Ойсин свалился нам как снег на голову, юная фрейлина заметно охладела к предмету своей прежней страсти. Хотя быстро выяснилось, что Ойсин жених незавидный – младший сын обедневшего рода. Но Кайса принимала его ухаживания и хранила его розу, только время от времени вздыхала о том, что юноше не хватает стати. Она так и говорила о нем – «юноша», подчеркивая несерьезность их общения. Увы, сейчас фендрика рядом не было. Ригонские гвардейцы покинули нас вчера у стен дворца.

– Буду рад послужить вам носильщиком, милая Кайса, – проворковал Дегеринг, не спуская с меня алчного взгляда, и придвинулся ближе. – Позвольте принять этот груз из ваших нежных ручек...

Я зашипела.

– Не трогайте ее, виконт, – фрейлина отошла еще на шаг. – Вы же видите, Белка вас боится.

Он тут же сократил расстояние.

– А вы, Кайса? Вы тоже меня боитесь? – низкий голос виконта стал еще ниже, длинная рука, протянутая ко мне, изменила направление и коснулась оборки на горловине девичьего платья.

– Виконт, оставьте барышню в покое, – произнес Джеруч вроде бы негромко, но так, что все услышали.

Его лицо было все так же холодно, а взгляд так же горяч.

– Вы что-то сказали, кавалер? – виконт снисходительно взглянул на него через плечо.

Эйланец усмехнулся в ответ:

– Не знал, что в вайнорской гвардии держат тугоухих.

– Да как вы смеете!

Мы с Кайсой были забыты. Пара шагов, и бравый офицер уже стоял перед неосторожным секретарем. Я спрыгнула с рук Кайсы и вскочила на столик между двумя диванами, чтобы видеть обоих.

А посмотреть было на что.

Эйланцы не отличаются высоким ростом. Выглядело так, будто на Джеруча надвигается не человек, а осадная башня. Лицо виконта покраснело, усы грозно топорщились. Но кавалер и бровью не повел. Он глядел на противника, задрал голову, а казалось, сверху вниз.

– Считаете себя оскорбленным? – произнес Джеруч с предвкушающей усмешкой.

Да он же драки ищет! Любимая пошла на встречу с другим, горячая эйланская кровь кипит, злость требует вы-хода...

– Ах, господа, что вы как дети малые! – между спорщиками вклинилась баронесса Геральдина и, обернувшись к Дегерингу, уперла ладонь ему в грудь. – Стыдитесь, виконт!

Дегеринг посмотрел на ее ладонь, на саму баронессу, молодую вдову в самом соку, затем через ее голову сверкнул глазами на эйланца, словно бы говоря: «Сочтемся», и вновь обратил взгляд на Геральдину.

– Не смею спорить с дамой, – в его голосе опять появились воркующие нотки.

Секретарь принцессы презрительно дернул углом рта, но Дегеринг уже не глядел на него. Геральдина держала виконта под руку и тянула за собой, и он шел, ухмыляясь в усы.

Представление было окончено, зрители стали покидать партер, и я выскользнула из покоев принцессы, пока моя наседка не опомнилась.

Прав Даниш: придворная жизнь не сахар, не пряник и не пирожок с малиной.

Принцессины волшебные сундучки к концу пути оскудели, последние запасы Фреда придерживала для госпожи. И верно

поступала. Может, за королевским столом ее высочество и попотчуют по-королевски, но пока дворцовое угощение не радовало.

Я не спеша двинулась по коридору. Определенных планов у меня не было. Неплохо бы отыскать королевские покои и подглядеть одним глазком, как принимает нашу принцессу молодой и красивый правитель Ригонии. Вдруг он ей понравится?

Странное дело: проведя с дочерью Бертольда Вайнорского несколько дней и ночей, я уже считала ее своей, а Альрика, короля моей страны, – чужаком, от которого неизвестно, чего ждать.

Но больше всего хотелось просто прогуляться по знаменитому Летнему дворцу, который я столько раз видела на картинах и гравюрах!

Писали, что он не построен, а выращен. Сила лета соединила целый лес в стены и перекрытия, а сила земли заставила их окаменеть.

До сих пор я была уверена, что это просто легенда. Искусный мастер вырежет стебель и лист со всеми прожилками и порами так, что его будет не отличить от настоящего – выдаст только материал. Даже мой отец так умел.

Однако сейчас я не знала, что и думать. Цветы, оплетающие стены в комнатах принцессы, были бледнее живых и на ощупь каменные; я их лапой потрогала, даже лизнула! Но рано утром на лепестках, на тонких листочках искрились капельки настоящей росы, которые исчезли через пару часов. А еще цветы пахли спящей жизнью, как пахнут озимые под снегом.

Так же пахли стены в коридорах, увитых виноградом и какими-то незнакомыми растениями с мелкими цветочками-звездочками. Цвет был естественный и не походил ни на краску, ни на эмаль, ни на природный камень.

Пол под лапами выглядел как художественный паркет с изысканными узорами, выложенными кусочками древесины разных пород и оттенков, но ощущался гладким мрамором.

И еще одна странность: во дворце было тепло, но я не видела ни печей, ни телогреев. Как они отапливают такие просторы?

Раздумывая об этом, я не забывала уворачиваться от встречных людей. Это когда я была черной и шныряла в ночи по дворам и проулкам, меня никто не замечал. А сейчас едва ли не каждый отпускал какое-нибудь замечание, норовил погладить и потискать.

Один разряженный молодчик хотел наподдать мне сапогом и разразился хохотом, когда я подпрыгнула и бросилась бежать.

Иногда до меня доносились запахи съестного. Но важные слуги в строгих ливреях глубокого темно-вишневого цвета не спешили угощать кошку с барских подносов, а входить в комнаты вслед за ними я не решалась – слишком легко оказаться в ловушке.

За дверями, открытыми и закрытыми, в залах и коридорах, всюду журчали голоса – разговоры, вопросы, приказания. Дворец негромко гудел, как улей, полный сотен, а может, и тысяч пчел.

Мой слух не сразу вычленил в этом гуле кое-что не- обычное.

– ...этот дворец без вас был как увядший парк, моя прелестная фиалка.

– Может быть, и фиалка, граф, но никак не ваша.

Будь я проклята, если это не хрустальный голосок и манерный тон барышни Агды!

– Пока нет, моя красавица, но только пока. – А это не граф ли Скадлик сипит? – Я приложу все силы, чтобы...

Голоса стали удаляться, слов было уже не разобрать.

Да что я стою столбом? Надо догнать, проследить!

Что Агда делает во дворце? Кавалер Льет тоже тут? А старая ведьма?..

Я заметалась, пытаюсь угадать направление, в котором двигались собеседники, свернула в один коридор, в другой.

– Пр-ривет, кр-расивая! Куда тор-ропишься? Поговор-рим?!

На моем пути вырос толстощекий дымчато-серый кот. Вот где Морда! Тяжелый костяк, мощная холка, крупная лобастая голова с маленькими округлыми ушками и темно-золотыми глазами. Шерсть кота видом напоминала плюш, на шее красовалась бархатка с синим камнем.

Несмотря на внушительные размеры, двигался зверь красиво и плавно. А еще он оказался красноречив – куда красноречивее моих хвостатых знакомых из храма Свена и Свяны.

– Жар-ркая кошка! – урчал кот, заходя то справа, то слева и норовя коснуться меня усами. – С виду белый снежок, а внутр-ри гор-рячая, как лето. Пойдем со мной, жгучая кошка, и я спою тебе песню луны и звезд.

– Экий ты пр-рыткий, др-ружок, – мой ответ против воли вылился в раскатистое мурлыканье. – Даже не пр-редставился, а уже пр-ро звезды завел!

Часть меня все еще прислушивалась, пытаюсь уловить за завесой шумов, звуков и голосов один, нежный и звонкий. Вдруг еще не поздно? Вдруг найду, догоню? Оттого внимание мое рассеялось, и я подпустила мордатого кота слишком близко. Он боднул меня в шею, горячий язык-терка прошелся по уху.

– Люди зовут меня Кавалер-р...

– А я зову нахал!

Получи лапой по толстой щеке!

– Упр-рямая, гор-рдая, – пропел кот. – Нр-рависься.

– А ты мне нет!

– Непр-риступная. Покор-рю... Хочешь р-рябчика?

«Хочу-у!» – простонала пустота в животе, рот наполнился слюной.

– Сырого? – уточнила я, сумев на этот раз сдержать непрошеное урчание.

– Жар-р-реного, – пророкотал кот от души, пытаюсь прижаться ко мне и обнять хвостом.

– Не хочу!

В голову пришла мысль поинтереснее:

– Мне надо найти пару людей. Вернее, одну девушку. Невысокая, темные вьющиеся волосы, большие карие глаза, очень кр-расивая...

– Покажи! – прервал меня кот.

Как это – покажи? На всякий случай я нарисовала в своем воображении барышню Агду, какой она приходила в наше ателье и какой была в доме Снульва, со всеми подробностями, которые смогла припомнить.

Золотые кошачьи глаза напротив вспыхнули яростью, и мысли мои оборвались – вместе с сердцем... Но взгляд Кавалера был направлен не на меня, а на что-то за моей спиной. На то, что шумно дышало, цокало когтями и воняло псиной!

– Беги, кр-расотка! Я его задер-ржу-у!

Я оглянулась. Выйдя из-за поворота, к нам приближался каштаново-рыжий, с белой грудью, бульдог, и на его морде было написано злорадное предвкушение. Обвисшие щеки мерно

покачивались при ходьбе, напоминая о брыластом графе Скаднике, который любезничал с барышней Агдой.

– Гр-рыз, – сообщил Кавалер сквозь зубы.

Среди кошек и собак, как и среди людей, есть добрые души, а есть грубияны и забияки. Грыз явно принадлежал к последним. Его слюнявая челюсть опустилась, обнажая клыки, в горле заклокотал рык, похожий на злой хохот – и все во мне обмерло. Да эта зверюга нам головы пооткусывает. И ни одного человека в коридоре! Только что кишмя кишели, а тут будто сдуло всех.

Кавалер поставил спину горбом и завыл, суля врагу лютую смерть, его плотная шерсть враз поднялась, превратив кота в тугой мускулистый шар, ничуть не меньше буль- дога.

Но Грыз и не подумал испугаться, напротив, прибавил шаг.

– Беги-и-у-у! – закричал Кавалер и первым ринулся в бой.

Они коротко сцепились, и кот отпрыгнул, оставив на песьей морде кровавую отметину. Бульдог с рычанием бросился за ним.

В коридоре были ниши, в нишах стояли статуи, лучезары и диванчики для отдыха. Я вскочила на ближайший, и Грыз, как пушечный снаряд, пронесся мимо на расстоянии вытянутой лапы.

Прежде мне случалось переживать стычки с собаками. Мелких можно было поучить уму-разуму, с крупными тактика проста: когтями по носу – и деру!

Но Кавалер бежать не собирался, а я не могла его бросить. Все-таки он кот, а я человек, я за него в ответе. И когда бульдог вновь оказался рядом, съездила ему лапой по гузке, покрытой коротенькой шерсткой.

Пока Грыз крутился на месте, пытаюсь понять, кто его так, я взлетела с сиденья на спинку, оттуда – на соседний диван, потом на следующий. Бульдог кинулся за мной, но нарвался на когти Кавалера.

Так мы и гоняли пса, доставая то сверху, то снизу, а он разевал свою жуткую малиновую пасть, ронял слюну и клацал зубами. В крови у меня мешались азарт и ужас – это была опасная игра! Раз бульдожьки клыки щелкнули у самого моего уха. Потом Грыз загнал Кавалера под диван, и оттуда донесся такой пронзительный вопль, что у меня шерсть встала дыбом.

Через секунду кот вырвался – с виду невредимый, только драгоценная бархатка исчезла с шеи. Но было ясно, что с бульдогом

нам не сладить.

Я огляделась. Напротив моего дивана на цветочном постаменте стоял лучезар, его матовый плафон был выполнен в виде бюста древнего философа. Удачно придумано: философ сиял истинным светочем мудрости.

И очень мудро с его стороны было оставить рядом с собой местечко для кошки.

Вспрыгивая на постамент, я чуть не сорвалась – под лапу попала прядь длинной на груди шерсти. Моей же собственной!

Крикнула Кавалеру:

– Гони его сюда!

Грыз тоже это слышал. Но если я ни слова не разбираю в его рычании и лае, верно, и он не понимает по-кошачьи?

Кот метнулся к постаменту, бульдог – за ним, и я столкнула философа с сияющих высот мудрости.

Философ ударил Грыза по плечу, упал на пол и раскололся.

Пес бросился наутек.

Наша схватка показалась мне вечностью, но на самом деле прошло всего несколько минут, и на тарарам, который мы подняли, наконец прибежали люди. С руганью, криками «Ату!» и чем-то длинным и хлестким в руках. Я не разбиралась и не присматривалась, а улепетывала во все лопатки, как и надлежит кошке, застигнутой за безобразием.

Бежала, пока крики за спиной не стихли, а коридоры не опустели, пока не показалось, что сердце сейчас разорвется от бешеного стука. Остановилась, забилась за какую-то то ли портьеру, то ли шпалеру и долго сидела, приходя в себя. Лапы были как студень, в голове стоял шум, под грудиной все тряслось мелкой дрожью.

Видимо, меня занесло в отдаленную часть дворца. Коридоры здесь были уже, стены затканы не цветами и виноградом, а скромным травяным покровом.

Из всех коридоров я выбрала самый широкий. Он привел в небольшой круглый зал с запертыми дверьми. Дальше хода не было. Оставалось вернуться назад и попробовать другой путь.

Тут раздались спорые шаги. Прямо на меня стремительно шел молодой светловолосый мужчина в легкой котиковой шубе, надетой

поверх богатых одежд. За ним поспешал пожилой человек, должно быть, слуга, хоть и не в ливрее, пытаюсь набросить на плечи идущему другую шубу, песцовую. Молодой отмахивался от него, не глядя, как от мухи.

– Отстань! Некогда! Мне надо...

Он сбился с шага, рванул ворот, и глаза его на миг вспыхнули синим огнем.

Я притихла у стены, не зная, что лучше – бежать или проявить выдержку? Может, эти двое выведут меня, куда нужно?..

– Снежная кошка, – молодой криво усмехнулся. – Надо же.

Лицо его было пепельно-бледным, на лбу и висках блестела испарина.

Уф, прошел мимо!

Поежился, на ходу обернулся к своему спутнику и выхватил у него шубу:

– Ладно, давай! И не ходи за мной, я быстро.

Он направился к одной из дверей круглого зала, и дверь, вся в завитках вьюнов, распахнулась перед ним сама, явив всепоглощающую черноту, а потом, очень медленно, закрылась. Я успела увидеть, как человек идет, и при его приближении вспыхивают огни, превращая зловещую черноту в обычный дворцовый коридор.

Можно было проскочить следом. Но сил еще на одно приключение не осталось...

Пожилой слуга тяжело вздохнул и побрел обратно. Я пристроилась за ним.

Когда мы выбрались в оживленную часть дворца, к моему проводнику бросились двое в серо-голубых придворных мундирах.

– Где он? Что сказал?

– В храм пошел, – ворчливо отозвался слуга.

– И ты его отпустил? Одного?!

– Я, благородные господа, его величеству не сторож и не начальник! В другой раз сами попробуйте не пустить.

Слуга обошел придворных и двинулся по своим делам.

А я встала у стеночки с открытым ртом, пытаюсь соотнести болезненное лицо, которое видела четверть часа назад, с портретами, висящими у нас в ратуше, и в гимназии, и в купеческом собрании, и в

театре, и в парадных залах богатых домов – да всюду! С гравюрами в газетах, с ночными кошмарами Камелии...

Молодого короля всегда изображали писаным красавцем – с золотыми кудрями, с ликом гордым, величавым, как и подобает величеству, однако благожелательным.

В жизни волосы у Альрика оказались пепельно-русыми и прямыми, черты вполне правильными и в общем приятными, но он из тех, про кого говорят: ни рыба ни мясо.

Тот же Даниш гораздо интереснее. Весь цельный, такой как надо, безо всяких «но», «вполне» и «в общем». Рыжина и веснушки, что бы ни говорила Кайса, очень ему шли. Еще бы поступал как приличный человек, а не как интриган и шельма...

Мысли снова вернулись к королю Альрику. В нем чувствовалась загадка. Но не та, которую хочется разгадать во что бы то ни стало, а та, от которой лучше держаться подальше. Он был... словно одержимый – вот верное слово.

Бедная Камелия!

Глава 14, *полная дворцовых тайн*

Есть такое выражение: «Сила кипит в крови». Альрик знал, каково это, помнил по прежней жизни, по легкой власти над родной стихией.

Сейчас же сила не горячила ему кровь, а выстужала.

Он не мерз на холоде, как мерзнут обычные люди и как сам он мерз прежде, но тело все время пробирал озноб, словно при болезни. Особенно во дворце, в обители лета... Не помогали ни меха, ни телогреи. Магия, заключенная в древних стенах, и его собственный врожденный дар как будто противились тому новому, что он нес в себе. Это новое душило, жгло ледяным огнем, требуя выхода, но, когда Альрик пытался приложить его к делу, не слушалось и рвалось из рук.

На открытом воздухе, среди снегов, стужа внутри и стужа снаружи приходили в равновесие, и ему становилось легче. Жаль, ненадолго.

Вот и сейчас, стоило выйти, как небо нахмурилось и белые хлопья посыпались на дворцовый парк, будто пух из рваной перины. Ветер собирал их и швырял в лицо Альрику. Снег под ногами делался то вязким, то скользким, а его стылый голос, который Даниш называл песней, звучал подобно ворчанию злого старика.

Чем настойчивее Альрик пытался остановить разгул зимней стихии, тем хуже выходило. Папаша Болли советовал не рвать жилы. Но Болли при всей его житейской мудрости – человек простой и не знает, что чувствует маг, распираемый непокорной силой, и что чувствует король, видя, как страдает от этой силы его страна.

Винили, разумеется, Даниша. Тот, связанный словом, молчал, и от этого на душе было еще паршивее.

Где носит этого бездельника? Приказано: прибыть без промедления!

Снег роился вокруг, застилая глаза. Но Альрик наконец уловил в воздухе незримые токи и толчком разметал их в стороны, освобождая себе путь – череда белых фонтанов так и взвилась впереди.

Проторенная дорожка привела к павильону, построенному в староригонском стиле: арочные своды, стрельчатые окна, шатровые

крыши. Альрик вбежал внутрь, сбросил шубу, густо запорошенную снегом, прямо на мозаичный пол и спустился в подземелье, соединяющее дворцовый парк с Храмом Всех Богов. Двери открывались и закрывались, покорные воле короля, на стенах вспыхивали лучезары, освещая путь. Может быть, Летний дворец и ревновал к чуждой силе, но слушался пока беспрекословно.

Еще бы он не слушался, когда сам бог лета послужил для этой силы проводником! Пусть и ругался тогда последними словами, упрекая в жадности, а нынче зимой был вял и неразговорчив больше обычного, словно в отместку...

Служители Двуликого в черных и белых хламидах проводили Альрика в Зал Вездесущности. Их лица были скрыты двухцветными масками, однако в глазах, глядящих сквозь прорези, чудилось осуждение.

Высокие двери, украшенные луной и солнцем, сомкнулись за спиной короля. Перед ним в полукруглом зале лежала... Нет, не карта – сама Ригония в миниатюре. Горы из агата и яшмы, леса из малахита с крохотными рукотворными деревьями, тундра из оникса, луга из жадеита, реки из халцедона. Все это омывалось лазуритовым океаном на западе, двумя заливами из сине-зеленого апатита на юге и востоке, а на севере – Студеным морем из синего с белым содалита.

Города были обозначены двумя-тремя зданиями, воспроизведенными с детальной точностью. Альготу воплощали собой сразу четыре. Летний дворец, похожий на рощу, сросшуюся в одно целое. Храм Всех Богов с его тысячью башен – на самом деле их было триста, но кто станет пересчитывать? Храм Свена и Свяны в облицовке из красного янтаря, напоминающий фруктовое желе. И Дворец-на-Воде, собственность герцога Флоссена, владыки рек: кусок граненого аквамарина на глади из адуляра.

Альрик невольно засмотрелся и очутился там, у подножия водного дворца, вмиг выросшего в гигантскую льдистую глыбу, облепленную снегом.

Город стоял вокруг черно-белым призраком – словно Двуликий. Свистел ветер, гоня по улицам стаи белых мух. Впрочем, улиц не было. Были тропинки, протоптанные среди сугробов выше человеческого роста. По ним кое-как пробирались люди, укутанные в

шубы, тулупы, платки, шарфы и все, что нашлось мехового, шерстяного и теплого.

Фонарщик, неуклюжий от нанизанных на него одежек, пытался пристроить лестницу к занесенному до половины столбу. Женщина, укутанная так, что нельзя было понять, молода она или стара, с трудом тащила за собой детские салазки с десятком поленьев.

Старик в ватной кацавейке, перевязанной крест на крест двумя женскими шальями, поскользнулся, сходя с крыльца, и чуть не упал. Альрик вскинул руку – хотя ловить оборванца королю не по чину, и своевольная сила сорвалась с кончиков его пальцев, накрыв улицу снежной бурей.

– Нет! – Альрик отшатнулся. – Только не Альгота!..

Город исчез, и у ног короля вновь раскинулась карта Ригонии, но он едва различал подробности рельефа, повторяя про себя как заклинание, как молитву: «Только не Альгота, только не Альгота...»

Взгляд затмевала пурга, яростный холод распирает грудь, и держать его в себе не было больше сил.

«Только не Альгота!»

Альрик выбросил вперед обе руки, указывая на север, туда, где были лишь заснеженные горы из мохового агата, а у их подножия притулилась одна-единственная вайнская деревенька, отмеченная маленьким храмом кого-то из мелких божков. Поселения гобров на карте не обозначались.

Тут же вспыхнуло видение: на бревенчатый храм налетел буран, тревожно и жалобно звякнул набатный колокол, но звук его потонул в вое ветра. Сама деревня лежала ниже, скрытая снежными завалами. Домов и дворов во вьюжной круговерти было не разглядеть.

Альрик и не пытался.

Он отвернулся и пошел к выходу.

Северяне народ привычный, справятся. И он справится. Скоро приедет Даниш, и Альрик вытрясет из него нужные подсказки.

А потом настанет Ночь Всех Богов...

Боль была такой, что в глазах потемнело, Рауд даже покачнулся. Показалось, что кровь в жилах превратилась в лед, а потом вскипела, как варево в ведьмином котелке. День померк, обернувшись полярной

ночью, время растянулось, открывая туннель из настоящего в будущее...

В селеньице по имени Виймен буря срывала крыши и заносила дома до печных труб. Падал околевший скот, а у домов вырастали погребальные вехи, воткнутые прямо в снег. Когда по весне к Виймену вышел охотник-гобр, ни над одной трубой не поднимался дым...

Рауд заскрипел зубами, гоня морок прочь. Хотелось заплакать или убить кого-нибудь, и он знал кого!

Из-за облаков над Белым замком выглядывало солнце. Будто насмеялось. Рауд вошел в сахарно-серебристую пещеру часовни, посвященной богине зимы. Эта часовня была единственной на всю Ригонию. Снег здесь не таял даже летом.

Прежде он бросил бы на алтарь крупицу божественного дара. Но теперь дара не было, а врожденной магии для призыва недостаточно.

Однако Рауд знал, что делать.

«Храм мой из снега, алтарь изо льда...»

Искрящаяся пыльца со стен собралась в его ладони в тонкий кинжал, лезвие полоснуло по запястью, и кровь, такая алая на бледном клинке, медленно впиталась в снежные поры.

Рауд вслух прочел начертанное на стене серебряной вязью:

– Бог один, но много их, свой лик для каждого дня. Ныне узрите вы лик зимы, ныне узрите меня!

Формула, после которой богиня не могла не ответить.

Она явилась перед ним белой тенью без лица, тусклой, как зимний туман.

– Зачем звал? – голос звучал тихо, далеко, будто со звезд, и в нем слышалась вселенская скука.

– Ты знаешь зачем, – сказал Рауд, сдерживая злость. – Ты сама показала мне.

Силой проникать взором сквозь пространство он не обладал и в лучшие дни – только с помощью карты. А о времени и говорить нечего. Это вне человеческих возможностей.

– Нежа, не дай Виймену погибнуть!

Богиня долго смотрела на него, склонив голову к плечу.

– Они могли бы стать моими детьми. Но... пусть живут.

Рауд перевел дух.

– И оставь в покое Альготу.

Нежа резко выпрямилась, прибавив в росте, в лицо Рауду хлестнул колючий ветер – будто пощечина.

– Тот, кто не служит мне, не вправе просить!

– Я послужу.

Терять ему больше нечего.

– Мне не нужна твоя служба, отступник. Мне ничего больше от тебя не нужно!

– И ты оставишь силу ему? – спросил Рауд.

– Силу получит достойный. Ты достоин?

Богиня недобро рассмеялась, и ее белый силуэт начал таять.

– Стой! – опомнился Рауд. – Зачем тебе девушка?

– Посмотрим... Быть может, она достойна?

Весь следующий день я не покидала комнат принцессы, заново переживая волнения дня предыдущего. Клонило в сон, но стоило закрыть глаза, перед внутренним взором распаивалась жаркая пасть Грыза, щелкали зубы, страшный голос кричал «Ату!» и позади неслась погоня, стуча сапогами по паркету.

Еще донимал голод. Служанка-ригонка с безгливой миной поставила передо мной новую миску с кровавыми внутренностями, а забирая старую, с душком, прошипела:

– Не хочешь, ну и голодай!

Когда она ушла, Кайса с жалобным видом обернулась к принцессе:

– Ваше высочество...

Камелия посмотрела на нее, на меня и решительно выпрямилась.

– В самом деле! – объявила она. – Хватит мучить животное.

И тут же велела Фреде выдать мне мясного рулета из волшебного сундучка – «сколько съест».

Я не стала себя сдерживать. Неизвестно, когда еще в этом цветочном дворце представится шанс наесться не просто досыта, но и со вкусом.

Камелия была сердита, настроение среди вайнорцев царило подавленное и растерянное. Из разговоров выяснилось, что вчера за завтраком король обошелся с невестой неласково и сбежал еще до десерта – неизвестно куда и по какой причине. Графиня Виртен кипела от негодования.

За обедом, который она делила с принцессой и герцогом Клогг-Скраппом, ее сиятельство с возмущением перебирала сомнительные реплики Альрика. Прислуга, накрыв на стол, удалилась, так что графиня не стеснялась в выражении чувств.

Больше всего ее покорило замечание насчет подарков. «Я слышал, вы получили так много подношений от наших подданных, – будто бы сказал король, – что мамонтам не хватало сил тянуть гуж. Верно, поэтому вы так припозднились. Мы ждали вас вчера до вечера по хорошей погоде, а потом вынуждены были отпустить метель. Нельзя долго притеснять природу...»

– Думаю, его величество не вполне удачно выразился, – миролюбиво заметил герцог.

Он только что справился со свекольным супом и теперь споро уплетал тефтели с беконом и фасолью. И то и другое было подано в весьма скромных количествах. Остальным придворным, обедавшим в большой столовой, досталось что-то вовсе скудное и скучное.

– Очевидно, – предположил Клогг-Скрапп, – король желал отметить воодушевление, с коим народ Ригонии принял нашу Камелию, и извиниться за то, что Альгота встретила нас непролазными снегами. Не будем слишком строги...

– А я думаю, – отрезала графиня Виртен, – что он знает! Я ведь говорила вам...

Она повернулась к принцессе, собираясь продолжить.

– Нора! – в голосе герцога прорезалась непривычная сталь.

Графиня посмотрела на него с испугом.

Клогг-Скрапп выразительно оглядел комнату и постучал себя по мочке уха.

Да, ваша светлость, чужие уши тут есть, и ближе, чем вы думаете. Правда, королю я вас не выдам. А графу Данишу...

Я так и не решила, сообщать ли ему о Камелии и Джеруче. С той ночи принцесса не заговаривала со своим секретарем, даже не смотрела в его сторону. Может быть, страстное свидание в Небенске было прощанием и теперь все кончено? Тогда и доносить не о чем.

– Э-э... вы заметили, что в здании нет ни одной печи? – нашла графиня. – А между тем здесь так восхитительно тепло!

– Это свойство животворящей магии дворца, – принцесса ухватила за безопасную тему. – Летом он накапливает в себе тепло,

которого хватает затем на всю зиму, неважно как сильны морозы.

– Воистину полезное свойство, – одобрил герцог, рассматривая свою пустую тарелку. – Излишне, гм, стройные люди имеют обыкновение мерзнуть. Но нам холод не грозит!

После обеда объявился барон Кейринг, посол Вайнора в Ригонии, шумный брюзгливый толстяк. Долго жаловался, что ему вовремя не сообщили о прибытии ее высочества, иначе он примчался бы выразить свое почтение посреди ночи! Потом рассыпался в подобострастных восторгах и уверял в готовности служить, потом сетовал на погоду...

Графиня увела уставшую от его излишней Камелию, чтобы подобрать наряд для ужина. Барон моментально утихомирился.

– Вы знаете, что девица Болли снова во дворце? – негромко обратился он к герцогу.

– Они видятся? – спросил тот.

– Насколько известно, нет. Но, как вы понимаете, наверняка сказать невозможно.

Клогг-Скрапп сжал себе подбородок сухими пальцами и произнес, глядя в никуда:

– Что ж, посмотрим, нельзя ли извлечь из этого пользу...

Вскоре после ужина его пригласили к королю. Вернулся герцог через час в приподнятом настроении и сообщил, что Альрик предстал перед ним другим человеком. Был любезен, улыбочив, принес извинения за нерадушный прием и свое внезапное бегство, объяснив его неотложными делами: «Вы же сами видели, что творится в городе».

Было подано вино из личных королевских погребов. Альрик поднял тост за союз между Ригонией и Вайнором и пообещал торжественно представить невесту двору во время Зимнего бала. Обычно бал проходит в самый канун Ночи Всех Богов, но в этом году состоится немного раньше и будет посвящен прекрасной камелии Севера. А пока король намерен сделать все, чтобы завоевать расположение невесты!

К вечеру я почувствовала в себе достаточно сил, чтобы вернуться к своим шпионским обязанностям. Ускользнула из комнат принцессы и поскреблась к Джеручу и его слуге, или кто он там на самом деле.

Хотелось понять, в каком кавалер настроении. Отступился или намерен бороться за свое чувство?

– А, кошка, – сказал Ялун, отворив дверь. – Так и знать, что это ты. За мясом приходить? Не хочешь птичьих кишки?

По тону чувствовалось, что он моей разборчивости не одобряет.

Комната, отведенная секретарю ее высочества, была небольшой, но с приличной мебелью, ширмой, скрывающей кровать, закутком для слуги и лучезаром в форме гриба на длинной ножке. Кавалер Джеруч стоял посреди комнаты, голый по пояс, выставив напоказ смуглый торс тренированного бойца. От него пахло мылом и чистотой, мокрые смоляные волосы блестели так, словно кто-то растворил в воде пару бриллиантов и этим раствором spraysнул ему голову.

Вид полураздетого эйланца сейчас же вызвал в голове картины их с принцессой ночного randevu, и я сделала вид, что принимаю кофру, в котором прятался волшебный сундучок. Никогда-никогда больше не буду подглядывать за любовными свиданиями! И никому не расскажу о том, что видела – пусть хоть пытаются!

– Белка – благородная барышня, ее желудок не принимает простонародной пищи, – серьезно сказал Джеруч. – Дай ей копченой печени.

– Сейчас, кошка, подождать.

Ялун подал кавалеру сорочку. Открыл кофр, уложил в него дорожную купальню вроде той, что я видела у Камелии, и лишь затем взялся за волшебный сундучок.

При этом он что-то сказал своему господину на родном языке. Тот ответил. От их интонаций воздух наполнился предчувствием грозы.

Эйланского я по-прежнему не понимала, но после уроков с принцессой приноровилась к звучанию чужеземной речи и стала быстро выхватывать из нее редкие знакомые слова.

Пока знакомое слово было только одно: «опасный».

А в следующий миг я подавилась куском печени.

– ...мян мирджам, – закончил фразу Ялун.

«Мой повелитель».

Всякий, кто читал знаменитую пьесу Флоттена Сторсона «Наследники», знает, что это старинное ланнское обращение в нынешнем Эйлане применяют лишь к особам королевской крови! И не

кто попало применяет, а лишь приближенные из старших родов ланнской сотни.

Джеруч резко оборвал слугу.

Но тот упрямо повторил:

– Джаг, мьян мирджам!

«Нет, мой повелитель!»

Потом Ялун заговорил быстро, горячо, и Джеруч отвечал с не меньшим жаром. Они спорили, не забывая приглушать голоса, отчего напряжение в комнате только росло.

Я судорожно проглотила непрожеванную печень.

Не может быть... Кто ему позволил? Как? Почему? И вайнорцам все известно!

Что они задумали? Это заговор? Что будет с Ригонией? Со всеми нами?

Игры кончились, Карин. Даниш должен узнать...

Глава 15, ***в которой я совершаю пару*** ***занимательных прогулок***

Завоевывать невесту король начал на другой же день.

С утра камергер Глуф объявил, что его величество Альрик будет счастлив пригласить ее высочество Камелию на прогулку в парк – с подобающим ее положению сопровождением.

Компанию принцессе составили три фрейлины и десяток дам во главе с графиней Виртен, герцог Клогг-Скрапп с полудюжиной самых знатных дворян – все в своих лучших мехах. И камергер Глуф с двумя помощниками в качестве провожатых.

«Секретаря» не позвали. Охрану тоже не взяли, только капитана Кариса. Без оружия, чтобы не оскорблять его величество недоверием. Наше движение по дворцу и так напоминало парад маленького павлиньего войска.

Зато король вывел в парк целый полк гвардейцев. Но вооружены они были не саблями и не пистолетами – со всех сторон раздавался бодрый скрежет лопат.

Кайса зазевалась, высматривая своего фендрика. Я соскочила с ее рук и побежала по расчищенной дорожке.

Лучшего дня для прогулки и выдумать нельзя! Такого ясного неба сто лет не было. Ни одна веточка на деревьях не шевелилась, снега мурлыкали, как пригревшийся на солнце кот. Нежа наконец сменила гнев на милость...

– Далеко не убегай! – крикнула Кайса мне вдогонку.

Я оглянулась на дворец и не смогла охватить его взглядом. Слишком велик. Настоящий лес – стена леса! Одно дело видеть его на картинах и совсем другое – воочию. Деревья, одетые бледной листвой, срастались между собой не менее плотно, чем кирпичи, спаянные раствором. Стволы и ветви переплетались с изяществом танцовщиц, сошедшихся в тесном хороводе, оставляя лишь просветы для окон. Стекла в них блестели, как лед в лужах, изогнутые проемы обрамляло

кружево ползучих растений. Плети плюща и гортензии карабкались по сучьям, соединяясь над зданием в живые купола.

Художники любят изображать королевский дворец летом – в буйстве зелени, в ярких пятнах цветов. Сейчас все его краски поблекли. Дворец стоял посреди заснеженного парка призраком лета, уснувшим и печальным, но все равно потрясал воображение.

Я так загляделась, что пропустила выход короля. Его величество вышагивал в окружении собственной свиты, наряженной не менее пышно, чем спутники Камелии. Шубы, как у нас заведено, шиты ворсом внутрь и крыты тканью, но до того затейливо скроены и щедро украшены изысканными мехами необычной выделки, что казались богаче вайнорских. Блестели на солнце драгоценные застежки, в кокетливых эгретках на шапочках дам вспыхивали алмазы и сапфиры.

Сам Альрик щеголял в шубе, отделанной куницей и рысью, и на этот раз был похож на свои портреты. Здоровый цвет лица, вальяжная поступь, благосклонная улыбка. В руке легкая тросточка, как королевский скипетр.

Два шествия сошлись в начале широкой аллеи, и принцесса склонилась перед венценосным женихом. Альрик стремительно шагнул вперед и поднял ее.

– А я гадал, отчего день нынче такой чудесный, – разнесся его мягкий и звучный голос. – Теперь вижу: Альгота озарена вайнорским солнцем, и даже зима отозвала свои вьюги, чтобы без помех любоваться прекрасной камелией Севера!

Если бы я не видела его вчера, не поверила бы, что этот человек мог быть неучтив с гостями, тем более с дамой.

Король предложил Камелии руку и повел по аллее. Обе свиты двинулись следом, постепенно смешиваясь в общую толпу, а я сопровождала их на расстоянии – белая кошка на белом снегу.

В зимнем парке было чем полюбоваться. Среди заснеженных деревьев прятались гроты и беседки, подобные драгоценным шкатулкам, в аллеях зябли статуи героев и героинь древних сказаний.

За шеренгой елей обнаружился снежный городок с замками, мостами, фигурами сказочных чудовищ и ледяными горками. Короля и его невесту ждали нарядные санки, в которых можно было сидеть друг за другом, держась за поручни, и принцесса звонко смеялась, летя с высоты.

Кайсу тоже позвали кататься, и она наконец перестала поминутно искать меня взглядом.

Хорошо.

Отгородившись от королевского веселья елями, сугробами и кустами барбариса, я собралась с духом и мысленно выговорила:

«Ваше сиятельство граф Рауд Даниш-Фрост!»

Секунду-другую ничего не происходило, потом шарик у меня на груди стал видимым и засветился, и в нескольких шагах возник призрачный граф.

«Здравствуй, Кошка Карин. Я уже думал, ты забыла о нашем уговоре», – произнес он вроде бы с усмешкой, но голос был мягким и, несмотря на ранний час, звучал устало.

Мое восприятие снова раздвоилось. Я сидела под кустом в королевском парке и в то же время была... не знаю где. В каком-то снежном чертоге, достойном служить тронным залом самой богине Зиме. Пока я рассказывала о разговоре между секретарем и его слугой – или помощником-телохранителем? – граф пересек огромное ледяное пространство, затем свернул в комнату, похожую на обычное человеческое жилье, и сел на диван.

«Они любовники?»

«Кто?» – опешила я.

«Камелия и принц Фьюго».

«Так вы знали?!»

«Теперь знаю», – граф хмыкнул, и я прокляла свой язык.

Прости, Камелия, прости меня, неразумную!..

«Вы знали, что кавалер Джеруч на самом деле принц, я хочу сказать! А что до вашего вопроса, они поклялись на мече не делать глупостей, как выразился герцог Клогг-Скрапп. Не знаю, что это значит – клясться на мече...»

«Меч Дакха, – граф вмиг стал серьезен. – Творение древней магии, на котором дают смертные клятвы».

При имени Дакха меня передернуло.

«Значит, если они нарушат клятву, служители Дакха их убьют?»

Дочь и сына самых могущественных королей Оssidены?

«Меч Дакха не принадлежит храму, он хранится в сокровищнице короля Альгредо. – Теперь Даниш был откровенно мрачен. – Клятва убьет нарушителей сама».

«И ее нельзя отменить?»

«Можно. Так же – на мече. Карин, я не знал, что кавалер Джеруч и есть принц Фьюго, – сказал Даниш, глядя мне в глаза. – Но узнал благодаря тебе. Ты даже не представляешь, как мне помогла. И я помогу тебе, как обещал».

Очевидно, он хотел подбодрить меня, но настроение только упало.

«Вы скажете королю, да?»

«Нет, – медленно произнес граф. – Пока нет. Потерпи, я скоро буду во дворце».

Я не знала, можно ли ему верить. Но внезапно поняла, что не хочу прекращать разговор и что рада его видеть, как это ни удивительно.

Он один знал, что я человек. Камелия и Кайса при всей их доброте видели во мне просто очень красивое животное.

«Хочешь еще что-то сообщить?»

«Вы, когда приедете... – даже зажмуриться захотелось от собственной дерзости, – не могли бы передать на кухню, чтобы мне давали человеческую еду, а не сырые потроха! Я не могу их есть. Сегодня Кайсе – это фрейлина ее высочества – опять пришлось делиться со мной завтраком, а ей самой еле хватает».

Граф озадаченно нахмурился:

«Людей принцессы плохо кормят?»

«Ее и саму не балуют».

Почему-то в этот момент в памяти возникла янтарная стружка строганины, которую Рауд Даниш предлагал мне по дороге в Лейр. Сейчас я, пожалуй, отважилась бы ее отведать.

Может, в следующий раз попросить?..

После полутора часов катаний и игр на свежем воздухе придворное общество во главе с королем и принцессой направилось обратно во дворец. Я тоже неплохо побегала, гоняясь за снежными феями, и сейчас следовала за процессией, держась в стороне.

Мне казалось, что, гуляя, мы сделали круг и теперь подходим к зданию дворца с тыльной стороны. Но деревья впереди становились только гуще. В воздухе повеяло... весной? Из глубины голых зарослей щебетали птицы, и король повел принцессу прямо туда.

– Прелестная Камелия, вы не устали от зимы? – воскликнул он, поигрывая тростью, затем оглянулся на придворных: – А вы, господа?

Сугробы вокруг как-то разом опали, сделались пористыми, сквозь голые ветви впереди проглянула зелень.

– Мне кажется или стало теплее? – удивленно произнесла графиня Виртен.

– Смотрите, – ахнула Кайса, – снег тает!

Сугробы на глазах превращались в ручьи, и дамы стали с визгом прыгать туда-сюда, боясь замочить сапожки.

– Держитесь тропинки, – велел король.

Тут я заметила, что с нами остались одни вайнорцы. Свита короля в дебри не полезла.

Под снегом скрывалась довольно широкая галечная дорожка, и придворные сбились на ней в тесную кучу, с удивлением озираясь по сторонам. На проталинах уже проросла трава, желтела мать-и-мачеха, раскрывались кро- кусы.

– Это как в сказке о подснежниках! – воскликнул кто-то.

Не знаю, как в Вайноре, а у нас эта сказка известна каж- дому ребенку.

Как-то раз по весне встретились бог лета и богиня зимы и заспорили, кто из них краше. Мимо проходила девочка, посланная в лес за подснежниками, и боги попросили ее разрешить спор. Каждый показал красоты своего времени года. Но девочка понимала, что, присудив победу одному из богов, восстановит против себя другого. «Вы одинаково прекрасны, – попыталась схитрить она. – Я не могу выбрать». Тогда боги спросили, что из увиденного пришлось ей по душе больше всего, и девочка ответила: «Подснежники! Ваше общее творение, общее дитя. Их не будет без лета, но не будет и без зимы. В них теплый трепет жизни и чистота холодных снегов». Богам понравился ответ. Они щедро одарили умную девочку и отпустили домой, а дальше все кончилось тем, чем кончаются все сказки – свадьбой.

Но в книге Старой Хель у этой истории был грустный финал. Девочка влюбилась в бога лета и осталась с ним. Когда пришла зима и кругом легли снега, в лесу сохранился крохотный островок зелени и тепла, где бог жил со своей возлюбленной. Однажды девочка отправилась навестить своих родных, и бог дал ей с собой подснежник, наказав вернуться до того, как тот завянет. Девочку, конечно, задержали, и она вышла из дома слишком поздно. Она бежала

сквозь пургу, прижимая к груди умирающий цветок, а зима бесновалась вокруг, не в силах достать ее, пока в подснежнике теплилась жизнь. Наутро девочку нашли замерзшей в нескольких шагах от большой проталины, а в руке ее был мертвый подснежник.

Именно эта история вспомнилась мне, когда я смотрела, как под ногами одетых в меха придворных расцветают цветы, а вокруг покрываются зеленью ветви.

Хорошо, если эти летние чудеса покорят сердце Камелии. Но король мне по-прежнему не нравился. Как бы принцессе не замерзнуть потом с мертвым подснежником в руках...

Тут деревья за спиной Альрика всколыхнулись. Взмыли в небо птицы, послышался треск сучьев, придворные отпрянули в испуге. На поляну, раздвигая ветви кустарника, выступил бурый гигант с желтыми бивнями, такими огромными, что от их тяжести голова с мохнатым хоботом клонилась книзу.

Никогда не понимала, почему символом королевского дома Бордикетов избран мамонт. Теперь поняла. В три раза больше обычных мамок, седой и косматый, он казался изначальным божеством, плоть от плоти самой земли: шерсть подобна диким зарослям, бивни в мшистых пятнах – осколкам скал, грузная неспешная поступь – движению времени. Мне так и виделась птицы, свившие гнездо на его темени, и белки, скачущие по горбатой спине.

– Не бойтесь, господа, – король небрежно взмахнул тростью. – Габор безобиден, как котенок.

– Я думал, большие мамонты вымерли, – герцог Клогг-Скрапп первым пришел в себя.

– Габор – последний.

Казалось, он явился из седой древности, из времени легенд, и безмерная усталость плескалась в сумраке его глаз.

Король отвинтил набалдашник трости, достал из нее свирель, и легкая мелодия запорхала над поляной, как бабочка.

Бога лета изображали юношей со свирелью. А звали его просто Лет.

Наверное, это была игра солнечных лучей, но на миг мне почудилась на спине мамонта призрачная фигура – правда, не юная, а сгорбленная, унылая, старческая.

Альрик галантно повернулся к Камелии:

– Не желаете прокатиться?

– Нет-нет! – она замахала руками с такой милой непосредственностью, что король засмеялся.

А мамонт тяжело вздохнул, развернулся и побрел обратно в заросли.

Вечером Кайсе передали записку, и фрейлина сейчас же вызвалась вывести меня в парк по известной кошачьей надобности. Теплая уборная в принцессиних покоях, на мой вкус, была куда удобнее, но Камелия, лукаво блеснув глазами, дала дозволение, и я не стала упираться.

Кайса быстро накинула лисью шубку. Идя по длинным переходам, она тихо шептала сама себе:

– Открытая галерея... Налево, опять налево... Прямо до конца и свернуть к лестнице...

Мы спустились, Кайса толкнула тяжелую дверь, и я шмыгнула у нее под ногами – навстречу снегу и звездам, мигающим из-под навеса.

Летом в галерее, увитой каменно-живым душистым горошком, наверняка сохранялась приятная прохлада, но и зимой это место отлично подходило для тайных свиданий. Сюда, как видно, даже слуги не каждый день заглядывали: снег с пола не сметен, и следов почти нет – одна-единственная цепочка у самой стены. Там, где ждал фендрик Ойсин в своей гвардейской шинели с меховой пелериной.

Я сразу поняла, что это он. Но Кайса застыла у входа, с тревогой всматриваясь в мужскую фигуру, выступившую из густой тени.

– Барышня Кайса, вы пришли! Я так давно вас не видел!

Фрейлина с облегчением улыбнулась:

– Как же давно? Всего несколько часов!

– Это не в счет. Вы прошли мимо, как прекрасное видение, и даже не взглянули на меня.

– Неправда, очень даже взглянула.

– Я целую вечность не слышал вашего смеха, – Ойсин преподнес Кайсе плетеную коробочку, перевязанную розовым бантом.

– Ой, яблочный зефир в шоколаде – мой любимый! – и барышня, к радости фендрика, счастливо рассмеялась.

Оставив парочку любезничать, я вскочила на балюстраду, спрыгнула вниз и пробежалась вдоль галереи. Снег мягко похрустывал

под лапами, будто посмеивался от удовольствия.

Интересно, если позвать Рауда Даниша прямо отсюда, он услышит или дворец с его летними чарами станет помехой?

По мраморным перилам над головой заскрежетали когти, и в снег рядом со мной бухнулось что-то темное. Я хмыкнула: во дворце Кавалер двигался изящнее.

– Пр-ривет, хр-рабр-рая кр-расотка! Мы не договор-рили.

Он сунулся ко мне с лаской, получил по носу мягкой лапой, облизнулся и сел напротив, похожий на каминную статуэтку.

– Ты как? – спросила я. – Грыз тебя не сильно помял?

– Ер-рунда, – кот шевельнул кончиком толстого хвоста.

Он весь распушился, не на боевой лад, а уютно, по-домашнему, так что захотелось прислониться к плюшевому боку. Но не было сомнений, что меня неверно поймут. Я бы завела себе такого кота. Чтобы мурлыкал на коленях и грел ноги зимними ночам... Будут ли у меня еще когда-нибудь человеческие ноги?

На крепкой мохнатой шее Кавалера вновь красовалась бархатка с синим камнем. Кто-то дал себе труд отыскать ее на месте драки.

– Это у тебя сапфир?

– Голубой бр-риллиант! – кот задрал нос.

– А кто твой человек?

Слова «хозяин» кошки не понимали. Или делали вид, что не понимают.

– Гр-граф Флоссен, владыка р-речных вод.

Тут у меня возникла догадка.

– А кто человек Грыза?

– Мар-ркиз Гаус-Ванден.

Владыка недр.

– Они ладят?

– Тер-рпеть др-руг др-руга не могут! – глаза Кавалера полыхнули темным янтарем.

Значит, я права: животные сводят друг с другом счеты за своих хозяев. Может, этот Грыз сам по себе не так и плох?

– Как тебя зовут, жар-ркая? – пропел кот. – Ты не сказала.

– Люди во дворце, – ответила я, подражая его манере, – зовут Белкой.

– Фр-р! Ты не белая, ты – сахар-рная! Сахар-рок! Так я буду тебя звать.

– Еще чего. Знаешь, я вообще-то не кошка, – решила признаться.

– У каждого свой изъян, – философски заметил Кавалер. – Так тебе надо найти ту человеческую кошку?

Человеческую кошку? Хорошее определение для Агды!

– Найду – обещаю, что погуляешь со мной, – он потянулся к моему шее, но я уклонилась.

– Сперва найди. А то хвалиться все горазды.

– Хитр-рая кошка! Сделаю. Но потом ты от меня не уйдешь.

Я попятилась, украдкой косясь на балюстраду: допрыгну с места или нет?

– Игр-ра, увер-ртливая кошка. Игр-ра, не угр-роза, – насмешливо мурлыкнул Кавалер. – Та, котор-рую ищешь, какая она? Пр-редставь!

Я вновь вообразила себе барышню Агду.

Кот фыркнул:

– Не глазами пр-редставь, стр-ранная ты. Носом!

Тут я растерялась. Уверена, что узнала бы запах Агды, если бы почуяла, но как передать другому не слова, не образ, а ощущения? Я попыталась вызвать в памяти и разложить на составные части сложную смесь: терпко-пряные духи, не подходящие юной девушке, но необычайно ей идущие, душистое мыло лучшего качества, аромат розового масла, который источали ее волосы, едва уловимые нотки флёрдоранжа и фиалки – от одежды, нежную свежесть кожи... Надо же, сколько всего! А я считала, что человеком слабо различаю запахи.

– Не так, – сказал Кавалер. – Чувствуй в меня.

– Как это?

– Как говоришь.

– Говорю я ртом.

А впрочем... так ли это? Я задумалась. Кошачий язык небогат, кошки любят простые слова и фразы, но, если надо, скажут и расскажут, что угодно, и для меня разговор с ними никогда не составлял труда.

Между тем наши «мрр» и «мяу», как бы разнообразны и богаты оттенками они ни были, вмещают далеко не все смыслы.

Неужели мы общаемся посредством своего сознания?

Рауд Даниш говорил, оборотни так умеют...

– Не думай о др-ругом, когда ты со мной!

– Так ты мысли читаешь?

– Ты думала в меня, – фыркнул кот.

Я по-прежнему не понимала, что это значит, но постаралась вспомнить свои недавние ощущения. Я хотела возразить Кавалеру, убедить его, приводила доводы, мысленно спорила с ним. И теперь нужно сделать то же самое. Заставить кота услышать хрустальный голосок барышни Агды, передать запахи благовоний и нежных цветов, доказать, что все это реально...

– Мр-рм, – кот потерся щекой о мою щеку. – Ты пахнешь вкуснее.

– Что вы себе позволяете, сударь! – прозвенело с галереи. – Думаете, если я согласилась встретиться наедине, со мной можно вот так?..

– Мне пор-ра! – я метнулась к балюстраде. – То есть пора! Найди ее!

Застучали каблучки. Слой снега был небольшой, и быстрые девичьи шаги отскакивали от каменного пола, как орешки.

– Белка! Домой!

– Кайса, постойте! – раздался растерянный возглас фендрика Ойсина. – Я не хотел вас обидеть!

– И не смейте за мной ходить! – крикнула Кайса.

Рванула тяжелую дверь, и мы наперегонки помчались вверх по лестнице.

Наверху фрейлина остановилась перевести дух и, тронув пальчиками губы, вдруг хихикнула:

– Он меня поцеловал. Белка, представляешь?

Она тихо рассмеялась и кинулась дальше, на ходу расстегивая шубку.

Если бы она не бежала так стремительно, не была такой разгоряченной и сияющей, а чинно шла, потупив глазки, как и надлежит благонравной барышне, может, ничего и не случилось бы. А сейчас даже лакей с серебряным чайником в руках, попавшийся нам на пути, проводил ее таким взглядом, что мне захотелось вразумить его когтистой лапой.

За поворотом Кайса едва не налетела на повесу, от которого несло хмельным. Вид этот господин имел самый непристойный: сюртук из дорогого шельского бархата распахнут, в раскрытом ворота шелковой сорочки видна волосатая грудь, завитые каштановые волосы растрепаны. От его блестящих сапог пахло патокой и рыбьим жиром. По этому запаху я и узнала негодяя, который вчера пытался наподдать мне ногой.

Он встал посреди коридора и раскинул руки, желая поймать Кайсу в объятия.

– Ко мне спешишь, вайнорочка?

Кайса в объятия не поймалась. Ахнула от неожиданности, но сей же миг потребовала строго:

– Позвольте пройти, сударь!

Мерзавец ухмыльнулся малиновыми губами:

– Отчего не позволить? Позволю, если поцелуешь!

Он был молод, примерно моих лет, и смазлив – Майре как раз такие нравятся. Но в этот момент моя сестра вряд ли захотела бы оказаться на месте Кайсы.

Коридор был достаточно широк, чтобы хрупкая девушка могла обойти наглого молодчика, не задев плечом его растопыренных пальцев. Однако стоило Кайсе сделать шаг в сторону, как приставала качнулся вслед за ней.

Кайса помедлила и рассмеялась:

– Экий вы шутник, сударь! Пустите уже, меня ждут.

– Кто это тебя ждет?

– Жених. А он у меня, знаете, какой ревнивый!

– Не бойся, я ему не скажу, – молодчик глумливо подмигнул. – Да не тяни! Не то поцелуем не отделаешься!

Горящее румянцем личико Кайсы вмиг превратилось в лик мраморной статуи, тон стал холодным и надменным – я и не представляла себе, что она так умеет:

– Как вам не стыдно, сударь? Вы же дворянин. Немедленно дайте пройти!

Но наглец только рассмеялся:

– А то что?

– Мой жених, – отчеканила барышня, – офицер гвардии и лучший стрелок в полку! Он вызовет вас на дуэль и убьет.

– Меня не убьет.

– Он будущий маркиз, его семья очень богата и влиятельна!

– Моя влиятельнее, – наглец откровенно забавлялся.

Руки он опустил, на ногах держался нетвердо, и Кайса метнулась по правой стене, надеясь проскочить мимо. Но мерзавец настиг ее одним движением – как ленивый на вид лев настигает резвую антилопу.

– Не смейте! – рвалась из его хватки Кайса. – Я фрейлина ее высочества!

– А я брат его величества, – негодая рассмеялся. – Скоро твоя госпожа будет ублажать Альрика, а ты сделаешь приятное мне.

Ах ты, гниль болотная! Не знаю, чей ты там брат, но тут у тебя ничего не выйдет!

Я прыгнула и от души впиалась ему в ногу над голенищем сапога, выпустив когти на всю длину. Мерзавец вскрикнул и разжал руки.

Кайса, не будучи дурочкой, пустилась бежать, я – за ней.

Какие ругательства и угрозы неслись нам вслед, лучше не повторять...

Вот тебе и королевский дворец. Мы-то, в глуши, думаем, это у нас нравы грубые, а при дворе все галантно, благородно, сплошной политес и возвышенные чувства. А на самом деле тут, как в джунглях Южной Земли – кругом дикари и хищники!

Глава 16, ***полная новых встреч – хороших, плохих и удивительных***

Следующие два дня я посвятила обследованию дворца.

Хорошо быть белой кошкой в снежном парке – в двух шагах никто не заметит. Однако по царству окаменелых растений приходилось пробираться с двойной оглядкой, словно по вражескому стану. Я поставила себе задачу разведать как можно больше выходов наружу и все возможные пути, ведущие в крыло, отданное вайнорцам, и не попасть в неприятности.

Но как это сделать, если неприятности ждут прямо за углом?

Кучку молодых дворян в конце длинного коридора я заметила издали. Они стояли у окна: пять или шесть силуэтов, четко обрисованных лучами утреннего солнца, и в центре – тип, дерзнувший причислить себя к королевской родне.

Нынче он выглядел приличнее. Не расхристан, хотя и без шейного платка, и почти не пьян. Нас разделяло шагов тридцать, но глаз у мерзавца оказался зоркий.

– Эй! Это та тварь, что разодрала мне ногу. Спустим с нее шкуру!

Я кинулась бежать, свернула в первый попавшийся коридор, потом в другой и решила, что оторвалась.

Но сегодня боги удачи были не на моей стороне.

Коридор привел в увитое жасмином фойе, где, сидя на светлых диванах, степенно беседовали трое немолодых господ. У хозяйских ног крутились собаки, и среди них – Грыз, полный сил и злости.

Увидел меня, и глаза у него загорелись, пасть оскалилась.

В тот миг, когда бульдог, низко рыкнув, сорвался с места, я уже улепетывала со всех лап. Может быть, зря. Может, стоило искать защиты у его хозяина. Но вдруг владыка речных вод не лучше «брата его величества»?

Я запуталась в коридорах и выскочила прямо навстречу самозваному «братцу» и его шайке! Увернулась в последний момент, отчаянно заскользив на паркете...

За спиной гремел лай, и я уже не понимала, куда бегу. Пролетела какой-то пышный зал, анфиладу комнат и забила под диван на резных золоченых ножках. Потому что дальше бежать было некуда.

На диване восседала дама в широкой юбке синего узорчатого глазета. Кроме юбки и бархатных туфель с золотыми пряжками, я ничего не видела, но по запаху и дыханию было ясно, что дама очень немолода.

– Что там за шум? – произнесла она недовольно. – Мина, закройте дверь!

Голос ее растерял соки юности, но был еще сильным, и в нем звучало повелительное нетерпение.

Зашелестели юбки, процокали каблучки, резные створки сомкнулись – мне было видно низ дверей.

– А теперь возьмите суфле и выманите кошку из-под дивана. Хочу на нее посмотреть.

– Едва ли кошка прельстится сладким, ваше величество, – вкрадчиво произнес еще один женский голос.

Ваше величество?

Меня занесло в покои королевы-бабушки? Да хранят кошку Карин светлые боги!..

– Буженины на столе нет, – хмыкнула старая дама. То есть королева Бригита. – А эта кошка сама похожа на суфле. Если только мои глаза меня не подводят.

– В суфле, которым милостью вашего величества мы все имеем честь угощаться, – вступил третий голос, глубокий и певучий, – присутствуют творог, яйца и молоко. Все это для кошки совершенно съедобно и, более того, привлекательно.

Дама говорила с легким акцентом – эйланским, как мне показалось.

– Но как же сахар? – возразил вкрадчивый голос.

За время спора Мина, девушка в тускло-розовом платье, успела позвенеть посудой и встать на колени у дивана. Передо мной возникло повернутое боком личико с круглыми голубыми глазами и блюдце с восхитительно пахнущей массой, присыпанной тертым шоколадом.

– Кис-кис-кис, – зашептала девушка. – Иди сюда, киса.

– Мина, что вы там возитесь? – поторопила королева.

Угрозой от нее не веяло, но эта госпожа явно из тех, кто легко теряет терпение. Так что я позволила себя выманить. А затем под ахи и охи восторженных дам опустошила блюдо, поставленное на роскошный ковер в серебряных и розовых цветах.

Есть под чужими взглядами мне приходилось не в первый раз, и, косясь на гордый профиль королевы Бригиты, я старалась не забывать о манерах.

Это оказалось непросто. Совсем недавно я думала, что нет ничего вкуснее отварной стерляди и гусиной печенки. Неправда, это суфле – лучше всего на свете!

– А теперь дайте ей сливок. Сладкое стоит запить.

Я лакала и тихонько оглядывалась. Компанию ее величеству составляли три дамы в зрелых годах, не считая молоденькой Мины – не знаю, кем она была, фрейлиной или камеристкой. Та, что говорила с акцентом, выделялась смуглым лицом, живым взглядом и броской южной красотой, которую не умаляли ни проседь в черных волосах, ни заметная полнота.

Имелись у моего пиршества и иные зрители – безмолвные. Целая толпа.

Комната напоминала уголок одичалого сада, вырезанный в камне. Все кругом увивали плетистые розы; шкафы и комоды выступали из стен древесными выростами, которые рука мастера приспособила для человеческих нужд, не нарушив их природной формы. А в шкафах и на столах сидели куклы, разряженные, будто дамы из королевской свиты.

Та самая знаменитая коллекция, о которой писали газеты!

– Иди сюда, раскрасавица, – королева похлопала по сиденью рядом с собой.

Я послушалась. Жесткая рука в черно-синей кружевной перчатке пробежала по моей спине. Я усердно мурлыкала, изображая довольство, а про себя в который раз ужасалась: «Что будет, когда все эти важные люди – короли, принцессы, герцоги – узнают, что их водили за нос и под белой пушистой шкуркой прячется человек?!»

Пожалуй, я начинала понимать, почему оборотней не любят...

– Мне кажется, это не кошка, – заявила дама в темно-зеленом, и я перестала дышать. – Для кошки она слишком велика. Это явно кот.

– Вздор, – сказала королева. – Коты не бывают так отзывчивы и грациозны.

Она погладила меня вновь.

– Как сердечко-то колотится. Не бойся, милая. Кто бы за тобой ни гнался, сюда он войти не посмеет.

Только она договорила, за дверью грянули шаги, зазвучали голоса: один требовал, другие возражали.

Я мысленно взмолилась: «Не пускайте его!»

Глухой звук, похожий на удар человеческого тела о стену, злобное: «Пшёл вон!» – и двери с грохотом распахнулись.

Меня прожгло ужасом. Лапы задрожали, стремясь сорваться с места. Но я сдержала себя и осталась лежать под ладонью королевы.

– Дорогая бабушка, божественно выглядишь.

Тот, кого я опрометчиво приняла за самозванца, поклонился с издевательской учтивостью.

– Прости, что нарушаю твое уединение, но мне сказали, что эта прелестная кошечка побежала сюда... Надеюсь, ты не будешь против, если я ее заберу?

Бешеный взгляд уперся в меня, как острие сабли в горло.

– И думать не смей! – голос королевы грохнул в ответ ружейным залпом. – Мало тебе девиц, теперь на кошек потянуло?

Красивое лицо ее внука налилось кровью и исковеркалось гримасой такой злобы, что во мне сердце застыло.

Да, Гюнтер, младший брат короля, уродился красавцем – гвардейская стать, идеальные черты. Но яркий порочный рот и жесткий излом ноздрей выдавали дурную натуру.

– Эта мерзавка покалечила мне ногу!

– Значит, ты дал ей повод, – отрезала королева. – Как ты выглядишь? Принц Ригонии. Смотреть противно! Учти, если с этой кошки, – рука в перчатке потрепала меня по загривку, – упадет хоть одна шерстинка, я велю высечь тебя на виду у всего двора. Ты знаешь, я это сделаю, и Альрик не станет мне препятствовать. А теперь ступай. Ты нам мешаешь.

Принц поклонился, бросил на меня лютый взгляд и вышел, четко печатавая шаг.

– Наглый мальчишка. Его следует запереть в одном из отдаленных замков, иначе он втянет нас в какой-нибудь крупный скандал, –

королева-бабушка вздохнула. – А в детстве был таким милым малышом!..

Дамы поддержали ее сочувственными взглядами.

А я задумалась.

О его высочестве Гюнтере редко писали в газетах, лишь упоминали в числе присутствовавших на той или иной официальной церемонии, и теперь я догадывалась почему...

– Итак, белоснежка, – ее величество поскребла меня за ухом. – Расскажи, чья ты и откуда взялась?

– Кто-то упоминал, что принцесса Камелия привезла с собой снежную кошку, – заметила дама в пепельно-сером бархате с шелковым отливом.

– Ах, принцесса Камелия! – подхватила дама в темно-зеленом. – Я слышала о ней только хорошее. Мила, воспитанна и прекрасно говорит по-ригонски. Как хорошо, что теперь рядом с его величеством будет достойная дочь высокого и славного рода, а не эта коробейница!

– Коробейница, – задумчиво повторила королева Бригита. – Мой внук изменился с тех пор, как забрал силу у Белого Графа. Но пока он держал при себе коробейницу, у него были глаза человека. А сейчас я вижу в его глазах стужу, метель и безумие снежного бурана. Силы стихий не зря разделены. Разве тот, кто уже владеет даром, может принять другой? Разве его врожденная сила не должна взбунтоваться и отторгнуть чуждое?

– Из всякого правила возможны исключения, – вступила в разговор эйланка. – И все же не стоит играть с дарами богов.

– Но не вы ли, баронесса, утверждали, что богов не существует? – с ехидцей заметила дама в пепельно-сером.

– Никогда! Вам стоило внимательней читать мои статьи, – парировала эйланка, нимало не смутившись, и усмехнулась: – Нужно быть глупцом, чтобы отрицать силы, которые поддерживают наш чай горячим.

Она покачала в пальцах чашку, и я заметила вокруг донца выпуклый серебристый ободок. Встроенный магический водогрев. Надо же! Я думала, он бывает только в чайниках и дорогих водоварах.

– Мы дали этим силам имена и лица, – продолжала эйланка, – чтобы с ними можно было говорить и договариваться. Мы научили их

различать, что хорошо и что плохо. Как следствие, они обрели душу и стали диктовать нам свою волю. В основе этой воли мораль, которую мы сами им внушили. Но наши воззрения меняются, и боги тоже становятся другими. Как вы думаете, почему они никогда не действуют напрямую? Никогда не проявляют свою мощь в открытую, а только через людей? Почему являют себя лишь изб-ранным?

– Это святотатство! – возмутилась дама в зеленом. – Не хотите же вы сказать, что боги – это выдумка? По-вашему, ули, провидцы и владыки стихий нас обманывают?

– Думаю, баронесса хочет сказать, – вмешалась королева, слушавшая спор с видимым удовольствием, – что боги даны нам, чтобы мы могли найти свой путь и свое место в этом большом и непостижимом мире.

«Да что все вы знаете о богах!» – хотелось крикнуть мне. Вы же их никогда не видели, зима не сжимала вас в своих стылых объятиях, снежные духи не пели вам песню смерти...

Но дамы склонили головы, выказывая уважение королевской мудрости.

– Мина! – позвала ее величество. – Пошли кого-нибудь к принцессе Камелии. Пусть заберет свою кошку, а то с Гюнтера станет подкараулить ее по дороге.

Девушка выскользнула за дверь, и королева досадливо крикнула:

– И не налила мне чаю!

– Позвольте мне, ваше величество, – дама в зеленом услужливо привстала со своего места.

Королева убрала руку с моей холки, и я спрыгнула на пол. Было любопытно: здесь ли мой двойник?

Куклы-невесты госпожи Свон обнаружили в шкафу за спиной ее величества, и это были совсем не те куклы, которые я видела в богатых домах Свеянска. Те, пусть и дорогие, предназначались для широкой продажи. Эти являли собой произведения, созданные с превеликим усердием для единственного ценителя.

О личиках из матового фарфора нельзя было сказать «живые». Они были куда тоньше и прекраснее живых! Но больше всего меня восхитили наряды. Королевна в пене алого кружева и золотого шитья, Купчиха в бархате, парче и драгоценных блестках. Даже облачение

Крестьянки стоило не меньше, чем платье для дочери госпожи Кнот, которое мы шили в тот день, когда к нам явился злополучный кавалер Льет и моя жизнь полетела кувырком.

Материи и украшений на кукольный костюм пошло с гулькин нос, но лучшего качества я в жизни не видела. Работа поражала тщанием. Все нюансы фасона соблюдены; и пуговицы, и тесьма, и ленточки – все на месте. Вышивка не иначе под лупой выполнена, стежки такие маленькие, что у меня в глазах зарябило.

Это только кажется, что маленькое шить проще: вы попробуйте сделать все как при шитье большого, только в десять раз меньше. Я пробовала и знаю, как это сложно и как интересно! Вот бы разыскать мастерскую, где творят такие чудеса, и поступить туда на службу...

О том, что для этого надо сперва вернуть себе человеческое тело, я в тот момент не думала. Да я едва слышала, о чем говорят за спиной – так увлеклась разглядыванием!

– Какая еще знахарка? – прозвучал громкий голос королевы, выдергивая меня из зачарованного мира тканей, ниток и булавок.

– Это, верно, госпожа Хьяри! – воскликнула дама в зеленом. – Помните, я говорила, ваше величество? Настойки от мигреней. Один глоток, и боль как рукой снимает. Я рассказала вам, и вы распорядились ее привести...

– Не помню, – буркнула королева. – Но раз пришла, пусть заходит.

Двери открылись, и мне во второй раз за полчаса показалось, что я умру на месте.

В комнату семенящей походкой вплыла... ведьма Льетов собственной персоной!

Краем сознания я отметила, что на ней все то же темное платье и тот же островерхий колпачок, обшитый монетками, только на плечах не крестьянский пуховый платок, а дорогая кашемировая шаль.

Повадкой и статью госпожа Хьяри мало походила на грозную колдунью. Худосочная, невысокого росточка, почти на голову ниже служанки, которая ее впустила. Расхваливая свой товар, она беспрестанно кланялась. Со сморщенного, как чернослив, лица не сходила угодливая улыбка.

Королева Бригита слушала с вялым интересом. А я рассматривала руки опасной гостьи. Ее темные морщинистые пальцы были унижены костяными перстнями – на каждом вырезаны искаженные мукой лица,

злодейские рожи, оскаленные звериные морды или черепа. Когда знахарка доставала из сумки свои зелья, перстни неприятно постукивали о стенки крохотных глиняных сосудов.

Через четверть часа госпожа Хьяри удалилась, оставив на чайном столике три склянки, пахнущие травами – и ни разу не взглянув в мою сторону. Готова поклясться чем угодно: я была ей совершенно не интересна! Она не узнала меня, не увидела на мне своих чар, не почуяла во мне оборотня.

Означало ли это, что матушка Как-там-ее и правда ни при чем и всему виной игры богов? Или снежная шуба Нежи укрыла меня от взгляда ведьмы, как укрывала от мороза?

Несколько минут спустя Мина впустила Камелию в сопровождении Кайсы и графини Виртен. Королева-бабушка предложила им чаю.

Я видела, с каким наслаждением вайнорки угощались суфле и засахаренными фруктами, но по ложечке, по кусочку. Соблюдая этикет. Я и то съела больше. Все-таки в кошачьем положении есть свои преимущества.

Беседа состояла исключительно из взаимных любезностей. О причине, по которой я оказалась гостьей ее величества, не было сказано ни слова.

Под конец королева задала пару вопросов обо мне и, услышав, что снежную кошку подарил принцессе Белый Граф, произнесла:

– Это ценный дар, милая. Берегите ее. И не стесняйтесь заходить в любое время, по-родственному, без церемоний.

Принцесса поблагодарила со всей сердечностью, Кайса взяла меня на руки, и мы вышли за дверь. Створки, сомкнувшиеся позади, были толстыми и плотно прилегали друг другу, так что вряд ли Камелия и ее спутницы расслышали голос дамы в сером...

– Странно, что граф расстался с таким ценным зверем, – заметила та негромко.

– Почему же? – удивилась ее величество Бригита. – Логично отдать силу зимы королю, а снежную кошку – будущей королеве. Все равно животное богини ему теперь без надобности.

У выхода из королевских покоев к нам присоединились двое вайнорских гвардейцев. Одним из них был виконт Дегеринг, могучий, грозный и блестящий, как гнев древних вайнов, который падет на

голову всякого, кто посмеет встать на нашем пути. Значит, принцессе все-таки рассказали, что случилось.

– Ты нажила нам могущественного врага, Белка, – задумчиво произнесла она. – Впрочем, едва ли принц Гюнтер стал бы нашим другом.

– Это я виновата, – всхлипнула Кайса. – Белка меня защищала.

– Молчите уже, глупое дитя, – шикнула на нее графиня Виртен. – И куда вас понесло на ночь глядя?

Виконт Дегеринг, шагавший рядом, взглянул сверху вниз на Кайсу, на меня и озабоченно засопел.

Рауд Даниш явился засвидетельствовать почтение ее высочеству как раз в тот момент, когда Камелия и ее приближенные обсуждали, стоит ли жаловаться королю на принца Гюнтера.

– Не вздумайте! – повысила голос графиня Виртен.

Принцесса сверкнула глазами, явно намереваясь осадить свою будущую гоф-даму. Герцог Клогг-Скрапп взял племянницу под руку.

– Графиня права, Ками. Что у нас есть? Слово девицы невысокого рода против слова единственного пока наследника трона, – он сделал многозначительную паузу. – У барышни Кайсы нет даже царапины, которую мы могли бы предъявить как доказательство нападения. А у принца Гюнтера царапины найдутся, – герцог покосился на меня.

– Как бы он сам не пожаловался королю на бешеное животное, – добавила графиня. – Нам повезло, что королева Бригита взяла ее под крыло.

– Да, на этом можно сыграть, – Клогг-Скрапп задумчиво потер подбородок – его любимый жест.

– А не проще ли подарить Белку ее величеству? Чтобы принц Гюнтер не связывал свою обиду с вашим высочеством и Вайнором.

– Это Вайнору нанесли обиду, – резко сказала принцесса. – Может, предложите и Кайсу подарить – принцу Гюнтеру?

Фрейлина вскинула на свою госпожу испуганные глаза.

– Нет, – сказала Камелия. – Если я не могу защитить даже свою кошку, как я буду защищать своих подданных?

В дверь постучали, и Дайда сообщила о прибытии Белого Графа.

– Скажите, ее высочество не принимает, пусть зайдет вечером, – быстро велел герцог.

Дайда понятоливо кивнула, но принцесса остановила ее.

– Граф Даниш-Фрост наш друг, а история с Белкой уже получила огласку.

Через минуту Даниш вошел, и лицо принцессы осветилось счастливейшей улыбкой:

– Граф, как я рада, что вы снова с нами! Надеюсь, все ваши дела в Белом замке улажены?

– Вполне. Теперь я всецело к услугам вашего высочества.

Я уже успела уяснить, что разговоры ни о чем составляют суть истинно светской беседы, и под журчание голосов просто рассматривала графа – живого, не призрачного. Ему шел бордовый сюртук, и рыжие волосы не резали глаз.

Даниш казался беспечным, делал комплименты дамам, шутил, но теперь я видела, что он тоже носит маску, за которой скрыты озабоченность и тревога.

В какой-то момент он спросил:

– Как вам дворцовая кухня?

Камелия просияла:

– Превосходно!

А графиня Виртен встала так, чтобы заслонить широкой юбкой корзину на столике в углу. Корзина была заказана через посла Кейринга в ресторации Владисона, и на ней красовалась надпись «Самые вкусные обеды».

Гордецы вайнорские! Я же за них хлопотала. А теперь Рауд Даниш решит, что я обманщица.

– Как дела у нашей любимицы? – граф весело повернулся в мою сторону.

– Ах, – воскликнула принцесса, – сегодня вышла такая неприятность!

И только-то. Крохотное недоразумение, незначительный курьез – так это звучало в ее изложении.

Граф тоже отнесся к случившемуся легко. Заметил лишь, что вечерами хорошеньким барышням и хорошеньким кошкам не стоит бродить в одиночестве.

Но легкость эта была внешняя. Я заметила, как при имени принца Гюнтера у него на миг прервалось дыхание и глаза потемнели.

– Ваше высочество не будет против, если мы с Белкой прогуляемся по старой памяти? – спросил Даниш.

– Что вы! – принцесса улыбнулась. – Я помню, что ей нужно бывать на воздухе. Уверена, с вами Белочка будет в полной безопасности.

Мы с графом шли по дворцу как по гостевому дому в Лейре – я у его ноги, но на этот раз все встречные смотрели не на меня, а на Даниша. По коридорам бежали шепотки:

– Белый Граф вернулся...

– Рыжий, как летом...

– Что с ним? Что с его силой?

– Так вот почему с зимой нынче сладу нет...

Даниш беззаботно раскланивался со знакомыми, однако в разговоры не вступал.

Едва мы вышли в парк, он стал мрачнее дождливого дня и сразу свернул с дорожек в послушно расступившиеся сугробы. Редкими крупными хлопьями падал снег, в отдалении скребли лопаты.

– В юности, – заговорил граф, – я состоял в свите Альрика – тогда наследного принца. Это наша фамильная привилегия и обязанность. А летом моему брату Карстену исполнилось семнадцать, и он вошел в свиту принца Гюн-тера.

Между нами установилась связь, и передо мной появился второй, призрачный Рауд Даниш. Он шел мне навстречу, но расстояние между нами не сокращалось. Губы призрака двигались в такт шагам настоящего Даниша:

– Это была идея Альрика. Окружить Гюнтера приличными молодыми людьми в надежде, что он бросит свои выходки. Кончилось тем, что Карстен вступился за барышню, которую Гюнтер пытался затащить в свою карету, вызвал его на дуэль и ранил в руку. Символическая царапина. Но он пролил королевскую кровь. При свидетелях. Дворянину за это полагается тюрьма. В дополнение Гюнтер потребовал наказать Карстена по старому вайнскому праву, то есть отрубить руку, которая нанесла урон члену правящей семьи. Мне очень дорого стоило вызволить его...

«Это стоило вам силы».

Граф не ответил. Повернулся и присел передо мной на корточки:

– Теперь ты знаешь, кому перешла дорогу. Прошу, оставайся рядом с принцессой, не отходи от нее ни на шаг. – Он глубоко вздохнул. – Ты хотела мне что-то сказать?

«Мы можем поговорить в снежном шаре?»

– Можем. Только мне надо где-нибудь сесть.

Он встал и огляделся.

«Если вам трудно, то не стоит!»

– Мне нетрудно. Там, за лиственницами, есть беседка.

Небольшое круглое сооружение больше походило на снежный дом гобров, чем на место летнего отдыха, даже вход замело – остался лишь крошечный провал в пору кошке. Граф раздвинул снежный покров, как полы занавеса. Затем очистил себе скамейку и достал из кармана знакомый мешочек.

Миг – и мы оба оказались у расписной избушки.

Я вздохнула полной грудью, провела руками по волосам, с наслаждением ощущая каждую частицу своего человеческого тела. Граф наблюдал за мной, и мрачная мина на его лице сменилась улыбкой.

– Не смейтесь, ваше сиятельство!

Но мне и самой против воли стало смешно.

– Надоело быть кошкой, – объяснила ему. – На меня уже коты засматриваются.

– Ты очень красивая кошка, – Даниш скользнул по мне взглядом.

Мужчины часто так делают, и я знаю особый блеск, которым загораются в этот момент их глаза.

В глазах Даниша прыгали солнечные зайчики. Добродушное веселье – ничего больше.

И правда, не дело графу проявлять интерес к «крестьянке».

– Никогда не встречал оборотней, которые становились бы снежными кошками, – добавил он.

– Я не снежная, не белая и не пушистая. Я была чернее сажи, и дома меня звали Ночкой.

Признаться, я скучала по своей родной шубке, и во дворце она была бы сподручнее.

– Чернее сажи? – удивился граф. – Покажи.

– Как? – растерялась я, почти ожидая, что он, как Кавалер, потребует: «Чувствуй в меня!»

Но граф сказал:

– Богиня поделилась с тобой частицей дара, а я поделюсь силой. Позволишь?

Он взял мою ладонь, и я ощутила тепло и твердость его рук так, словно мы оба были здесь во плоти. Щекам стало горячо.

– Представь, что видишь себя во сне. Попробуй. Здесь, в ловушке, это легко даже необученному человеку. Нужно лишь дать волю воображению.

Граф стоял сбоку, совсем близко, направляя мою руку – в пальцах струилось тепло, а кончики, наоборот, покалывало морозными иглами. Я не знала, что делать, и просто вспомнила свое отражение в зеркале – гибкий черный силуэт с атласно блестящей шерсткой. Потом представила, как бегу от домика с расписными ставнями к елкам в белых шалях...

И это случилось! Из снега слепилась кошка и потрусилась по свежей пороше, на ходу окрасившись в темный цвет.

В душе вспыхнул детский восторг...

– Тоже очень красивая, – вежливо заметил граф.

– Но не такая, как на самом деле!

Теперь я увидела свое творение его глазами: комковатое тело, скорее коричнево-серое, чем черное – уродец, да и только. И почему-то ощутила жгучую обиду. Я хотела показать ему другую Карин. Хотела... понравиться? Глупость какая!

Я отняла руку, и кошка рассыпалась снежной пылью.

Что вообще на меня нашло?..

В сказочной ловушке все было как всегда. Стеклянная синева над головой, теплый снег под ногами, белые хлопья, тающие в воздухе. И я вроде них: вишу между небом и землей, между былью и небылью – то ли живу, то ли снюсь сама себе, а время между тем идет. Еще неделя-другая, и мое тело будет не вернуть.

– Ваше сиятельство, она здесь! – выпалила я. – Ведьма, которая меня околдовала. Помните?

И быстро пересказала Данишу подробности визита госпожи Хьяри к ее величеству.

– Зелья от мигрени, – он нахмурился. – Ты уверена, что это та самая колдунья?

Еще бы мне не быть уверенной!

Рауд Даниш ненадолго задумался.

– Я выясню о ней что смогу. А для тебя поручение остается прежним. Приглядывай за Камелией и принцем Фьюго. Герцога Клогг-Скраппа тоже из виду не выпускай. И постарайся ни во что не впутаться. На днях я зайду за тобой. Прогуляемся в город.

– Зачем? – спросила я.

– Ты же хотела встретиться с моим наставником.

Глава 17, *в которой граф занимается своими делами, а я умудряюсь шпионить, сидя под замком*

Появление Белого Графа на заседании Королевского Собрания произвело действие разорвавшегося заряда с картечью. Альрику даже сделалось смешно – советники всех рангов, министры, посланцы наместников провинций всполошились, как кумушки:

– Граф, наконец-то!

– Что с вами? Вы здоровы?

– Вы сможете обуздать зиму?

– У вас такой летний вид, – обескураженно протянул бургомистр Альготы.

Он как раз жаловался, что людей для расчистки улиц по-прежнему не хватает, а в лавках опять перебои с хлебом – два состава с зерном и мукой застряли в снегах под Кибинском, санный обоз из Грельса заплутал близ Тихейского леса. Министр путей сообщения тут же поспешил обвинить магов зимы, не расчистивших дороги. Глава департамента магического обеспечения заявил, что его люди и так спят по четыре часа в сутки, доводя себя до истощения.

– Нельзя требовать от рядовых магов того, что под силу лишь владыке стихий! – с чувством закончил он.

Три десятка взглядов обратились к Рауду Данишу, занявшему свое место за длинным ореховым столом, и в каждом читался немой вопрос, в каждом теплилась надежда.

Никто не бросил графу открытого упрека. Все помнили, что случилось с его младшим братом, видели, как Даниш ходил за Альриком по пятам, как графиня, его мать, падала королю в ноги. Вскоре после этого она и юный Карстен исчезли из столицы. Затем отправился в свое имение канцлер Соллен, слишком настойчиво хлопотавший за Данишей. Каждый во дворце сделал свои выводы. От придворных шакалов ничего не скроешь...

«Хоть бы волосы покрасил!» – с раздражением подумал Альрик.

Пока собрание шумело, маркиз Гаус-Ванден, владыка недр, и герцог Флоссен, владыка речных вод, хранили каменное молчание. Но сейчас, в наступившей тишине, герцог вдруг повернулся к Данишу:

– Граф, что скажете? Умилосердится ныне зима?

Флоссен был одним из немногих, кто знал, что король принял дар Белого Графа. Он, Гаус-Ванден и еще десяток человек, но тех не было сейчас в зале заседаний. Болли не в счет.

«Что же ты провоцируешь его, мерзавец?» – разозлился Альрик.

Даниш клялся молчать, все осведомленные клялись. Однако слухи множились, будто крысы, разбегаясь по дворцу, и, как ему доносили, уже просочились в город. Может, Флоссен их и распускает?

– Как знать, – загадочно отозвался Даниш.

Несмотря на медные вихры и веснушки на носу, он был сама зима – строг, холоден. Не отводил глаз, не признавал за собой вины, тем самым возлагая ее на Альрика.

– Уверен, после Ночи Всех Богов многое изменится, – добавил он. – Так или иначе.

Альрик стиснул зубы. Так или иначе?

Болли со своего места во втором ряду, без права голоса, склонился к уху распорядителя. Тот вскинул голову и откашлялся:

– Если позволите, ваше величество... Господа, не пора ли сделать перерыв?

Зал заседаний являл собой особенный шедевр древних зодчих. Стены его были устланы редким мхом-разноцветом, который рос на склонах Северных гор и больше, насколько известно, нигде не встречался. Его листочки, похожие на чешуйки, меняли цвет под влиянием тепла, холода, ветра, влаги и прочих внешних условий. Древние превратили живой покров стен в мозаичные картины. В последующие века маги растений не раз переиначивали изображения по вкусу своих королей, если короли готовы были поддержать их дарованной богами силой.

Свой нынешний вид зал приобрел лет сто назад. На одной стене среди лесов, лугов, водопадов и прочих красот дикой ригонской природы животные и птицы склонялись перед огромным мамонтом. Другая стена изображала коронацию королевы Клотильды на ступенях

Храма Всех Богов. На третьей риги и вайны низвергали в море молящих о пощаде ланнов.

Стена за спиной Альрика, сидевшего во главе стола, изгибалась полукругом, сцена на ней называлась «Король Вайнмар учреждает Собрание». В детстве Альрик видел на его месте себя – таким же могучим бородачом, на которого с восхищением и надеждой взирают сановники, воины и маги, а также земледельцы и торговцы. Которые в Собрании, само собой, не заседали. До Болли.

Альрик усмехнулся.

Огромная сфера мира в углу скрывала в себе винный шкаф. Новоиспеченный тайный советник самолично извлек из него поднос с пузатыми бутылками синего и черного стекла. Распри были забыты. Члены Собрания улыбались и снисходительно похлопывали Болли по спине, принимая бокалы из его рук.

Умеет пройдоха подольститься к этим спесивцам!

Его угодливый тон, суетливые манеры как бы говорили: «Да, меня ввели в ваш круг, но я знаю свое место и всегда готов служить». Не то что некоторые так называемые аристократы с их негнушимися спинам.

Даниш приподнял бровь:

– В Собрании теперь подают горячительное?

– Наша новая традиция, – Альрик улыбнулся.

– Бальзамы из северных ягод и орехов с моего завода в Кальге, – рядом возник Болли с парой бокалов. – Ваше величество, извольте. Ваш любимый, с костяникой... Ваше сиятельство, нижайше прошу отведать...

Альрик думал, Даниш не станет пить. Но тот взял, пригубил.

– В самом деле неплохо.

Заседание возобновилось.

Последним вопросом шла подготовка к Зимнему Балу и Ночи Всех Богов. Обсуждение всех подробностей заняло три четверти часа. Альрик не торопил советников. Каким бы сложным ни было положение дел, народ должен запомнить эту ночь как великий праздник.

Едва звон колокольчика возвестил об окончании прений, Даниш направился к выходу, но Альрик через распорядителя велел ему задержаться.

Теперь в опустевшем зале их было двое. Вернее, трое. Болли приблизился к королю, с притворной робостью переминаясь с ноги на ногу:

– У меня тут небольшое дельце, ваше величество, если соизволите, к выгоде королевской казны... Я подожду, с вашего соизволения...

– Ступай, Болли, ступай. После поговорим, – оборвал его Альрик, а когда за тайным советником закрылась дверь, заметил Данишу: – Полезный человечек, но бывает надоедлив.

Граф стоял у стола и молча ждал.

– Рад, что ты приехал, Рауд, – Альрик сдержал желание хлопнуть его по плечам, как бывало, делал в юности.

– Вы приказали, ваше величество.

– Брось! Оставим обиды.

Альрик понимал, что выбрал неверные слова. Но что еще он мог сказать: что ему жаль?

– Послушай, я не хотел, чтобы так вышло. После церемонии подпишу указ о полном прощении твоего брата. Пусть возвращается.

– Благодарю за великодушие.

Альрик поморщился.

– Сколько можно, Рауд? Я же не пеняю тебе за то, что ты приехал и не зашел ко мне, зато поспешил нанести визит этой вайнорской моли!

– Я должен был убедиться, что ваша невеста благополучно добралась до Альготы, – Даниш демонстративно склонил голову. – Ваше величество.

– Что ж, спасибо, что дал себе труд проводить ее... – проговорил Альрик, а потом взорвался: – Думаешь, мне все это нравится?! Я делаю то, что должен, для блага Ригонии! Вожусь с вельможами, с проклятыми министрами, хотя это забота Соллена.

«Может, вернуть старика? – мелькнула мысль. – Или все-таки назначить нового канцлера?..»

– Народ меня любит, – запальчиво произнес Альрик. – Моя сила дает стране благоденствие. Богиня дождя не говорит со мной, но ее дар служит мне беспрекословно. А сила зимы, если умело ее приложить, дополнит две другие!

– Сила рек тоже лишней не будет, не так ли? – вкрадчиво поинтересовался Даниш. – Да и сила недр пригодится.

– Верно, – сердце Альрика билось у самого горла, но он не жалел, что натолкнул Рауда на эту догадку. – Если я объединю все доступные стихии, Ригония на голову возвысится над прочими странами Оssidены!

Пусть знает! Пусть наконец поймет. Альрик был уверен, что Рауд не выдаст его, не предаст – даже сейчас, после всего, что между ними случилось.

– Да, я воспользовался твоим положением. Это было некрасиво... Но разве ты отдал бы мне зиму по своей воле?

Даниш не стал спорить. Лишь спросил:

– Флоссен и Гаус-Ванден знают о твоих планах?

– А ты как думаешь? – Альрик присел на край стола. – Подозревают, чувствуют, догадываются, но не хотят признавать. Каждый уверен, что уж к кому к кому, а к нему не подступиться, что он-то мальчишке на троне не по зубам!

Король зло рассмеялся.

Болли прав. Все они до сих пор считают его мальчишкой.

И этим доводят до белого каления...

Когда он в сердцах хотел уволить Соллена, именно Болли убедил его не торопиться: «Не вините старика. Он помнит вас ребенком и не видит, что вы давно мужчина. Пусть отдохнет, посмотрит на ваши дела со стороны. Великое всегда виднее издали. Скоро герцог поймет, что вы достаточно взрослый и опытный, чтобы править без чужих подсказок».

А может, назначить канцлером Болли? Альрик хотел вновь рассмеяться, но внезапно эта мысль показалась дельной. Не сейчас, конечно. Сперва пусть гордецы привыкнут видеть презренного выскочку в зале Собраний, а там кто знает... Многие из них и так повязаны с бородатым купчишкой деловыми отношениями. Они не выставляют на показ свои интересы в торговле и производстве, им нужен посредник, а Болли услужлив и сноровист.

Альрик усмехнулся, вскинул глаза, готовый к спору, но... Даниш смотрел на него с сочувствием.

И все вдруг перевернулось. На секунду Альрику почудилось, что он жестоко ошибся, ошибся во всем; что он вязнет в липкой паутине,

перестав разбирать, что верно, а что ложно. Вот перед ним человек, которого он всю жизнь считал другом, с самого детства... Друзей у него всегда было немного, а сейчас вовсе не осталось.

Как ему не хватало их обоих – Рауда, Варди Соллена...

А еще Лармунда, сына королевской кормилицы. Они росли вместе. Потом Лар увлекся науками о земле, и год назад Альрик сам послал его в Южную Землю искать алмазы, которые, по слухам, есть где-то в горах, покрытых влажными лесами.

Болли полезен своим житейским опытом, торгашеской сметкой и хитростью, приземленной мужицкой мудростью. Но он не друг.

«Я верну Лармунда, – подумал Альрик с отчаянием. – Верну Варди, помирюсь с Раудом».

Друзья примут его, возмужавшего, сильного. И он тоже не будет таить обиду...

Альрик встретился взглядом с мозаичным королем на стене и словно бы очнулся. Король властно простирал руку над своими подданными, и в его светлых вайнских глазах не было и толики сомнений.

Сила не сомневается. Она берет то, что считает своим. А затем проявляет милость к простертым у ее ног...

– Никогда не любил вайнорок, – сказал Альрик совсем не то, что собирался. – Все они пресные. Разве что маленькая фрейлинка недурна. Сочный бутон.

Но ей не сравниться с Эми, его проказливой стрекозкой. О принцессе и говорить нечего. Хваленая камелия Севера похожа на эскиз женщины, набросанный слабым карандашом, тогда как Эми расписана всеми красками. Горячая, яркая, будто птичка из той самой Южной Земли. Склонная к шалостям и капризам – истинно по-женски.

Он всегда предпочитал искусственных дам, а Эми досталась ему невинной, пугливой, как жеребенок. Он сам учил ее искусству любви, и ему это нравилось. Все, что она умела, весь ее пыл – все было только для него. Приятно знать, что ни один мужчина не касался ее.

А теперь он сам, своими руками, отдавал Эми другому...

– Я одного не могу понять, – сказал вдруг Даниш. – Зачем ты моришь свою невесту голодом?

Альрик опешил:

– Что за вздор?

– Я узнавал на кухне. Повара ссылаются на твой приказ.

Вряд ли Рауд стал бы так шутить – не в его характере. Значит, кто-то что-то напутал. Или это умысел? Но вайнорцы не жаловались...

– Я разберусь, – бросил Альрик. – Лучше скажи, что делать с этой зимой?

Просить было унижительно – ну так он прикажет! Пусть Даниш дает ему уроки.

Белый Граф пожал плечами:

– Ничего. Ровным счетом. Это сейчас лучший выход. Надо дать стихии то, что ей принадлежит, иначе она отомстит непредсказуемо. Есть средняя мера снега и холода, рассчитанная для ригонской зимы. Нынче, насколько я могу судить, мера эта уже достигнута, а где-то и превышена. Теперь главное не тревожить стихию, и, возможно, все успокоится.

– С твоим возвращением, – едко заметил Альрик.

– Вы спросили совета, – Даниш вновь перешел на официальный тон. – Следовать ему или нет – на то исключительно воля вашего величества. Могу ли я быть свободен?

Альрик кивнул.

Дождался, когда Даниш подойдет к дверям и возьмется за длинную золоченую ручку.

– И вот еще что, граф... Хочу, чтобы вы были на балу. Пора сделать официальное объявление.

Нас с Кайсой посадили под замок. Разумное решение. Но пока я что-то делала, куда-то бежала и была в гуще событий, мне казалось, что каждый день приближает возвращение моего человеческого тела. Теперь же, томясь скукой, я сознавала, что не стала ни на шаг ближе к цели.

Льеты во дворце. А я сижу, как прикованная!

При мысли о дазской ведьме вдоль хребта по-прежнему струился холодок. И все же, коль скоро госпожа Хьяри не узнала меня, может, имеет смысл рискнуть и подобраться к ней поближе? Вдруг выясню что-нибудь любопытное?

Я видела: известие о Льетах не оставило Рауда Даниша равнодушным. Но он постарался скрыть свой интерес и вообще дал понять, что моя служба окончена. Приказ присматривать за

вайнорцами отдан так, для вида. Чтобы была занята и не доставляла хлопот. А его обещание... Об этом я старалась не думать, всеми силами гася в себе трепет надежды. Зачем Рауду возиться со мной? Ведь я ему больше не нужна! Что за новая уловка?

Да еще подкармливать взялся...

Наутро после нашего разговора мне принесли от него коробочку с изрядным куском печеной форели и свежим творогом. И с тех пор трижды в день как по часам доставляли посылки со вкусной снедью. Это трогало – как бы я ни убеждала себя, что обольщаться графской заботой не стоит.

– Ах, Белка, мне бы такого поклонника! – шутила баронесса Геральдина и улыбалась виконту Дегерингу, а тот подкручивал ус и тайком дарил ей конфетки, заказанные в городе.

У Кайсы, заточенной вместе со мной, были свои горести.

– Я дала ему пощечину, не выслушав оправданий, – шептала она в мех на моем плече. – Теперь он думает, что я больше не хочу его видеть. Иначе почему не пишет?

«Пишет!» – хотелось крикнуть мне. Записки в покои принцессы носили по самым разным поводам, и по меньшей мере одна предназначалась Кайсе. Я слышала, как мальчишка-посыльный назвал ее имя служанке. Но та отдала письмецо графине Виртен.

Между тем Дегеринг вновь увивался вокруг Кайсы. Когда он низким голосом мурлыкал свои немудреные комплименты, барышня немного оживала. Геральдина же надувала губы и косилась на юную фрейлину недобрым глазом.

Принцесса каждый день ходила на свидания с королем, беря с собой все меньше людей, и все реже плакала по ночам. Половина придворных, доверенные люди герцога, пропадали где-то с утра до ночи, и сам он частенько отлучался. Принц-секретарь тоже надолго исчезал, а вернувшись, мрачно слонялся по покоям. Работы для него у принцессы не было.

Графиня Виртен и ее дамы обустроивались в вайнорском крыле, заставляя слуг переставлять мебель, развешивать салфеточки на спинках диванов и расставлять вазочки на комодах, а вечерами собирались кружком перебрать косточки ригонскому двору и своим, вайнорским, мужчинам.

А вчера случился праздник. Вместо привычных скудных блюд, которые герцог Клогг-Скрапп прозвал «арестантским харчем», подали обед не хуже тех, какими нас потчевали по дороге в Альготу. И сегодня королевские повара оказались не менее щедры.

– Боги вняли нашим молитвам, – объявила графиня Виртен.

Настроение у всех было приподнятое, даже Кайса смеялась как прежде.

Только мне было невесело. Почти три недели минуло с того дня, как я сбежала из дома. Может быть, уже поздно и мое тело, устав ждать, растворилось в Небыли? Я гнала от себя гнетущие мысли, но они вновь пробирались в голову, камнем ложась на душу.

В общем зале кружком сидели дамы, мужчины-придворные играли в карты. Служанка принесла чай. Я бездумно смотрела, как льется в чашки красновато-золотистая дымящаяся жидкость, когда из передней донесся мелодичный голос со знакомым акцентом:

– Могу ли я видеть герцога Клогг-Скраппа?

– Как о вас доложить? – спросил слуга.

– Баронесса Хендевик. А впрочем, нет! Скажите просто: Гелеона. Он поймет.

Мое любопытство встрепенулось, как охотничья собака при виде дичи, страхи разбежались по темным углам. Я выскользнула за служанкой в переднюю и притаилась под изогнутым столиком у стены – напротив дивана, на котором дожидалась ответа баронесса с эйланским именем и ригонской фамилией. А когда ее пригласили к герцогу, не скрываясь увязалась следом.

Меня не гнали. Кажется, баронесса просто не заметила роскошную белую кошку, давешнюю гостью королевы, даром что эта кошка, распушив хвост, шагала у самого ее подола.

Герцог тоже не удостоил меня взглядом.

Когда мы вошли, он обернулся от письменного стола да так и застыл, держа в руках какие-то бумаги. Его лицо выражало недоверие и растерянность, причем с каждой секундой недоверия становилось все меньше, а растерянности, напротив, больше.

Эйланка хранила безмятежный вид. Несмотря на полноту, она двигалась грациозно и плавно, словно лебедь по воде. Шелк ее платья в сизо-голубиных тонах мягко переливался в свете лучезаров.

Сделав несколько шагов, баронесса присела в изящном реверансе.

– Ваша светлость, – густые ресницы опустились, бросив тень на смуглые щеки, и тут же взлетели. – Ах нет, простите! Следует говорить «ваше высочество».

В огромных влажных глазах горели лукавые искорки.

– Гелеона, – выдохнул герцог, снова и снова оглядывая ее с головы до ног потрясенным взглядом. – Это в самом деле ты! Но какими судьбами? Баронесса Хендевик... – он замялся.

– Вдова барона Хендевика. Жила на севере, а два года назад решила перебраться в Альготу, – баронесса укоризненно покачала головой. – Говорят, вы весь в делах, ваше высочество. Заводите знакомства, наносите визиты. Я все ждала, когда же очередь дойдет до меня, но вам, вижу, недосуг. Поэтому я взяла на себя смелость явиться без предупреждения...

Она добавила что-то по-эйлански.

Клогг-Скрапп ответил запинаясь.

– Прости, давно не практиковался, – пробормотал он, вновь переходя на ригонский, и спохватился: – Что же мы стоим?..

Он провел гостью в дальний конец длинной комнаты к диванам, похожим на садовые скамьи в зарослях шиповника, велел подать чаю и пирожных.

– Гелеона, – казалось, герцогу доставляет удовольствие произносить ее имя. – Давно ты в Ригонии?

– Почти восемнадцать лет. А снова писать начала лет десять назад. Неужели ваши шпионы не доносили? – баронесса взяла в руку высокую чашечку, увитую морским узором. – Ригонцы зовут меня Занозой, иногда Осой, но ты-то должен знать, что по-эйлански означает «зан носса».

– Шип розы, – прошептал герцог, и на его лице отразилось смятение.

– Так ты назвал меня при нашей первой встрече.

– Великий Небер! Я читал трактаты Зан Носсы, но никогда не думал...

– Знаю, мои памфлеты уже не так остроумны и задиристы, – ладонь баронессы погладила узор столешницы из среза березового капа. – Совершенства в ригонском я так и не достигла, интересных тем не нашла. Королевская семья неприкосновенна, а прочее не стоит

внимания. К тому же после смерти дочери меня больше занимают философские вопросы...

– У тебя была дочь?

Баронесса бережно поставила чашечку на блюдце и села прямо, готовясь к долгому рассказу.

– Когда Альгредо взошел на трон, мне пришлось переселиться из дворца в пригород – король должен блюсти внешние приличия. Я все еще оставалась фавориткой, имела право бывать на балах, а он посещал меня так часто, как мог... Белка, и ты здесь?

Я подслушивала герцога и его гостью не таясь. Сначала – сидя в сторонке у напольной вазы. Потом осмелела, взобралась на свободный диван и свернулась клубком, притворившись, что дремлю с полуоткрытыми глазами, как частенько делают кошки. Но при имени эйланского короля мой хвост вздрогнул сам собой, а уши встали торчком. Опять я угодила всеми лапами в придворные тайны!

– Иди ко мне, – баронесса похлопала себя по колену. – Помню, Альгредо подарил мне белую кошку. В самом начале...

Она не искала внимания наследного принца. Тогда еще принца Юная Гелеона приехала в столицу, чтобы писать, танцевать и выйти замуж за хорошего человека. Альгредо полтора года отваживал от нее женихов. В ночь, когда упрямица наконец сдалась, он огнем начертал на небе ее имя, а утром объявил официальной фавориткой.

В Эйлене верят: огненный дар наделяет королей из дома Инчендер натурой столь пылкой, что требовать от них супружеской верности бессмысленно и опасно – жару нужен выход, иначе однажды он взорвется вулканом...

Принцесса Венджанса, жена Альгредо, гордилась тем, что каждый год рождает ему по сыну. Она была готова мириться с похождениями супруга при одном условии – никаких побочных отпрысков. Пока его любовницы сменяли друг друга с быстротой погоды за окном, принцесса оставалась равнодушна. Но Гелеона задержалась рядом с будущим королем на долгие девять лет, во всем затмив законную супругу.

Уязвленная Венджанса попыталась ее отравить. Принц сослал жену в обитель безъязыких и вернул только через полгода по приказу отца.

После этого в их с Гелеоной отношениях что-то надломилось. Он боялся за нее, и его опека все больше превращалась в тиранию, а она все чаще задумывалась о будущем, о простой жизни, о детях.

К приезду нового вайнорского посла дворец стал для Гелеоны клеткой. Молодой Вильфред Клогг, тогда еще граф, показался глотком свежего северного воздуха. Их роман остался тайной лишь потому, что проходил на виду: взгляды, вздохи, безобидные разговоры – и всего две короткие, мучительно сладкие встречи наедине. Потом отец Вильфреда умер, и ему пришлось вернуться в Ригонию, чтобы принять герцогский титул и занять подобающее положение при дворе кузена.

Год спустя был коронован Альгредо, а еще через некоторое время Гелеона поняла, что беременна, несмотря на обычные предосторожности. Король предложил ей выбор: избавиться от ребенка или отдать его в обитель безъязыких. Дому Инчендер не нужны бастарды. Она выбрала второе и попросилась пожить до родов в отцовском имении. Альгредо позволение дал, но отрядил с ней охрану.

Бежать удалось лишь через семь месяцев.

Взяв с собой пару старых преданных слуг, Гелеона ехала к морю, намереваясь переправиться через Круглый залив в Ригонию. Чувствовала себя неважно, но чему удивляться в ее положении?

До побережья оставался день пути, когда Гелеоне стало совсем плохо. Она горела, задыхалась, кожу жгло, перед глазами клубились видения. Три дня Гелеона провела между жизнью и смертью, а когда пришла в себя, узнала, что потеряла ребенка. Крохотную девочку похоронили в безлюдном ущелье под одиноким платаном.

Гелеона не сомневалась, что произошедшее не было случайностью, но не хотела искать утешение в мести. Вернуться в столицу? Снова видеть Альгредо? Втянуться в придворные игры? Одна мысль об этом вызывала отвращение.

Деньги у Гелеоны были. Добравшись до Ригонии, она уехала на север, желая оказаться как можно дальше от Эйлана, и сняла флигель в поместье барона Хендевика. Сам барон служил в столице. Через несколько лет он вышел в отставку и, вернувшись в родные края, обнаружил прекрасную чужестранку, живущую в скорбном уединении. Еще через пару лет они поженились...

– Почему ты не приехала ко мне? – прошептал герцог, в его глазах стояли боль и вина.

– Чтобы разрушить твой брак? – баронесса покачала головой. – Только покинув Эйлан, я поняла, как жестока была в своем превосходстве над Венджансой. Малый Двор лежал у моих ног, мне посвящали поэмы, моими памфлетами зачитывалась вся столица, Альгредо проводил со мной дни и ночи. А ей приходилось смотреть на все это...

– Неужели ты простила ее?

– Простила? – баронесса убрала руку с моей спины и сцепила пальцы на коленях. – Нет. Убийцу моей дочери я не прощу никогда. Но я ее понимаю. И мне больно видеть, как теперь все повторяется здесь, в Ригонии. Любить короля – это проклятие. Мне уже жаль их обеих... Твою племянницу, – уточнила она в ответ на непонимающий взгляд герцога, – и бедняжку Эмелону.

– Эмелону Болли? – герцог саркастически хмыкнул. – Это ее ты зовешь бедняжкой?

– Она неплохая девочка, Вилли. Не ее вина, что ей достался корыстный и расчетливый отец. Ты знаешь, что Эмелона владеет четырьмя языками? Вайнорским, нотьешским, пертским и эйланским. Да-да, представь себе! Играет на рояле и лютне, поет классические романсы, читает наизусть Клайса и Бербека, прекрасно танцует, в том числе танцы из старого канона.

Герцог нахмурился.

– Не удивляйся, я немного дружна с ней, – пояснила баронесса. – Насколько позволяет ее отец. Он привез няньку, которая в детстве ходила за ним самим, и приставил к дочери. Хитрая карга заботится о том, чтобы Эмелона оставалась неразумным ребенком, который не умеет извлечь выгоду из своего положения. Это право господин Болли целиком оставил за собой. Когда Эми была маленькой, он рассказывал ей о далеких странах и учил читать морские карты. А потом стал давать книги о правилах хорошего тона, о нарядах, о том, как быть красивой и как привлечь мужчину...

– Да-да, – видя брезгливое изумление герцога, подтвердила Гелеона. – Девочка выросла, и господин Болли понял, что в его руках настоящий алмаз. Но алмазу нужна огранка и достойная оправка, тогда за него дадут наибольшую цену. Почти семь лет Эмелону

дрессировали, как цирковую обезьянку. А в шестнадцать отец привез ее в Альготу на празднования по случаю пятилетия восшествия Альрика на престол. Каким-то образом он раздобыл билеты на маскарад в королевском саду. Не знаю, хотел ли господин Болли найти дочери выгодного мужа или с самого начала готовил в любовницы, но вряд ли он ожидал, что в тот же вечер Эмелона привлечет внимание самого короля.

Баронесса Хендевик помолчала.

– В первый раз отец сам за руку отвел ее в королевскую спальню. И знаешь что? Альрик привык менять женщин не меньше Альгредо...

– Дар плодоносной земли, – кивнул герцог.

– Или природная ветреность, – усмехнулась баронесса. – Но, когда появилась Эмелона, он оставил других. Газеты даже стали величать ее официальной фавориткой, хотя ни в Ригонии, ни в Вайноре никогда не было такого понятия. У вас адюльтер дело тайное. И Альрик не затыкал писакам рот... Ты ведь понимаешь, он не откажется от Эмелоны, что бы сейчас ни обещал. С Камелией я не знакома, но, кажется, она славная девочка. Неужели ты хочешь для своей племянницы судьбы Венджансы? Или, – баронесса прищурилась, – ей уже готов утешитель? Я только не понимаю, как Альгредо не жаль своего сына, пусть у него их и много...

Она проницательно взглянула на герцога.

Тот вздернул плечи в очень правдоподобном недоумении и зачем-то постучал пальцем по перстню на своем мизинце.

– О чем ты?

– О милом мальчике, который встретился мне при входе. Эйланец в цивильном платье, но с выправкой военного. Полно, Вилли! Я давно не была на родине, но ты правда думал, что я не узнаю фамильные черты Инчендеров? Кто это – Сайдэно или Фьюго? Я видела их еще малышами. Скорее Фьюго. Сайдэно сложен плотнее. Да и учитывая кое-какие слухи... Не бойся, я не шпионю ни для ригонцев, ни для эйланцев. Для вайнорцев тоже, – баронесса издала смешок. – Ни для кого. Только ради собственного любопытства.

– А оно у тебя неумное...

Герцог устало вздохнул, обвел взглядом комнату и, смирившись, откинулся на спинку дивана.

– Она не хотела ехать. Грозилась прыгнуть со скалы или уйти в обитель вечных дев. Ками умница, но для дочери Севера у нее слишком горячая кровь. Бертольд попросил меня найти к девочке подход. Молодой Фьюго уже был в Вайноре – инкогнито. Можно было его выслать, но я подумал, почему бы и нет? Пусть сопровождает нас. Все, что угодно, лишь бы Ками уступила. Даже пообещал, что они смогут быть вместе после того, как она даст Ригонии наследника...

– Альгредо знает? – баронесса подалась вперед, ее глаза ярко горели. – Знает, уверена. Ему отказали, он оскорблен и хочет реванша. Но делать из принца тайного агента!.. Он понимает, чем это может кончиться?

– В чужой стране возможно всякое... У него будет повод потребовать компенсации.

Баронесса ахнула:

– Нет! Он не может быть настолько циничен! А впрочем, может... У Альгредо одиннадцать сыновей, лишь двое из них маги, и всего один одарен богом огня. Остальные должны служить короне иначе...

– Уверен, до этого не дойдет. Я думал подстроить Фьюго разоблачение, когда Ками будет в тягости. Мальчишке пришлось бы бежать. А там жизнь возьмет свое. Альрик молод, хорош собой, искусен в любви. После того как Камелия станет матерью...

Смех баронессы рассыпался холодным глассандо:

– Так ты здесь только за этим: присматривать за племянницей, направлять и следить, чтобы не вздумала своевольничать? Как нянька? А сын Альгредо, воспитанный в традициях ланнских воинов, сбежал в чужую страну, чтобы довольствоваться ролью вечного воздыхателя и презренного шпиона? Хочешь, чтобы я в это поверила?

– Я дипломат, Гелеона, – герцог мягко улыбнулся. – Мое дело позаботиться о том, чтобы не дошло до войны. Ками и Альрик не самая очевидная пара. Но если этот брак сложится, всем будет лучше.

– Если Альрик сможет зачать наследника раньше, чем чужие силы сведут его с ума или сожгут изнутри, это ты хочешь сказать?

Герцог покачал головой:

– Ты слишком умна для женщины.

Баронесса невесело рассмеялась.

Глава 18, *в которой я опять подслушиваю*

Рауд проснулся посреди ночи от тревожного сна. Это не был один из его привычных кошмаров о казни Карстена. Или тот, в котором Дзуликий кладет по-зимнему холодную руку ему на темя, и рука превращается в старческую ладонь бога Лета, тяжелую, как все бремя земли, а затем рассыпается в пыль... Такие сны ему тоже порой снились.

Сейчас казалось, что он висит в беззвездной ночи между небом и землей, со всех сторон объятый мраком. Даже прутья защитной клетки, которой он привычно оградил свой разум, прежде чем лечь в постель, виднелись едва-едва.

Больше его внутреннему взору не за что было зацепиться. Возможно, поэтому тихий голос, пришедший неведомо откуда, заполнил собой весь мир.

«Смирись...» – уговаривал он.

Во сне у Рауда не было тела, а значит, не было и ушей, голос звучал в глубине сознания, как будто изнутри: «Покорись. Прими, что дают, и не требуй большего...»

Рауд всмотрелся в темноту, приказывая клетке явить себя, и прутья отчетливо загорелись зеленым огнем. Все они были невредимы.

А голос продолжал нашептывать: «Будь послушен. Слушай меня. Слушай...»

Так что же, это он сам себе шепчет?!

Мысль прозвенела, как сигнал тревоги, и вытолкнула Рауда из сна.

Он полежал немного, слушая ночное безмолвие. Затем поднялся, тихо, чтобы не разбудить слугу, спящего за перегородкой, прошел в соседнюю комнату и достал из шкапулки мешочек с ловушкой.

Отец отозвался не сразу.

– Я только с дежурства, – объяснил он устало. – Что случилось?

Они вошли в избушку, сели за стол, на котором стояли деревянная чаша с медом, кузовок с ягодами, блюдо с баранками и дымящийся водовар.

Сюртук отца превратился в простую вайнскую рубаху с шитьем по вороту.

– Кто-то пытался войти в мой сон, – сказал Рауд.

– Твоя Кошка?

– Нет. Хотя я ловил по ту сторону купола взгляд оборотня. Тут другое.

Рауд описал, как все происходило.

– То есть этот голос проник не только сквозь твою защиту, но и сквозь Щит дворца? – на отцовском лбу прорезались напряженные морщины, а брови-медведи оседлали уступ переносицы.

– Именно. Я хочу, чтобы ты попробовал разузнать в Гнезде, как это возможно и кто на такое способен. Общая Память должна хранить подобные случаи.

Отец мрачно кивнул и в очередной раз вызвался стать сторожем его снов, а Рауд в очередной раз отказался.

– Было бы куда полезнее, если бы ты заглянул в сны короля и еще пары интересных людей.

– Ты прекрасно знаешь... – сейчас же начал отец.

– Гнездо не позволит, – закончил за него Рауд. – А если речь идет о заговоре против короны?

– Ты готов представить доказательства?

Рауд задумался на мгновение.

– Если однажды я попрошу тебя и твоих, с позволения сказать, друзей допросить человека, как вы умеете – здесь, в ловушке...

Вряд ли до этого дойдет, но кто знает?

– Почему здесь, а не во сне? – быстро спросил отец.

Оба отлично знали: если дать членам Гнезда ключ к семейной ловушке, те смогут проникнуть в нее снова.

– Потому что место, гм, допроса может быть защищено от вторжения сновидцев, – ответил Рауд, стараясь, чтобы отец не почувствовал его тревоги и сомнений.

Дагрун Даниш долго смотрел сыну в лицо. В его глазах бился миллион вопросов, но он молчал, только хмурился все сильнее.

– Хорошо, – с неохотой произнес он наконец. – Так что там твоя Кошка? Нет от нее вреда?

Бывший Белый Граф, а ныне мастер сновидений, с легкостью воссоздал человеческий облик Карин Эльс, каким запомнил его,

однажды увидев.

– Я позаботился, чтобы Щит пропустил ее. Не хотелось бы пожалеть об этом.

Она стояла посреди расписной горенки. Кокетливый свадебный наряд, больше похожий на костюм для маскарада, соломенные волосы, дерзко рассыпанные по плечам, бирюзовые глаза снежной кошки... пустые, незрячие.

– Да, такое тело стоит вернуть из Небыли, – заметил отец, оглядывая свое творение. – Смотри, не потеряй голову.

Рауд не ответил.

Он стал полноправным владыкой зимы шесть лет назад, а вскоре обнаружил, что красота женщин уже не волнует его, как в юности, когда он впрямь мог потерять голову при виде оголенного плечика или хорошенькой ножки, показавшейся из-под подола. Во всем, что не касалось магии, он чувствовал себя постаревшим лет на пятьдесят.

А потом дар ушел, и все изменилось вновь.

В последние месяцы Рауд заново открывал для себя то, что считал утраченным навсегда. Но смотрел теперь иначе и видел больше.

Под его взглядом кукольное личико, созданное отцом, ожило, черты стали выразительней, четче, обрели самобытность, взгляд наполнился чувством и глубиной – весь облик разом задышал, засиял, и у Рауда потеплело на сердце.

Женская красота бывает разной. Неброско-утонченной, как у Камелии, игривой, как у ее наперсницы Кайсы... Красота Кошки была яркой и сильной. Рауд любовался своим «агентом» при каждой встрече со все большим удовольствием, но так, чтобы девушка не заметила. Он и без того заставил ее бояться себя. Не хватало еще, чтобы Карин заподозрила его в мужских притязаниях.

Отец тоже отметил перемены в иллюзорной «невесте».

– Хороша! Жаль, что не нашего круга.

– Она расцарапала ногу Гюнтеру, защищая фрейлину из свиты принцессы, – сказал Рауд.

– Ты шутишь?! – отец рассмеялся со злым удовлетворением.

Рауд понимал его, но сам чувствовал другое.

Когда ему рассказали, он испугался. Как испугался полгода назад, услышав о дуэли брата. Гаденыш Гюнтер и людей не щадит, а кошку раздавит с наслаждением...

Нет, с нее довольно.

Рауд хоть сейчас пристроил бы Карин Эльс к хорошим людям. К тем, кого в случае провала не свяжут ни с ним, ни с принцессой.

Но боги имеют на нее виды, а от богов не спрячешься...

В первый же день нашего пребывания во дворце Камелия приказала обеспечить мне свободный доступ в уборную. Сперва для этого просто держали приотворенной дверь, но кто-нибудь непременно умудрялся ее закрыть, причем именно в тот момент, когда мне было нужнее всего; приходилось мяукать и скрестись. Потом отыскали местного мастерового, и он устроил лаз в дверном полотне.

Как это происходило, я не видела, но управился он быстро. Отверстие получилось аккуратное и словно бы не вырезанное, а природное – как все во дворце. Казалось, сучья разошлись и изогнулись друг против друга, образовав проем. Теперь я могла ходить по своим надобностям, когда захочу, не дожидаясь ничьих милостей.

У лаза, занавешенного лоскутком бархата, я всегда прислушивалась и принюхивалась: нет ли кого внутри. Если есть, дожидалась, когда он выйдет.

Сейчас я чуяла в уборной постороннего, но не человека.

Кошку!

При этом занавеска кошкой не пахла. И дверь не пахла, и пол у двери...

Заинтригованная, я скользнула внутрь. Там было тихо и темно – для человеческих глаз. Мои же звериные различали каждую деталь обстановки. На первый взгляд, в довольно просторной комнате никого не было. Но не успела я толком осмотреться и принюхаться, как прямо передо мной очутилась кошка. Спрыгнула откуда-то сверху, должно быть с колонны водогрева.

Кошка была небольшая и плотно сбитая. Этаким бочонок на лапках, обернутый в плюшевую, как у Кавалера, шерстку. И ушки такие же круглые. А вот цвет другой – шоколадный.

Кошечка выгнула спину колесом и низко завыла:

– О-он мо-о-у-ой! Не отда-а-о-у-а-м!

Я не сразу поняла, что она имеет в виду и кого, но ответила тем же. Иначе в кошачьем противостоянии нельзя. Спина и хвост – две крутые дуги, объятые вздыбленным мехом, из горла – грозный рык без

слов. Я не видела себя со стороны, но снежная кошка в гневе должна быть страшна.

Моя противница продержалась недолго. Поворчала для порядка и сникла.

– Тебя Кавалер прислал? – спросила я строго. – И ты с ходу драться?

– Пр-рости, – попросила кошечка. – Куда пр-ропала? Мы искали.

В знак примирения она потянулась понюхать меня, потом попыталась лизнуть. Подлиза!

– Велено пер-редать: мы нашли твою человеческую кошку.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Шоколадка. А ты Сахар-рок.

Я фыркнула. Вот упрямый котище!

– Как ты вошла?

– Пр-росто, – в голосе кошечки проскользнула нотка превосходства. – Пр-роведу.

Она нырнула под медную ванну на львиных лапах. Я последовала за ней и с удивлением уставилась на круглое отверстие в стене, похожее на то, что прорезали для меня в двери, только меньше.

– Это для проветривания?

Шоколадка издала звук, похожий на хмыканье.

– Ветр-ра там нет. – И ехидно добавила: – Толстая. Не пр-ролезешь.

– Не толстая, а красивая, заруби себе на носу!

Будут еще всякие нахалки мне дерзить.

Отверстие и правда было маловато. Но я вспомнила жемчужный храм Свена и Свяны. Его ходы приспособлялись к размеру того, кто по ним шел. Может, и здесь так будет? Я просунулась в лаз, мысленно уговаривая его стать шире и пытаюсь передать окаменелому дереву под лапами ощущение тесноты, которое испытывала. Так же, как передавала Кавалеру все, что знала о барышне Агде.

Не берусь судить, был ли от этого толк или дворец просто следовал заложенной в него воле древних строителей, но темный туннель, пахнувший спящим лесом, раздался вверх и в стороны – как раз настолько, чтобы я могла пройти, не испытывая неудобств. Вздох Шоколадки сказал, что для нее это стало неожиданностью.

Древесное нутро дворца оказалось пронизано целым лабиринтом извилистых ходов. Возможно, они служили для воздухообмена или как-то помогали обогреву огромного здания – Шоколадка не знала. Стены напоминали переплетенные корни; они не светились, как туннели в храме Свена и Свяны, но я отлично видела, куда иду.

Сначала своенравная посланница Кавалера вывела меня в необъятный зал, в центре которого росло самое настоящее живое дерево. Рассмотреть диковину я не успела. Мы выскользнули из-за одной портьеры, пробежали наискосок и нырнули под другую, где прятался еще один лаз.

В следующий раз мы вышли в умеренно широком коридоре, миновали два поворота и юркнули в нишу со статуей лесной нимфы. Позади статуи под широким листом какого-то южного растения на высоте в половину человеческого роста скрывался вход в очередной туннель.

– Иди, – сказала Шоколадка. – Близко. Внутрь нельзя, только смотреть. Вернешься – провожу обратно.

Маленькая кошечка выглядела серьезной и исполненной сознания собственной важности. И по праву. Без нее я ни за что не разберусь в этих ходах!

– Спасибо, Шоколадка, – сказала я. – Хочу, чтобы ты знала, Кавалер не для меня.

– Правда? – она недоверчиво склонила голову набок.

– Ты же видишь, я не такая, как ты. Мои кавалеры ходят на двух ногах.

Сказала и, взобравшись по стене, нырнула в проем, оказавшийся мне как раз впору.

Идти и правда пришлось недалеко. Почти сразу стали слышны звуки клавесина, а после третьего поворота впереди возникло пятнышко света, и я поняла, что означало Шоколадкино «внутрь нельзя». В щелку, которой заканчивался туннель, можно было разве что нос высунуть. Сколько я ни уговаривала ее расшириться, действия это не возымело.

Снаружи отверстие прикрывала легкая драпировка, сквозь которую было прекрасно видно большую солнечную комнату. Барышня Агда сидела за клавесином, наигрывая меланхоличную

мелодию, подле нее дремала в кресле старая госпожа Хьяри в своем неизменном колпачке с монетками. Пусть Нежа и скрыла меня от ее ведьмовского взгляда, под защитой толстой стены я чувствовала себя спокойнее.

Вошла служанка в белом переднике:

– Барышня! Вам подарок от графа Скадлика!

Агда не повернула головы, под тонкими пальцами родился скорбный аккорд.

– Так куда подарок-то?

Служанка оглянулась на госпожу Хьяри, и стало видно, что в руках у нее плоская коробочка, перевязанная алой лентой.

– Не нужны мне от него никакие подарки, – хмуро отозвалась Агда. – Скажи, пусть назад отошлют.

– Еще чего! – старуха вмиг проснулась. – От подарков отказываться дело глупое. Что дают, надо брать. Неси сюда, – велела она служанке, – поглядим. А сама поди прочь.

В коробочке оказалась лаковая шкатулка с серебряными уголками и затейливым замочком. К замочку прилагался ключик на цепочке. Госпожа Хьяри покачала его в воздухе, ловя солнечные блики, затем сунула под нос Агде, словно погремушку младенцу.

– Смотри, какое диво, – старуха вложила ключик в ее вялую руку. – Давай, открывай!

Агда с неохотой подчинилась. Шкатулка курлыкнула, как горлица, крышка приподнялась, явив нутро, выстланное черным бархатом. На бархате что-то поблескивало.

– Ай, красота-то какая! – преувеличенно восхитилась старая ведьма. – Ты только глянь!

Агда глянула и загляделась. Взяла вещицу в руки, любуясь сверканием драгоценных камней.

– Ты примерь, примерь, – подзуживала госпожа Хьяри.

А вот это она зря. Ободок с золотыми листочками и рубиновыми ягодками, обхвативший девичье запястье, даже мне напомнил о венчальных браслетах, а барышня взглянула, и по ее щекам побежали слезы.

– Что ж ты опять ревешь-то!

Старуха вскочила, заперла дверь, потом силой пересадила Агду со стула на большой диван с цветочной обивкой. Несмотря на почтенные

года, двигалась она со звериной ловкостью – совсем не так, как смиренная травница, которая заискивала перед королевой-бабушкой.

– Он ей тоже, небось, подарки дарит, – плаксиво сказала Агда. – Я видела их: он шел такой красивый, улыбался ей, а на меня даже не взглянул...

– Сколько раз говорю: нельзя ему сейчас на тебя глядеть! – старуха обнимала барышню как тогда, в доме Снульва, только сейчас я отчетливо слышала каждое слово. – Папаша ее разобидится, войну, чего доброго, затеет. Ты же не хочешь, чтобы из-за тебя война началась?

Агда всхлипнула, а я зажмурилась, пытаюсь уложить услышанное в голове.

– Вот понесет она, он, заботы ради, отошлет ее в тихое место, и ты вернешься в его постель. А там... мало ли что с женщиной в тягости стрястись может?

– Как это?

– Да вот так, – старуха усмехнулась. – Принцессы создания нежные, здоровье у них слабенькое. Сквознячком продует или вдруг еще какая напасть...

– А ребенок? – Агда повернула к ней голову.

– И ребенок туда же...

– Матушка Гиннаш! – барышня вырвалась из обнимающих ее рук. – Вы с ума сошли!

– Чего всполошилась? Шучу я, шучу, – ведьма вновь притянула Агду к себе. – Ты о дурном не думай, ты о свадьбе думай.

Барышна запротестовала опять, но старуха пригнула ее голову к своему плечу.

– Дура ты, Эмка! Он король, ему жениться по чину положено.

Эмка?

Имя упало как обух на темя.

Эмка. Эми. Эмелона Болли.

О ней и правда писали в «Вестях со всего света» и в других столичных газетах, которые мы изредка покупали. Писали очень сдержанно, но в свое время этого хватило, чтобы породить волну пересудов. Каждая заказчица, едва переступив порог нашего ателье, начинала с возбужденного: «А вы слышали?..»

Вот почему Льет взял себе и дочери другие имена – чтобы никто не узнал в ней королевскую любовницу!

А старуха между тем говорила такие вещи, от которых у меня не только на загривке – по всему хребту шерсть поднималась:

– Ты для всех как была купеческая дочь, так и есть, хоть и дали вам дворянство. Да и дворян простых нынче, что уличных собак. Другое дело – выйдешь замуж за важного вельможу, станешь знатной особой. Графиней! А от графини и до королевы недалеко...

Тут картина у меня в голове наконец сложилась, кусочки мозаики встали на свои места.

После женитьбы Альрик не сможет оставить при себе безродную девицу Болли. Но, если девица превратится в графиню Скадлик, замужнюю даму, имеющую полное право бывать при дворе, король Бертольд может закрыть глаза на измену зятя, ведь формальные приличия соблюдены.

– Королевой будет вайнорская вобла! – взвилась Агда-Эмелона.

– Так я о чем и толкую, – матушка Гиннаш улыбнулась ласковой улыбкой гиены. – Ты не тревожься понапрасну. В жизни чего только не случается. Сегодня королева есть, завтра нет. А король погорюет чуток да возьмет и женится на графине. Само собой, после того как графиня станет свободна...

Эмелона затихла, и старуха погладила ее по голове.

– Вот и молодец, вот и умничка.

Она не видела, что лицо барышни бело, как простокваша, а широко раскрытые глаза черны от ужаса.

Однако Скадлик-то хорош! Готов не только подбирать крошки за королем, но и делиться с ним женой, лишь бы самому добраться до молоденькой. Небось, еще и на королевские милости расчет имеет. Не подозревая, что ему готовят ловушку...

Раздались твердые шаги, и в комнату вошел сам кавалер Льет. Вернее, кавалер Болли – до чего нелепо звучит! Разодет, будто придворный щеголь.

Эмелона бросилась ему на шею:

– Батюшка!

Не знаю, было это проявлением дочерней любви или барышня просто увидела повод вырваться из клешней ведьмы Гиннаш.

Кавалер отстранил ее, посмотрел в лицо:

– Опять ревела?

– Все уже хорошо, – уверила его старуха. – Я ей сейчас чайку налью с мятой и конфеток дам. Любимых твоих, – она повернулась к Эмелоне, – с нугой.

– И мне чайку, матушка, – попросил Болли, бросив на диван свою неизменную трость с оскаленной мордой. Ослабил шейный платок, обернулся...

Дурное предчувствие заставило меня попятиться за мгновение до того, как его взгляд уперся точно в то место, где находилось мое тайное окошко.

Нет, на этот раз я в ловушку не попадусь!

Задом, задом – до угла; там кое-как развернулась и поспешила к выходу. Надо рассказать Рауду, что я узнала.

Глава 19, ***в которой меня посвящают в страшную тайну***

Граф Рауд Даниш-Фрост отнесся к моим известиям спокойно. Кивнул, будто констатируя очевидное, и я не сдержала обиды: «Вы опять все знали!» Пусть никакого права обижаться у меня не было. Разве я ему друг или ровня, чтобы делиться со мной такими секретами? Даром что из-за этих секретов у меня лапы вместо рук.

– Не знал, – ответил Даниш. – Догадывался – кое о чем. Хотя планы в отношении жениха барышни Эмелоны для меня сюрприз.

Он предупредил Камелию, что заберет меня на полдня, и теперь мы катили по столичным улицам, как не столь давно по лесам близ Свеянска – в той же самой санной карете, блестящей черным лаком и серебром.

Альгота слывет одним из красивейших городов Оссидены, но сколько я ни глядела, за окном был лишь снег, снег, снег. За сугробами и наносами терялись и фасады дворцов, и вывески богатых магазинов, и древние башни, и театры, и рестораны, и парки, и бульвары.

Городские снега не пели и не звенели, а ворчали и посмеивались над прохожими, когда кто-нибудь увязал в сугробе или шлепался навзничь на накатанном пяточке. Феи развлекались тем, что сбрасывали пригоршни снега с карнизов и водостоков, норовя попасть за шиворот быстроногому мальчишке или важному господину в богатой шубе. Но горожане были укутаны так плотно, что белая пыль оседала в складках одежды, не причиняя неудобств.

Сперва Рауд пытался расчищать тротуары и подходы к домам, однако вскоре сдался и теперь сидел нахохлившись в своем легком полушубке, не желая видеть, как люди провожают взглядами его карету. А людей на улицах было много. Последние дни выдались ясными и безветренными, и жители Альготы спешили наверстать все, что отложили из-за непрекращающихся метелей.

Рауд глубоко ушел в свои безрадостные думы, не спеша продолжить разговор, и я не вытерпела:

«Надо его предупредить!»

– Кого?

«Графа Скадлика! – будто и так неясно. – Его же собираются убить! И короля. Или он тоже знает?»

Рауд откинул голову на спинку дивана. Выражение его лица привело меня в оторопь.

Маска ожесточенно-мрачного веселья. И глаза как жаркие костры.

– Послушай меня, Кошка. Я понимаю твой интерес к Болли, но держись от всего этого подальше. И не болтайся по дворцу в одиночку, иначе попадешь в передрагу, из которой я не смогу или просто не успею тебя вытащить.

Про тайные кошачьи ходы я ему благоразумно не сказала. И про то, как отец Эмелоны смотрел на меня, словно видел сквозь стены. Это могло ничего не значить или значить слишком многое...

– А что касается графа Скадлика, – закончил Рауд, – он сластолюбивый дурак. Но не бойся, с ним ничего не случится.

На этом разговор оборвался, потому что мы приехали.

Сани вкатились во двор четырехэтажной постройки из красного кирпича. Таких я еще не видела – и у нас в Свеянске, и в Лейре каменные дома всегда покрывали штукатуркой.

Своим угрюмым видом здание наводило на мысли о тюрьме или казарме. Зато на нем совсем не было снега. Двор тоже оказался вычищен идеально. Я покосилась на своего спутника. Он наверняка приезжал сюда, чтобы договориться о встрече...

– Приют для увечных и безнадежно больных, – пояснил Рауд.

Так вот почему он говорил, что его наставник-оборотень не сможет увидеться со мной!

– Дорого бы я дал, чтобы оказаться на твоём месте, барышня Кошка, – у Гинаса Хальфорда был глухой голос и вид человека, которого долго морили голодом. – Дал бы, да нечего.

Он хрипло рассмеялся.

На самом деле пищи и всего, что можно купить за деньги, больному хватало с лихвой – он сам так сказал. Просто его тело отказывалось наращивать плоть.

За содержание господина Хальфорда платила королевская казна, и делала это не скупясь. Бывший оборотень коротал дни в просторной

комнате, обставленной по-домашнему. Обслуга приюта позаботилась даже о горшках с цветами, вышитых занавесках и паре пейзажей на стене. Вышло уютно. Постель, на которой лежал худой, как жердь, калека, стояла лицом к окну, так что он мог смотреть на город и небо над ним не поворачивая головы.

– Видишь в ней человека? – спросил Рауд.

Он сидел на стуле с подлокотниками, придвинутом к постели, я – на столике по другую ее сторону, чтобы Хальфорду было удобнее меня рассматривать.

– Вижу, – морщины на лице оборотня собрались в улыбку. – Хорошая девушка, не сомневайся. Двуличным душам дар двуличности не дается.

– Скажи это тому, кто тебя изувечил, – хмуро отозвался Рауд. Но прежде бросил на меня короткий взгляд, будто желая проверить, впрямь ли я хорошая девушка.

– Так то небывший, – отмахнулся Хальфорд. – А она настоящий оборотень, хоть шуба у нее и не родная.

В свете солнечных лучей ежик волос над его лбом напоминал соль, редко пересыпанную перцем, кожа походила на печеное яблоко. И все же мужчина, безвольно лежащий под толстым стеганым одеялом, не казался стариком. Я чувствовала в нем что-то... какое-то эхо.

– Небывшие – так их зовут по старинке. А по-научному – фантумы, – пояснил Хальфорд для меня. – Слыхала о таких?

Я покачала головой.

Приют был полон лечебной и хозяйственной магии, и наши с графом шарики здесь не действовали. В любом случае говорить с посторонним я все равно не могла.

– Обычные оборотни переходят в обычных животных. В волков, как я, в кошек, как ты, в собак, в оленей, даже в мышей. А в старые времена были оборотни, которые получили свои звериные тела от темных богов. Знаешь, книжки есть – Бестиарии? С гидрами, василисками, трехговыми псами и прочими горгульями. Вот в таких тварей фантумы и обращались. Ходили в чужие сны, как к себе на двор. Если верить кое-каким записям, даже в сны людей без дара. Брали любые тела на время или насовсем. За это их в конце концов и извели.

– Если бы, – проворчал Рауд.

Его наставник усмехнулся.

– С тех пор как запретили культы темных богов, небывших стало рождаться куда как меньше. Я за пятнадцать лет службы только одного и встретил...

– Гинас входил в особый розыскной отряд, – объяснил Рауд.

Когда-то фантумы казались непобедимыми. Но на всякую угрозу найдется ответ. Гильдия сновидцев научилась ставить невидимые щиты, сквозь которые ни фантум, ни простой оборотень не пройдет ни во сне, ни наяву. Такой щит стоял и над королевским дворцом. Оказывается, Рауд выхлопотал для меня пропуск! Еще гильдия выслеживала уцелевших фантумов и иных охотников без спроса соваться в чужие сны и сообщала о них ловцам – оборотням на королевской службе.

А между делом сновидцы и оборотни учили молодых магов защищать свой ночной покой.

Гинаса Хальфорда наняли преподавать эту науку будущему Белому Графу. Оборотень занимался с Раудом и его младшим братом около пяти лет – до тех пор, пока не попал в за- сад.

Его отряд получил наводку на настоящего фантума, вора и убийцу, и Хальфорду поручили проверить один из подозрительных домов в пригороде Альготы. Просто на всякий случай. Никто не думал, что преступник прячется именно там...

– Чую – химера. Здоровенный гад, три пасти, огнем плюется, хвост ядовитый.

Голос бывшего оборотня стал еще глуше, а от взгляда, обращенного внутрь себя, у меня лапы похолодели – такая жуткая тьма вскипала в его глазах. Доведись мне пережить то, что испытал Хальфорд, ни за что не стала бы лишней раз об этом вспоминать. Мне пасть Грыза до сих пор снилась. А тут такое, что слушать страшно!

Они дрались, беспрестанно меняя тела, становясь то людьми, то зверями. В конце концов химера и волк вцепились друг другу в глотки, при этом фантум попытался вытолкнуть Хальфорда из волчьего тела, хотя они находились в реальном мире, а не в мире снов.

Чувствуя, что погибает, Хальфорд провалился в Небыль и увлек противника за собой. Оба тут же вернулись в свои человеческие тела, к

этому моменту избитые и изломанные. А перекинуться обратно в звериные уже не сумели.

Фантум приподнял голову, прохрипел: «Ты отсекаешь меня от Небыли», – и умер.

Хальфорд тоже потерял связь со своим волком. Это подтвердили маги из академии. Лекари сделали все, чтобы спасти его человеческое тело. Но встать на ноги бывший оборотень не смог.

– Мне предлагали взять другого волка. Занять тело, как делали фантумы, и бегать себе вволю, но я не стал. У зверя тоже душа есть. Грех это – душу отнимать. Я теперь сны про Небыль вижу. Чудится мне, там волчонок для меня растет, – тусклые глаза Хальфорда потеплели, бескровные губы дрогнули в подобии улыбки. – Вот такая моя история, девушка. Есть в ней для тебя прок или нет, смотри сама. А чтобы колдовством запереть тело в Небыли... Слышал я о таком. Тут нужна сила темных богов. Черная магия. Но это все, что я знаю.

Темные боги. От них ничего не осталось – ни имен, ни лиц, ни сказок и легенд, с ними связанных. Только проклятия. Провались ты к темным богам! Чтоб тебя темные боги унесли! Но черное ведьмовство существует до сих пор...

Когда мы с графом сели в карету, я спросила: «Если ведьма Болли служит темным богам, почему нельзя взять ее под арест и допросить? Хотя бы в вашей ловушке?»

– Потому что Болли в фаворе, а я в опале, – устало ответил он. – Потому что если станет известно, что ты оборотень в личине снежной кошки, тебя сочтут фантумом – и неважно, что Нежа светлая богиня.

«Или потому, что это сорвет ваши планы?»

Он посмотрел на меня и промолчал.

Было горько. Но теперь я многое понимала. Почему он был так суров, когда застал меня в своем сне, почему мой отец отказался делить постель с мамой, почему люди боятся оборотней... И, кажется, я догадывалась, для чего Рауд Даниш привел меня к своему наставнику. «Смирись», – вот что он хотел сказать. Быть здоровой кошкой лучше, чем увечным человеком.

Даже боги забыли обо мне. Ночь Всех Богов на носу, а ни один не спешил сообщить, что там с моей службой. Исполнена она или только предстоит?

На прощание Хальфорд посоветовал мне учиться мысленному разговору.

– Особой премудрости тут нет. Как зверье говорит промеж собой? Так и ты говори. Что зверь, что человек – все едино. Не слышат тебя? А ты говори, не тушуйся, по имени окликай. Главное, молчком не сиди. Будешь говорить, рано или поздно услышат. А еще, бывает, толчок помогает. Испуг сильный или злость.

Злиться на Даниша не имело смысла. Он и так возится со мной больше, чем должен. А молчать – только обиду копить.

И я спросила о фантумах.

Граф откликнулся с охотой. Похоже, он был рад поговорить об отвлеченном.

Так я узнала, что у фантумов был тайный союз – Орден бессмертных. Его члены придумали для себя секретный язык и набор символов. В вещах фантума-химеры, которого дорогóй ценой одолел Хальфорд, нашли старинный перстень с головой летучего змея. Крылья – знак превосходства и преодоления смерти. Поэтому все крылатые у фантумов стоят на ступеньку выше прочих.

Вернее, стояли в прошлом.

Тщательное расследование показало, что химера, уроженец Вайнора, действовал в одиночку. У него не было ни сообщников, ни семьи, ни друзей. Возможно, он был последним фантумом на свете. Грустная судьба...

Карета въехала в ворота дворцового парка. Даниш как всегда повел меня напрямик через сугробы. Я научилась не замечать его призрачного двойника, и граф тоже не обращал внимания на куклу в свадебном наряде, которая шагала рядом с ним, не оставляя следов.

Вдруг он остановился и присел передо мной на корточки.

– Прости меня, Карин.

«За что?»

– За то, что втянул тебя в свои интриги. За то, что мало делаю для того, чтобы помочь тебе. За ловушку – тогда, в первый раз. Я не хотел причинить тебе боль, я просто... испугался. Карин, ты видишь, что происходит вокруг. Так не должно быть!

Казалось, он ищет слова, чтобы сказать что-то очень важное, не открыв ни одной опасной тайны, не дав даже намека на нее. Ищет и не

может найти.

В вышине холодно синело небо. Береза над нами поникла под тяжестью снега, одетые белым ветви сплелись в пушистое кружево.

– Есть способ... – медленно начал граф. – Но чтобы прибегнуть к нему, мне придется совершать вещи, которыми я не смогу гордиться. Иначе нельзя. Прошу, верь мне и не суди строго. Я лишь хочу, чтобы все стало... правильно.

Он посмотрел на снег под моими лапами и снова поднял взгляд, полный отчаянного желания быть понятым.

Таким я Рауда Даниша еще не видела.

Мне сделалось не по себе, и я спросила:

«А за снежный ком?»

– Какой ком?

«Как же? Помните, я сбежала, а вы поймали меня своей силой и катили по лесу, как снежок. Это было очень обидно. Раз вы просите прощения так, будто умирать собрались, то просите и за снежный ком».

Он слабо улыбнулся:

– И за снежный ком тоже прости.

Я посмотрела в его глаза и поняла, почему богиню зимы зовут Нежа. Если она выбрала владыкой зимы человека с такими теплыми глазами, ее сердце не может быть совсем ледышкой.

Рауд опустил на одно колено.

– Можно тебя погладить?

«Меня – это кошку или Карин?»

Было грустно и смешно: Белый Граф у моих ног, вернее лап. Майра лопнет от зависти...

Он не ответил. Медленно протянул руку, и я сказала себе: «Только не вздумай урчать». Но было поздно. Как можно не ур-р-рчать, если это так хор-р-рошо, что словами не пер-р-редать... и весь мир-р-р где-то далеко-далеко, и кажется, вр-р-ремя остановилось... М-р-р-р...

Он уже гладил меня много раз. И носил на руках.

Уйма людей меня гладила.

Но никогда в этом жесте и моем на него отклике не было столько двусмысленности.

Я чувствовала, как ласковая ладонь спускается с шеи на лопатки, проходит по спине до пояса, потом почти до хвоста – и снова, и снова.

М-р-р-р...

«Ваше сиятельство!»

Рауд убрал руку. Его дурное настроение развеялось, в опаловых зрачках прыгали смешинки.

– Зови меня по имени, сколько раз просить!

Потом он вдруг посерьезнел.

– Мы вернем тебе тело, Кошка.

А вот это он зря сказал. Не обещай того, что не можешь выполнить.

Глава 20, ***в которой я попадаю на невероятный бал***

Зал я узнала с первого взгляда, хотя была здесь всего раз, и то мимоходом, когда мы с Шоколадкой перебежали от одного тайного лаза к другому. Как можно не узнать место, посреди которого растет живой дуб – зеленый в разгар зимы!

Его крона накрывала центр зала раскидистым шатром, ветви были украшены пестрыми гирляндами, безделицами из фольги и крохотными лучезарами, заключенными в футляры цветного шелка. Узловатый ствол в четыре обхвата обвивали золотые и серебряные цепи.

Вокруг дуба без видимых опор ходили друг за другом солнце и луна. Недосыгаемо высокий потолок изображал небесный свод, но вместо звезд на нем цвели цветы. Звезды мерцали ниже, покачиваясь на прозрачных нитях – как стеклянные капельки в храме Свена и Свяны. Нити поблескивали, будто дождевики в воздухе; звезды весело перемигивались, меняя оттенки. И вся эта феерия огней разливалась в зеркале узорчатого паркета сплошным озером бликов, сияя так, что глазам было больно.

Я думала, меня на бал не возьмут. Но было решено, что принцесса Вайнора должна предстать перед двором будущего супруга во всем великолепии. А снежная кошка, которой восхищалась сама королева-бабушка, станет пикантным штрихом к образу прекрасной камелии Севера.

Для меня даже соорудили корзинку в кружевах и лентах.

Но принцесса сказала:

– Я видела, как Белка ходит с графом. Белка, я знаю, ты большая умница. Может, ты и со мной пойдешь?

– Мр-рм, – согласилась я.

И мы пошли.

Сегодня Камелия впрямь была снежной принцессой. Платье льдисто-голубых тонов – тяжелые шелка, легкие вуали, искрящееся

кружево. Кроем похоже на то, что отказались купить у нас обманщики Болли. Майра не зря пророчила: скоро такое будет носить вся Альгота.

Волосы ее высочеству подняли и уложили строгой спиралью, не выпустив ни единого завитка, а сверху накрыли тончайшей сеточкой, усыпанной крохотными алмазами. Алмазным было и тонкое ожерелье, украсившее ее шею.

Эта подчеркнуто холодная оправа придала красоте принцессы какую-то нечеловеческую изысканность. Даже страшно стало. Думаю, если бы у Нежи была дочь, она выглядела бы именно так.

Стукнул жезл церемониймейстера, парадные двери, увитые золотыми виноградными лозами, распахнулись. И под зычное «Ее высочество Камелия Аннеборга Сесилия, третья принцесса королевства Вайнор из дома Маритимов!» мы вступили в бальный зал. Альрик был уже там – нарядный и златокудрый, как на портрете. Взяв Камелию за руку, он двинулся по кругу, и придворные склонялись перед ослепительной парой.

Сперва было занятно наблюдать, как по людскому морю катится волна поклонов, потом стало скучно, и я принялась разглядывать обстановку.

Подобно дворцу в целом, зал был устроен по образу леса. Но на этот раз строителям показалось мало придать стенам вид жмущихся друг к другу деревьев. Как в настоящем лесу на опушку выбегает молодая поросль, так и здесь деревца и кусты выходили из стен по одному, парами или целыми стайками, образуя укромные закутки, в которых можно было уединиться и отдохнуть на мягких диванах. С неживых ветвей свисали связки настоящих еловых лап, перевитых лентами – символ близящейся Ночи Всех Богов, когда время замирает, уступая место вечности. Под деревьями стояли столики с напитками и угощениями.

Я вдыхала ароматы хвои, пирожных и тяжелых вечерних духов, рассматривала платья дам, отмечая для себя изюминки кроя и отделки.

На балконе заиграл оркестр. Альрик повел Камелию танцевать, и надо признать, они неплохо смотрелись вместе.

Паркет заполнился парами. Музыка летела над залом, как летний ветер, со звуками скрипок сливались оживленные голоса.

Праздник кружил голову. Прочь тревоги, долой печаль! Разве могла я вообразить, что когда-нибудь окажусь во дворце, на

королевском балу, увижу столько чудес?

Сегодня не буду думать о плохом. Я кошка, и это прекрасно. Не надо приседать, кланяться, краснеть, путаясь в правилах, и ждать, когда какой-нибудь кавалер, наверняка до ужаса неприятный, соизволит пригласить меня на танец. Я могу кружиться и подпрыгивать как вздумается – в свое удовольствие и на потеху всем, кто меня видит.

– Смотрите, кошечка танцует!

– Давай, киса, пляши!

И я плясала от души...

Пока не заметила принца Гюнтера с его прихвостнями. Он стоял далеко и на меня не смотрел, но желание веселиться вмиг улетучилось. Хорошо, что в зале есть кошачьи ходы. Можно сбежать хоть сейчас.

Я думала, эти ходы откроют мне все тайны дворца. Прошлой ночью вышла на разведку, для начала поставив себе простую задачу: повторить путь от вайнорского крыла до комнат кавалера Болли. И что же? Проплутала часа два и выбралась наружу совсем не там, где рассчитывала.

Этот лабиринт надо обследовать не спеша. И точно не сейчас.

А укрыться от недобрых глаз можно и на виду.

Пышные подола, лаковые туфли, офицерские сапоги – тоже лабиринт. Его я одолела без труда и уже через минуту стояла на приствольной решетке у подножия дуба, ощущая лапами холод чугунных прутьев. Решетка прикрывала отверстие в полу, через которое поднимался к потолку могучий морщинистый ствол. Сколько же лет этому дереву? Неужели его посадили еще при строительстве дворца? И ни одного сухого сучка! В просветах решетки было видно темную комнату этажом ниже. Мне представилось, что весь огромный дворец выращен из корней этого дуба.

Примет ли дерево лета кошку, отмеченную богиней зимы?

Я прыгнула и быстренько вскарабкалась на развилку ствола. Выше что-то застрекотало, мелькнул в листве пушистый хвост. Белка! С сердитым щебетом вспорхнули и унеслись куда-то вверх две маленькие птички. Я перебиралась с сука на сук, с ветки на ветку, стараясь больше никого не спугнуть, и мысленно уговаривала дуб: «Не бойся, я не обижу твоих маленьких жильцов, просто посижу тут втихомолку, и мы вместе посмотрим, что творится вокруг».

С высоты мне был открыт каждый уголок зала.

Вон королева-бабушка в окружении цветника дам. Вон Камелия танцует с дядей. А Альрик... надо же, с графиней Виртен! Кайсу, одетую в воздушное розовое платье, вел по паркету Дегеринг, возвышаясь над ней, как журавль над воробушком.

Фендрика Лорна Ойсина среди гостей видно не было. Потом я обнаружила, что у каждой двери, а их в зале оказалась целая дюжина, застыло по два гвардейца при полном параде, и одна из этих живых статуй – наш фендрик.

Взгляд легко отыскал основную группу вайнорцев. К ним присоединилась баронесса Хендевик. Всего за несколько дней эйланка стала своей в свите ее высочества. Принц-секретарь держался отдельно, притворяясь, будто ему нет дела до Камелии.

Пришлось несколько раз сменить наблюдательную позицию, прежде чем я увидела Рауда. Он отлично выглядел в модном облегающем сюртуке цвета темного шоколада, но не танцевал, предпочитая беседовать с двумя другими владыками стихий под сенью небольшой осины.

Отец и дочь Болли тоже были здесь. Пару кавалеру составила пышнотелая дама в желто-золотистом платье. Эмелону вел в танце граф Скадлик, явно довольный собой. Барышня не смотрела на него, отвернув в сторону изящную головку. Сегодня ее нарядили в алое. Фасон был подчеркнута бальным, но, когда всю жизнь шьешь свадебные платья, в каждой девушке в красном видишь невесту. А этот танец на главном балу года был красноречивее объявления о помолвке. Тем более что стоило заиграть новой мелодии, граф пригласил Эмелону вновь.

Глаз зацепился за знакомое розовое платье, и все мысли вылетели у меня из головы: Кайса танцевала с принцем Гюнтером! Сразу стало ясно, что это не танец, а издевательство. В пренебрежение всеми правилами брат короля был без перчаток. Одной рукой он жестко стискивал в кулаке ладонку Кайсы, другой шарил у фрейлины по спине: вот его ладонь скользнула ниже талии, вот поднялась к голым плечам. Кайса сбилась с шага, но Гюнтер потащил ее за собой, прижав вплотную.

Должно быть, так он ее и пригласил – схватил за руку да выволок силой. Отказать принцу дочь мелкого дворянина права не имела, а

вступить за нее, не опасаясь наказания, мог только равный по положению. Но ни герцога Клогг-Скраппа, ни Камелии, ни Альрика поблизости не было.

Зато от дверей через зал бежал ригонский гвардеец!

Подбежал и вытянулся во фрунт, вскинув руку к парадной каске с козырьком и пикой на макушке. О чем он докладывал, за звуками оркестра и шумом толпы я не слышала, но в конце концов принц неохотно выпустил свою добычу и вслед за фендриком двинулся к выходу.

Кайса дождалась, когда он отойдет, и, подхватив юбки, припустила к своим. А я поняла, что у меня болят когти – оказывается, я до предела вогнала их в кору дуба и сидела так все время, пока дело не разрешилось.

Внезапно музыка смолкла. Танцующие пары остановились и поспешили освободить центр зала. Вперед вышел король. В его руке был деревянный посох, похожий на ствол молоденького деревца, на котором зеленели пучки свежих листьев.

Посох ударил об пол, и по залу прокатился легкий гул, даже ветка подо мной загудела.

В ответ на этот призыв гости Зимнего бала все как один бросили свои разговоры, оставили бокалы и тарелочки с закусками и почтительно повернулись к его величеству.

– Вы знаете обычай нашего бала!

Должно быть, тут не обошлось без магии: голос Альрика взлетел под своды зала, и звезды закачались на своих невидимых нитях.

– Грядет Ночь Всех Богов, и в ее канун в самом сердце лета ровно на одну минуту я уступаю власть зиме!

Распахнулась дверь, и ввезли здоровенную колоду – такого дикого вида, будто сейчас из лесной чащи. На ее верхушке, на обломанном суку сидела сова, совсем как живая, только в три раза больше. В мшистый бок колоды был врезан огромный циферблат с одной-единственной стрелкой.

Я думала, нас ждет тот же фокус, что Альрик проделал на первой прогулке с Камелией. Сейчас дуб начнет желтеть, облетать... Забраться, что ли, повыше, чтобы меня не заметили в оголившихся ветвях?

Но тут от отхлынувшей к стенам толпы отделился Рауд и со сдержанным поклоном принял у Альрика посох.

Сова на колоде открыла глаза и мягко ухнула. В воздухе повеяло холодом, словно отворили окно, выходящее в зимний парк.

– Граф! Что же вы молчите? – воскликнул Альрик. – Напомните гостям, что надо загадать желание!

– Уверен, это всем известно, – отозвался Рауд прохладно, но учтиво.

По залу шелестом пробежал смех. Придворные решили, что это шутка. А мне стало тревожно. Не знаю, что Рауд должен сделать, но вдруг он не сможет? Что, если для этого нужен дар? Может, Альрик хочет выставить его на посмешище?

– Пока бьют часы, загадайте желание и держите его в уме! – закричал король. – Тогда боги вас услышат!

Уж не пьян ли он? Слишком его веселье отдавало безумием.

Гости взволнованно зашумели – они явно знали, чего ожидать, и предвкушали маленькое чудо.

Загадайте желание...

Ни на миг не поверю, что все может быть так просто! Но сердце против воли забилось быстрее.

Рауд стукнул посохом. Звук вышел глухим и слабым, однако живое деревце в его руке на глазах заледенело, став похожим на жезл, которым он укрощал метель над Лейром.

Посох стукнул опять – разлился хрустальный звон. Солнце и луна померкли, свет звезд потускнел, только цветные фонарики на дубе горели как прежде. В таинственной полутьме раздалось мерное: бом-м-м... бом-м-м... Это проснулись часы в колоде. Стрелка ожила и принялась отсчитывать срок новой забавы. Перед носом у меня пролетела снежинка, потом еще одна, а в следующий миг зал наполнился белым пухом. Я как будто попала в снежный шар... или в ледяное царство Нежи?

Снег закружился вихрями, и из них вырвались духи зимы.

Над головами нарядных гостей с воем проносились ледяные волки, мчались витязи с синими пиками, а за ними, в снежном шлейфе – зимние твари всех мастей. Как ожившие картинки в книжке. Подлинной силы в них не было – только эхо, смутное, еле уловимое...

«А если позвать Нежу?» – пришла шальная мысль. От одного взгляда богини у беспечных придворных волосы встанут дыбом. Узнают тогда, что такое настоящая зима!

В белой круговерти вспыхнули искорки. Твари зимы исчезли, и над залом взвились снежные феи. Вот они были настоящими. Порхали, кувыряясь в воздухе, смеялись, а с их крохотных жезлов сыпались и сыпались, будто снег, бело-синие огоньки.

Гости бала подставляли ладони, ловя эту волшебную пыльцу. Пылинки в их руках бледно вспыхивали, и люди замирали над призрачным свечением с таким видом, будто рассматривали что-то подлинно существующее.

Я знала, как коварны феи-проказницы, но их шутки не были злыми. Я протянула лапу...

– Глупая! – пискнул тоненький голосок. Мелькнул перед глазами светящийся жезл и ткнул мне в темя ледяной иглой.

Все стало белым. То ли пламя, то ли снежные поля – и я посреди этой белизны, сама бела, как снег. Маленькая фигурка Карин Эльс в платье цвета погребального савана кружилась в пустоте, счастливо смеясь, и ее белые волосы веером летели по ветру.

Вот как сбылось мое желание...

Часы пробили в последний раз, и видение сгинуло. Ухнула сова, звонко ударил об пол посох, и зал залило ярким светом.

– Каждый из вас увидел свое, – раздался голос Рауда Даниша. – Я не властен над этими видениями. Их посылают боги.

– Надеюсь, вам понравилось? – прокричал Альрик, принимая из его рук посох, вновь ставший живым деревцем.

Нет, король не стремился выставить Рауда бессильным. Наоборот, он хотел показать, что зимой по-прежнему правит Белый Граф, и именно он отвечает за все, что творится за окном. А Рауд почему-то на эту роль соглашался...

Свое видение я решила всерьез не принимать и тем более не относиться к нему как к предзнаменованию. Но не думать о белой фигурке не могла. Что она означала? Что человеческое тело потеряно для меня – все равно что мертво? Или боги пророчили смерть не одному из тел, а Карин Эльс как таковой?

На этом потрясения не кончились.

Альрик сделал знак, и чиновники в дворцовых мундирах почтительно подвели к нему кавалера Болли с дочерью. Кавалер пыжился от гордости, задрав свою короткую бородку, на личике барышни застыла кукольная улыбка. Альрик взглянул на нее и повернулся к залу:

– Господа! Сегодня у нас двойной праздник. Я рад взять на себя приятную обязанность объявить о помолвке графа Рауда Даниша-Фроста и девицы Эмелоны Болли!

Меня как молнией ударило.

Нет же! Это с графом Скадником у нее должна быть помолвка! Он вился вокруг, будто слепень, он посылал подарки, о нем говорила старуха Гиннаш, соблазняя Эмелону графским титулом. О нем, а не о Рауде Данише! Который стоял рядом с таким видом, будто его все это совершенно не касалось.

Болли сунулся к королю, в один миг превратившись из обласканного судьбой гордеца в лебезящего холопа. Альрик засмеялся и хлопнул его по плечу:

– Разумеется, советник. Благородной девицы Эмелоны Болли!

Он подошел к своей бывшей фаворитке, и Эмелона побелела так, что, казалось, сейчас лишится чувств, однако сумела присесть в безупречном реверансе. Альрик взял ее ручку, подержал и вложил в руку Даниша.

– Музыка! – велел он. – Граф, пригласите свою нареченную на танец.

Оркестр заиграл легкую красивую мелодию, какую часто исполняют на свадьбах. Музыка взмывала ввысь и искрилась, как морская волна в солнечный день, а мне хотелось, чтобы балкон под музыкантами рухнул.

Даниш и Эмелона вели себя в полном соответствии с этикетом – каждое движение, каждый жест отличались безупречностью. Их танец можно было показывать на уроках в гимназии. На губы Эмелоны вернулась вымученная улыбка, граф не утруждал себя фальшивым выражением радости. А я смотрела и не могла поверить. Зачем? Он же знает, что ему готовят!

Закончив танец, Даниш возвратил Эмелону отцу, даже снизошел до обмена парой слов с будущим тестем, а затем оставил обоих Болли. Но в какую бы сторону он ни двинулся, его сразу окружали

придворные. Поздравляли, расспрашивали, ехидничали – или всего понемногу?

Через полчаса он не выдержал. Остановил лакея с подносом, залпом осушил бокал и покинул бальный зал.

Но я решила, что не дам ему уйти без объяснений.

Лакея с перевернутым бокалом на подносе Рауд замечал уже не в первый раз, но позвать не спешил. Перевернутый бокал означал: есть сообщение. А рядом все время кто-то крутился. После королевского объявления, подобного грому среди ясного неба, его не оставляли в покое ни на минуту. Вот и сейчас новоиспеченного жениха взяла в плен баронесса Кинглер и ее кружок престарелых сплетниц. От их вьедливых расспросов и взглядов, горящих жадным любопытством, мутило.

Рауд решил, что терпел достаточно.

– Дамы, – он низко склонил голову. – Прошу меня извинить, но я должен переговорить с невестой!

И двинулся прочь, не слушая несущегося вслед кудахтанья.

На ходу сделал знак лакею. Тот услужливо приблизился. Рауд взял бокал с белым вином. Вино было как вода. Пока он пил – судорожно, быстро, на показ – лакей произнес, почти не разжимая губ:

– Вас ожидают в северном тупике Фиалковой галереи.

Рауд со стуком поставил пустой бокал на поднос рядом с перевернутым и решительным шагом направился к выходу. Пусть думают, что у Белого Графа нервы не выдержали и он бежит от позора.

Но что за срочность – прямо во время бала?..

Идти пришлось далеко. Фиалковая галерея, устроенная вдоль восточной стены дворца, была одной из самых уединенных. Здесь часто назначали встречи влюбленные пары, и Рауд не удивился, увидев в конце коридора даму, закутанную в кружевное покрывало. Если сюда забредет посторонний, решит, что у Белого Графа свидание. Дама прятала лицо, однако Рауд узнал госпожу Ламперк, компаньонку супруги министра Кальбера.

Госпожа Ламперк была давним агентом канцлера Соллена.

Дождавшись, когда Рауд подойдет вплотную, она поднялась со скамьи в круглой нише, выстланной фиалками, и заговорила, приглушая голос:

– Тот, кто занимался интересующим вас делом, сегодня найден мертвым. Судя по всему, несчастный случай. Но известное вам лицо в сомнении. Здесь записано то, что погибший успел собрать. Бумага самоуничтожится, читайте скорее!

Она вложила ему в руку скатанный в трубочку листок и, подхватив юбки, торопливо удалилась.

Прежде чем вскрыть послание, Рауд постоял, прислушиваясь. Даже в лучшие дни он почти не чувствовал дворец – противоположные стихии взаимодействуют плохо. Однако присутствие соглядатая в опасной близости уловил бы и сейчас.

К счастью, все было спокойно. Рауд развернул трубочку и взгляделся в мелкие торопливые строки.

Из записки следовало, что Эйлейв Болли много лет занимался морской торговлей. Сам водил суда вокруг всей Оссидены, был своим человеком в прибрежных княжествах. Возил чай и кофе из Южной Земли и пряности с Закатных островов. Рауд задумчиво кивнул: маршруты дальние и опасные, но смелый и ловкий человек мог сделать на них состояние.

Случалось, Болли не видели в Ригонии по нескольку лет. Из одной такой длительной отлучки он привез красавицу-жену и новорожденную дочь. Члены команды, которых удалось разыскать автору записки, уверяли, что капитан выкупил танцовщицу из портового кабака в одном из южных княжеств и женился на ней – уж очень была хороша. Какого она роду-племени, никто сказать не мог. Болли звал жену Чи, а дочери дали эйланское имя Эмелона.

Вскоре Чи заболела и умерла. Дочь была очень на нее похожа, и Болли в малышке души не чаял. Из каждого плавания привозил ей разные диковины, но, когда ему советовали осесть на суше, чтобы быть рядом с девочкой, отмахивался, говоря: «Я родился в море и умру в море». И вдруг семь лет назад он ни с того ни с сего продал оба свои судна, купил виноградники и занялся винной торговлей и разного рода спекуляциями.

Агент Соллена не поленился выяснить обстоятельства и узнал, что полугодом раньше на барк Болли пришел новый карго-мастер – помощник, ведающий учетом грузов. Некий Агмунд Хьяри, ушлый малый с мутным прошлым. Этот Хьяри был наполовину даз, как нетрудно догадаться по его фамилии. Со своими не знался. Но, как у

дазской братии водится, приворовывал у хозяина и жульничал с товаром.

Открылось это случайно, где-то на полпути от Закатных островов к Ригонии. Вышел скандал с поножовщиной. Хьяри чуть не зарезал хозяина, за что был высажен на необитаемом острове посреди океана. Ему оставили все, что положено в таких случаях, а сами благополучно вернулись домой.

Члены команды в один голос твердили, что хозяин был доволен и полон планов. А буквально через месяц или два заявил, что с морем покончено.

«И вот что любопытно, – писал агент. – В Кайлане, на родине господина Болли, все уверены, что Агмунд Хьяри был его лучшим другом, чуть ли не побратимом, который погиб по его вине, о чем господин Болли глубоко сожалел. Движимый раскаянием, он поставил над могилой Хьяри, похороненного там же, в Кайлане, роскошный мраморный памятник. При этом моряки, ходившие с господином Болли к Закатным островам, клянутся, что за Хьяри не возвращались и никаких сведений о его судьбе не имеют. У бывшего карго-мастера осталась старуха-мать, и господин Болли пристроил ее кем-то вроде дуэньки к своей дочери».

Агент намеревался собрать все возможные сведения об Агмунде Хьяри и подумывал о вскрытии могилы...

Дочитывая последние строки, Рауд вдруг понял, что он не один. Он скомкал листок в кулаке, ощутив, как тот рассыпается в труху, и быстро обернулся.

– Кошка! Что ты тут делаешь?

Ее мех был облаком лебяжьего пуха в снежных искрах, бирюзовые глаза горели негодованием.

– Давно ты здесь? – уточнил Рауд.

Она сердито мявкнула. Потом приподнялась на задних лапах и повернула голову к узкому кривому оконцу.

– Нет, Кошка, разговаривать мы сейчас не пойдем, прости. Я слишком устал.

Видела ли она госпожу Ламперк? Едва ли. А вот как он читал, наверняка видела. Но пошла следом не для того, чтобы разузнать, куда и зачем он сбежал. И сердилась не из-за таинственной записки.

– Если тебя беспокоит видение... Что бы там ни было, не принимай его близко к сердцу. Это не пророчество, всего лишь придворная игра на Ночь Всех Богов.

Кошка, сидящая на задних лапах, выглядела забавно, и Рауд против воли улыбнулся.

Пушистая красавица издала возмущенное «фррхх».

Она отлично понимала, что он пытается уклониться от ответа.

Рауд присел на корточки и взял ее за передние лапы, будто за руки, погладил шелковистую шерсть и горячие шершавые подушечки. Ее зрачки расширились, вспыхнув неисчислимыми вопросами.

Рауд покачал головой:

– Я предупреждал, Кошка. Мне еще придется делать вещи, которые тебе не понравятся. Так надо. Не спрашивай.

В кожу сейчас же впились острые коготки и замерли. Глаза, яркие, как лучезары, смотрели требовательно и непримиримо. Рауд видел в них отражение других глаз – синих, опущенных ресницами цвета темного меда, и ему вдруг захотелось рассказать то, о чем, кроме Альрика и членов семьи, знал только Варди Соллен.

– Когда я в который раз пришел просить за брата, – заговорил он, – Альрик сказал, что позволит Карстену уехать из страны, если я отдам свой дар. Я отказался. Меня учили, что сила, врученная нашему роду, дороже кровных уз и семейного долга. Нас всех этому учат. Мой отец, будучи в расцвете сил, уступил свое место мне, желторотому юнцу, потому что в противном случае дар был бы утрачен. Так сказала ему богиня. Еще она сказала, что если он не уйдет, то потеряет сына... Я надеялся, что Альрик не посмеет изувечить Карстена. Но он запер семнадцатилетнего мальчишку в подземелье с висельниками. Наша мать...

Рауд замолчал, вспомнив, как графиня Даниш-Фрост швыряла ему в лицо яростные слова, как хлестала по щекам, и от этих пощечин осыпался лед, сковывавший его изнутри.

– Словом, я понял, что едва не совершил самую страшную ошибку в жизни. Я вернулся в столицу, пришел к Альрику и сказал, что согласен. В наказание за строптивость он взял с меня слово однажды исполнить его просьбу. Помнишь – сослужи службу, потом скажу какую?

В тот момент Рауд думал, что король сошел с ума. О таком просят только боги, да и то в сказках.

Он тихо усмехнулся и провел большими пальцами по меху на кошачьих лапах.

– Когда был заключен брачный договор с Вайнором, Альрик вызвал меня и напомнил о нашем уговоре. Он потребовал, чтобы я женился на Эмелоне Болли. Не смотри на меня так, Кошка. Это все неважно. Мошенник Болли и все его хитрые комбинации мелочь по сравнению с тем, что...

Что агент, который сунул нос в его прошлое, сейчас лежит в мертвецкой?

Так и не закончив, Рауд сказал:

– Не думай, будто я несерьезно отношусь к твоему предупреждению. Я помню все, что ты мне рассказывала и буду настороже, обещаю. Не подсматривай за ним больше, это опасно. – А потом зачем-то добавил: – Если мне в самом деле придется жениться на Эмелоне Болли, этот брак будет лишь формальностью. Я не намерен подпускать к себе ни ее, ни ее отца, ни ее няньку. Ноги их не будет в Белом замке, а в Даниш-хузе тем более.

Кошка аккуратно подобрала коготки, не поцарапав ему рук, потом высвободила лапы, оскорбленно фыркнула и направилась прочь, задрав хвост, будто флаг.

– Подожди, – сказал Рауд. – Я провожу тебя в вайнорское крыло.

Когда он обменял дар на свободу Карстена, отец был вне себя. Но остыв, пришел к выводу, что должен доверять решениям сына – решениям, которые он никогда не принял бы сам.

Дагрун Даниш скорее поднял бы открытый бунт и пошел под пули расстрельной команды, чем отдал дар кому-то, кроме родной крови. А Рауд сделал это.

Так может, таков и был замысел богини? Может, все, что случилось, в конечном счете послужит во благо? Когда в дело вступают боги, ничего нельзя исключать.

Именно поэтому, сидя на острове Сновидцев, который он никогда больше не сможет покинуть, отец не переставал верить, что род Данишей сохранит вторую половину своего имени – Фрост. Именно поэтому Рауд надеялся, что у него получится. На кону стояло куда больше, чем фамильная гордость.

Правда, сама Нежа не спешила обнадеежить своего избранника. Всю первую половину зимы она выказывала ему полное презрение.

А потом послала Карин...

Зачем? Может, для того, чтобы в решающий момент дать опору?

Глава 21, ***в которой я переносусь в Зыбь и вспоминаю сказку о Многоликом***

На следующее утро Рауд снова повез меня в город. Должно быть, остаток ночи после бала он не спал – лицо осунулось, под глазами тени. Но держался он бодро, а от его улыбки веяло надеждой.

На этот раз нашей целью стал чумазый трактир под обветшалой тесовой крышей, больше похожий на воровской притон, какими их описывают в книгах. Дверь черного хода открыл щуплый мальчишка в мятой курточке, буркнул басом: «Наверх», – и удалился вразвалку. Рауд сразу предупредил, что возьмет меня на руки, чтобы не пришлось идти голыми лапами по грязным вонючим ступеням. В недрах трактира, несмотря на ранний час, слышались пьяные голоса и стучали кружки, но на лестнице нам никто не встретился.

На втором этаже в просторной, неожиданно чистой комнате обитала настоящая дазская шаманка. Не такая старая, как матушка Гиннаш, но пожившая – с лицом цвета ореховой шкурки, глазами, как воды северных морей, и сединой в неопределенно-темных, аккуратно подобранных волосах с вплетенными в них бусинами и перышками, такими мелкими, что сразу и не заметишь.

Колпака с монетами она не носила. Одета была в зеленое шерстяное платье с кокеткой, обшитой черно-красной тесьмой. На груди тонкие костяные бусы со священными символами, на руках по браслету. Когда она двигалась, из-под ворота и рукавов выглядывали тусклые темные узоры, какие рисуют на коже иглами и краской.

Но это если приглядеться. А так – обычная женщина. Встреть я такую на улице, не нашла бы в ней ничего особенного. Только пахла дазка незнакомыми горькими травами, и запах этот навевал мысли о луговых просторах и диких стадах.

Она без спросу запустила грубые пальцы мне в опушку шеи и выдернула клочок шерсти. Послюнявила его, раскатала в ладонях, потом закрыла глаза и долго раскачивалась, что-то мыча себе под нос.

Рауда это не удивило. Он положил руку мне на плечи, предлагая ждать.

– Вижу твое тело, – сказала шаманка низким голосом. – Молодое тело, красивое. Живое пока, не ослабело даже. Значит, крепко веришь. Это хорошо.

Шарик на моей груди вдруг засветился. Стены комнаты раздвинулись, встали темным лесом по одну сторону, седыми горами – по другую. А между ними раскинулась равнина, покрытая редкой зеленью поверх старой пожухлой травы.

Тут и там возвышались валуны, подернутые инеем. На самом большом, скрестив ноги, сидела девушка в штанах и рубаше из мягкой кожи с бахромой на подоле и рукавах. Ее лицо, расписанное цветными узорами, светилось, будто озаренное солнцем, хотя небо было затянуто слоистыми облаками.

Пожилая шаманка тоже никуда не делась, как и Рауд Даниш, устроившийся на тахте рядом со мной, но оба они стали прозрачными, словно привидения. Обстановка трактирного жилища размылась и поблекла. Это было как во время наших с Раудом разговоров через снежные шарики, только наоборот: реальный мир казался призрачным, а призрачный – реальным. Лишь запахов в нем не было.

– Это Зыбь, – голос девушки-шаманки звучал молодо и нежно. – Место, где все так, как ты хочешь. Сюда можно призывать духов, и они придут и будут служить, пока ты веришь...

Облака над горами закружились, из них поднялся могучий великан и уселся на горную гряду, словно мальчишка на забор. Страшно почему-то не было, и я попробовала увидеть себя человеком – как видела кошкой Ночкой в снежном шаре Рауда.

Воздух сгустился, в нем проступил вышитый подол и тут же расплылся клоком тумана. Потом возникли ноги в нарядных туфлях, потом пышный рукав. Призрачные части моего облика появлялись и таяли, не желая собираться в живую и настоящую Карин Эльс.

– А вот тут веры тебе не хватает, – сказала шаманка с сожалением. – Для тебя это сказка.

Она подняла руку, щелкнула костяными кольцами на пальцах, и туман вмиг свился в мое человеческое тело. Но я так и осталась кошкой и смотрела на себя саму со стороны, как на куклу в шкафу королевы-бабушки.

Новый перестук колец – и кукла исчезла, и растворился облачный великан над горами.

– Помочь я тебе не могу, – сказала шаманка. – Тело – твое, и власть над ним – твоя. Ты одна найдешь к нему дорогу. Для тебя оно, как манок для зверя, как для путника огонь в ночи – свет там, где другим темно. Я могу научить тебя ходить в мир духов, но на это нужно время, а ты веришь, что времени нет. Я могу научить тебя верить по-другому, но для этого тоже требуется время, много времени. Я могу взять тебя в мир духов, но ты будешь там, как слепой котенок, а мне не по силам заставить тебя видеть...

От ее мягкого напевного голоса начала кружиться голова, лес и горы перед глазами подернулись дымкой.

– Есть и другой способ. Темный способ. Чтобы кошка стала женщиной, нужна кровь кошек и кровь женщин, лучше твоего рода, и не одной, а сколько потребуется. Но за этим не ко мне. Я темной волшбы не вершу, темных духов не зову и другим не даю. Да и ты, вижу, не из тех, кому нет дела до цены...

Я затрясла головой сразу во все стороны, не понимая, каким жестом вернее передать свое отношение к этому так называемому способу. Да лучше самой под нож лечь!..

Шаманка кивнула, усмехнулась, а потом ее глаза вновь стали холодными.

– Гиннаш Хьяри – так зовут ту, что заточила тебя? Гиннаш – это не имя. По-нашему это значит «ничей», «без рода». Тот, кого изгнали, или кто сам ушел, или род его свелся на нет. А хьяри – это зверь такой из преданий.

Она указала головой на равнину. Там, шагах в тридцати от нас, бежал то ли лис, то ли волк, то ли собака. Часто мелькали длинные лапы, серовато-рыжая шкура сливалась с прошлогодней травой.

Со спиной у зверя было что-то не так. Я не успела понять, что именно, когда он вскочил на валун, оттолкнулся и взлетел, развернув кожистые крылья.

В воздухе зверь стал похож уже не на лиса, а на летучую мышь, даже длинная морда сплющилась. Он описал круг в бледной вышине и, снизившись, с клетотом и тьяканьем понесся прямо на нас. У него были выпуклые черные глазки и оскаленная пасть, как у Грыза.

Шаманка сложила пальцы щепотью и дунула – точно как ведьма Гиннаш тогда, в доме Снурльва, и даже в этом ненастоящем мире, где ничего не страшно, меня окатило волной ужаса.

Зверь исчез.

– Тень, – сказала шаманка. – Эхо. То, чего больше нет. А ты есть. И тело твоё есть, пока ты не теряешь веры.

Она скатала вырванную у меня шерсть в тонкий жгутик, отцепила от своих волос бусину, вдернула жгутик в отверстие и завязала на три узелка. Вдруг оказалось, что я сижу на валуне подле шаманки. Она повесила бусину мне на шею рядом со снежным шариком, и бусина приросла к ремешку, словно тут ей и место.

– Когда шаман уходит в трудное странствие, он берет с собой амулет, в котором есть частица его тела. Этот амулет привязывает дух шамана к земле и позволяет найти дорогу назад.

Мир вздрогнул и схлопнулся до комнаты в старом трактире, показавшейся до обидного тесной. Вместо гор – стены, вместо неба – низкий, плохо оштукатуренный потолок, вместо гибкой девушки, похожей на змейку, – потрепанная жизнью женщина с низким голосом. – Ищут тебя, – сказала она. – Глаза белые и глаза желтые, чужая кровь и родная кровь. Белые глаза – к худу, желтые – к добру. Хочешь, передам желтым весточку?

Родная и чужая. Мама и... секач? Так вот что означали те глаза во сне!

Из тьмы ночных видений дохнуло забытой угрозой, и я от души помотала головой.

Шаманка не стала спорить, но мне показалось, что ответ ей не понравился.

А Рауду не понравился вопрос.

Как только мы отъехали от трактира, он строго поинтересовался:

– Ты все рассказала мне, Карин?

«Можно подумать, вы мне все рассказываете!» – буркнула я.

Потом махнула лапой и выложила ему про маму и секача, готовая к тому, что сейчас он развернет сани и поедет не во дворец, а... может быть, обратно в трактир. Попросит шаманку присмотреть за мной, чтобы не рисковать своими планами. Если секач обвинит кошку Белого Графа, будет страшный переполох. Скандал! Разбирательство...

– Лучше бы ты сказала об этом раньше, – нахмурился Рауд. – Но не бойся. Сквозь Щит секачу не пробиться. Просто помни, что засыпать вне дворца тебе нельзя.

Секач ищет меня во сне. Выходит, он сновидец? Или... Да нет, не может он быть фантумом!

Но Рауд сказал, что это не исключено.

– Как ты думаешь, что происходит с изобличенными фантумами? Не все они преступники, хотя у большинства темная природа рано или поздно берет верх. В прежние времена многих высылали на север под особый надзор в самые дикие места. Тех, кто не хотел уезжать, отсекали от Небыли. А некоторых забирали к себе служители Дакха. Что с ними делали, не знаю, это тайна храма. Известно, что они теряли тело зверя-фантума, но сохраняли способность ходить по снам, а их жизнь подчинялась одной цели – служить храму. Поскольку в наши дни фантумов почти не рождается, храм берет на службу оборотней, преступивших закон...

От этих слов я поежилась.

Сколько же тайн хранит наш мир! Жила бы у себя в Свеянске, гуляла ночами по крышам и ничего этого не знала.

Бусину, данную шаманкой, Рауд отцепил, внимательно осмотрел и прицепил обратно. За эту бусину шаманка затребовала двести марок, а во сколько обошелся ему наш с ней разговор в Зыби, я даже спросить побоялась.

Сани выехали на торговую улицу и приостановились у мужской галантереи. В карету, отдуваясь, забрался человек, оказавшийся самым настоящим ученым магом. Под шубой у него пряталась академическая мантия, а в саквояже – всевозможные инженерно-магические приспособления.

Маг сообщил, что его научные интересы лежат в области незримых миров и спиритуальных практик, а потом битый час прикладывал ко мне свои хитроумные инструменты, задавал через Рауда вопросы, что-то обдумывал, прикидывал. На шаманский амулет маг скривился, но махнул рукой: «Лишним не будет».

– Если бы вы пришли ко мне в первые сутки, – вздохнул он наконец, – можно было бы попытаться обратить процесс, а теперь остается уповать на, так сказать, метод, предложенный богами.

Он снял пенсне и потер мясистый нос.

– Мне не нравится, что вас адресовали сразу к Двуликому. Он самый сложный и непредсказуемый из богов. Бог выбора, бог всех богов. Он тоже может потребовать свою цену, и такую, что вам не захочется платить.

Бог выбора? Как будто у меня есть выбор!

– Боги вообще непредсказуемы. Тем более в такую ночь, когда все лики собираются в один и распадаются заново, боги выходят к людям, а люди становятся богами. Хотел бы я присутствовать при этом явлении. Восьмой год подаю прошение в храм, но пока безрезультатно.

Маг опять вздохнул, пожелал мне удачи и откланялся.

«Что он имел в виду?» – спросила я Рауда, озадаченная словами ученого.

– Что в жизни есть вещи, не поддающиеся познанию, – последовал ответ. – Ты когда-нибудь задумывалась, почему в храме, который носит имя всех богов, распоряжаются ули Двуликого?

«Потому что он отец богов, всех, сколько их ни есть».

– Или потому что он и есть все боги. Это старое учение, с некоторых пор переведенное в разряд тайного знания, которое доступно служителям богов, магам не ниже восьмого уровня и владыкам стихий. Согласно этому учению, Двуликого полагается называть Многоликим...

И я вспомнила! Одна из сказок, которые читала внуку Старая Хель, так и называлась: «Сказка о Многоликом». Самая необычная из историй о богах, поэтому я ее и запомнила.

«Жил он на небе, но сказало небо: “Слишком ты тяжел, не могу я тебя держать”. И пришел он на землю, и было у него много лиц. Одно светлое, другое темное, одно молодое, другое старое, одно мужское, другое женское, одно холодное, другое горячее, одно твердое, другое мягкое – и еще множество лиц. И были у него все силы мира, и прогибалась твердь под его стопами, и изливался из недр жидкий огонь, будто кровь. И сказала земля: “Тяжела твоя сила, нет у меня мочи тебя носить”.

Тогда он повернулся вокруг своей оси столько раз, сколько дней в году, и столько раз, сколько ночей в году, и каждый раз у него было новое лицо, и каждый раз выходил из его рта сын или дочь и забирал себе это лицо. Так родились боги, и у каждого было по одной силе, и

разошлись они по земле и стали повелевать кто дождями, кто морями, кто лесами, кто огнем, кто водой, кто жарой, кто стужей. Но дни в году кончились, и ночи в году кончились, а у бога осталось еще два лица... Сделался он легким и снова поднялся на небо.

Стали дети его плакать и просить, чтобы он вернулся, и он сказал, что ровно через год в эту же ночь преграда между небом и землей падет, и он спустится к ним, и пусть все придут, чтобы чтить его. Так появился праздник Ночь Всех Богов».

– Считается, что в эту ночь все боги собираются воедино, становясь одним существом – Многоликим, – сказал Рауд. – Соответственно возрастают и его силы. Поэтому он может исполнить любую просьбу. Если пожелает, конечно.

«А если не пожелает?»

– Скорее всего, просить не потребуется. Ты просто войдешь в Лабиринт Судеб, перед тобой откроются Врата Вечности, я тебе о них расскажу. Через эти Врата ты проникнешь в Небыль и соединишься со своим телом так, как делала всегда.

Рауд произнес это уверенным тоном, хотя мы оба знали, что не все так просто. Оставались еще Нежа, Свен и Свяна с их загадочной службой. И церемония, на которую Рауд возлагал надежды столь большие, что о них даже бессловесной кошке поведать нельзя.

Его рука легла мне на шею; пальцы мягко перебирали мех, почесывая горло и загривок, ладонь скользнула по спине... И резко отдернулась.

– Прости, забылся.

Я посмотрела в его озабоченное лицо.

«Да что там, гладьте», – и аккуратно взобралась к нему на колени.

В конце концов, мне же это нравится.

Глава 22, *в которой я выигрываю бой*

Для нас с Кайсой настал праздник. По случаю хорошей погоды принц Гюнтер отбыл на охоту в Тихейский лес и собирался вернуться только на Ночь Всех Богов, то есть через три дня. Услышав эту новость, мы сейчас же отправились гулять.

Кайса первым делом кинулась к Ойсину, чтобы поблагодарить за спасение от Гюнтера, и фендрик, довольный собой, в лицах изобразил ей, как сумел провести негодяя.

«Прошу прощения, ваше высочество! Неизвестная дама срочно требует вас для приватного разговора! Нет, она не назвалась, лицо скрыто вуалью. Но по всему видно, что дама знатного рода и хороша собой. Она угрожает ворваться в зал и устроить скандал перед его величеством, если ваше высочество не изволит выйти к ней сию же минуту!»

Высочество покривилось, но изволило.

«И где твоя дама, болван?» – это уже Гюнтер.

«Не могу знать, ваше высочество! Только что была тут... Прикажете обыскать дворец?»

«Ты идиот, фендрик?!»

«Виноват, ваше высочество!»

А сам и правда принял идиотский вид, встал навтыжку – ест глазами королевского наследника, как собака хозяина. И чем злее бранится Гюнтер, тем преданней фендрик на него таращится.

В общем, обошлось. Брат Альрика и мысли не допустил, что какой-то сопляк-гвардеец осмелится его дурачить.

Кайса слушала своего спасителя, то обмирая от страха, то прыская в кулачок, а в конце поцеловала от избытка чувств. Правда, всего лишь в щеку. Потом парочка осталась любезничать, а я пошла по своим делам.

Проследила за принцем Фьюго – он проводил время с молодыми ригонскими дворянами, ненавязчиво расспрашивая их о политике и владыках стихий. Выяснила, где комнаты баронессы Гелеоны

Хендевик, а после отыскала Шоколадку. Та познакомила меня с дымчатой кошкой по имени Муфта, живущей у жены гофмейстера.

Во время нашего разговора из-за двери высунулись две пушистые собачьи мордочки с круглыми глазками и маленькими черными носами.

– Спокойно, – объявила Шоколадка. – Это свои.

– Привет, – сказала я мордочкам. – Вас как звать?

Шоколадка и Муфта засмеялись.

– Это же собаки! Они говор-р-ить не умеют! Только гавкают и р-рычат!

Спорить я не стала. Но как мне учиться разговаривать с людьми, если я даже с собаками объясниться не способна?

Вечером мы с Кайсой впервые за долгое время сопровождали Камелию на свидание с Альриком. Король показал невесте дворцовую коллекцию марин. Он был галантен, но при этом успевал бросать заинтересованные взгляды на юную фрейлину.

На следующее утро я первым делом пробралась к комнатам кавалера Болли, однако ничего интересного не увидела. Старая Гиннаш поила Эмелону чаем, кормила конфетками и уверяла, что все будет хорошо. Когда пришел сам кавалер, я отползла поглубже, но он сразу удалился в другую комнату, и Гиннаш последовала за ним, а барышня Эмелона подперла щеку кулачком и пригорюнилась.

К баронессе Хендевик заглянул в гости Вильфред Клогг-Скрапп. Они выпили эйланского хереса, вспомнили старые времена. Баронесса расспросила его о сыновьях, о покойной жене, потом незаметно перевела разговор на Камелию и отношения в королевской семье...

– Младшая дочь, – вздохнул Клогг-Скрапп. – Пока Небер не отметил Ками даром моря, Бертольд просто не обращал на нее внимания. А ведь она самая светлая из его детей. Если бы не эта любовь...

Глаза герцога потемнели, на лице промелькнуло виновато-болезненное выражение.

– Да, любовь бывает жестока, – согласилась Гелеона, и оба посмотрели друг на друга с пониманием. Баронесса прищурилась: – Вилли, скажи честно, что вы с Бертольдом задумали?

– О чем ты? – удивился Клогг-Скрапп и постучал по перстню на своем мизинце.

Я бы и внимания не обратила на этот жест, если бы внезапно не оглохла. Губы герцога продолжали двигаться, но до моего укрытия в стене не долетало ни словечка. Гелеону я тоже слышать перестала.

Было ясно, что баронесса настаивает и язвит. Герцог возражал, примирительно улыбаясь и разводя руками.

Не думаю, что Гелеона добилась от него правды. Однако я бы очень хотела знать, что он говорил, уходя от ответа...

Король Альгредо что-то задумал. Король Бертольд что-то задумал. И орудием в исполнении их тайных замыслов должны стать королевские дети! Но отцы не станут всерьез рисковать своей плотью и кровью, так ведь?

Возможно, Бертольд хочет лишь укрепить союз с Альриком, обретшим слишком большую силу. Возможно, Альгредо хочет этому помешать. А Клогг-Скрапп действует в его интересах, поэтому и устроил Фьюго к Камелии... Если двор узнает, что принцесса привезла с собой любовника, свадьбы не будет, верно? Может, герцог служит Эйлану еще с тех пор, как был там послом?!

Все это было слишком сложно для моей кошачьей головы. Но не думать и не прикидывать я не могла. Судя по всему, в этой партии у каждого из игроков припасено несколько планов. Который из них пустить в ход, зависит от того, каким путем пойдут события.

А мне пора выбрать, на чьей я стороне. Если я доверяю Рауду, надо рассказать ему о разговорах герцога и баронессы Хендевик. И о странном медальоне Камелии, предназначение которого от нее скрыли...

Пока я подглядывала за герцогом и баронессой, сама Камелия завтракала с королевой-бабушкой. Пили чай, и принцесса обмолвилась, что привезла с собой травяные сборы, приготовленные ее матерью, королевой Бетильдой. Королева-бабушка проявила живой интерес, и, вернувшись к себе, Камелия попросила Кайсу отнести ее величеству корзинку с несколькими мешочками. Я решила, что нелишним будет проведать старую даму, и пошла с фрейлиной.

Поручение мы исполнили. Я дала себя как следует погладить и съела предложенный зефир – кто еще угостит кошку сладостями? Кайсе тоже перепало.

А на обратном пути нас ждали.

Я заподозрила неладное, когда мы свернули в коридор, украшенный цветущей жимолостью. Кто-то там был – не в самом коридоре, но рядом. Пару раз шаркнули подошвы, как бывает, когда несколько человек переступают с ноги на ногу, стоя на одном месте, тихо прошелестел мужской шепот.

Ловушка!

Я схватила Кайсу за подол.

– Ты что, Белка? – удивилась фрейлина. – На ручки хочешь?

Я отступила, не давая себя взять. Иди! Ну же, иди за мной!

За спиной стукнули кованые каблуки, и стало ясно, что мы попались.

– Какие кошечки, – из открытых дверей появился принц Гюнтер, а с ним еще пара молодых шалопаев, одетых так же небрежно, как их вожак. – К нам спешите?

– Нет, к нам! – глумливо хрюкнули за спиной.

– Ты задолжала мне поцелуй, вайнорская крошка!

Гюнтер быстро двинулся к нам – к Кайсе, но смотрел больше на меня, а правую руку держал за спиной.

Не нужно большого ума, чтобы догадаться: вплотную его лучше не подпускать.

Я метнулась к стене и взлетела наверх, цепляясь за окаменелые листья и цветы.

А в следующий миг по полу стегнул двуххвостый хлыст... но меня в том месте уже не было!

Кайса взвизгнула:

– Что вы делаете?

– Достаньте эту тварь! – Гюнтер махнул своим прихвостням на меня и притиснул к себе испуганную фрейлину. – Не упрямясь, малышка, а то больно будет.

Приятеля принца сгрудились под стеной. У них был еще один хлыст и холщовый мешок.

Как быть?

Я вскарабкалась под самый потолок и завывала во все кошачье горло:

– Шоколадка! Кавалер! Муфта! На помощь! Мя-а-у!

В просвете коридора появились какие-то люди и сразу пропали.

– Граф Даниш! – позвала я. – Рауд!

Но шарик не проявил себя, снежная магия в сердце Летнего дворца была бессильна.

Я видела, как Гюнтер целует упирающуюся Кайсу, шарит руками по ее платью, а потом пытается затащить в комнату, в которой прятался, поджидая нас.

Положение казалось безвыходным. Спустишь – попаду в лапы негодьям, промедлю – с Кайсой случится беда.

Надо было решаться, и я решилась. Со всех сил оттолкнулась от стены, пролетела наискось через головы принцовой шайки и повисла у Гюнтера на плечах. Снова оттолкнулась, соскочила на пол и кинулась наутек, не переставая вопить:

– Помоги-ите! Мяу-о-у-у!

Погони за мной не было. Кайса вырвалась от ошеломленного моим нападением принца, и вся ватага бросилась ее ловить.

Я не знала, что делать. До вайнорского крыла бежать далеко, назад, к королеве-бабушке, ничуть не ближе – а там попробуй растолкуй, что к чему.

Из-за угла появилась Шоколадка, вопросительно подняв хвост.

– Ты что ор-решь, как р-резаная?

– Помощь нужна! – выпалила я. – Мою подр-р-ругу обижают! Дай знать всем, кому можешь! Кр-ричите, зовите ваших людей, поднимайте шум!

Позади хлопнули двери, гася протестующий возглас Кайсы.

– Туда есть ход?

– Не входить, только смотреть-реть, – ответила кошечка.

И я поняла, что Кавалер был прав: наш разговор занял всего мгновение, но вместил куда больше пары звуков, которые мы обе за это время успели издать. Звуки были лишь опорой – вроде булавок, на которых держится собранное для примерки платье.

Значит, я смогу, надо только очень постараться?..

– Рауд! Граф Даниш! – звала я, пробираясь по тайному лазу, указанному Шоколадкой. – Рауд! Пожалуйста!

Попыталась увидеть его – будто в снежном шаре, передать свои ощущения, свое отчаяние... Ничего не получалось! А секунды ускользали...

Впереди показалось отверстие. Слышны были всхлипы Кайсы, хохот и грубые шутки мужчин. Негодяи обступили ее и забавлялись,

толкая от одного к другому, словно куклу.

«Снежа... – взмолилась я. – Ох нет, Нежа! Прости... Нежа, прошу тебя!»

Да, я клялась себе, что никогда больше не обращусь за помощью к богам. Но какие тут клятвы!

Сказать по правде, я не верила, что Нежа ответит. Здесь, в Летнем дворце, где снега и морозы казались миражом – таким же, как сама наша встреча в белых полях под Свеянском. Причуда воображения, сон, который привиделся замерзающей кошке. Только белая шуба напоминала, что это было, было на самом деле! И я продолжала звать. А когда студёный сквознячок шевельнул шерсть на спине, принесся с собой далекий отклик, подпрыгнула от радости так, что стукнулась затылком о потолок туннеля.

– Что тебе, глупое дитя? – голос богини был слаб.

– Там Кайса... спаси ее!

– Не могу, – вздох, как шорох ветра за окном. – Это владения моего брата, бога лета...

– Тогда позови Рауда!

Богиня исчезла, и я не поняла, исполнит она мою просьбу или нет. Раздался громкий вскрик, треск ткани. Кайсу подтащили к столу.

– Кусается, дрянь!

– Сам ты дрянь! – прорычала я, умирая от бессилия. – Убери от нее лапы!

И тут случилось странное.

Все пятеро мерзавцев застыли, как по приказу, и принялись вертеть головами.

– Кто это сказал?

Не веря тому, что вижу, я мысленно выкрикнула:

«Оставь ее!»

Мой голос прогремел, будто львиный рык.

– Эй, – растрепанный Гюнтер оглядел стены, и я на всякий случай отодвинулась от отверстия. – Ты кто?

Кто я?..

«А ты не знаешь, чей дом оскверняешь?»

– Это мой дом! Дом королевской семьи!

«Самонадеянный щенок! Я здесь хозяин!»

Ох... Оскорбление особы королевской крови. Меня же за это на северные рудники сошлют – пожизненно! А по старому праву язык вырвать могут.

– Какой еще хозяин? Что за бред? – принц был больше раздражен, чем напуган.

Но главное, он и его дружки отпустили Кайсу.

– Бог лета? – неуверенно проговорил один из них.

«Вы потревожили мой сон, святотатцы!»

Что еще сказать? Что сказать такого, чтобы их пробрало? Думай, Карин!

В этот миг снаружи из-за закрытых дверей раздался утробный вой:

– Все сюда-а-а-у-у!

Кавалер!

– Наших бьют! У-а-а-у! – подхватила Шоколадка высоким пронзительным голосом.

Все взорвалось воплями и завываниями. Сквозь оглушительную какофонию кошачьего ора прорывался звонкий собачий лай.

Приятеля Гюнтера ошеломленно переглянулись.

– Что это, во имя светлых богов?

– Дворец сошел с ума!

– Может, мы и правда разгневали бога лета?

– Эй, Гюнт! Ну ее, эту девку. Пошли отсюда!

– Ну уж нет!

Принц Гюнтер развернулся к Кайсе, которая жалась у стола, пытаясь оправить одежду, и страшно улыбнулся:

– Меня дешевыми фокусами не собьешь! Я свое возьму.

Дверь за его спиной вздрогнула от сильного толчка.

– Откройте!

Рауд?

Я приникла к смотровому отверстию и завопила:

– Мы здесь! Сюда! Скорее! У-а-у!

– Спасите! – тонко взвизгнула Кайса.

Дверь опять содрогнулась и с грохотом распахнулась настежь!

Огромный, как мамонт, виконт Дегеринг медленно опустил ногу в блестящем гвардейском сапоге. Но внутрь первым кинулся Рауд, следом – баронесса Хендевик, графиня Виртен и двое вайнорских

гвардейцев. В проеме было видно принцессу, но фрейлины и Дегеринг не позволяли ей войти.

– Что это значит, господа? – Гюнтер одернул распахнутый сюртук и дунул через нижнюю губу, пытаясь отбросить с глаз прядь волос. – У меня тут тет-а-тет с дамой по обоюдному согласию... Не так ли, милая?

Он повернулся к Кайсе. Рауд заступил ему путь.

Принц смахнул непослушную челку рукой и осклабился:

– Что, Даниш, в каземат захотел, вслед за братцем?

– Ни в коей мере, выше высочество, – глядя ему в глаза, ледяным от бешенства голосом отчеканил Рауд. – Я отношусь к членам королевской семьи с исключительным почтением, – и не оборачиваясь велел дамам: – Уведи- те ее!

Те подхватили Кайсу под руки. Вид фрейлины говорил сам за себя. Волосы взлохмачены, платье порвано, губа разбита, на щеке ссадина.

– Струсил, Белый Граф? – издевательски хохотнул Гюнтер. – Без своей силы ничего не стоишь?

В его руке вновь появился хлыстик; принц тронул снежную прядь над виском Рауда кончиком рукояти. Рауд аккуратно двумя пальцами отвел ее в сторону, не касаясь Гюнтера.

Я стиснула зубы. Чутье подсказывало, что богу лета сейчас лучше помолчать.

– Что, не нравится? – засмеялся Гюнтер. – Может, решим дело как мужчина с женщиной?

– С женщиной – да. С вами – нет.

– Да пустите меня, наконец! – раздался звонкий голос принцессы.

Ее высочество в бледно-голубом платье ворвалась в комнату, как снежный вихрь.

– От имени моего отца Бертольда Гудбранда Оддмунда Маритима, милостью богов и волей людей короля Вайнора, я выражаю возмущение и протест! Вы нанесли оскорбление всему Вайнорскому королевству, принц Гюнтер. Ригония ответит за это!

Она еще не договорила, а принц вдруг свистнул сквозь зубы, воровато оглянулся на своих прихлебателей и выскочил за дверь. Как уличный забияка, бегущий от дворника со свистком и метлой! Вся свора бросилась следом.

«Так его!» – я готова была плясать от радости.

Принцесса удивленно посмотрела на Рауда, потом на своих спутников.

А я торопливо покинула тайный лаз. Хорошо хоть выкрик был коротким. Может, все решат, что им почудилось?

Коридор был полон народа, и я пожалела Кайсу. Ей и так досталось, а теперь бедняжка вынуждена еще и умирать от стыда перед толпой. Зато случившееся точно не удастся замолчать!

Под ногами у людей крутились кошки – целая стая, оба шпица гофмейстерши, пара левреток. Муфта махнула мне хвостом, Шоколадка весело мигнула оранжевыми глазами, Кавалер сладко улыбнулся. И тут же насупился, когда Рауд присел передо мной на корточки.

– Ты цела? – тихо спросил он. – Как тебя опять угораздило влезть в неприятности?

«Он караулил нас, нарочно», – объяснила я. Еле слышно – одному Рауду.

Кажется, получилось. Если на нас и смотрели, то лишь потому, что мы мешали любопытным подобраться поближе к центру событий.

Рауд взял меня на руки и встал.

– Повезло, что я как раз был у принцессы, – шепотом сказал он.

«Спасибо, что пришел. Я боялась, что Нежа тебя не дозвалась».

– Нежа? При чем тут Нежа? Я слышал тебя, Карин, твой зов указал мне дорогу.

Получается, я впустую потратила свое право обратиться к богине? Но я не жалела!

– Глупое дитя, – прошелестел ледяной голос. – Так и быть, разрешаю позвать меня снова. Но будешь в долгу.

Не все ли равно? Я и так вся в долгах! Одним больше, одним меньше.

Потом, когда мы шли по коридорам в вайнорское крыло, я шепотом рассказала Рауду все, о чем молчала до сих пор. Пусть делает с этим, что хочет, у меня больше нет от него секретов...

Глава 23, ***в которой маски сбрасывают все, кроме богов***

Полтора часа спустя Кайса лежала в спальне принцессы под присмотром дам и доктора-мага, а в общем зале бурно обсуждали произошедшее. Фендрик Лорн Ойсин тоже был тут. Он примчался, едва услышал, что случилось. Первым делом прорвался к Кайсе – узнать, как она, а теперь бушевал, не стесняясь ни принцессы Камелии, ни герцога Клогг-Скраппа, который сидел с мрачным видом, поставив локти на стол и сложив пальцы домиком. Рядом у стены, скрестив руки на груди, стоял не менее мрачный принц Фьюго.

– Я убью его! – горячился фендрик. – Виконт Дегеринг, вы будете моим секундантом?

Дегеринг смутился.

– Не валяйте дурака, фендрик, – сказал Рауд. – Вас расстреляют.

– И пускай! Зато негодяй получит по заслугам!

– А барышня Кайса будет рыдать над вашей могилой. Думаете, это сделает ее счастливой?

– Вы трус, граф! – выпалил Ойсин, и я даже не смогла на него как следует рассердиться. Он и правда был совсем юн. У него сверкали глаза, пламенели щеки, он весь пылал как факел, готовый сгореть сам, спалив заодно половину мира. Мальчишка! Как есть мальчишка.

– Стыдитесь, фендрик, – сказала Камелия. – Граф прав. Вы не можете бросить вызов принцу.

– Я могу, – негромко произнес Фьюго, отклоняясь от стены.

Герцог Клогг-Скрапп не участвовал в общем разговоре, но сейчас встрепенулся:

– Кавалер Джеруч! Вы забыли свой долг?

Эйланец сжал челюсти так, что на скулах проступили желваки, потом брезгливо скривил рот и вновь прислонился к стене.

– Забудьте вы о дуэлях, – поморщился Рауд. – Ваши высочества, – обратился он к принцессе и герцогу. – Это дело для дипломатов. Если, конечно, вы не готовы закрыть глаза на то, что произошло.

– Не готовы! – принцесса решительно поднялась с дивана, на котором сидела. – Я сейчас же иду к Альрику.

Герцог вздохнул и тоже встал.

– Я с тобой.

Рауд вышел вслед за ними.

Должно быть, тогда он и сговорился с принцессой о вечернем свидании.

После ужина Камелия объявила, что желает проветриться. А тут как раз явился Рауд и попросил разрешения вывести меня на прогулку.

Пойти одна Камелия не могла. Но в аллеях парка ее небольшая свита отстала, и к уединенной беседке, скрытой хороводом заснеженных пихт, мы подошли втроем. Лишь капитан Карис следовал за своей принцессой – я слышала, как в отдалении поскрипывает снег под его войлочными сапогами.

Рауд очистил внутреннее пространство беседки, расстелил на скамье телогрей для ее высочества и обратился ко мне:

– Иди побегай, Белка.

«Что вы задумали?»

Он улыбнулся.

– Иди, иди, не стесняйся. Когда пойдем домой, я тебя позову.

Ясно. Опять тайны.

Пришлось поднять хвост повыше и удалиться гордой поступью.

– Она у вас и правда все понимает! – засмеялась принцесса. – Каждый раз смотрю и удивляюсь.

Я даже петлять не стала. Обошла беседку и села в снежной лунке под пихтой.

Рауд наверняка чувствовал, что я рядом. И пусть! Сам меня привел.

«Нехорошо подслушивать, – шипели снега. – Хозяин велел сторожить, ограждать, защищать».

Может, человек за их шелестом и правда ничего не услышит. Но я снежная кошка, получившая шубу от самой богини, – для меня это не преграда.

Я действительно слышала каждое слово. Так громко и четко, словно говорящие сидели прямо передо мной.

Камелия начала первой:

– Итак, Рауд, вы хотели рассказать, как Альрик забрал ваш дар. Он и правда сделал это, верно я поняла?

Вот оно что. Неудивительно, что герцог Клогг-Скрапп отпустил ее!

– И это тоже, – голос Рауда отдавал холодком. – Но сначала, Камелия, покажите мне амулет.

– Амулет? – принцесса замялась. – О чем вы, граф? Какой амулет?

И тут он сказал:

– Я знаю, кто ваш секретарь на самом деле. Мне назвать имя? Или рассказать о нем Альрику?

Мгновение оглушающей тишины...

– Я думала, вы мне друг, – прошептала Камелия.

Казалось, ей не хватает воздуха.

– Я вам друг, – прозвучало в ответ. – И как друг хочу уберечь вас от большой беды. Покажите амулет.

Несколько секунд было слышно только учащенное дыхание принцессы, потом его заглушило шуршание одежд.

Я не видела, что происходит в беседке, но в памяти явственно всплыло... Плоский кружок на цепочке из крохотных черных зерен – наяву. Огромной пылающий диск – во сне. И зловещие знаки, вспухающие, словно нарывы, из которых выплескивается тьма.

– Бог один, но много их, – прочел Рауд. – Сегодня узрите мой темный лик...

– Не будите его! – воскликнула Камелия в панике.

– Значит, вам известно, что это?

– Дядя не говорил мне. Вернее, он сказал, что это поможет, когда я... буду с Альриком. Чтобы не чувствовать, не помнить... После я сама нашла в книгах.

– В старых книгах можно найти многое, – подтвердил Рауд. – Думаете, это умный ход – призвать темного двойника Небеи здесь, в Ригонии? Небер останется незапятнанным и тьма не затронет Вайнор, так вы посчитали?

Принцесса молчала, и у меня по спине пробежал озноб.

Я думала, король Бертольд надеется, что дочь, став женой Альрика, выведает его тайны. Но такое...

– Вы понимаете, что делаете, Камелия?

– А что делаете вы? – воскликнула она с неожиданным жаром. – Альрик взял дар Регенскуров, взял ваш дар и владеет обоими как ни в чем не бывало! Хотя его собственная сила должна была взбунтоваться и перегореть, отторгнув чужую. Он уподобил себя Многоликому и не был наказан. Значит, богам это угодно!

– Если вы читали старые книги, то знаете, что такое уже случалось.

– И ни разу не кончилось добром! Мой отец никогда ничего не боялся, а сейчас боится. Он пошел на договор с Эйланом, потому что думает, что Альрик готовится к большой войне. А я... слишком поздно поняла, на что согласилась.

Голос принцессы упал.

– Что должно стать платой? – спросил Рауд.

Она стушевалась.

– Моя... девственная кровь.

Я живо представила, как Рауд качает головой, отказываясь принимать ответ.

– Но мы же просим немногого! – взмолилась Камелия. – Дать мне силу подобную той, какой обладают секачи. Всего на одну ночь! Чтобы отрезать его от невидимых миров, от мира богов, тогда он потеряет свои дары, и все мы вздохнем свободно.

– Вы в самом деле так наивны, Камелия? Даже светлые боги всегда требуют больше, чем человек готов дать. А темные берут сторицей. И вы рассчитываете откупиться такой малостью?

– Это для вас малость – отдать себя нелюбимому!

Над пихтами крикнула сойка. Небо было затянуто облаками, и я чуяла, что с утра опять пойдет снег, а к ночи разгуляется метель. Веселый будет праздник.

– Фьюго знает? – спросил Рауд.

– Нет! – ахнула Камелия. – Вы же не скажете ему? Пожалуйста...

Белый Граф не ответил на ее мольбу.

– Помните историю князя Эймина? Он тоже заключил договор с темной Небеей. Ночь с прекрасной дочерью вождя горвитов в обмен на десять торговых ладей со всеми, кто был на борту. Он получил, что желал. А потом его жена бросилась в море с башни и в один год погибли все двенадцать детей. Сам князь сошел с ума, его княжество было смыто великим потопом.

– Но это же только легенда, – прошептала Камелия почти беззвучно.

– Как вы думаете, почему принцу Фьюго позволили сопровождать вас?

Вновь повисла тишь. Казалось, даже снега прекратили свое шуршание.

– Не верю... – выдохнула принцесса.

– Тьма берет то, что вы любите больше всего.

– Нет! Вы не можете знать!

– Не могу. Но так написано в тех самых старых книгах. Так было всегда, Камелия.

– Зачем вы говорите мне все это? – простионала она. – Чего вы хотите?

– Я хочу, чтобы вы помогли мне остановить Альрика другим способом. Вы напрасно думаете, будто обладание тремя дарами ничего ему не стоит. Я помню его жизнерадостным мальчишкой, вспыльчивым, но отходчивым и в общем добродушным. Помню, как он мечтал стать хорошим королем. Но сейчас я вижу перед собой совсем другого человека, человека на грани помешательства. Не говоря о том, что он не справляется с даром зимы...

– Так вы все-таки отдали свой дар? – наверное, в этот момент принцесса смотрела на его рыжие волосы и на снежную прядь в них.

Рауд, должно быть, кивнул.

– Вопреки всем правилам – через одного бога лета. В Белом замке есть часовня Нежи, но богиня не ответила. И не отвечала после, уже зимой...

– Но передача могла убить вас!

– Могла. Я две недели провалялся в бреду, мне чудилось, что Нежа проклинает меня. Альрика она тоже не приняла, и он надеется завершить передачу на ритуале единения в Ночь Всех Богов. Он рассчитывает, что вместе с остатками дара я отдам и свою врожденную силу, и это станет своего рода раствором, скрепляющим его связь с Нежей.

– Но это невозможно, этого никто не делал! – вновь ужаснулась принцесса. – Вы чуть не погибли в первый раз, а теперь... это же сама ваша суть, ваша жизнь! Ее нельзя отдать!

– Дело не в этом. А в том, будет ли этого достаточно? Я не уверен. Поэтому мне нужна ваша помощь, Камелия. Предложите ему свой дар. Он одержим жаждой обладания, он согласится. Три дара для него уже чрезмерный груз, четвертого он не выдержит. Церемония единения – самый безопасный способ передачи, вашей жизни ничего не грозит. Правда, велика опасность, что сила к вам уже не вернется. Но вы добьетесь желаемого, устраните угрозу, и куда меньшей ценой, чем это...

Я представила, как он покачивает зловещим амулетом.

– Вы уверены, что получится?

– А вы уверены, что сумеете обуздать темную Небею, когда она начнет собирать свою жатву?

Принцесса долго молчала.

Мне стало горько и тоскливо – словно темные боги уже вышли с изнанки незримых миров, завладев умами и душами. Кому верить, если даже хорошие люди творят ужасные вещи? Камелия, которой я сочувствовала всем сердцем. Герцог Клогг-Скрапп, несколько вялый и равнодушный, но в общем неплохой. Рауд...

Он задумал это с самого начала, еще не зная ни о Джеруче-Фьюго, ни о медальоне, ни о замыслах короля Бертольда и короля Альгредо. Он напросился к вайнорцам в провожатые, чтобы найти у Камелии слабое место и в нужный момент надавить на него.

И неважно, что будет с ней, что будет со мной, с ним самим! Такова высшая магия нашего мира – магия власти. Каждый, кто прикасается к ней, сходит с ума. Становится... фантомом, готовым подчинять, отнимать и захватывать, жертвуя другими и собой ради силы, ради того, чтобы стоять рядом с богами, получая дары из их рук. Вместо того, чтобы просто жить...

– Я должна обсудить это с дядей, – сказала принцесса.

– Хорошо, – ответил граф Даниш-Фрост. – Но амулет я оставлю у себя.

Они поднялись.

Я выпрыгнула из своего укрытия и скачками помчалась к дворцу.

А то наговорю, что чувствую, потом пожалею.

– Белка! – окликнул Даниш. – Идем домой!

«Сама дойду! Видеть тебя не хочу! Вас обоих!»

Глава 24, *в которой раскрываются секреты и затевается заговор*

– Что думаешь, Болли?

Альрик отвернулся от окна, чтобы не видеть белой мути, занавесившей парк от неба до земли. В канун праздника всегда шел снег, но не сплошной стеной как теперь, а легкими красивыми хлопьями. Всегда, чтоб миру провалиться к темным богам!

До сих пор Альрику не приходило в голову задуматься, как владыки зимы этого добивались. Сколько себя помнил, просто радовался этим хлопьям и пушистым облакам, сквозь которые непременно проглядывало солнце. Непременно, опять же. Хотя властью над воздушными течениями владыка зимы обладать не должен. Или должен?

В том и беда, что Альрик не понимал всех тонкостей своего нового дара. И это приводило в бешенство. Ничего, с даром моря будет проще. Если решиться и принять его...

– Представь себе, Болли, она сказала, что отдаст мне дар, если ей не придется делить со мной постель. Ее сердце, видишь ли, принадлежит другому. И при этом не стеснялась смотреть в глаза!

А взгляд у нее был как у солдата, который идет в штыковую атаку.

Это тоже бесило. Женщины никогда не смотрели на него так. Будто на врага. Он ей настолько неприятен? Или она решила, что один брат не лучше другого?

Альрик выругался.

Гюнтер! Еще одна причина его ярости. Сколько раз предупреждал гаденыша? И вот опять. Правильно бабушка отходила его тростью. Превратил дворец в разбойничье логово, да еще позарился на любимую фрейлину Камелии!

Пришлось срочно выслать поганца в Касль. Там нет хорошеньких маленьких вайнорок, там вечные снега, обветренные скалы и гарнизон из старых солдат. В такой компании не забалуешь.

Осталось извиниться перед королем Бертольдом. Своей так называемой невесте Альрик уже выразил сожаления, пообещав позаботиться о будущем пострадавшей фрейлины. Подберет ей титулованного мужа, даст хорошее приданое. Какое-нибудь поместье на берегах Нерина с приличным годовым доходом. Тогда, может быть, ее высочество сменит гнев на милость.

С этой свадьбой все идет наперекосяк. Альрик так и не дознался, кто от его имени велел недокармливать вайнорцев. Гоф-командор Вактик допросил поваров – те кивали друг на друга и пожимали плечами. Приказ будто из воздуха взялся! А Камелия теперь и эту мелкую обиду готова ему припомнить...

– Как по мне, ваше величество, надо брать. Раз сама дает, – сказал Болли и ухмыльнулся в кудлатую бородачку.

Альрик рассмеялся.

Когда они были наедине, отец Эми не горбился, не егзил и не угодничал, как на публике. Его советы были просты и толковы, а пошловатые шутки поднимали настроение.

Болли без спросу подошел к винному шкафу в виде птичьего домика, достал любимую пузатую бутылку и пару чарок простого зеленоватого стекла.

– А вот с господами Флоссенем и Гаус-Ванденом, – продолжал он, – лучше обождать годок-другой. Пусть расслабятся. А вы за это время укрепитесь.

– Так-то оно так, – вздохнул Альрик. – Но король Бертольд обидится, если я отниму силу у его дочери. Он и так волнуется. Мои дары ему покоя не дают, старому тритону.

– А вы ему пропишите все, как есть. Ее, мол, высочество меня как мужа принять отказалась, должен же я хоть какое-то возмещение иметь? Ежели он свою дочь соблюсти не сумел, с вас-то какой спрос?

Альрик хмыкнул. Грубо, прямолинейно, но что-то в этом есть.

– Значит, брат, говоришь? – он сделал глоток и покатал жидкость во рту, наслаждаясь ягодно-кедровым вкусом. Хороши все-таки у Болли бальзамы!

Настроение стало потихоньку подниматься.

Но купчишка тут же все испортил. Никакого такта у человека.

– За дочерьми нынче глаз да глаз нужен, – рассуждал он. – Я свою Эмку в кулаке держу, чтоб на сторону глядеть и думать не смела. А то

повадился граф Скадлик подарочки таскать...

Альрику сразу вспомнилось, как сжал зубы Даниш, выслушав королевскую волю. Даже не понял, что ему оказана честь – беречь то, что Альрик по-настоящему ценил.

Тому же Скадлику он бы свою Эми не доверил.

Альрик даже не потребовал от Даниша не прикасаться к ней. Был уверен, что тот и так будет обходить спальню навязанной жены стороной. Но точила душу опаска. Эми слишком хороша. Как бы Рауд не увлекся! А женщины существа непостоянные, у них кто перед глазами, тот и на сердце...

Король залпом допил бальзам и велел Болли убираться. Затем подошел к окну и прислонился лбом к холодному стеклу.

Ночью ему снился отец. «Молодец, – говорил он. – Все идет, как надо. Я горжусь тобой». Почему же на душе так скверно?

За спиной скрипнула дверь.

– Что еще, Болли? – раздраженно спросил Альрик.

В ответ раздался нежный шелест, какой издают только женские шелковые юбки.

Он обернулся.

В дверях стояла Эми, прекрасная, как летняя заря, и испуганная, как лань при виде охотника.

– Прости, Альрик, я знаю, что не должна была приходить, но я так соскучилась. Ты ведь не прогонишь меня?

– Эми!

Он в три шага оказался рядом и заключил свою стрекозку в объятия, с наслаждением вдыхая аромат ее волос, ее кожи, чувствуя, как кровь бежит быстрее, а сердце жарко бухает в груди.

– Я тоже скучал.

– Тогда, – она кокетливо склонила головку к плечу, – я могу ненадолго остаться?

Привстала на цыпочки и легонько куснула Альрика за мочку уха.

Утром я проснулась и поняла, что зря обидела Рауда. Может быть, его затея окончится плохо. Но как бы я сама поступила на его месте? Отдала силу, уехала подальше и спокойно смотрела, как король разрушает себя и страну? Эта зима – только начало. Если Рауд прав,

дальше будет хуже. А если права Камелия, нас ждут не только природные напасти, но и войны.

Возможно, беду еще не поздно остановить и способ Рауда точно лучше способа вайнорцев. Сердиться на него нельзя и отговаривать нельзя. Все равно не отговорится, только потратит на спор душевные силы. А силы ему нынче ночью пригодятся – и душевные, и телесные, и магические, и все, какие только ни есть в человеке.

Надо объясниться с ним до церемонии, и сделать это лучше лично, а не мысленно, на расстоянии, когда не видишь лица и не знаешь наверняка, слышат тебя или нет.

Где живет Белый Граф, я выяснила. Половину пути прошла тайными ходами, придумывая, что и как скажу. Сердце колотилось, будто перед выпускным экзаменом. Как он меня встретит? Вдруг и слушать не станет?

Ход вывел в коридор, затканый незнакомыми желтыми цветами. Пахли они почти как живые. Я полной грудью вдохнула сладкий аромат, повыше подняла хвост и двинулась вперед.

Прямо навстречу неприятностям.

В конце коридора распахнулась дверь. Из нее с шумом вылетел Грыз, увидел меня и встал как вкопанный, растопыбив кривоватые лапы. Его тяжелая челюсть выпятилась, в пасти заклокотал рык.

Сердце у меня вмиг скатилось к самому хвосту... а потом медленно-медленно вернулось на место.

Я всегда могу влезть на стену, верно? По листочкам и цветочкам. Но для начала попробую по-другому.

«Стой, Грыз, – сказала, глядя прямо в свирепые глазки. – Я не кошка. Я человек, а ты не можешь нападать на людей. Хозяин тебя за это по головке не погладит».

Рык перешел в ворчание, глазки мигнули, и во всем облике пса проступила неуверенность.

Он услышал меня? Услышал и понял?

Я была так занята нашим противостоянием, с таким вниманием следила за каждым движением бульдога, что не замечала ничего вокруг – и шаги за спиной уловила, лишь когда Грыз встрепенулся всем своим бочкообразным телом и отскочил назад, клацнув когтями по полу.

Окаменелый паркет дворца не умел ни скрипеть, ни гнуться, но даже он загудел от удара тяжелого каблука, с силой впечатанного в пол. Зычный голос, каким хорошо отдавать команды на плацу, гаркнул:

– Поди прочь, уродец! Вот я тебя!..

Не думала, что когда-нибудь буду рада виконту Дегерингу!

Я обернулась, чтобы посмотреть на своего спасителя. Но, кроме сапог, ничего увидеть не успела...

Сверху упала душная ночь с запахом шинели. Спутала, спеленала, подхватила, взметнула куда-то вверх и понесла. Ни вырваться, ни закричать! Ночь смыкалась вокруг, как кольца удава. Когда разомкнется, чую, будет вместо кошки яйцо всмятку. Даже мысли сплющились в жаркую лепешку, скворчащую паникой, в глазах зарябило от нехватки воздуха...

Рауда я звала уже под нарастающий шум в голове, не думая, услышит ли он, придет ли снова или скажет: «Ну тебя, надоела».

Эти страхи проклюнулись немного погодя, когда Дегеринг ослабил хватку, давая мне вздохнуть.

Под его сапогами хрустел снег. Я не могла понять, где мы и есть ли вокруг еще кто-нибудь, но на всякий случай закричала:

– Мя-а-а-у!

– Не вопи, дурья башка, – мою голову сжала тяжелая ручища. – Я квартиру в городе снял. Там тебя никакие собаки не достанут. Управимся тут, заберу в Вайнор. Будешь жить как королева! А там подберем тебе пару, вывезем вас в Приют Зимы на пару месяцев, устроим случку... Такие котята пойдут, что дамочки в столице фамильные бриллианты закладывать станут, лишь бы одного получить!

Дегеринг бормотал что-то еще, поспешая по снегу почти бегом, а потом вдруг остановился, будто налетел на препятствие.

Музыкой для моих ушей прозвучал знакомый голос:

– Я говорил вам, Дегеринг, это моя кошка.

Удав разжал кольца, шинель взмахнула серыми крыльями, как подбитый коршун...

Воздух! Свежий, морозный, вкусный!

Я свободна!

– Иди ко мне, – сказал Рауд.

И я с разбегу прыгнула к нему на руки, успев заметить, как виконт, дрыгая ногами, задом выбирается из сугроба.

– Не думал, что вы опуститесь до кражи, – сказал ему Рауд.

– Вам эта кошка не нужна, – тяжело отдуваясь, пробасил Дегеринг. – Вы отдали ее принцессе.

Он весь был в снегу – гвардейский мундир с галунами, непокрытая голова, красное от унижения лицо и растрепанные усы.

– Но принцессе она тоже не нужна! Если бы не я, ее сожрала бы собака. Дурная тварь нечистой породы. Держать таких в королевском дворце – стыд!

Он судорожно отряхивался, пыхтя, как паровоз под парами. Но это не помогало. Началась метель. Снег, обтекая нас с Раудом, сыпался на Дегеринга сплошным валом.

– Оденьтесь, виконт, – посоветовал Рауд. – Простудитесь.

Снежные феи резвились вовсю. В вайнорца летели снежки; вспышки волшебных жезлов в крохотных ручках превращали снег, налипший на его волосы и усы, в сосульки, снежные ручейки струились вверх по начищенным сапогам и сыпались за голенища.

Когда Дегеринг повернулся, чтобы поднять шинель, легкая пороша под его подошвами обернулась льдом. Виконт попытался устоять, нелепо взбрыкнул и шлепнулся носом в сугроб, а едва вынырнул, на него обрушился шквал снежков.

– Ну знаете, Даниш! – заревел Дегеринг. В снегу с головы до ног он был похож на белого медведя, вставшего на задние лапы. Медведя в крайней степени свирепости. – Это уже оскорбление! И вы мне за него ответите!

Его рука легла на рукоять сабли.

– Не сейчас, Дегеринг, – сказал Рауд. – До церемонии моя жизнь принадлежит королю Ригонии, а после я к вашим услугам.

Виконт выругался себе под нос, завернулся в шинель и побрел к дворцу. Я обняла Рауда за шею обеими лапами и спрятала голову у него под подбородком.

«Не вздумай с ним драться, слышишь!»

Наши снежные шарики проснулись – мой и Рауда, я грудью чувствовала крупную горошину под его тонким сюртуком, под сорочкой, в ямке между ключицами. Теперь он тоже мог говорить со мной мысленно.

«Мне не придется, – легко отозвался Рауд. Он погладил меня, а потом наклонился и поцеловал в мохнатую кошачью шею. – Говоря откровенно, я дрянной фехтовальщик. И стрелок никудышный. Я всегда полагался на магию. Это Карстен, несмотря на юные годы, управлялся с клинком виртуозно».

Но это ему не помогло. Потому что короли, как и их братья, никогда не дерутся честно. И победить их честно тоже нельзя.

В личной гостиной принцессы Вайнора нас собралось пятеро заговорщиков – четыре человека и одна кошка. Герцог Клогг-Скрапп откинул крышку неброского перстня, который носил на мизинце, и положил на стол маленькую жемчужину.

– Таких в сокровищнице моего кузена всего две. Комнату накроет, но лучше не рисковать. Прошу всех сесть поближе.

Камелия и баронесса Хендевик перебрались с дивана за стол. Рауд помог усесться принцессе и ненароком придвинул пятый стул – для меня. Он один знал, что кошка тоже посвящена в заговор. Но и остальные моему присутствию не удивись. Они привыкли, что Белка всегда в гуще событий.

За баронессой Хендевик герцог ухаживал сам.

Эйланка заняла рядом с принцессой место графини Виртен, и та уступила без боя, явно подчиняясь приказу Клогг-Скраппа.

Я думала, он будет против нового плана, ведь полной уверенности в успехе этот план не давал, но герцог вцепился в предложение Рауда, как голодный кот в только что пойманную мышь, а вызнав подробности, помолодел, казалось, лет на десять.

Меня это порадовало. Не хотелось считать Вильфреда Клогг-Скраппа законченным злодеем, способным без сожаления выпустить в мир темных богов...

– Только прошу тебя, Ками, – обратился он к принцессе. – Ничего не говори Фьюго.

– А по-моему, напротив, ему следует знать, – возразила Гелеона. – Или юноша может наломать дров. Он и так держится из последних сил. Тем более что кавалеру Джеручу прислали именно приглашение из храма. Боги отметили его.

Камелия испуганно посмотрела на Рауда.

Тот сидел, погруженный в себя, и хмурил лоб.

– Вас что-то беспокоит, граф? – спросила Гелеона Хендевик.

Он поднял голову, оглядел собравшихся за столом:

– Никто из вас не получал подарков от семейства Болли, от самого кавалера или от госпожи Хьяри? Вино, чай, сладости или иные угощения?

– Кавалер Болли на днях вручил мне бутылку своего бальзама, – герцог взглянул на Белого Графа с удивлением.

– Госпожа Хьяри предлагает всем настойку от мигрени, – вспомнила баронесса. – Я купила пару склянок, но не пила.

– Мне она прислала конфеты, – сказала Камелия.

– Вы ели их?

– Нет пока, но... в чем дело, граф?

– Не ешьте и не пейте.

– Думаете, нас хотят отравить? – усомнился герцог.

– Едва ли. Но у меня имеются некоторые подозрения... По крайней мере, я не стану пить то, что прислал Болли.

– Простите, граф, это как-то связано с вашим предстоящим браком? – спросила Гелеона.

– Тут все связано, баронесса, – Рауд усмехнулся. – Не буду вдаваться в подробности, но есть основания считать, что кавалер Болли – фантум. Вернее, был таковым, пока не вселился в тело настоящего Болли, купца, мореплавателя и отца барышни Эмелоны.

Три пары человеческих глаз уставились на него в немом неверии. А я зажмурилась. Болли – фантум? Так это он... Чувал меня он, а не старуха Гиннаш! Черная ведьма, шаманка-отступница или кто она там. Должно быть, тогда, в доме Снульва, Болли подал ей знак, что под окном оборотень. И потом, уже во дворце, когда я подглядывала за ними с Эмелоной, он ощутил мое присутствие... Я, наверное, тоже чувала его, только не понимала этого. Рядом с Болли мне всегда было не по себе!

– Подлинное имя этого человека – Агмунд Хьяри. Его мать Гиннаш Хьяри стала нянькой Эмелоны. Агмунд служил у Болли корабельным помощником, но проворовался и был высажен на острове посреди Западного океана. Достоверных сведений о его дальнейшей судьбе нет. Могу предположить, что Хьяри попытался покинуть остров, приняв звериное обличье. Вероятно, он провел в таком виде слишком много времени и, достигнув суши, не смог снова стать

человеком. Тогда он отыскал своего обидчика и сам или с помощью матери завладел его телом. Поскольку Хьяри уже не был оборотнем в полной мере, его звериное тело после этого тоже было утрачено.

Рауд положил руку мне на спину, словно говоря: «С тобой такого не случится!» Потом достал и развернул листок бумаги.

– Хьяри подвели мстительность и тщеславие. В городке Кайлане, на родине Болли, хорошо помнят пышные похороны его лучшего друга Агмунда. Думаю, в могиле действительно найдутся останки какого-нибудь бедняги. Но я попросил, и мне прислали копию рисунка, сделанного на надгробье. Смотрите.

Я встала передними лапами на стол.

Не удивляйтесь, господа. Кошке тоже интересно.

На листке обнаружались непонятные значки, вписанные в схематично зарисованный орнамент. Широко расставленные крылышки, морда какого-то зверя... Собаки или волка с челюстью Грыза.

Сразу вспомнилась трость кавалера Болли.

– Что это за животное? – дрогнувшим голосом спросила принцесса.

– Летучий шакал. Творение темных богов.

Он же зверек по имени хьяри из шаманского видения в Зыби!

– А надпись? – нахмурился герцог. – Я не узнаю язык.

– Дазский? – предположила Гелеона.

– Верно, баронесса. Надпись гласит: «Тому, кто был рожден летать». Хьяри больше не оборотень, не фантум, по- этому Щит сновидцев, поставленный над дворцом, не распознает в нем угрозы. Но, очевидно, какие-то способности этот человек сохранил. Кроме того, ему помогает мать. Ее настойки, бальзамы и травяные сборы открывают фальшивому Болли путь в чужие сны. Занять чье-то тело он не в силах, но может исподволь внушать расположение к себе, подталкивать людей к нужным ему решениям. Думаю, именно он стоит за всеми безумными поступками Альрика.

– Но как такое возможно?!

Герцог, принцесса и баронесса заговорили одновременно, выплескивая свое потрясение градом вопросов, восклицаний и протестов.

– Чего он добивается? – нахмурился Клогг-Скрапп. – Он уложил свою дочь в постель Альрика... прости, Ками. Он свой человек при дворе. Зачем ему побуждать мальчишку забирать чужие дары?

– Очевидно, ему мало быть отцом королевской любовницы, – Гелеона сузила глаза и вопросительно посмотрела на Рауда. – Он хочет стать зятем короля?

Тот кивнул:

– А в дальнейшем, вероятно, регентом при малолетнем внуке. Ведьма Гиннаш должна позаботиться, чтобы все, кто этому мешает, покинули наш мир в удобный для его планов срок.

Принцесса тихо ахнула, и баронесса Хендевик сжала ее руку.

– Однако внезапная смерть короля, молодого, сильного, любимого народом и двором, вызовет слишком много вопросов. Другое дело, если король оттолкнет от себя ближайших сподвижников, станет причиной природных бедствий и вызовет недовольство в стране, постепенно сходя с ума от переполняющей его силы.

– Тогда его уход в мир иной воспримут как благословение богов, – мрачно закончил герцог. – И что вы намерены предпринять? Придать дело огласке? Даже если Собрание прислушается к вам и вынудит Альрика начать разбирательство, это займет месяцы, а Болли найдет способ вывернуться.

– Я намерен разоблачить мошенника на глазах короля и двора во время Ночи Всех Богов.

Рауд извлек что-то из кармана, а когда раскрыл ладонь, на ней вырос снежный шар.

– Это покажет его истинный облик. Если все увидят, что перед ними фантум, Болли конец.

Герцог, баронесса и принцесса обменялись взглядами.

– В таком случае, – вкрадчиво произнес Клогг-Скрапп, – Камелии не придется отдавать свой дар.

– Но мой дар уже отдан, – ответил Рауд. – И я не уверен, что Альрик пожелает вернуть его, даже освободившись от влияния фантума. А значит, угроза, которая толкнула вас на отчаянные меры, не исчезнет.

– Я сделаю, что должна, – прервала спор Камелия.

Рауд кивнул.

– Мы оба отдадим свои дары. Только так можно создать необходимый переизбыток силы.

– Но без магии вы не сможете использовать ловушку!

– Я сделаю это во время передачи, в самом конце, когда Альрика будет уже распирает от силы, – Рауд покачал снежный шар на ладони. – Соответственно, вы, Камелия, пойдете первой и, призвав Небею, убедите ее явить свою полную мощь.

Принцесса серьезно наклонила голову.

– Прошу вас, послушайте меня, вы оба! – Гелеона вдруг подалась вперед. – Вы привыкли покоряться воле богов, даже если она кажется несправедливой, вас так воспитали. Однако вспомните: темные боги ушли, когда люди отринули их, перестав приносить кровавые жертвы!

Она взяла за руку Камелию, а потом, потянувшись через герцога, и Рауда.

– Боги воплощают собой силы, которые мы вряд ли когда-нибудь постигнем до конца, с этим не спорит даже Зан Носса. Но как эти силы проявят себя, какой стороной обернутся, зависит только от нас. Я всего лишь человек и могу ошибаться в частностях, но уверена, что права в главном. Наши боги таковы, как мы сами. Они настолько же добры и мудры или жестоки и мстительны, как мы. А значит, мы не можем ожидать от них того, на что сами не способны.

Баронесса перевела взгляд с Камелии на Рауда.

– Если вы верите, что в Ночь Всех Богов не существует преград между нашим миром и незримыми мирами, между богами и людьми, поверьте, что преград не существует вовсе! Поверьте в себя. Вы можете все...

Ее прекрасные эйланские глаза горели, а у меня под шерстью бегали ледяные мурашки. В этот миг Гелеона казалась одержимой. Словно ее устами говорила неведомая богиня или сам Многоликий? Пальцы Камелии, стиснутые маленькой, но сильной рукой баронессы, побелели. Даже герцог Клогг-Скрапп смотрел на свою давнюю любовь с благоговейным ужасом.

Все вздохнули с облегчением, когда она разжала руки и вдруг хитро улыбнулась:

– Знаете, у меня возникла одна идея, совершенно безрассудная. Но как это бывает с безрассудными идеями, она имеет шанс

осуществиться и привести к очень интересному итогу. Если, конечно, удастся внушить некой юной особе, что порой обман – это благо...

Глава 25, *в которой все главное только начинается*

Ночь Всех Богов. Провал во тьму между вчера и завтра. Время концов и начал, когда все старое уходит, все плохое развеивается и жизнь заново берет разбег – чистая, ясная, звонкая, как солнце поутру, как капель весной. Верится: в ней не будет ошибок, обид и зла, в ней все сложится так, как мечталось в самые светлые минуты. Ночь чистого листа. Праздник безнадежной и неистребимой веры в лучшее...

В этот день город украшают ветвями елей и пихт, пышными лапами сосен, венками омелы и букетами можжевельника в бурых ягодах – всем, что продолжает жить и зеленеть среди снегов. На дверях и окнах вывешивают яркие светильники, обвивают лентами фонарные столбы и стволы деревьев. Люди веселятся дома и на площадях, в трактирах и ресторациях. В каждом храме проводят торжественную церемонию, больше похожую на карнавал – любой может войти без спроса и присоединиться к дей- ству.

Несмотря на метель, на улицах было шумно. Сани с гербом Вайнора пролетали мимо хохочущей молодежи и детей, играющих в снежки, мимо чинных семейств, которые раскланивались с соседями, желая им счастья и милости богов, мимо ярмарочных рядов и гуляющих толп. Альгота устала прятаться и выжидать. Альгота хотела праздника и собиралась предаваться развлечениям до утра.

У Храма Всех Богов народу тоже собралось порядочно. Рауд говорил, горожане приходят поглазеть на богатые кареты, на нарядную знать и самого короля, на черно-белое облачение служителей Двуликого, которые встречают почетных гостей у крыльца. Именно поэтому мы поехали не короткой дорогой через дворцовый парк, а сделали крюк по городу, чтобы подкатить к парадному входу на радость зевакам.

Храм Всех Богов изображали на картинах так же часто, как и королевский дворец. В жизни и тот, и другой оказались больше, чем

мне представлялось. Но если дворец был сильно вытянут в длину, то круглые бока храма напоминали тыкву, обернутую шкурой рептилии, такой же громадной, как само здание, – каждая чешуйка размером с тележное колесо и каждая переливается всем огнями радуги. В лучах мощных уличных лучезаров – я таких никогда не видела – по стенам гуляли красные, синие, зеленые сполохи, а высоко в небе поблескивали золотые шпили тонких башен. Но все это праздничное великолепие перечеркивалось косыми штрихами мутных белил – так густо летел снег, и яркий свет лишь привлекал к нему внимание.

Огромная двойная дверь храма стояла нараспашку, правая ее створка была белой, левая – черной. На белой горел золотом полукруг солнца, на черной мерцал серебряный месяц.

Я въехала внутрь на руках баронессы Хендевик. Храм пропустил меня беспрепятственно, хотя в списке приглашенных снежной кошки Белки, разумеется, не было, и служители-ули в балахонах Дзуликого не удивились четверолапой гостье.

В просторной передней всем входящим подносили старинного вида кубки со священным питьем, которое раскрепощает разум и позволяет видеть скрытое. Так велела традиция. Камелия было отказалась – она владычица стихий, пусть и с малым даром, зачем ей?.. Но служитель не отступал с пути, протягивая ее высочеству подносик с кубком, глаза из прорезей черно-белой маски смотрели с упреком. Камелия смутилась и выпила.

Мы вошли. В первый миг мне показалось, что в зале много ярусов и гости на них тоже в масках. Потом стало ясно, что гостей наверху нет, а маски есть. По окружности – статуи богов, самых важных, нужных и почитаемых, а по стенам – личины разных прочих, малых, слабых, неизвестных и забытых. Все они собрались тут, каждому нашлось местечко в общем доме. Все смотрели на нас и что-то про себя думали, и под взглядами сотен неживых глаз мне сделалось неуютно.

Людей в храме было много, но середина зала и дальняя его часть с алтарным камнем оставались пустыми. В центре этого свободного пространства начинался белый завиток Лабиринта Судеб – наши места помещались как раз напротив; от алтаря шел завиток черный. На полпути они встречались, сплетаясь в долгую спираль из черных и белых линий, выложенных круглыми камнями.

Последним приехал Альрик, и двери с луной и солнцем закрылись до утра. Никто не сможет ни выйти, ни войти, если не будет на то воли богов.

Главная церемония главного праздника года в главном храме Ригонии всегда совершалась за закрытыми дверями. Сказок о ней ходило много, но все были далеки от правды. «Гостям не позволено раскрывать подробности таинства», – объяснил Рауд. Однако владыки стихий, избранники богов, свободны от запрета.

От Рауда я и узнала, чего ожидать.

В час, когда падают заслоны, боги спускаются в земной мир и вселяются в служителей-ули, являя людям все лики Многоликого.

«Он – начало и конец. Он один знает, сколько на свете богов, сколько лиц проходит перед нами от луны и до солнца, ибо лица эти – его», – гласила надпись на алтарном камне. Я пробралась к нему за спинами гостей, чтобы своими глазами увидеть золотые буквы, вплавленные в дымчато-хрустальную поверхность.

Служителей, способных принять в себя богов, отбирали и готовили с юности. Не всякий вынесет бремя божественной силы, тут нужны люди, крепкие телом и разумом. Но порой, по особым случаям, боги входили и во владык стихий.

Прежде всего на церемонии посвящения – чтобы подтвердить их права и наделить всей полнотой подвластной силы.

Рауд прошел через это. Он хорошо помнил, как впервые в жизни ощутил, что такое настоящий холод. Зима распустилась в его сердце прекрасным ледяным цветком, остужая плоть и душу, пронеслась по жилам метелью, стала самой его сутью и изменила безвозвратно. «Я был слишком молод, – посетовал он. – Я был не готов».

Камелия такого опыта не имела. Но по официальному брачному соглашению ей предстояло впустить в себя бога моря, чтобы обеспечить верный порядок наследования даров. Небер должен был сковать в ней родовую магию до тех пор, пока хотя бы один из их с Альриком детей не получит дар плодоносной земли. После этого оковы исчезнут, и следующий ребенок королевской четы сможет обрести силу моря, если будет на то воля случая.

Для юной девушки, наделенной лишь малым даром, единение с богом обещало стать нелегким испытанием, опасным не только для телесного, но и для душевного здоровья.

Однако теперь Камелию ожидало дело еще более трудное – отдать силу другому, и никто не знал, как поведет себя божественный покровитель дома Маритимов. Море – своенравная стихия.

Храмовый зал залило светом. Сиял купол потолка высоко над головой, светились огромные статуи и маски на стенах. Воздух был словно напоен солнцем.

Нам выделили места в первом ряду. Принцессе и герцогу – мягкие кресла, дамам свиты – скамейки. Мужчинам полагалось стоять. За спиной Камелии врос в пол принц Фьюго, и, казалось, никакая сила не сдвинет его с места. Напротив, через зал, расположился Альрик с приближенными. Рядом с ним восседала на диване королева-бабушка. Под ноги ей поставили бархатную скамеечку.

Альрик был наряжен, завит и нес себя с подобающей важностью, но на расстоянии его фигурка казалась игрушечной. Король-марионетка.

Кукловоды держались в стороне. Болли со своей шакальей тростью и его мать, одетая придворной дамой, но с шаманским колпачком на голове, пристроились у арки, ведущей в переднюю. Простой кавалер и скромная знахарка – где еще им стоять? Между ними поникшей розой замерла Эмелона в алом наряде. Словно невеста, которую насильно ведут в Лабиринт.

Приглашения на церемонию рассылал храм. Как правило, по списку, представленному дворцом. Кому-то могли отказать, но это происходило нечасто. А иной раз на церемонии оказывались люди, которым по рангу и положению совсем не полагалось на ней быть. От Рауда я знала, что сегодня пригласили Хальфорда, и издали видела каталку, на которой того привезли. Даже фендрик Ойсин удостоился чести встречать Ночь Всех Богов в храме Двуликого – никто не знал, за какие заслуги. Ему тоже пришлось встать у входа.

Владыки стихий занимали кресла недалеко от алтаря. Герцог Флоссен, владыка речных вод, и маркиз Гаус-Ванден, владыка недр, известные взаимной неприязнью, сидели с одинаковым хмуро-неприступным видом.

Рауд уступил свое место плотному пожилому господину, в котором я не сразу узнала опального канцлера Соллена. Время от времени они о чем-то переговаривались, и Рауд посылал ободряющий взгляд принцессе. Или мне? В своем праздничном сюртуке он был

хорош, как жених на свадьбе, держался уверенно и непринужденно. Но в снежном шарике на моей груди отдавался учащенный стук его сердца...

Церемония началась с перезвона невидимых колоколов. Из двери за алтарем показалась вереница служителей-ули. В торжественном безмолвии они обошли Лабиринт и встали кольцом вокруг него, обратив к гостям двухцветные лица-маски.

Из той же двери появился еще один служитель. Он не отличался от остальных ничем, кроме того, что его маска была полностью белой.

В воздухе запахло прохладной свежестью. Ули в белой маске вошел в Лабиринт и двинулся по черной спирали, словно не касаясь пола. Вскоре стало видно, что с каждым шагом он в самом деле немного поднимается в воздух. Сердце замерло: вдруг упадет? Но служитель достиг середины Лабиринта и завис, по пояс возвышаясь над остальными, а они в это время декламировали уже знакомую мне формулу, и их голоса звучали гулким нечеловеческим хором:

– Бог один, но много их, свой лик для каждого дня. В миг сей узрите конец концов, в миг сей узрите меня!

Маска на лице служителя вспыхнула, подобно солнцу в летний полдень, он с ног до головы окутался белым светом, который прокатился по залу, как волна от брошенного в воду камня. Я зажмурилась. А когда открыла глаза, на месте человека в маске парил величественный старец в одеждах цвета пепла. Бело-пепельными были и его волосы, и его лицо, корявое, как кора дуба в бальном зале. В пепел он и рассыпался, а неосязаемый ветер швырнул этот прах на алтарь, и гладкая дымчатая поверхность впитала все до последней пылинки.

Остался только человек в белой маске. Усталой поступью он вышел из круга – по земле, как простой смертный, бросил маску на алтарный камень и скрылся за дверью.

Еще до того, как это произошло, в Лабиринт вступил другой служитель. Он не взбирался по невидимой лестнице, но, когда достиг центра, над ним воздвиглась фигура. Не такая осязаемая, как пепельный старец – всего лишь призрак, тень... Тень бога, который однажды пригрезился мне в игре бликов на спине огромного мамонта. Лет!

Я следила за церемонией не дыша и только сейчас заметила, что другие гости ведут себя как скучающая публика на спектакле, виденном уже раз десять. Но когда над залом поплыл тихий печальный звук свирели, по рядам прокатилось волнение.

Люди переглядывались, о чем-то спрашивали друг друга. Я разобрала:

– Что за похоронная музыка?

– Почему он не молодеет?

– Это не к добру!

Герцог наклонился к уху баронессы:

– Что-то не так?

– Обычно бог лета является в облике старика, играет что-нибудь веселое и вновь становится юношей, – ответила она. – Это знаменует начало нового годового цикла, пробуждение природы от зимнего сна. Но нынче, похоже, весны не будет.

Служитель между тем произнес священную формулу, подтвердив, что мы и правда узрели лик лета, и ушел, оставив свою маску на алтаре. Маска растаяла. Алтарь вобрал еще один лик бога, и мне почудилось, что воздух над камнем чуточку потемнел. К концу ночи из этого потемнения должны вырасти Врата Вечности...

Следующим был бог ветра, за ним богиня гор, бог дорог, богиня ночи, богиня чистоты... Помню, я очень удивилась, узнав, что есть и такая.

Гости успокоились – все шло привычным чередом. Над залом грохотал гром и сверкали молнии, порхали бабочки, кружились осенние листья, разносились запахи ягод и свежескошенной травы. Ули исчезали за дверью и возвращались опять, надев новые маски, чтобы дать дорогу новым богам. Церемония обещала быть долгой. Кое-кто из сидящих клевал носом, стоящие утомленно переминались с ноги на ногу.

Для меня все было внове, но первое потрясение улеглось, и ожидание начинало изматывать. Я ехала в храм полная боевого задора, я верила, знала: все получится! Нежа на нашей стороне, иначе зачем она привела меня к Рауду?

Я так и сказала ему перед выездом, а он напряженно улыбнулся и поцеловал меня в лоб.

Замкнуть круг богов, круг лиц должно было второе воплощение Двуликого – юница в золотых одеждах. Символ нового начала, надежды и самой жизни. После этого Врата, открывающие путь в незримые миры, обретут материальность. Рауд говорил, они похожи на сгусток звездного мрака. В финале церемонии каждый сможет заглянуть в бездну, скрытую за ними, и увидеть кусочек своего будущего, связанный с чем-то важным, сокровенным, таящимся глубоко в сердце. Этому ритуалу и подражали снежные феи на Зимнем балу.

Но юница не могла прийти, пока не явят себя все боги. А двое из них выбыли из общего ряда.

Камелия сидела, стиснув руки на коленях и не шевелясь. Казалось, тронь, и зазвенит, как натянутая струна. Я же смотрела на медленно созревающие Врата и думала: «Хорошо, что кошки не потеют». Иначе я была бы мокрой от страха.

Грянули фанфары. Вперед вышел придворный церемониймейстер и стукнул жезлом.

– Сегодня, в Ночь Всех Богов, ночь радости, чудес и откровений, состоится помолвка его величества Альрика Тордуса Сиверта, короля Ригонии из дома Бордикетов, и ее высочества Камелии Аннеборги Сесилии, принцессы Вайнорской! Но прежде ее высочество Камелия в знак любви и уважения преподнесет будущему супругу магический дар моря, врученный ей богом Небером и богиней Небеей! Таково собственное желание ее высочества!

– Не ули, – углом рта проговорил герцог. – Объявление делает не ули.

– Храм не одобряет, – так же тихо согласилась с ним Гелеона.

Гости мгновенно проснулись. Происходило нечто такое, чего никто не ожидал.

Королева-бабушка распахнула глаза, как разбуженный филин. Владыка речных вод и владыка недр, забыв вражду, наклонили друг к другу головы и зашумели.

Вайнорский посол за спиной герцога Клогг-Скраппа возмущенно сопел. Его предупредили перед самой церемонией – поставили перед фактом, отказавшись что-либо объяснять.

Принцесса судорожно вздохнула и, поднявшись, решительно зашагала к Лабиринту Судеб. Навстречу ей двинулся Альрик. У начала белого завитка они сошлись, король поцеловал невесте руку, проворковал какую-то галантную чушь и остался ждать. А Камелия по дорожке, обозначенной низким каменным бордюром, направилась вглубь Лабиринта.

Сегодня волосы ей подкололи так, чтобы на спину, одетую бархатом цвета морской волны, ссыпался каскад локонов, похожий на пену бурных вод. Дочь моря, тоненькая, упрямая и невыразимо одинокая, Камелия одолела спираль Лабиринта, встала в центре и развернулась лицом к Альрику.

Она не стала произносить слова о днях и лицах. Но дохнуло морем, слышались крики чаек, дамы схватились за прически и подола платья – по залу пронесся порыв влажного соленого ветра.

А потом там, где стояла принцесса, взметнулся водяной вал. Серо-стальной пенный столб с ревом поглотил девичью фигурку. Гости громко ахнули. Принц Фьюго вцепился в спинку кресла, в котором пять минут назад сидела Камелия. Герцог закусил побелевшую губу, рука его мяла сюртук на груди. Лишь служители Двумликого, осыпанные брызгами, стояли вокруг Лабиринта невозмутимой стражей.

Волна поднялась под сияющие своды и опала, отлившись в человекоподобную фигуру с буйной гривой волос и косматой бородой. В следующий миг борода стекла вниз, раскинулась подолом платья, волосы, волнуясь пенными змеями, вытянулись до пола: в центре Лабиринта стояла Небея, могучая и суровая.

Альрик, бледнее полотна, приблизился к ней. Медленно, с неохотой, богиня наклонилась и припала к его губам.

– Она проглотит его! – вскрикнул женский голос.

Альрик закашлялся, подался было назад, но совладал с собой, и огромная богиня-волна стала на глазах уменьшаться, словно он вбирал ее в себя, пил, как воду из фонтанчика в парке – до тех пор, пока море не сошло на нет, оставив в его руках обессиленную хрупкую девушку. А за плечами короля встала тень Небеи, подтверждая, что дар принят.

Камелия высвободилась из объятий жениха и двинулась прочь, спотыкаясь, будто слепая. Принц Фьюго дернулся на помощь, но герцог удержал его.

До границы Лабиринта Камелия дошла сама, там ее подхватили ули в черно-белых балахонах, бережно довели до места и передали Фьюго. Все видели, как невесту короля поддерживал, обнимал и усаживал в кресло эйланский секретарь.

Но самому королю не было до них дела. Его лицо горело, волосы на голове шевелились, будто их трепала невидимая рука. Воздух вокруг дрожал и искрился.

Когда церемониймейстер объявил, что Белый Граф тоже желает передать его величеству свой дар зимы в качестве подарка на свадьбу, в зале поднялся ропот. Напрасно стучал об пол церемониальный жезл. Гости уgomонились лишь после того, как Альрик вызвал гром и молнии, обратившись к своему второму дару – дару дождя.

А еще стало вдруг заметно, что фендрик Ойсин не единственный королевский гвардеец в зале. Меж кресел и скамеек возникли рослые офицеры с золотыми аксельбантами и кистями на парадных кушаках. К кушкам были прицеплены настоящие боевые сабли.

Рауд вошел в Лабиринт. Он был неестественно бледен, двигался медленно и скованно, будто через силу. На этот раз Альрик не стал ждать снаружи, а последовал за ним.

Гости жались друг к другу, мужчины поднимали воротники, дамы кутались в шали и накидки, ожидая, что сейчас на них обрушится вся ярость зимней стихии. Время шло. Рауд и Альрик стояли друг против друга в сердце Лабиринта... и ничего не происходило. Призвать богиню мог только владыка зимы. Но Альрик им так и не стал, а Рауд, наверное, уже не был. Или все-таки?.. Белая прядь в рыжих волосах серебрилась, как свежий иней в лучах лучезара. Хватит ли его сил, чтобы заставить богиню явиться?

«Нежа», – с замершим сердцем шепнула я.

И она воздвиглась ледяной колонной там, где были Рауд и Альрик, поглотив обоих. Длинная бледная фигура, усыпанная колкими искрами. В ее глазах была ночь, в венце сверкали обжигающе холодные звезды.

Я взгляда не могла отвести от этих звезд. Внутри все дрожало, в ушах выла пурга, заходились хохотом снежные твари, и витязи бряцали алмазными пластинами своих панцирей. А Рауд был там – в сердце этого ледяного ада...

Он ведь жив? Он справится? Камелия же справилась!

На спину мне опустилась рука, и я невольно вздрогнула всем телом.

– Не бойся, граф знает, что делает, – прошептала баронесса Хендевик.

Рауд не сказал, кто я на самом деле, ни ей, ни вайнорцам, но просил не мешать и не останавливать, что бы я ни делала. После этого заговорщики стали смотреть на кошку Белого Графа с любопытством и легкой опаской.

Ледяная фигура богини начала таять. Она оплывала, будто свеча, и в то же самое время теряла вещественность, становясь прозрачной. Сквозь нее стало видно двоих мужчин, вцепившиеся друг другу в плечи, словно борцы на арене.

Снежный шарик у меня на шее вдруг ожил:

«По-о... ра, Ко-о... ш... ка-а...»

Слова звучали тягуче и едва разборчиво, словно у того, кто их произносил, заплетался язык. Или мысли.

Я перевела взгляд туда, где воплощались Врата Вечности. Явление двух последних богов сделало их больше и плотнее. Пятно мрака в блесках звезд уже касалось алтаря и было достаточно велико, чтобы вместить человека, а сам мрак стал глубоким, теплым, таинственным, как летняя ночь у моря.

Одна звездочка там, за гранью нашего мира, горела особенно ярко.

Глядела на меня, подмигивала. Звала.

Если все пройдет, как задумано, и Альрик не сможет удержать новообретенную силу, церемония будет сорвана, в зале начнется хаос. Что будет с Вратами, одним богам известно. Значит, я должна войти в незримые миры до того, как это случится. Рауд сказал: «Иди, как только Врата проявят себя в должной мере. Что бы ни происходило в зале, иди! Другой возможности не будет».

Я снова слышала его сердце – оно билось медленно и тяжело. Слишком тяжело.

Даже если он ослабел, если ему плохо, так не должно быть!

«Что с тобой?» – окликнула я.

«И-и... ди».

Трое служителей Двумликого обернулись и уставились в мою сторону. Услышали?

Я соскочила на пол и побежала. Мимо кресел, ног и подолов, мимо ули в двухцветных балахонах наискось по черно-белой вязи дорожек Лабиринта – к Вратам. В прыжке оттолкнулась от края алтарного камня и влетела в мерцающую тьму, где ждала, манила... сияла только для меня моя звезда!

«Это не может быть магия», – думал Рауд, оборот за оборотом приближаясь к центру Лабиринта. Он бы заметил, почувствовал. Сам храм пресек бы нападение... Сюда даже сновидцам хода нет.

Тело казалось чужим, перед глазами плыло. Хуже того – мысли теряли четкость, а сила, всегда бывшая такой же его частью, как кожа или кровь, сейчас ощущалась чем-то инородным. Дряблой, иссохшей медузой, вытащенной на песок умирать.

Это началось еще до того, как Камелия призвала Небера, но казалось лишь легким недомоганием. Нервы? Усталость? Ерунда, не стоит внимания! Но едва он попытался встать, как воздух словно бы превратился в стоячую воду, забитую шугой, а на плечи легла гранитная плита.

Он все-таки дошел, и Нежа явилась, потому что только в эту ночь тот, кто служит, может требовать, а не просить. Студеный ветер плетью обвил их с Альриком, толкая друг к другу.

– Равнове-е-сие, – пело-гудело в воздухе. – Равновесие-е-е...

– Отдаешь? – спросил холодный, запредельно далекий голос.

– Отдаю, – ответил Рауд.

И это случилось.

Он смотрел в сияющие торжеством глаза напротив, чувствуя, как самая его суть утекает... нет, не к одурманенному безумцу – в никуда.

Постой. Одурманенному?..

Рауд застыл.

Кто поставляет храму священное питье – не любимец ли короля Болли?

Самое время было использовать ловушку. В ней есть сила зимы, в храме есть сила зимы, и в Рауде – крупица, но тоже пока есть; вместе этого хватит. Одна загвоздка: ему нужно видеть Болли. Чтобы подцепить на крючок взгляда искру темной души...

Рауд попытался разжать хватку на плечах Альрика и не сумел. Хотел обернуться и понял, что не может пошевелить и пальцем. Тело

больше не служило ему.

А разум?..

Темные боги, что он только что собирался сделать? Он не помнил!

Сознание засасывало в омут, остатки силы ускользали.

Что-то он должен...

Кошка!

Надо окликнуть ее. Подсказать.

Поле зрения сузилось, окаймилось тьмой, но он сумел рассмотреть, как Кошка вприпрыжку бежит к Вратам, как колышется ее пышный хвост и мелькают пушистые штанишки.

Когда все это скрылось по ту сторону звездной тьмы, он собрал остатки воли и швырнул себя в ловушку...

Будто очнулся от кошмара.

Синь над головой. Легкий снег. Воздух, которым можно дышать вдоволь.

Иллюзия...

И скоро она угаснет. Он не сможет поддерживать связь с бесчувственным телом.

Хитрый мерзавец Болли все просчитал наперед.

Если во время передачи дара человека разобьет паралич, если у него помутится разум, – это печально, но не удивительно.

Возможно, позже несчастному станет лучше. Ровно настолько, чтобы красавица нареченная в порыве благородного сострадания смогла выйти за него замуж.

А спустя некоторое время боги призовут беднягу в Небыль. Закономерный исход, который ни у кого не вызовет вопросов.

– Рауд!

Отец появился сразу, как почувствовал его присутствие.

– Наш человек в городе уже извещен. Но пока он свяжется с врачом, пока проберется через толпы на улицах, пока добьется прохода в храм, может быть слишком поздно. Я не властен над твоим телом. Я не властен над явью. Однако я могу забрать тебя в Гнездо.

– Жизнь без тела? – Рауд усмехнулся. – В вечном сне?

Надо возвращаться, пока тоненькая ниточка, связывающая его с материальным миром, не прервалась.

Не все потеряно. В зале у него есть друзья. Кто-нибудь догадается, что с ним произошло.

Варди Соллен, Склогг-Крапп, баронесса Хендевик.
Кошка...

Глава 26, ***в которой со мной происходит то, чего не может быть, и то, чего не может быть никогда***

Звезд не было. Совсем. Я просто провалилась в темноту – как в яму, которую тут же задвинули камнем. Даже острые кошачьи глаза не сразу привыкли к непроглядному мраку.

Из мрака выступил лабиринт. Не такой, по какому я только что бежала напрямик, перепрыгивая через низкие округлые бордюры из черных и белых окатышей. У этого лабиринта были высокие стены, у стен – острые грани, гладкие и холодные, как стекло, и черные, как все вокруг.

А выхода из лабиринта не было. Врата, через которые я прыгнула за своей звездой, то ли закрылись, то ли с этой стороны мира не существовали вовсе.

Оставалось одно – идти вперед, стараясь не думать о том, что этот прыжок мог быть роковой ошибкой, а звезда лишь бликом от огней в храмовом зале, который исчез вместе с Вратами. Грани стеклянного лабиринта должны хорошо ловить блики...

Шаманка говорила, мой дух и мое тело узнают друг друга и потянутся навстречу, но привести одно к другому я должна сама.

Только как это сделать, если лабиринт все время перестраивается?

Грани ломались и двигались, поперек дороги вырастали стены, в тупиках открывались проходы, коридоры меняли направление, как змея, не знающая, куда ей ползти, – а потом все вдруг опрокидывалось на бок или переворачивалось вверх ногами. Я не падала. Лишь голова кружилась от бесконечных кувырков.

Когда Свен и Свяна сказали, что я должна войти в лабиринт, который из лабиринтов они имели в виду: тот, в храме, или этот, непонятно где? Что это за место: Небыль, Зыбь, мир богов, мир снов, шаманский мир духов? Или все незримые миры, слитые воедино?

Даже впустив меня к себе, они не желали открывать свои тайны, прячась под пологом мглы.

За очередным поворотом я увидела свет, но проход к нему перегораживала высокая фигура в длинных одеждах. В ярком сиянии, идущем из-за ее спины, фигура казалась совершенно черной.

– Поди прочь! – раскатился по коридору грохочущий голос. – Смертным хода нет!

От этого грохота все мои шерстинки встали дыбом, по коже ознобом пробежал ужас, но... словно бы ненастоящий, а такой, какой чувствуешь, читая страшную книгу при слабенькой свече.

– Я пришла за своим телом!

– Твое тело здесь? Так здесь и останется!

Сияние из недр коридора растеклось по стенам, осветив говорящего, и я узнала морщинистое лицо Двуликого-старца.

– Мне обещали, что ты поможешь!

– Кто обещал?

– Свен и Свяна.

– Вот у них и проси.

– Свен! Свяна! – позвала я.

На лицо старца словно бы упала вуаль, а в следующий миг на меня взглянул светлородый Свен.

– Ты не выполнила уговор, не сослужила нам службу, – объявил он, сдвинув брови.

– Но вы так и не сказали, чего хотите!

Свена сменила Свяна.

– Ты не выполнила уговор, – подтвердила она.

А меня вдруг затрясло. Я одна в неизвестности, где живым не место, лицом к лицу с богами, и мне нечего им предложить, нечем убедить. Может быть, я никогда не вернусь в земной мир, может, меня уже нет и все это бред угасающего сознания?

– Нежа!

Ночные глаза взглянули с холодного лика:

– Меня не проси. Я дала тебе все, что могла.

– Двуликий!

Теперь на меня смотрело веснушчатое девичье лицо.

– Так и быть, – сказал звонкий голос. – Отгадай загадку и сможешь пройти. Кто я?

- Двуликий...
- Неверно.
- Многоликий!

Девушка рассмеялась и вновь стала старцем, потом бородатым мужчиной, потом женщиной с зеленой кожей и снова девушкой, только черноглазой...

- Еще одна попытка.

Лица продолжали меняться, и это было так жутко, что я зажмурилась. Боги, старые и новые, известные и неведомые, сотни лиц – сотни имен, и каждое вновь будет неверным! Единственная мысль, за которую я могла уцепиться... Если на один безумный миг допустить, что Гелеона права и все зависит от нас самих, если это мы делаем богов тем, что они есть, если в эту ночь нет ни границ, ни заслонов, и все, что ни существует на свете, становится одним...

- Ты – это я.

Лабиринт распался и собрался вновь, пространство залил свет. Теперь вокруг было просторно, а стены превратились в зеркала, и из каждого глядело мое лицо – лицо Карин Эльс.

Лабиринт отражений. В сказках о таком тоже говорилось.

Что мне делать? Угадать, какое из лиц по-настоящему мое? Но их тысячи!

Лица засмеялись в ответ, а я поняла, что плачу. Слезы катились вдоль носа, холодя кожу сквозь короткую в этом месте шерстку. Я – кошка, которая плачет, шла мимо бесконечных отражений и искала человеческое лицо, которое тоже плачет. А когда нашла, поняла, что меня опять обманули. Потому что мое лицо заговорило со мной как чужое.

– У тебя есть три желания, – сообщило оно и превратилось в лик Двуликого-старца. – И у тебя есть выбор. Это последнее испытание. Загадай верно, выбери без ошибки и получишь искомое.

Но я уже не верила...

Может, в этом все дело? Шаманка сказала: «Надо верить!»

Надо понять, чего я хочу. Кроме своего тела. Что я могу, маленькая кошка, дочь модистки, отказавшейся от своей природы, и плотника, который боялся оборотней?

Не мне тягаться с богами, королями, великими магами и владыками стихий. Но разве я многого прошу? Вернуться назад

человеком. И чтобы Рауд был цел. И чтобы все стало... правильно. В нашем, людском, мире по ту сторону зеркала!

Зеркальная стена сделалась прозрачной, и я увидела зал Храма Всех Богов – с высоты, словно из-под потолка. Прямо подо мной черно-белой змеей вился Лабиринт, и там, где сходились его кольца, в самом центре неподвижно лежал Рауд, а над ним возвышался ошарашенный Альрик.

– Что с ним? Он жив? – я обернулась к Двуликому. – Помогите ему!

– Это твоё желание? – спросил он.

– Да, да! Спасите его!

Внезапно я осознала, что до сих пор думала о богах, как о людях, только старше, сильнее, мудрее – особой безжалостной мудростью. Однако сейчас, глядя в бесстрастный пепельный лик, поняла, что ошибалась. Боги – это нечто иное... Голос самого мира, который строит себя из неведомых и непостижимых сил, используя наши устремления как связующий раствор. Мира, который хочет сделать себя лучше и от нас ждет лучшего...

За зеркальной стеной было видно, как в храмовый Лабиринт вступил еще один служитель-ули. За ним тенью следовал Двуликий.

И Двуликий стоял передо мной.

Но мой был старцем, а там, внизу, гостям явилась юница, чтобы замкнуть круг богов, заново запустив цикл времени.

– ...в сей миг узрите начало начал...

– Прошу вас! – закричала я. – Он сможет! Дайте ему шанс!

Тень с девичьим лицом склонилось над Раудом, и сейчас же скрюченное тело на полу зашевелилось и село. Гости, замершие в испуге и потрясении, разразились радостным гулом. Может быть, кто-то из них даже решил, что это часть церемонии?

Рауд сморщился, потер лицо и...

Все провалилось в кромешную темноту.

Не стало ни храма, ни богов, ни зеркал, ни лабиринтов.

Я позвала Нежу, Свена, Свяну, Двуликого. Позвала Рауда...

Не может быть, чтобы все закончилось вот так!

Двуликий сказал, это испытание, проверка. Я прошла ее, разве нет? Неужели я не достойна, чтобы мне хотя бы указали путь в мир

людей?

Никто не спешил ответить. Я исполнила свою службу, и меня бросили, как ненужное орудие.

Оставался еще амулет, данный шаманкой. Но он предназначен для того, чтобы вернуть дух в тело, ждущее в земном мире. А мое тело здесь, вместе с духом. Если оно еще существует. Я ничего не чувствую, не слышу, не вижу – будто меня нет.

Хотя погоди, вижу! Пушистый мех на груди озарило мягким жемчужным сиянием. Шаманская бусина проснулась, стоило о ней вспомнить, осветив меня саму и коридор передо мной, ведущий... к Вратам!

Всего мгновение назад их не было, а теперь в неровном проеме с клубящимися краями виднелся край алтарного камня, Лабиринт Судеб, лежащий за ним, и зал, полный людей.

Раздумывать я не стала. Впрыгнула в проем и сразу метнулась в сторону к местам для гостей, чтобы привлечь поменьше внимания.

Под лапами был пол, над головой потолок, вокруг стёны со статуями и масками – все твердое, вещественное, настоящее. Сердце пело от радости. Я вырвалась! Я жива! Мне хорошо! Там, за Вратами, в сумасшедшем круговороте видений не место ни людям, ни кошкам...

На меня оглядывались, показывали пальцами, но я не останавливалась. Я искала Рауда или Камелию.

И я нашла ее.

Бок о бок с Альриком принцесса стояла... перед статуями Свена и Свяны!

– В эту священную ночь, великую ночь, – голос короля, исполненный силы и торжества, летел под сводами зала как на крыльях, – я, Альрик, король Ригонии, желаю соединиться с Камелией, принцессой Вайнора, и прошу наречь нас женихом и невестой по воле богов!

– Прошу наречь нас женихом и невестой по воле богов... – тусклым эхом повторила Камелия.

Помолвка по воле богов, надо же! Еще одна вещь, о которой я читала только в сказках.

Играла тихая музыка. Статуи Свена и Свяны смотрели на Камелию и Альрика нарисованными глазами. По сторонам

почтительно замерли приближенные и девушки с корзинами розовых лепестков. Перемигивались огнями маски на стенах.

И ничего больше.

Боги никак не являли себя.

– Свен и Свяна, хранители любви и брака, я призываю вас! – выкрикнул Альрик с угрозой, и воздух вокруг него затрещал искрами.

По залу пополз тихий гул.

Передо мной остановились знакомые ноги, обутые в бальные лаковые ботинки с резинками по бокам.

– Зачем, Карин?.. – прошептал Рауд, наклоняясь взять меня на руки.

Его лицо было восковым, глаза поблекли, белая прядь в волосах исчезла, а голос звучал ласково и печально:

– Карин, мне так жаль. Двухликий показал, что ты сделала. Я обязан тебе до конца своих дней и ничем не могу помочь...

Мы проиграли. Альрик успешно принял дары моря и зимы, его сила и не думала бунтовать. Рауд больше не был Белым Графом и не успел воспользоваться ловушкой, чтобы вывести преступника Болли на чистую воду. Я не вернула своего человеческого тела. Но мы живы, и это счастье.

– Должно быть, боги переутомились! – с преувеличенной бодростью воскликнул один из придворных, разрешая неловкую ситуацию. – Пусть передохнут... Поздравим нареченных! Да здравствует король Альрик и будущая королева Камелия!

Гости с облегчением присоединились к чествованиям.

– Ты чувствуешь свой снежный шарик, Карин? – спросил Рауд.

«А ты нет?»

Глупый вопрос.

– Ты снежная кошка, и на тебе печать Нежи. Ты его чувствуешь?

Я постаралась сосредоточиться. В храме присутствовала магия всех богов, и зимняя в том числе, поэтому шарики здесь действовали. Мой тихо замерцал, и шаманская бусина тоже окуталась светом, вторя ему.

– Хорошо, – кивнул Рауд. – Карин, мне нужна твоя помощь. Я не могу управлять ловушкой без магии зимы, но способности сновидца остались при мне. Они совсем слабые, и все же мы можем попытаться достать Болли. Свой шарик я отдал отцу, он ждет в мире снов...

Пока Рауд объяснял, что хочет сделать, во мне росла горячая дрожь – страх и предвкушение. Мы правда сможем? Я – смогу?..

Мы пристроились к толпе гостей, желающих поздравить нареченных. Рауд так и держал меня на руках, а под моим пышным мехом прятал шар-ловушку. Я чувствовала магию зимы, заключенную в нем, и присутствие человека, за которым стояла мощь всего острова Сновидцев.

Это от меня и требовалось – чувствовать и передавать.

Альрик и Камелия являли собой разительный контраст. Он – полон энергии, румян и весел или, скорее, пьян силой, она – бледна, как привидение.

Болли крутился рядом с королем, улыбался, льстил и кланялся всем подряд. Поодаль я заметила Эмелону и старую Гиннаш.

Рауд обменялся взглядами с канцлером Солленом и герцогом Клогг-Скраппом, произнес положенные слова поздравления. А потом повернулся к Болли и посмотрел на него. Просто посмотрел.

Шар-ловушка подо мной шевельнулся. Он соединял в себе магию зимы и чары сновидцев; мой снежный шарик-ранетка был его частью, и частью меня, и частью Рауда; шаманская бусина несла в себе призрачную материю Зыби. Все это множество магических взаимодействий, непостижимых для моего ума, соединилось в одну сцепку, а взгляд Рауда, обращенный к Болли, стал сетью, брошенной на злодейскую душу фантума.

Губы преступника еще изгибались в елейно-глумливой улыбочке, но глаза сделались стеклянными и пустыми. Снежная ловушка вздохнула, как живая, и я взобралась Рауду на плечо, давая ей волю.

Вовремя! Шар уже не умещался в человеческой ладони, он вспух огромным пузырем, поднялся в воздух и повис над потрясенной толпой.

Тело Болли осело на пол. Никто не поспешил его подхватить.

– Что это? – взгляд Альрика метнулся от шара к бесчувственному тайному советнику, а от него к Рауду. – Даниш! Твоих рук дело?

– Ваше величество, – раздался сверху глуховатый, но сильный голос, – позвольте представить вам Агмунда Хьяри, вора и убийцу, который силой занял тело своего капитана Эйлейва Болли и обманом проник в ваше окружение, имея целью учинить заговор и переворот!

– Граф Да... – пробормотал король и запнулся. – Дагрун Даниш?

– Сновидцы, – зашелестела толпа. – Сновидцы в храме!

Внутри шара все так же шел редкий снег – из ниоткуда в никуда. Однако избушка и елки не увеличились в размерах вместе с ловушкой. Ничто не заслоняло обзора и не мешало четко видеть двоих мужчин, как будто скованных невидимой цепью.

Один был высоким, немного нескладным, с рыжей лохматой головой и суровыми чертами. Другой все время менялся. На месте широколицего крепыша Болли в нарядном сюртуке вновь и вновь возникал грязный оборванный человек, похожий на обезьянку из Южной Земли. Он подпрыгивал на месте, превращаясь в полупрозрачную крылатую тварь, которая пыталась взлететь и не могла, а потом вновь обретал облик кавалера Болли.

– Он бросил меня умирать! – кричал кавалер, ногтями соскребая с горла шейный платок, слово тот душил его. – Я два месяца добирался до суши! Я спал в воздухе! Вы, человечешки, так не умеете!

Дагрун Даниш сказал:

– Перед вами оборотень-фантум, животная ипостась – летучий шакал.

Крылатая тварь наконец взвилась в небо, и я узнала зверя, которого показала мне шаманка в Зыби.

– Фантум... летучий шакал... – гости недоуменно переглядывались. – Что это значит?

Но на многих лицах читалось понимание. Здесь собрались первые люди королевства, посвященные в тайны, о которых большинство ригонцев и не подозревали.

Отец Рауда шевельнул пальцами, и зверь рухнул в снег, обернувшись человеком-обезьянкой.

– Я должен был отомстить! – хрипло визжал Агмунд Хьяри, извиваясь тощим телом. – Ваше величество, я служил вам верой и правдой!

– Расскажи, как ты и твоя мать полтора года опаивали двор, чтобы приходиться в сны высших сановников и навязывать им свою волю.

Дагрун Даниш не сказал «опаивали короля», но Альрик вспыхнул – весь, от крахмального воротничка до корней волос, а потом резко обернулся, ища взглядом Гиннаш Хьяри.

– Задержать ее!

С плеча Рауда мне было видно, как посторонние люди укладывают в кресло лишившуюся чувств Эмелону. В это время ее нянька, бросив свою подопечную, спешно пробиралась к выходу.

Наперерез ведьме кинулись гвардейцы, арку перегородили ули в двухцветных балахонах. И тогда Гиннаш Хьяри вдруг крутанулась вокруг себя с немислимой для ее седин быстротой и окуталась черно-багровой дымкой. В зале разом стало темнее. В долю секунды дымка разрослась, во все стороны устремились клубящиеся щупальца. Гости в панике отшатывались от них, как от роя разъяренных ос.

Рауд говорил, храм препятствует злонамеренному колдовству. Но чары дазов строятся на своих законах, чуждых обычной магии...

Магов в зале было немало, и я ощутила, как в них вскипает сила, готовясь отразить нападение.

Первым успел Альрик. Он только начал поднимать руку, а его магия уже рванулась вперед. Засверкала молниями, зашумела морским шквалом, полетела суховеями, взметнулась мощными древесными корнями, завывала ледяной вьюгой... Вся эта круговерть неслась по храму, вызывая крики и визг, срывая со стен маски богов, опрокидывая столики с напитками и закусками, шатая кресла и скамьи. По полу кружило мужские трости, дамские шали и веера. Пару человек сбило с ног.

Рауд ссадил меня на пол у статуи какого-то бога:

– Прячься!

А сам кинулся назад, пытаюсь пробиться к королю. Альрика шатало из стороны в сторону, его перекошенное лицо блестело от пота, на шее вздулись жилы. Руки, нелепо вскинутые в воздух, дергались. Он пытался обуздать свою силу. Пытался, но не мог...

Хаос продолжался недолго.

Когда в мою нишу за постаментом статуи перестал задувать ветер, я осторожно выглянула наружу и увидела, что людей больше не треплет и не мотает – всех прикрыли невидимые заслоны. Наконец явила себя защита храма, и другие маги вступили в дело.

Старая Гиннаш висела в воздухе, заключенная в светящийся кокон.

Лишь вокруг короля еще бушевала буря стихий, но скоро и она улеглась. Альрик рванул ворот сорочки и без сил опустился на пол. Наступила тишина.

За переполохом с разоблачениями все забыли, что церемония еще не окончена.

Свет в зале потускнел, и служители провозгласили время откровений, зовя каждого, кто осмелится, заглянуть во Врата Вечности. Темный провал уже поглотил алтарь и заполнил собой всю центральную часть стены...

Нет уж! Я больше туда не хочу. И смотреть не буду!

Кажется, гости держались того же мнения. Многие тянулись к дверям, дергали массивные круглые ручки, теребили служителей. Те разводили руками: выйти из зала можно только с рассветом, изменить это правило никто не властен – разве что сами боги. Но пусть благородные господа не волнуются, осталось недолго.

Лишь с десятков человек сгрудились у входа в звездный мрак. Двое в форме приюта увечных подвезли к Вратам каталку Хальфорда.

Там же была и Эмелона Болли. Она замерла в стороне от остальных, обняв себя за плечи и обратив бледное лицо к темной бездне. Подошла Гелеона Хендевик и остановилась рядом с ней. Волосы у обеих были уложены одинаково, отчего лица, красивые характерной эйланской красотой, казались похожими.

Внезапно Эмелона что-то выкрикнула и бросилась на шею баронессе. Обе зарыдали. При этом баронесса Хендевик плакала не менее искренне, чем Эмелона, у которой и правда имелась причина для слез: жутко узнать, что близкие люди оказались душегубами, лишившими тебя родного отца...

Свидетелей у этой сцены было не так много, как мы рассчитывали, но довольно, чтобы разнести слух.

Альрику помогли встать и засуетились вокруг, приводя в порядок его праздничные одежды. Король заметил плачущую любовницу, куснул губу и послал к ней одного из придворных.

Гвардейцы под командой маленького человека в цивильном платье оттащили в угол Болли и Гиннаш. Болли стонал, Гиннаш ругалась по-дазски. Руки ее были схвачены необычными блестящими кандалами.

Я видела Камелию и Фьюго, Кайсу, графиню Виртен и герцога Клогг-Скраппа. Рауд беседовал с канцлером Солленом и двумя другими владыками стихий. Все четверо выглядели довольными друг другом. Рауд оглянулся и послал мне улыбку.

Я чувствовала себя оглушенной, измученной, но неожиданно умиротворенной. Неизвестно, что случилось с силами Альрика, однако ведьма Гиннаш и ее сынок больше не смогут строить козни. Уже хорошо. Глядишь, все потихоньку наладится.

Пусть я кошка и останусь кошкой, что с того? Быть кошкой – отличная судьба. Можно прыгать и играть, когда другие чинно сидят и говорят о погоде, можно ходить по столу и не заботиться о выборе одежды. Можно лежать на графской груди и мурлыкать колыбельную графским детям...

Пропасть между нами слишком велика. А когда я кошка, пропасти нет. Я нравлюсь ему кошкой...

Глава 27, ***в которой все в конце концов*** ***устраивается к лучшему***

Церемония катилась к финалу. Те немногие, кто пожелал заглянуть в будущее, отступили от Врат Вечности и присоединились к остальным гостям. Настало время Того-Кого-Не-Ждут. Время Тьмы. Даже ей нашлось место в Храме Всех Богов, пусть и вне общего круга. Такова еще одна тайна закрытого торжества...

С трепетом в сердце я смотрела на Врата, за которыми пряталась дверца для ули. Рауд уверял, что Темный не опасен. Он лишь наложит на гостей печать молчания обо всем, что касается богов и хода церемонии, а само его появление даст понять, что праздник окончен и пора возвращаться к повседневной жизни с ее заботами и тревогами. Черной магии не будет, бояться нечего.

Я верила Рауду. И все равно в груди похолодело, когда из Врат выплыл прозрачный силуэт, очерченный широкой разреженной каймой, словно взвесью сажи.

Тот-Кого-Не-Ждут завис над центром Лабиринта и повел безглазой головой так, будто оглядывал зал.

Не я одна поежилась под этим невидимым взглядом. Многие невольно пятились и жались к своим спутникам.

– Последней накануне рассвета приходит Тьма, – прошелестел бесплотный голос. – Тьма – это не зло. Если не поить ее кровью...

Темный протянул руку – через весь зал! – в тот угол, где сидела под стражей Гиннаш Хьяри, и вырвал красно-черный сгусток из ее груди. Старуха каркнула, как ворона, и обмякла.

В первый миг показалось, что она умерла, а сгусток – это ее сердце.

Может, в каком-то смысле так оно и было. «Сердце» злобно клубилось и било щупальцами. Темный сомкнул пальцы, сгусток лопнул и исчез. Старуха содрогнулась всем телом, и я поняла, что Тот-Кого-Не-Ждут лишил ее магии.

– Тьма – это Тайна, – продолжал он. – Пусть тайна сомкнет ваши уста, и да останется скрытым то, что свершилось здесь.

По залу прошла легчайшая волна мрака. У меня защекотало в носу, и я чихнула.

Больше ничего не случилось. Но сердце заколотилось сильнее – в предчувствии...

– Тьма – это жизнь. Тьма – это смерть. Тьма – это перерождение.

В груди стучало все быстрее, все громче.

Тот-Кого-Не-Ждут будто услышал и повернул окруженную дымным ореолом голову в мою сторону.

– Тьма – это надежда.

Надежда!

Жизнь... Смерть... Перерождение...

Там, где все видели Темного бога, отца всех темных богов, я видела Дыхание Небыли.

А если я вижу Дыхание Небыли, я готова к обороту!

Было ли мне страшно? Еще как. До дрожи в лапах, до шума в ушах, до спазмов в животе.

Но я не прощу себе, если не попытаюсь...

– Белка, стой! Куда?

– Вернись, Белка!

Темный ждал в сердце Лабиринта.

Я подбежала и прыгнула – прямо в него. Сквозь него...

Взмахнула руками, пытаюсь удержаться на бугорке из черных и белых камней. Потом спросила себя, зачем на нем удерживаться? И соскочила на пол.

Голова кружилась, волосы лезли в лицо. Я отвела пряди, упавшие на лоб и щеки, и обернулась...

Темный бог пропал. Все смотрели на меня. Весь зал. Вельможи, дамы, ули в своих балахонах, Рауд, король, его бабушка, Камелия, Кайса, Гелеона и Эмелона, стоящие в обнимку под статуей Свена.

Я даже радости не почувствовала от того, что наконец стала человеком.

Деваться было некуда. Скрутила волосы, откинула за спину – заколоть все равно нечем. И пошла, перешагивая через каменные

гряды, доходящие мне до середины голени. Не слишком изящно, но не кружить же по спирали четверть часа.

– Оборотень... Оборотень... – бежало по залу.

Я еще не вышла из Лабиринта, когда прозвучало злое:

– Фантум!

Чему удивляться – после предъявления гостям Агмунда Хьяри?

Рауд двинулся мне навстречу, но Альрик схватил его за рукав. Они стояли недалеко, и даже человеческими ушами я слышала, как король яростно прорычал:

– Объяснения, Даниш!

Выглядел его величество неважно. Одежду ему оправили, волосы причесали, но лицо правителя Ригонии было землисто-бледным, веки часто моргали, на лбу блестела испарина.

– Кошка-оборотень – агент, нанятый мной для изобличения заговорщика Болли! – без заминки отрапортовал Рауд.

А ко мне уже направлялись королевские гвардейцы.

– Ваш отец провел ее через Щит! – на скулах Альрика выступили красные пятна. – Сколько еще таких «агентов» проникло во дворец с попустительством Гнезда?

– В самом деле, – задумчиво произнес канцлер Соллен, подходя к королю. – Во дворец нынче кто только не проникает. Фантумы-шакалы, черные ведьмы...

Он кивнул в угол, где сидели Гиннаш и Болли.

Альрик сверкнул на него глазами:

– А вас здесь вообще быть не должно!

Нас разделяло пять шагов, пять ударов сердца. Что делать? Попробовать оправдаться, объяснить, что я здесь по вине Болли и его матери? Или предоставить вести разговор тем, кто более опытен в таких делах? Надо было решать, и поскорее. Гвардейцы, рослые молодцы с тяжелыми взглядами, только команды ждали, чтобы скрутить меня.

Камелия со своей свитой стояла рядом. Похоже, превращение кошки Белки в человека ее мало удивило, хотя, как и все, она рассматривала меня с откровенным любопытством. В глазах – ни осуждения, ни гнева.

Встретив мой взгляд, принцесса зрачками указала на Альрика, затем оттянула бока бархатной юбки и слегка присела.

Зачем она... Ох! Светлые боги, как можно было так забытья! Я больше не кошка, а передо мной ни много ни мало сам король. Что бы я о нем ни думала.

Сделала еще шаг – гвардейцы по бокам скрипнули сапогами. Альрик посмотрел на меня, и я, тщательно следя за каждым движением, исполнила реверанс. Ровно так, как учили на уроках танцев и хороших манер. Мой разум отвык от человеческих условностей, но владеть своим телом я не разучилась. С нами, оборотнями, такого не бывает.

Вспомнить бы теперь, можно подняться самой или надо ждать дозволения?

Я замерла, склонив голову, и стала считать про себя: «Один, два, три...» На счет «семь» меня тронули за плечо.

– Кошка...

И я ощутила присутствие. Так называли это Мохнач и Лиса в храме Свена и Свяны.

Боги вернулись.

Вопреки распорядку церемонии, вопреки всем правилам и канонам!

Небея вновь обернулась бородатым Небером – клокочущим морем в человекоподобном облике. Грозный бог подступил так близко, что у меня дух перехватило от испуга, и возложил огромную пенную ладонь на голову Камелии. Принцесса сразу ожила, мучнисто-белые щеки порозовели, в глазах появился блеск.

Лет подошел еще ближе, но он был нестрашным. Веселый молодой бог, легкий, как мелодия свирели, хлопнул Альрика по спине и рассмеялся. Король расправил плечи, волосы его завились золотыми кольцами, а лицо стало неуловимо похожим на лицо Лета. Он повел головой, будто петух на птичьем дворе, и задержал на мне по-мужски оценивающий взгляд.

Богиня дождя в платье из серебряных струй закружилась в водяном вихре, метнулась в толпу гостей и растаяла.

Последней явилась Нежа в короне из ледяных звезд.

Мы с Раудом стояли рядом. Он подался вперед. Но черные глаза богини смотрели не на него, а на меня.

– Ты прошла все испытания. Ты доказала, что достойна моего дара.

Я?..

Ни за что! Хватит с меня богов!

Но Нежа не спрашивала, хочу ли я. Лица коснулось морозное дыхание; из глаз брызнули слезы и застыли на щеках. Холод побежал по жилам, леденя тело, и тоненькими струйками потек в сердце. Я ощутила, как меняюсь, как огонь в душе, который давал мне силы жить и не сдаваться, превращается в пепел...

В этот миг вспыхнуло солнце, гоня зиму прочь. Меня омыло летним теплом.

– Это мое бремя и мое право! – Рауд встал между мной и Нежей. – Я беру эту силу и отвечаю за нее. Клянусь распоряжаться твоим даром разумно, бережно и во благо. Теперь я готов.

Богиня медленно повернулась к нему, и сам воздух заиндевел, зазвенел тоненькими льдинками. Мне показалось, что мы в пустынных снегах, отданы на потеху духам зимы, и вокруг воеет вьюга, метет метель, а с небес струится бледное пламя, холоднее самой лютой стужи...

Рауд улыбнулся:

– Это все мое.

– Как скажешь, владыка зимы, – откликнулся ясный голос.

Голова, увенчанная звездной короной, склонилась перед ним.

Богиня склонилась перед человеком!

Вокруг Рауда закружился снежный вихрь. А когда он развеялся, передо мной стоял Белый Граф, каким его описывают легенды: волосы – белее свежей пороши, в глазах – сапфировая синь, яркая и морозная, в руках – ледяной посох.

Надо было радоваться, но меня охватила горечь. Так непохож был этот новый Белый Граф на того, которого я знала. Так мало осталось в нем тепла.

Откуда-то из-за грани миров послышалось торжественное:

– Равновесие восстановлено!

– Что ж, – кисло произнес Альрик, – каждый остался при своем. А что касается этой особы...

Королевский взгляд вновь прошелся по мне с ног до головы и обратно.

– Оборотень, удостоенный особого внимания богини зимы. Прямо скажем, необычно. Гоф-командор Вактик!

Перед Альриком возник маленький человек в цивильном, который руководил арестом Болли и Гиннаш.

– Задержите эту девицу и выясните всю подноготную.

– Ваше величество! – вмешался Рауд. – Заверяю, что...

– Не спорьте, граф! – оборвал его король. – Если за вашим агентом, – он понимающе ухмыльнулся, – нет никаких провинностей, ей нечего опасаться. Мне не нравится, когда по моему дворцу гуляют неизвестные оборотни. Мне не нравится, когда они беспрепятственно проникают в храм и вмешиваются в тайную церемонию. Я хочу понять глубину этого заговора. Надеюсь, вы не против?

Он выделил голосом слова «этого заговора».

Альрик подозревает Рауда? И мстит ему?

Пусть Белый Граф вернул себе власть над зимой, он оставался подданным короля Ригонии и слишком хорошо знал, что бывает, если перечить королю...

– Дорогой Альрик, оставьте, – Камелия приблизилась к жениху и положила руку ему на локоть. – Я ручаюсь за эту девушку.

– Как мило, дорогая Камелия! Я учту ваше ручательство.

Он и ее подозревает. Он понял, что неслучайно лишился сил.

Я оглянулась на королеву-бабушку. Вдруг она поможет? Но для старой дамы ночная церемония оказалась слишком утомительной. Ее величество дремала на своем диване, укрытая пледом.

«Можно стать кошкой», – сказала я себе. Как только меня выведут, сразу обернусь и убегу.

Но тогда точно решат, что Рауд виновен...

Гоф-командор Вактик сделал знак одному из гвардейцев.

Стукнули кованые каблуки, звякнули колечки на сабле, привешенной к поясу, крепкие пальцы взяли меня под локоть.

Из толпы раздался протестующий выкрик, и я узнала голос Хальфорда.

– Кто еще там? – поморщился Альрик.

– Ваше величество, прошу, погодите! – проговорил Рауд быстро, но почтительным тоном. – Позвольте прежде уладить одно дело.

Король взглянул на него вопросительно, и гвардеец, готовый тащить меня прочь, замер, ожидая высочайшего решения.

– Я бы хотел расторгнуть помолвку с Эмелоной Болли.

– Ах да, – Альрик скривился, – разумеется. Дорогая Камелия! Ваша фрейлина, та, что пострадала... э-э... вы понимаете, о чем я. Напомните ее имя.

– Кайса Толлен, – растерянно ответила принцесса.

– Она здесь?

Позвали Кайсу. Альрик оглядел ее с удовольствием.

– Барышня Кайса, я обещал, что позабочусь о вас, и намерен сдержать слово. Я нашел вам хорошего жениха. Граф Даниш-Фрост теперь свободен и, без сомнения, будет рад составить ваше счастье. Такова моя воля, граф!

Точно мстит. Мерзавец!

Кайса, не так давно мечтавшая о Белом Графе со снежными волосами и глазами-сапфирами, посмотрела на Рауда с испугом, если не сказать с ужасом.

– Прошу меня простить, но я не в силах исполнить повеление вашего величества, – Рауд поклонился королю с подчеркнутой учтивостью. – Дело в том, что у меня уже есть невеста. Уверен, для барышни Кайсы найдется более интересная партия.

– Какая еще невеста? – нахмурился Альрик.

– Девушка простого звания. Помнится, вы сами желали, чтобы я женился как раз на такой.

И тут Рауд сделал нечто безумное.

Он взял мою свободную руку и повернулся к статуям Свена и Свяны:

– Требую венчания по воле богов!

Альрик издевательски расхохотался.

Но смех захлебнулся, когда на пол упали отсветы разноцветных огней, а с высоты донесся легкий перезвон. Я подняла голову и решила, что мне грезится. Будто я в Свеянске, в храме Свена и Свяны, и надо мной покачиваются кусочки цветного стекла.

– Что ты делаешь, Рауд? – прошептала я. Увы, говорить мысленно в человеческом теле у меня не получалось.

– Тише, Кошка. Так надо.

– Не вздумай отказаться! – раздался звучный голос. – Кто еще сделает тебя графиней?

Призрачный Свен, одетый как деревенский жених, воздвигся над своей статуей.

– Ты задолжала нам службу, – с притворной строгостью заявила Свяна. Ее костюм повторял мой собственный. – Лучшего мужа тебе не найти. А шанса взлететь так высоко и вовсе не выпадет!

Неведомо откуда раздалось сладкое пение, отсветы на полу превратились в кусочки красного янтаря, и из них свился еще один Лабиринт – венчальный. А центр его был прямо у нас с Раудом под ногами!

Рослый гвардеец больше не держал меня. Альрик, Камелия, гофкомандор Вактик были по-прежнему рядом, но как будто бесконечно далеко.

А Рауд был тут, он смотрел на меня своими нечеловеческими глазами, и от этого взгляда по спине бежали му-рашки.

Я понимала, зачем он это затеял. Чтобы уберечь меня от ареста, чтобы не жениться на Кайсе, чтобы расплатиться за свое спасение... Он ведь сказал, что обязан мне.

Но так нельзя!

И все же я не отняла руку, не сказала «Нет», когда Свен и Свяна сняли свои обручальные браслеты и вручили нам с Раудом.

И призрачные браслеты стали настоящими!

Узкий обод, украшенный тонкой золотой вязью, тронул запястье холодком, но сейчас же потеплел, и глаза Рауда тоже вернули теплый опаловый цвет. Всего на одно мгновение. А потом вновь обратились в синий лед.

По залу закружили разноцветные бабочки, и отчетливо прозвучал напевный голос баронессы Хендевик:

– Ваше величество, позвольте представить вам мою новообретенную дочь! Я оставила ее на попечение доброй женщины, надеясь забрать после того, как устроюсь в Ригонии, но женщина исчезла. Мне сказали, она вышла замуж и уехала. Все эти годы я не переставала искать, на-деяться...

Ее прервал растерянный вопрос Альрика:

– Эмелона – ваша дочь, баронесса?..

Колокольчиком зазвенел шаловливый смех Свяны.

Свен прищурился на короля, как довольный кот:

– Ты просил о помолвке!

Эмелона вскрикнула испуганно и радостно. Я оглянулась и увидела, как она, по-детски вертя ладошкой, рассматривает золотистый узор. Знак обручения. Он исчезнет сам, когда сверху будет надет венчальный браслет. Но обычно узор наносят ули, а не боги...

– Это невозможно! – Альрик уставился на собственную руку, украшенную тем же рисунком, затем вскинул дикие глаза на Гелеону. – Баронесса, кто отец?!

Наш король – образец такта.

Но баронесса не обиделась. Она наклонилась к королевскому уху и что-то прошептала. Глаза Альрика совершенно вылезли из орбит.

– А-а, к темным богам!

Он привлек к себе Эмелону и поцеловал со страстью, неприличной для помолвки.

Но этим дело не кончилось.

Лабиринт распался на несколько спиралей, и в центре каждой оказалась поймана пара. Камелия и Фьюго. Кайса и фендрик Лорн Ойсин. Ему, должно быть, сказали, что Кайсу выдают замуж, и он примчался вызвать на дуэль Белого Графа.

В Ойсине ощущалась какая-то странность. Но этой ночью все было странно! Разве не удивительно, что рядом с нами рассматривали узоры на своих руках и изумленно смеялись Гелеона Хендевик и Вильфред Клогг-Скрапп?

Гости церемонии спешили оказаться подальше от нового Лабиринта, боясь, как видно, что обезумевшие боги переженят или обручат всех, кто еще одинок. Но две пары сами вбежали в переплетение янтарных дорожек, и были тут же окольцованы.

Обрученные поздравляли друг друга и принимали поздравления от других. К Кайсе и Ойсину подошел владыка речных вод и пожал фендрику руку.

– А вы не промах, молодой человек, дважды не промах. Ваш жених – новый владыка дождя, барышня, – пояснил он ошеломленной Кайсе.

– Надеюсь, эта сила немного остудит его горячую голову, – со смехом сказал герцог Клогг-Скрапп.

– Ваше величество обещали дать за барышней приданое, – сладким голосом напомнила королю Гелеона.

Королева-бабушка, разбуженная шумом, села на своем диване:

– Что? Мой внук женится на коробейнице? Что ж, может, это и к лучшему.

В зале стоял гомон. Приглашенные, не успев оправиться от одного невероятного происшествия, тут же становились свидетелями нового и принимались его обсуждать.

Но когда от входа потянуло сквозняком, разговоры разом стихли.

Петли были хорошо смазаны, скрипа никто не слышал, да и вошел незваный гость не через огромную двухцветную дверь, а через калитку, прорезанную в черной створке. Сквозь арку, соединяющую зал с просторной сумрачной передней, было видно, как мелькнула и исчезла полоса серого предутреннего света – калитка закрылась.

Вошедший, не тудясь завернуть в раздевальню, проследовал в зал как был – в коротком полушубке, черной барашковой шапочке и высоких валяных сапогах с кожаными подметками. Точно такой, каким я его помнила.

Секач Дакха.

Он нашел меня. И сейчас безошибочно шагал в мою сторону, оставляя на полу снежные следы, которые тут же улетучивались.

Впрочем, узнать меня было немудрено. Среди знати, одетой в шелка и бархат, я одна щеголяла в крестьянском наряде.

– Как он вошел? – удивился кто-то.

– Это Храм Всех Богов, – ответил ули в черно-белом балахоне. – И Дакха в том числе. А для слуг богов храм открыт всегда.

Кажется, он сам был этому не рад, однако храм впустил секача, и возражать не имело смысла.

Но я не видела Дакха на параде богов! Если бы Многоликий явил его лицо, я умерла бы от страха...

– Узнайте, что ему нужно, – велел Альрик.

– Я пришел задержать убийцу-оборотня, – заявил секач уверенным баритоном. На красивом ланнском лице не было и тени смущения. словно он каждый день врывался на священный праздник к королю. – Я выслеживал ее от самого Свеянска. Вон она!

Он сдернул с руки овчинную рукавицу и указал пальцем.

У меня отнялись ноги. Даже глядя в черно-ледяные глаза Нежи, я не испытывала такого страха.

К секачу подошел гоф-командор Вактик.

– Захват тела или простое убийство? – деловито осведомился он.

– Убийство, – ответил секач, чуть замявшись.

– Покажите предписание.

Рауд сжал мою руку.

– Я никого не убивала, – голос куда-то пропал.

Даже мышей. Хотя в детстве гоняла, признаю.

– Подожди, – сказал Рауд. – Что-то тут не так.

Секач извлек из-под полушубка сильно мятую бумагу. Вактик развернул ее, стал читать, и его брови взлетели к линии волос.

– Зарезала трех кур и одну индейку? Это что за чушь?

– От убийства птицы недалеко до убийства человека, – невозмутимо изрек секач. – Храм получил заявление. Именем Дакха мне поручено изловить преступницу и отсесть ее от Небыли.

– За щедрую мзду, я полагаю? – хмыкнул Вактик.

Первой засмеялась Камелия, ее поддержал герцог, а за ними все вайнорцы. Альрик издал короткий смешок, и это стало командой для остальных. Через мгновение своды храма дрожали от общего хохота, в котором изливались все переживания сегодняшней ночи.

Внезапно смех оборвался, словно его отсекли ножом.

Статую Дакха-правдовидца на площади перед храмом в Снее я видела не раз и мгновенно узнала фигуру, так непохожую на ригонских богов. Длинное складчатое одеяние, чеканный нагрудник; черные кудри до пояса перехвачены золотым обручем, густая тяжелая борода заплетена в мелкие косички.

Но у статуи не было таких ослепительных глаз, лилово-карих, с золотыми искрами.

Эти глаза пронзили меня насквозь, одним взглядом охватив всю мою жизнь вплоть до первых детских воспоминаний.

– Невиновна! – провозгласил бог суда и кары.

От облегчения мне захотелось сесть прямо на пол. Я прислонилась к плечу Рауда, и он обнял меня.

А Дакх уже стоял перед секачом. Глаза у того стали пустыми и тусклыми, словно разум в нем погас.

– Ты пришел сюда с моим именем на устах, чтобы опозорить меня? – прогремел низкий голос. – Тот, кто прислал тебя, пристрастен и лжив. Отступник, ищущий мелкой выгоды, правит моим храмом, но не служит истине. Он обещал тебе ее звериное тело. По какому праву?

– Мое тело? Разве такое бывает? – я посмотрела на Рауда и отвела взгляд, наткнувшись на сапфировое сияние его глаз.

– Я не слышал, – настороженно ответил мой муж. – Мы многого не знаем о секачах. Честно говоря, впервые вижу Дакха в этом храме.

Кажется, сегодня многое происходило впервые. Неужели Дакх стал ригонским богом?

– Иди к своим, – велел он секачу, – и скажи, что отныне все будет по-другому.

Секач направился к выходу, как заводная кукла. Взгляд его оставался таким же бессмысленным.

Бог суда и кары оглянулся, выискивая кого-то, а потом устремился в толпу. Люди шарахнулись в стороны.

Дакх остановился перед каталкой Хальфорда:

– Ты видел его?

– Видел, – увечный оборотень улыбнулся с умилением. – Уже совсем большой. Скоро летать начнет.

Казалось, он не испытывал перед суровым божеством ни малейшего трепета. А его слабый и хриплый голос был слышен в каждом углу зала.

– Скорее, чем ты думаешь, – ответил бог с неожиданной теплотой и обернулся к толпе. – Вот ваш новый защитник! Крылатый волк будет охранять ваши сны. Не равняйте его с теми, кого вы зовете фантумами. Крылатый волк рожден для бескорыстного служения. Его предназначение – оберегать невинных и карать виновных!

Сделав это удивительное заявление, Дакх исчез.

Рауд подвел меня к каталке и пожал Хальфорду руку.

– Рад за тебя, дружище!

– Видишь, девушка, как обернулось, – сказал мне оборотень, в его глазах стояли слезы. – Счастья тебе. Счастья вам обоим!

А потом время вышло, и черно-белые двери наконец открылись.

Из предрассветной мглы веяло стужей, а у меня не было хотя бы шали, чтобы добежать до саней.

Не успела я подумать об этом, как плечи укрыла тяжелая волчья доха, укутав меня пышным мехом и знакомым запахом с головы до ног.

Гости толпились у раздевальни, усталые, потрясенные, взбудораженные. Я не поверила своим ушам, услышав женский возглас, полный неподдельного восторга:

– Вот это Ночь! Чудо, а не Ночь! Никогда такой не было!

Но чудеса еще не исчерпали себя.

В дверях налетел ветер, сорвал с головы капюшон, распахнул доху; кожу под одеждой обдало морозным дыханием. По ткани свадебного костюма прокатилась волна холодного света, и красное стало белым, заткалось алмазными узорами. Я ощутила, как меняется край, удлиняется подол.

Стало жутко: мой наряд превратился в погребальный саван. Вспомнилось видение, посланное шалуньей феей на Зимнем балу: я – в белом, и я... счастлива?

Так мы и вышли наружу, протолкнувшись сквозь ждущую чего-то толпу.

У подножия крыльца выстроились снежные витязи во всем великолепии своего боевого облачения, чтобы приветствовать владыку зимы и его супругу по воле богов.

Вот отчего гости не спешили покинуть храм!

У меня волосы на затылке зашевелились, когда застывшие глаза витязей обратились к нам, а копыта наклонно взметнулись в воздух, образовав арку, горящую неживым синим огнем.

Кучер Сельфан, подпоясанный серебряным кушаком, лихо соскочил с козел, открыл перед нами дверь кареты и опустил подножку, чтобы мне было удобнее забраться внутрь.

Но Рауд медлил, любуясь городом. В жемчужной дымке нарождающегося утра Альгота была прекрасна. Широкие улицы, затейливо украшенные фасады домов, крыши из цветной черепицы – все это было теперь на виду. Снега осталось ровно столько, чтобы придать городу сказочно-праздничный вид, какой ему и полагалось иметь на исходе Ночи Всех Богов. В просветы облаков проглядывало бледно-сиреневое небо, и с него в полном безветрии падали красивые пышные хлопья.

Свет схлынул с моего платья, и оно опять изменилось, став из белого багряно-золотым. Длинный-длинный шлейф стелился по снегу – алый, как разгорающийся у горизонта восход. Его лучи развеяли призрачные фигуры витязей и весь морок этой долгой ночи, которая бывает раз в году и в которую происходят самые безумные, невероятные и непредставимые человеческим разумом вещи.

Глава 28, ***в которой все становится совсем хорошо, а главное – правильно***

На Ночь Всех Богов Вилька загадала себе чудо. Она молилась всем богам сразу – и непонятному Двуликому, и морозной Хозяюшке Зиме, даже Свену и Свяне, хотя думать о замужестве ей вроде бы еще рано.

Она просила: «Заберите меня отсюда!» Куда – Вилька и сама не знала. Туда, где ее будут досыта кормить, где ей будет тепло спать. Где не надо бояться, что ее ударят или зажмут у стены, чтобы облапать. Порой Вилька завидовала сказочной Сиротке, которая обернулась снежным духом и ушла с Богиней в ее северные чертоги, чтобы сидеть там в вечной ночи и любоваться огнями на небе, не зная ни тепла, ни солнца, но и боли тоже не ведая. «Приди, Богиня, – шептала Вилька, сжавшись в комок на соломе в углу сарая. – Возьми меня!»

И Богиня пришла.

Ровно через неделю к трактиру подлетела четверка белых лошадей, влекущая санную карету с гербом. В гербах Вилька не понимала, но видно было, что карета богатая, лошади сытые.

Злыднины работники на дворе возбужденно зашушукались.

Из кареты вышла барыня в голубых соболях. Вернее, не вышла, а выпрыгнула без поддержки слуг – ловко, будто кошка, – и снег под расшитыми серебром сапожками не хрустнул. Барыня была молодая, красивая, статная; из-под шапочки вились локоны цвета холодного золота.

Рван и Хапун кинулись распрягать, но кучер, здоровенный косматый детина, ухмыльнулся, поигрывая кнутом:

– Ни к чему! Мы ненадолго.

А барыня с двумя слугами, такими же здоровыми, только безбородыми, пошла к трактиру. Увидела Вильку, остановилась и позвала по имени!

Сердце у Вильки сперва обмерло от испуга и изумления – как вышло, что такая великолепная барыня знает ее имя? А потом

забилось радостно и сильно. Потому что раньше самой Вильки поняло, что это и есть то самое чудо, о котором она просила.

Барыня ласково улыбнулась:

– Хочешь, я увезу тебя отсюда?

– Хочу! – выдохнула Вилька.

Тут на крыльцо выскочила Злыдня, то есть госпожа Скурк. Ей, видно, доложили о знатной гостье.

Злыдня сразу поняла, что к чему, и заголосила:

– Ой, кровиночку мою забирают! Бедную дитятку, сестрину дочку! Я ж ее растила, холила, ночей не спала, монетку последнюю от сердца отрывала, от себя, от детей своих...

– Сколько? – сверкнула бирюзово-синими глазами барыня.

Вилька поежилась: на дворе будто враз стало холоднее. Хотя после Ночи Всех Богов зима смирила свой норов. Мороз ослабел, дни стояли тихие, ясные, даже сугробы сделались меньше. Видно, Белому Графу удалось наконец поладить с Богиней.

– Я свою кровиночку не продаю! – взъерепенилась Злыдня, но острые глазки так и забегали от жадности.

– Так я ее даром заберу.

Барыня взяла Вильку за руку, а барские слуги сделали каменные морды.

– Пятьсот! – выпалила Злыдня.

Барыня повернулась к одному из слуг и что-то тихо сказала. Тот, порывшись за пазухой, подал хозяйке пару длинных бумажных ассигнаций.

– Тут двести.

– Люди добрые! Смотрите, что делается! Среди бела дня как липку обдирают! – заголосила Злыдня. – Пятьсот. И золотом.

Красивые русые брови барыни грозно сошлись над переносицей.

– Бери, сколько дают, и радуйся! Или завтра на тебя наденут кандалы – мне мой снежный соглядатай многое о твоих делишках нашептал.

Барыня повернула голову к дальней стороне двора – там у забора снег лежал чистый, непритоптанный. Из него поднялась, слепилась кошка и побежала через двор. На ходу ее шкурка из искристо-снежной сделалась черной, гладкой, атласной. И совсем живой!

Вилька эту кошку сразу узнала. Та самая, что месяц назад приходила к ним в трактир и Пруну, сожителю Злыдниному, кровь пустила. Ох, и бушевал он потом! А Вилька просила богов, чтобы с кошкой все было хорошо.

Кошка добежала до загона мамок, перекрасилась обратно в белую и рассыпалась снегом.

Только тут до Вильки дошло, о чем шушукались работники при виде богатых саней, какие слова повторяли: «Белый Граф! Это герб Белого Графа!»

Теперь же по двору отчетливо пронеслось:

– Белая Графиня!..

Никто и пикнуть не посмел, когда барыня увела Вильку в карету.

В карете все было синее и снежное. Вилька обмирала на краешке дивана, боясь своими грязными руками, нищим платъищем и грубыми башмаками осквернить такую кра- соту.

В это время барынин слуга сходил со Злыдней в дом и вынес Вилькину метрику.

Барыня погладила Вильку по голове:

– Не бойся. Теперь все будет хорошо.

И улыбнулась какой-то своей мысли.

Когда-то даром зимы и Белым замком владел старинный ригонский род Хладов. Но к приходу вайнов от него остались только древний старик и его правнучка, не отмеченная Богиней. Один из ближних воинов Вайнмара, первого вайнского короля, был сильным магом зимы. Он женился на правнучке старого Хлада, получил от Нежи дар, от короля – графский титул и назвался Фростом на вайнский лад. Однако удача Фростов оказалась недолгой. Внук первого Белого Графа погиб в битве с ланнами, не оставив наследников, и дар отошел ригонскому роду Данишей. Вместе с титулом, именем Фрост и всеми владениями, среди которых был и Белый замок под Альготой – еще одно чудесное творение древних зодчих.

Сюда и привез меня Рауд прямым из Храма Всех Богов.

Увидев замок из окна кареты, я ахнула. Казалось, великан сдвинул вместе сотню торосов и увенчал их клыками ледяного дракона, затем призвал армию фей, чтобы украсить стены прекрасными цветами,

птицами и животными, а после сама богиня зимы дохнула на них морозным дыханием, покрыв изящные барельефы инистым мхом.

Внутри тоже все было снежно-белым – жилые комнаты, залы, лестницы, переходы, галереи, даже подвалы. Чтобы не сойти с ума от сплошной белизны, мебель обили яркими тканями, всюду положили пестрые ковры, развесили портьеры приятных глазу цветов, расставили кадки с живыми растениями и вообще постарались придать убранству как можно более летний вид.

После всех чудес, которые я успела повидать, привыкнуть к Белому замку оказалось не так трудно, но все равно временами мне становилось не по себе.

Наверное, потому что я была одна. Рауд жил в Летнем дворце, улаживая всевозможные дела с Альриком, Королевским Собранием, канцлером Солленом, который снова занял свой пост, другими владыками стихий и вайнорцами. За две недели нашего странного брака он появился в Белом замке лишь трижды, вел себя так, будто мы женаты сто лет, но ни разу не остался ночевать и не заговорил о моем будущем, лишь делился новостями.

А новостей было с избытком.

Оказывается, когда Альрик спросил баронессу Хендевик, кто отец Эмелоны, та ответила: «Герцог Клогг-Скрапп или король Альгредо – на ваш выбор». То-то Альрик поразился!

Герцог в самом деле был готов удочерить барышню Болли. В конце концов, что мешало ему поддерживать отношения с Гелеоной и после ее бегства из Эйлана? Баронесса предложила подождать: «Сперва узнаем у Альгредо, не захочет ли он признать Эмелону своей». Одиннадцать сыновей – это хорошо, но дочери для династических браков тоже нужны. Союз с Ригонией мог принести Эйлану немалые выгоды, и теперь баронесса и канцлер Соллен делали все, чтобы Альгредо это понял. Герцог Клогг-Скрапп уехал в Вайнор – держать ответ перед королем Бертольдом, который был очень недоволен своеволием дочери и кузена.

Да хранят нас светлые боги! Альрик, может, и не лучший король на свете, а все же хорошо, что Ригонией правит не Бертольд и не Альгредо.

Принцу Фьюго надоело смирять свой горячий нрав. По дорогам, свободным от снежных заносов, он быстро добрался до крепости

Касль и вызвал на поединок принца Гюнтера. Те, кто видел, как это происходило, рассказывали, что эйланец играл с братом Альрика, как кот... не с мышью даже, а с комком пряжи, не способным ни увернуться, ни убежать. Сперва он исполосовал Гюнтеру лицо, затем нанес такую рану, которая навсегда избавит негодяя от интереса к хорошеньким фрейлинам и женскому полу вообще. После этого Фьюго с Камелией спешно покинули Ригонию, и Альрик не препятствовал их отъезду.

– Как жаль! – сокрушался канцлер Соллен. – Она могла бы стать прекрасной королевой. Может быть, второй Клотильдой!

– Невелика премудрость, – усмехнулась в ответ баронесса Хендевик. – При умных советниках любая станет второй Клотильдой.

Было уже решено, что после женитьбы Альрика на Эмелоне именно баронесса займет при новой королеве пост главной гоф-дамы.

Женитьба откладывалась до тех пор, пока не будет объявлено о принадлежности невесты к Вайнорскому или Эйланскому королевскому дому. Не мог же король Ригонии в самом деле взять в жены «коробейницу»!

Помолвка, заключенная по воле Свена и Свяны, к браку не обязывала. Но узоры на ладонях не исчезнут до следующей Ночи Всех Богов, и, если обрученные Свеном и Свяной захотят связать свою жизнь с кем-то другим, им придется ждать целый год.

Кайса и фендрик Ойсин долго раздумывать не стали. Они обвенчались на третий день после праздника, Ойсин тут же подал в отставку и вместе с молодой женой уехал в поместье, выделенное Альриком ей в приданое. А на днях король пожаловал бывшему гвардейцу титул и земли, принадлежавшие прежнему владыке дожда. В родовой усадьбе Регенскуров имелась фамильная часовня, где Ойсин мог говорить со своей богиней и познавать нежданно обретенную силу.

Король Ригонии, казалось, все больше становился другим человеком. Может быть, таким, каким был прежде, – не мне судить. Он подписал указ о возвращении из ссылки Карстена Даниша и даже попросил у Рауда прощения.

Сама я встречи с Альриком побаивалась. Но королева-бабушка захотела со мной увидеться. Пришлось ехать во дворец.

Я не знала, чего ждать, и, когда входила в будуар, заставленный куклами, ладони у меня позорно вспотели. Однако все прошло благополучно. Мы пили чай, ели суфле, ее величество расспрашивала меня о жизни и о том, каково это – быть кошкой.

В разгар беседы явился Альрик. Не берусь сказать, было это случайностью или король знал, кого найдет в гостях у бабушки. Он рассыпался в комплиментах, сожалея о том, что наше знакомство началось при неблагоприятных обстоятельствах, и выразил желание видеть меня при дворе.

– Еще не женился, а уже заглядываешься на других, – старая королева цокнула языком. – Думаешь, твоя коробейница будет это терпеть? Смотри, поколотит кочергой!

Альрик счастливо рассмеялся и поцеловал ее в лоб.

В коридоре меня подждал Кавалер, и я обнаружила, что понимаю по-кошачьи даже в человеческом теле.

«Ур-р, жар-ркий Сахар-рок! – пропел он. – Твой зимний двуногий кот слишком силен. Др-раться с ним я не буду. Но если он тебе надоест, пр-риходи, нам будет хор-рошо!»

Хвостатый сердцеед не видел, как из-за угла выглянула Шоколадка. Подмигнула мне, а потом уставилась на кота неотрывным оранжевым взглядом.

Так победитель смотрит на законный трофей.

В первый же день Рауд дал мне полный доступ к гардеробу старшей графини Даниш, и я быстренько перешила на себя пару платьев. Затем пришлось ехать в город, чтобы заказать новые – Рауд настоял.

В моем распоряжении оказались лучшие модистки Альготы, в том числе госпожа Кольд. На ней я и остановила выбор. Из тех самых соображений, о которых говорила недоброй памяти ведьма Гиннаш, – престижа ради.

Затея была мне не по душе. Неужто я приличных нарядов себе не сошью? И Рауда вводить в лишние расходы не хотелось. Но я же теперь графиня, пусть лишь по названию.

Сперва госпожа Кольд и ее помощницы задирали нос – им было прекрасно известно, что Белый Граф женился на безродной. Само собой, они собирались все решать за меня. Но я была дотошна и

въедлива. Как можно заказывать одежду, не зная всех деталей фасона, не видя тканей и принадлежностей? А когда под видом андайского шелка мне попыталась навязать верленский, который в два раза дешевле, я выразила хозяйке ателье свое разочарование. После этого она извинилась и сменила тон.

Ждать заказа предстояло месяц – у госпожи Кольд очередь, и я проехала по лавкам, чтобы купить тканей. В конце концов, никто не сошьет для меня лучше меня самой. Заодно будет чем себя занять. Тем более у меня появилась помощница, и ей тоже требовались обнови.

Первые дни Вилья, или Вилька, как она себя называла, ходила за мной по пятам. Белый замок пугал девочку. А еще она очень просила показать ей черно-снежную кошку, которую я создала, чтобы сбить с толку хозяйку трактира.

Мне и самой нравился этот трюк, так отчего не повторить?

Кошка вышла загляденье, я гордилась собой, но Вилька была огорчена, узнав, что это лишь порождение снежного шара, который дал мне с собой Рауд.

Чуть было не призналась ей, что я оборотень! Однако спешить не стоило. Пусть сперва освоится.

Пока же я учила Вильку шить, кроить, изготавливать украшения и читала на ночь сказки.

Читать она умела и сама, но за три года у госпожи Скурк отвыкла, а когда я пыталась усадить ее за книжки и тетрадки, убегала резвиться с детьми слуг. Зато шить ей нравилось. Как-то я обмолвилась, что была портнихой, и она посмотрела на меня с таким благоговением, словно я призналась в близком знакомстве с богами.

С Вилькой было веселее. И с ней было просто.

Управляющий, господин Слефсон, и его жена, оба холодные и строгие, как сам Белый замок, относились ко мне со всей почтительностью, подобающей графине Даниш-Фрост, и от слуг требовали того же. Порой я ловила косые взгляды, замечала, как перешептываются в сторонке горничные и лакеи, но со мной все вели себя безупречно. Только поговорить по-свойски, запросто было не с кем.

Госпожа Слефсон, как положено, взялась знакомить меня с хозяйством замка, и я во все добросовестно вникала – я же не Вилька.

Однако мучил вопрос: зачем? Разве эта моя новая жизнь – всерьез?

У меня нет подстроенного родства со знатной семьей, и нет герцога, которому вздумалось бы меня удочерить. Брак, заключенный по воле богов, по их же воле может быть и расторгнут – ровно через год в Храме Всех Богов. Мне отдали комнаты хозяйки замка. Но мать Рауда вернется вместе с его братом и что тогда?

Пусть он скажет наконец, кто я – жена или... просто кошка, которую пустили в дом переждать ненастье?

Я думала об этом, стоя на длинном балконе и любуясь ступенчатыми башнями западного крыла, озаренного лучами заходящего солнца. Золотисто-розовый свет заливал сахарные стены, ледяные зубцы, балкончики в живописных сосульках и купол часовни Нежи немного поодаль.

Рауда я сегодня не ждала и, услышав, как за спиной отворяется дверь, решила, что это Вилька. Набегалась во дворе и пришла рассказать, что да как.

Но это был он – Белый Граф. Глаза – сапфиры, волосы – снежный вихрь, доха из полярного волка – чистое серебро. Теперь-то я видела, каково истинное великолепие этого меха!

– Замерзнешь, Кошка, – Рауд скинул доху и набросил на меня.

В одной кашемировой шали и правда было холодновато.

– Почему ты зовешь меня Кошкой?

– Тебе не нравится?

Он подошел и встал рядом, с удовольствием жмурясь на закат.

– Сегодня Альгрето прислал два письма. Одно Альрику, в котором говорит, что будет рад видеть его зятем, а другое Эмелоне, и оно начинается словами: «Наша дорогая, счастливо обретенная дочь». Все, дело сделано! Теперь можно отдохнуть.

Рауд обеими руками оперся на белые перила и некоторое время молча глядел вдаль. Потом повернулся ко мне:

– Прости, что бросил тебя одну.

В закатном свете его кожа приобрела теплый оттенок, почти прежний, синие глаза сверкали неестественно ярко.

– Белый замок красивое место, Кошка. Но как ты смотришь на то, чтобы поехать в Даниш-хуз? Там гораздо уютнее. Мама с Карстеном

тоже вернутся туда.

Что тут скажешь? Знакомство с графиней Далией Даниш будет пострашнее, чем встреча с королевой-бабушкой и даже с самим королем!

– Не бойся, ты ей понравишься. Мама давно хотела, чтобы я женился.

– Рауд, подожди. – Я столько дней готовилась к серьезному разговору, а теперь поняла, что не готова. – Ты спас меня, и я благодарна тебе за это. Но что дальше? Мы оба знаем, что твои родители не одобряют и не примут меня. Я не гожусь тебе в жены на самом деле!

– Почему? – спросил он на удивление спокойно. – Есть какая-то причина?

– Какая тут причина! Ты граф, я портниха. Манерам меня учили в гимназии Свеянска. Даже представить боюсь, какого мнения обо мне королева Бригита.

– «Славная девушка, не ломака» – так она сказала.

Он хотел улыбнуться, но посмотрел на меня внимательно и передумал.

– Пойдем-ка в дом.

В гостиной Рауд снял с меня доху, и мы сели на диван.

– Вижу, что надо было поговорить об этом раньше, – он вздохнул. – Послушай, Карин. Никто не родится со сводом правил в голове. Канцлер Варди Соллен до восемнадцати лет жил в нищете среди батраков и считал себя бастардом. Так захотел его отчим. Когда отчим умер, Варди сморкался в кулак и читал по слогам. А через год ко двору был представлен блестящий юноша, восхитивший всех манерами и учтивой речью.

Рауд взял меня за руки.

– Кому и как кланяться, какой вилкой есть фрикасе, а какой лангет – всему этому можно научиться. Но нельзя научиться благородству души. Карин, мы недолго знакомы, и я не буду говорить, что влюблен без памяти. Но ты мне нравишься, очень нравишься... И я знаю, что ты за человек.

– Я кошка, – сорвалось с губ.

Я не собиралась раскисать. Я хотела быть сильной, здравомыслящей, готовой принять любое решение Рауда как должное

и строить свою жизнь дальше – с ним или без него. Вот только...

Он, может, и не влюблен, но я-то, я... когда успела?

В груди было тесно и горячо, глаза предательски щипало. Душа впитывала каждое его слово, как сухая земля дождь, и каждому верила, но в то же время боялась верить. Это слишком хорошо, так не бывает!

– И что за кошка! – подтвердил Рауд серьезно. – У тебя есть сердце, и совесть, и отвага. Ты умеешь понимать и верить. И делать то, что считаешь правильным, несмотря ни на что. Все прочее можно наверстать. У тебя... у нас для этого целая жизнь.

– Я кошка, оборотень, – повторила я. Надо было сказать об этом, как есть. – Ты сам знаешь, что нас не любят. И я простолюдинка. Тебя всегда будут попрекать мной.

– Пускай! – рассердился он, крепче сжав мои ладони. – Если я чему-то научился за эти полгода, так это тому, что не стоит оглядываться на мнение никчемных людей. Главное, быть в мире с собой и не предавать тех, кто для тебя важен. Кошка, у тебя есть друзья при дворе, тебе обязаны принц и принцесса соседних держав. И наши король с его будущей королевой тоже. Уж я позабочусь, чтобы они об этом не забыли! Пусть половина придворных шипит у тебя за спиной, вторая половина будет искать твоей благосклонности. А я всегда буду гордиться тобой.

Рауд перевел дух.

– Карин, все это неважно. Если я тебе не по сердцу, если ты хочешь для себя другой жизни, не бойся, я тебя отпущу. Но если ты хоть что-то ко мне чувствуешь, позволь доказать, что наш брак не ошибка...

Он говорил и медленно наклонялся ко мне. А я смотрела на его белую голову, на глаза-сапфиры, на заалевшее от волнения лицо.

– Рауд, ты теперь всегда будешь такими... снежным?

Он остановился и растерянно моргнул.

– Только зимой. А какой я летом, ты видела.

Ледяная синева растаяла, и на меня снова взглянул тот Рауд, что когда-то пригрел у сердца бесприютную кошку.

– Твои глаза... летние... они как у кота.

Последние слова я произнесла шепотом, а потом его губы коснулись моих. Теплые, мягкие, осторожные. Он отстранился, дотронулся пальцами до моей щеки и снова поцеловал – нежно и

волнующе. Я зажмурилась, чувствуя себя котенком в ласковых руках, и душа отозвалась звонким: мр-р-р, мр-р-р. По жилам бежало лето, горячее и сладкое, как чай с именинным тортом, как фейерверк, как сбывшийся сон.

Мы остановились одновременно и замерли, глядя друг на друга. Казалось, в целом мире не было больше ничего, на что хотелось бы смотреть.

– Я сказал неправду, Карин, – прошептал он. – Я люблю тебя.

Наверное, таким бывает солнечный удар.

Мне стало головокружительно жарко, и я сама потянулась к Рауду...

В этот момент от входа в гостиную раздался стук.

Дверь была открыта – стучали в притолоку. На пороге стоял господин Слефсон: сюртук под горло, пепельные волосы, лицо снежной статуи.

– Прошу прощения... Господин, госпожа, – управляющий задержал на мне непроницаемый взгляд. – Прибыли две дамы, они утверждают, что являются матерью и сестрой вашего сиятельства. Я взял на себя смелость пригласить их в малую приемную. Какие будут распоряжения? Вы примете их?

Через минуту мы с Раудом уже спешили по широким белым коридорам. В груди бурлило волнение. Мама! Майра! За последними событиями я мало о них думала. А теперь... поняла, что рада! Старая горечь растворилась в прошлом вместе со всей моей прежней жизнью.

Они сидели на низком угловом диване, обитом горчичным плюшем, обе в темных шерстяных платьях, удобных в дороге. Чай и пирожные на столике стояли нетрону- тыми.

Два удара сердца, и мама стиснула меня в объятиях, я даже опомниться не успела.

– Карин! Светлые боги... Карин, ты цела! С тобой все хорошо, ты здорова? – она обшарила мое лицо лихорадочным взглядом, не выпуская из объятий. – Карин, ты здесь по своей воле?

– Конечно, мама...

Я так удивилась, что даже замешкалась с ответом. Неужели она думает, что меня удерживают силой?

– Я так беспокоилась о тебе!

Мама вдруг опомнилась и с опаской посмотрела на замершего в дверях Рауда.

Наверное, ей было ужасно неуютно в этом огромном снежном дворце, созданном древней магией.

– Мама, познакомься. Граф Рауд Даниш-Фрост... мой муж.

Я поймала его взгляд – теплый сквозь ледяную синеву, и губы невольно сложились в улыбку.

Я только что целовалась с ним, как целуются муж с женой. И еще буду целоваться. И не только целоваться... От этой мысли по коже пробежала горячая щекотка предвкушения.

Рауд шагнул в комнату. Майра вскочила, и они с мамой присели, почтительно склонив головы. Чему-чему, а реверансам в свеянской женской гимназии учат хорошо.

– Ваше сиятельство...

Рауд подошел к маме и поднял ее.

– Прошу вас, сударыня. Какие церемонии между родственниками?

Мама смущенно отступила.

Она выглядела такой измученной, что меня накрыло стыдом и жалостью.

Надо было написать! Сообщить, что у меня все прекрасно.

– Карин, – мама покосилась на Рауда и снова повернулась ко мне. – Я была плохой матерью, но я любила тебя и люблю! Я никогда, никогда не привела бы к тебе секача без твоего согласия!

Она оглянулась на Майру и грозно свела брови.

Сестра, неловко мявшаяся у дивана, сделала шагок вперед. Пробормотала:

– Карин, я не хотела, – и потупилась.

Что с ней такое, откуда эта робость?

Не могла же она?..

События полуторамесячной давности воскресали в памяти с трудом, будто давний сон. Наша кухня, озаренный солнцем двор, слова Майры о маме и секаче.

Я поверила ей безоговорочно. Не было причин не верить...

– Майра! – мамин голос стегнул кнутом.

Сестра вздрогнула, быстро взглянула на меня и зачастила:

– Да, я завидовала! Тебе досталось все – и красота, и первородство. У тебя было столько женихов, а ты крутила носом, все

тебе были нехороши!..

Она задохнулась, сжав кулаки, и вдруг всхлипнула:

– Мама не ходила к Дакху, это был обман... Карин, я не хотела ничего плохого, честно! Я просто подумала: если ты останешься кошкой, не навсегда, на время, мама переписет ателье на меня, я стану завидной невестой, выйду за Орма или за кого-нибудь еще... А ты пойдешь к Вере, и вы придумаете, как тебе снова стать человеком. Я бы тебе потом написала, когда можно вернуться... Я правда не хотела тебе зла, это все Орм. Он пошел в храм Дакха и послал за тобой секача – на самом деле! Он зарезал тех куриц! Я даже не сразу узнала... Прости меня, Карин, прости, пожа- луйста!

Майра разревелась.

Она рыдала, не вытирая слез и громко шмыгая носом. А я смотрела на ее искаженное лицо, красное, мокрое, жалкое, и не находила в себе злости.

Наверное, стоило прогнать ее и забыть, что у меня есть сестра.

Но сегодня я была счастлива!

И этим счастьем – вот смешная мысль – я обязана Майре и ее подлому поступку.

Да и какая теперь разница, что случилось в той, другой жизни?

– Я прощу тебя, – на душе было удивительно легко. – Но при одном условии. Не бойся, я не претендую на ателье. И в Свеянск не вернусь. Я хочу, чтобы вы с мамой взяли к себе ученицей одну девочку. Если она пожелает, конечно. Ее зовут Вилья, и ей пришлось несладко.

Куда хуже, чем мне, что тут говорить.

– Вы теперь вдвоем, вам будет не хватать рук. А Вилья очень старательная. Будьте к ней добры.

Я хотела сказать, что прослежу, но решила, что это лишнее. Я прослежу и так.

Рауд отошел в сторонку, а когда мы с мамой сели на диван – Майра пристроилась с краешка, – покинул комнату. Однако я почувствовала, что он рядом, готов поддержать, если потребуется.

– Карин, – сказала мама, – у нас есть еще одна родственница. Я тебе о ней не говорила. Мне казалось, что дурного влияния бабушки и деда Полкана и так довольно, – она покаянно вздохнула. – Я была неправа и хочу, чтобы ты с ней познакомилась. Она отказалась прийти

сюда в человеческом обличье. Но будет ждать тебя ночью. Не бойся. Тетка Фрейя многому может тебя научить...

Позже тем же вечером я спросила Рауда:

– Как ты думаешь, мое кошачье тело так навсегда и останется телом снежной кошки?

Он улыбнулся:

– Почти уверен, что летом ты станешь такой, как была раньше. Черной, верно? Очень хочу на это посмотреть. Но я и по белой соскучился, – Рауд коснулся губами моих волос. – Только не оборачивайся сейчас. Побудь со мной человеком, Кошка Карин.

Я опустила голову ему на плечо.

Было так хорошо стоять обнявшись, чувствовать его дыхание на щеке и знать, что между нами наконец все ясно. Может, это шутка богов, но, кажется, в глубине души я выбрала его с самого начала, в то мгновение, когда очнулась от снежного беспамятства у него за пазухой. Сейчас мне было так же уютно, тепло и надежно и не хотелось размыкать рук.

Хотя я тоже соскучилась по своему звериному облику и по свободе, которую он дает. Я не становилась кошкой с самой Ночи Всех Богов. Было страшно – вдруг опять не смогу вернуться в человеческое тело?

Но Рауд назвал меня смелой... А еще было очень любопытно познакомиться с новой родственницей. Подумать только, у меня есть двоюродная бабушка-оборотень!

Когда замок уснул, я вышла на балкон. Ветра не было. За облаками светила луна, наполняя темное небо таинственным мерцанием и серебря стены Белого замка.

Ночь. Пора Тьмы и Тайны. Время, когда Небыль ближе всего.

Мир за гранью яви откликнулся мгновенно. Вдохнул меня, поглотил, заставив сознание померкнуть на секунду, а потом...

Все вокруг ожило, заблестело, зазвенело. Снега пели приветственную песнь, в небе роились феи. Мороз, легкий и ласковый, как солнце весной, рисовал в воздухе призрачные узоры, невидимые для людей, и бледный шлейф одеяний самой Нежи плыл высоко в звездной дали.

Я вскочила на перила и прошлась вдоль изогнутых ледяных зубцов, глядя на башни западного крыла глазами кошки.

Какие крыши! Сколько широких карнизов, удобных откосов, пологих скатов, манящих ниш, укромных уголков и загадочных ходов, которые надо исследовать.

Но не сейчас...

Она сидела на выступе, соединяющем балкон с башенкой, украшенной фигурами ледяных зверей – седая рысь с желто-золотыми глазами в лунных бликах.

«Что, внучка, не будешь больше прятаться?»

Спросила и улыбнулась, как умеют улыбаться только кошки – пушисто, щеками и усами.

Мы перебрались на парапет вокруг башенки, оттуда спустились на крышу внешней галереи, идущей вдоль стены. С этой галереи было несколько подъемов на открытую площадку, соединенную подвесным переходом с тем самым западным крылом, которое я только что рассматривала.

«Куда это ты наострилась? Не думай, что старая рысь будет лазить с тобой по крышам!»

Моя новая родственница, велевшая звать ее просто Фрейей, поманила меня к колонне, покрытой богатой резьбой. По ней можно было без труда спуститься на землю.

«Посмотри, какой парк, какие роскошные деревья!»

Деревья и впрямь были хороши. Многие не уступали дубу в бальном зале Летнего дворца, только вместо зелени их могучие ветви были опущены снегом.

«Идем, маленькая белая кошка! Я научу тебя искать мышиные норы и выслеживать белок, – рысь ловко взлетела на дерево и уселась в развилке толстого ствола. – А потом я приду учить твоих котят».

Мне стало весело и жарко. Я засмеялась:

«Рано об этом говорить!»

Фрейя хмыкнула в ответ:

«А вот через год поглядим».

Может быть, когда-нибудь я и правда напишу книгу о своих приключениях.

В ней будет рассказ о том, как однажды сын булочника Орм Верцель встретил в лесу большую рысь со страшными желтыми глазами. Бедняге посчастливилось убежать, но домой он явился в мокрых штанах. После этого Орм стал очень пуглив. Вздрагивал от стука в дверь, от скрипа оконной рамы, от громких голосов, и всякий раз с ним приключалась одна и та же неприятность. Вскоре он перестал выходить из дома, иначе штанов не напасешься, и лишь года через полтора вернулся к более-менее нормальной жизни. Жену себе Орм так и не нашел – девушки только потешались над ним.

Еще я напишу, что мать и сын Хьяри после долгого расследования наконец получили по заслугам. Альрик и Эмелона поженились, а Ригония, Вайнор и Эйлан заключили трехсторонний мир на мече. На приграничных Спорных землях, по согласию короля Бертольда и короля Альгредо, было создано отдельное княжество. Его соправителями стали Камелия и Фьюго. Герцог Клогг-Скрапп и Гелеона тоже в конце концов обвенчались и живут попеременно то в Ригонии, то в Вайноре.

Графиня Далия Даниш, услышав о событиях в Альготте, достала из саквояжа письма мужа, которые возила с собой не вскрывая, и наконец прочла их, после чего впустила Дагруна Даниша в свои сны. О чем они говорили, неизвестно. Но, ненадолго завернув в Даниш-хуз, чтобы повидать Рауда, графиня уехала на остров Сновидцев.

Младший Даниш тоже в Ригонии не задержался. Ему понравилось путешествовать, а делать это веселее без материнского надзора. Услышав, что академия наук собирает большую экспедицию в Южную Землю, Карстен Даниш присоединился к ученым и глубоко во влажных лесах обнаружил покинутый город, подозрительно похожий на древние храмы и дворцы Ригонии.

Майра в конце концов вышла замуж за пожилого торговца рыбой и поселилась с ним в Искарьинске. Ателье досталось Вилье и маминой племяннице из Дункаля. А мама неожиданно для всех тоже обрела свое счастье. На свадьбе Майры ей встретился оборотень-медведь, с которым она была знакома в детстве и о котором, само собой, никогда никому не рассказывала. Они поженились и уехали на западное побережье в живописный приморский городок.

Пожалуй, напишу я и о причудах графской жизни. К примеру, о том, что у меня появилось пристрастие – придумывать и шить

кукольную одежду, сперва просто для души, потом на продажу. Но супруге Белого Графа не подобает зарабатывать рукоделием. По крайней мере, под своим именем. Так что куклы госпожи Свон из новой серии «Времена года» будут щеголять в нарядах от Беллы Снежной, любимой кукольной модистки королевы-бабушки – с ее легкой руки меня засыплют заказами на год вперед. Между тем открыть ремесленную школу-пансион для сирот вроде Вильки графине как раз по чину и ни капли не зазорно лично наставлять девочек в премудростях кройки и шитья.

Школьный двор от снега я тоже буду чистить сама. И не замечу, как это станет у меня получаться. Потихоньку научусь у Рауда прокладывать санные пути, управлять снегопадами...

Но это все потом, потом – в будущем!

А пока...

Рауд не возражал против моей ночной прогулки. Он не собирался мне ничего запрещать, не хотел ни в чем ограничивать. Кошке нужна свобода! Но я знала, что он тревожится. Надо будет познакомить его с моей новой бабушкой...

«Догоняй, внучка!» – прозвенело в голове.

Мы с Фрейей вспугнули снежного зайца, и старая рысь погналась за ним с азартом котенка. Она еще никогда не охотилась на снежных тварей.

А я оглянулась на замок и легко нашла взглядом окно в угловой комнате на верхнем этаже. Там светился теплый огонек.

Белый Граф ждал свою кошку.

КОНЕЦ.

---

notes

Примечания

1

Домашнее женское платье, разновидность домашнего халата, пеньюара, XIX век.